

И-10.
P-139

О П

РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО

И

ПАНТЕОНЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго.

1843.

8669
79115
79116
6998

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА
ТЕАТР ДРАМЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РЕПЕРТУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ.

=

ЗЕРКАЛО СОВРЕМЕННЫХЪ ТЕАТРОВЪ, РУССКАГО И ПИОСТРАН-
НЫХЪ.

Издание В. Межсочна и М. Песоцкаго.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

=

КНИЖКА ОСЬМАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

КНИЖКА ОСЬМАЯ.

- I. ТРОИЛЪ И КРЕССИДА. Драма Шекспира. Перев. съ Англійскаго (4-е и 5-е дѣйствіе)
- II. СОНЪ ПАНКРАТЬЕВНЫ. Народныя сцены. *****.
- III. МУЗЫКА. Музыкальныя замѣтки. *Статья третья.* (О началахъ и поэтическомъ въ музыкѣ.—Педрасудки людей, незнакомыхъ съ искусствомъ, и музыкантовъ ученыхъ.—Нѣчто объ инструментовкѣ.—Странности композиторовъ). С. К.
- IV. ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ. Романъ Е. Сю. Перев. В. М. Строева. Часть четвертая.
- V. СТИХОТВОРЕНІЯ. 50 лѣтъ (подражаніе Беранже). Д. Т. Ленскаго. — Русская пѣсня. Н. Цыганова.
- VI. СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ АКТЕРЫ. № 1. (Провъ Михайловичъ Садовскій.) В. Межсевича.
- VII. ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССИИ. § 13. Харьковскій театръ. Н. Беклемішева. — § 14. Саратовскій театръ.
- VIII. СМѢСЬ. Россіи въ Парижѣ. — Невинныя злодѣи. — Землякъ Гаррика. — Массивный букетъ. — Торжество Фанни Эльслеръ. — Саккини и его мастерское произведеніе. — Анекдоты и мелочи.
- IX. ХРОНИКА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ. (Юль). Парижскіе театры. — Вѣнскіе театры. — Разныя извѣстія.
- X. ФЕЛЬЕТОНЪ.

КЪ ЭТОЙ КНИЖКѢ ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ ТЕАТРОВЪ П. М. САДОВСКАГО.

ТРОИЛЬ и КРЕССИДА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧ. ШЕКСПИРА.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Троя. Улица.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ съ одной стороны Эней и слуги съ факелами, съ другой Парисъ, Деифобъ, Антеноръ, Диомедъ и другіе, тоже съ факелами.

Парисъ. Посмотри-ка! Чтѣ это тамъ?

Деифобъ. Это Эней.

Эней. Неужели ужъ здѣсь Принцъ? — Еслибы у меня была такая причина спать долго, какъ у тебя, Принцъ Парисъ, то развѣ одно небесное занятіе подняло-бы меня съ ложа моей подруги.

Диомедъ. И я также думаю. Съ добрымъ утромъ Эней.

Парисъ. Эней, возьми его руку; — это храбрый Грекъ, свидѣтельствомъ чему служатъ твои собственные слова: ты рассказывалъ, какъ Диомедъ, въ продолженіе цѣлой недѣли, каждый день преслѣдовалъ тебя въ битвѣ.

Эней. Храбрый мужъ, желаю тебѣ быть здоровымъ во все продолженіе перемирія; когда-же встрѣчу я тебя вооруженнымъ, то пожелаю тебѣ такой ужасной смерти, какую только можетъ представить воображеніе, или нанести храбрость.

Диомедъ. Принимаю то и другое. Теперь кровь наша спокойна, и потому теперь и я желаю тебѣ здоровья; но когда наступитъ брань и будетъ случай, то, клянусь Юпи-

теромъ, я буду охотиться за твоею жизнію, нисколько не жалѣя силъ, съ неутомимостію и хитростію.

эней. Такъ ты будешь охотиться за львомъ, который побѣжить, оборотивши лицо назадъ. — Мы рады твоему прибытію въ Трою; клянусь жизнію Анхиза, рады. Клянусь ручкою Венеры, никто столько не любитъ того, кого думаетъ убить, какъ я тебя.

диомедь. Я согласенъ съ тобою. — Юпитеръ, пусть Эней будетъ живъ въ продолженіе тысячи полныхъ оборотовъ солнца, если только смерть его не будетъ нужна для славы моего меча! Но для моей чести пусть онъ умретъ, раненный въ каждый членъ, и завтра-же.

эней. Мы знаемъ другъ-друга хорошо.

диомедь. Да, и хотимъ того, чтобы одинъ не узналъ другаго.

парисъ. Это самое учтивое неприятельское привѣтствіе, благородная и ненавидящая любовь, о какой только слыхалъ я. Что за дѣло, Эней, привело тебя сюда столь рано?

эней. Меня позвали къ Царю, но зачѣмъ — не знаю.

парисъ. Вотъ его воля: онъ хотѣлъ, чтобы ты проводилъ этого Грека въ домъ Калхаса и тамъ отдалъ ему прелестную Крессиду, вмѣсто освобожденнаго Антенора. Пойдемъ съ нами, или не угодно-ли идти впереди насъ. Я думаю, или лучше не думаю, а вѣрно знаю, что братъ Троилъ остался тамъ ночевать; разбуди его, скажи, что мы идемъ за тобою, и зачѣмъ. Боюсь, что намъ не будутъ рады.

эней. Ручаюсь въ этомъ. Троилъ скорѣе согласился-бы на то, чтобы Трою перенесли въ Грецію, чѣмъ Крессиду отпустили изъ Трои.

парисъ. Этому нельзя помочь. Нынѣшнія обстоятельства требуютъ того. Впередъ Эней, — мы пойдемъ за тобою.

эней. Прощайте. *(Уходитъ.)*

парисъ. Скажи мнѣ, благородный Диомедъ, — скажи мнѣ правду, какъ-бы своему другу: кто, по вашему мнѣнію, больше имѣетъ правъ на прелестную Елену, — онъ или я?

диомедь. Оба равно: онъ имѣеть право на нее потому, что, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ея безчестіе, старается достать ее, терпя адскія муки и терзая бѣдствіями цѣлый міръ; а также и ты, потому—что держишь ее и защищаешь, не гнушаясь ея безчестіемъ, отказываясь отъ дорогаго спокойствія и губя столько друзей. Онъ, точно настоящій роконосецъ, хочетъ выпить всѣ отсадки и дрожжи, отстоявшіяся на днѣ сосуда; а ты, какъ развратникъ, хочешь имѣть наслѣдниковъ отъ распутной женщины.... Права того и другаго равны, вѣсятъ ни больше, ни меньше; но кто держитъ ее, тотъ тяжелѣе для ней.

Парисъ. Ты слишкомъ жестокъ въ отношеніи къ своей соотечественницѣ.

диомедь. Она жестока для своего отечества. Послушай меня, Парисъ—за каждую каплю крови, текущую въ ея преступныхъ жилахъ, пала греческая жизнь, за каждый скрупуль ея преступнаго тѣла убитъ Троянецъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ только она стала говорить, она еще не сказала столько хорошихъ словъ, сколько за нее потерпѣло смерть Грековъ и Троянцевъ.

Парисъ. Любезный Диомедь, ты похожъ на купца, который никогда не хвалитъ того, что думаетъ купить; но мы хорошо знаемъ ея цѣну, и не станемъ хвалить того, что намъ нужно. Намъ нужно идти вотъ сюда. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тамъ-же. Дворъ предъ домою Пандара. Входятъ Троиля и Крессиды.

Троиля. Милая, не безпокойся; утро холодно.

Крессиды. Такъ я позову сюда дядюшку, мой милый; онъ отпереть тебѣ ворота.

Троиля. Не безпокой его; ступай на постель, на постель; закрой эти очаровательные глазки и спи спокойно, какъ дитя, незанятое никакою мыслію.

Крессиды. Желаю тебѣ добраго утра.

Троиля. Сдѣлай милость, поди спать.

КРЕССИДА. Ужели тебѣ наскучило быть со мной?

ТРОИЛЪ. О, Крессида, еслибы только ясный день, пробужденный жаворонкомъ, не поднялъ праздныхъ воронъ, и сонная ночь еще скрывала-бы подъ своимъ покровомъ наши наслаженія, то я не оставилъ-бы тебя.

КРЕССИДА. Ночь была очень коротка.

ТРОИЛЪ. Проклятая вѣдьма! Во время ужасныхъ бѣдствій она тянется медленно, какъ адское мученіе; а отъ наслаженій любви летитъ на крыльяхъ мгновенно, какъ мысль.—Ты простудишься и станешь бранить меня.

КРЕССИДА. Сдѣлай милость, побудь со мною. Вы, мужчины никогда не останавливаетесь на одномъ. О, глупенькая Крессида! Еслибы я не отдалась тебѣ, такъ ты остался-бъ при мнѣ. Тсъ! еще кто-то всталъ.

ПАНДАРЪ, за сценой. Какъ, неужели всѣ двери отворены?

ТРОИЛЪ. Это твой дядя. *(Входитъ Пандаръ).*

КРЕССИДА. Ну его! Теперь онъ станетъ смѣяться; у меня будетъ такая жизнь....

ПАНДАРЪ. Чтѣ такое, чтѣ? Здорова-ли твоя невинность? Эй, дѣвица! гдѣ моя племянница Крессида?

КРЕССИДА. Поди ты, негодный, насмѣшливый дядюшка! Самъ меня довелъ до этого, а теперь смѣешься надо мною.

ПАНДАРЪ. Довелъ до этого? довелъ до этого? Вели ей сказать до чего? до чего я довелъ ее?

КРЕССИДА. Ну, ну, негодный дядюшка! Ты и самъ никогда не будешь честнымъ человѣкомъ и не терпишь, чтобы другіе были честные люди.

ПАНДАРЪ. Ха, ха! о, бѣдненькая! о глупенькая! Или ты не спала ночью? Неужели этотъ негодный человѣкъ не далъ тебѣ соснуть? Бѣсъ-бы побралъ его! *(Стукъ.)*

КРЕССИДА. Не говорила-ли я тебѣ? О, если-бы ударили ему въ голову! — Кто это у дверей? Любезный дядюшка, поди посмотри. Милый мой, войди олять ко мнѣ въ комнату. Ты улыбаешься, ты смѣешься надо мною, какъ будто я думаю о чемъ худомъ.

троилъ. А! а!
крессида. Нѣтъ, ты ошибся; я вовсе не думаю объ этомъ. Кто такъ рано стучится? Прошу тебя, (Стукъ) войди; я за половину Трои не соглашусь на то, чтобы тебя увидѣли здѣсь. (Троилъ и Крессида уходятъ).

пандаръ, *подходя къ двери*. Кто тамъ? Чтѣ такое? Ужъ не хочешь-ли разломать ворота? Чтѣ? Чтѣ такое?

(*Входитъ Эней*.)

эней. Съ добрымъ утромъ, Пандаръ, съ добрымъ утромъ.

пандаръ. Кто тутъ? Господинъ Эней! Клянусь, я не узналъ тебя. Съ какими новостями такъ рано?

эней. Здѣсь-ли Принцъ Троилъ?

пандаръ. Здѣсь? Чтѣ ему дѣлать здѣсь?

эней. Полно, онъ здѣсь, не скрывайся. Ему чрезвычайно нужно поговорить со мною.

пандаръ. Ты говоришь, онъ здѣсь? Я право не знаю этого, я самъ недавно воротился домой. Чтѣ ему здѣсь дѣлать?

эней. Ему! Ну, ну, полноте, полно; ты повредишь ему, если скроешь его, и останешься вѣренъ ему, сдѣлавшись невѣрнымъ. Пожалуй не знай, что онъ здѣсь, только приведи его сюда; ступай.

(*Въ то время, какъ Пандаръ выходитъ, входитъ Троилъ*).

троилъ. Ну, чтѣ такое?

эней. Принцъ, у меня едва есть время привѣтствовать тебя, такъ важно мое дѣло для тебя. Недалеко отсюда твой братъ Парисъ и Деифобъ, Грекъ Диомедъ и нашъ Антеноръ, возвращенный намъ; за него немедленно, прежде перваго жертвоприношенія, сей-часъ-же, мы должны отдать въ руки Диомеда Крессида.

троилъ. Такъ рѣшено?

эней. Пріагомъ и общимъ совѣтомъ Трои. Они ужъ почти здѣсь и готовы исполнить рѣшеніе.

троилъ. Какъ смѣется надо мною счастье! Пойду на встрѣчу къ нимъ. Эней, скажи имъ, что я встрѣтился съ тобою случайно, что ты не нашелъ меня здѣсь.

эней. Хорошо, хорошо, Принцъ; тайны природы не молчаливѣе меня. *(Троиль и Эней уходятъ.)*

пандаръ. Возможно-ли! Только найдено, и ужъ потеряно! Чортъ возми Антенора! Молодой Принцъ сойдетъ съ ума. Проказа-бы схватила Антенора! Чтобы имъ сломать ему шею. *(Входитъ Крессида.)*

крессида. Что такое? Что такое? Кто здѣсь былъ?

пандаръ. Ахъ, ахъ!

крессида. О чемъ вздыхаешь ты такъ глубоко? Гдѣ мой милый? Любезный дялюшка, скажи мнѣ, что такое?

пандаръ. Я-бы съ охотою закопался въ землю столь-же глубоко, какъ теперь стою надъ ней.

крессида. О боги, что такое?

пандаръ. Сдѣлай милость, ступай къ себѣ въ комнату. О, еслибы ты не родилась! Я зналъ, что ты будешь причиною его смерти. О бѣдный Принцъ! Зараза да поразить Антенора!

крессида. Добрый дялюшка, прошу тебя, на колѣнахъ прошу тебя, скажи, что такое?

пандаръ. Ты должна удалиться, бѣдная, ты должна удалиться отсюда, тебя вымѣняли на Антенора; ты должна идти къ отцу и разлучиться съ Троиломъ; это убьетъ его, это будетъ ядомъ для него; онъ не вынесетъ этого.

крессида. О бессмертные боги! Я не пойду.

пандаръ. Должна.

крессида. Не пойду, дялюшка. Я забыла отца, я не знаю узъ единокрівія; ни родство, ни дружба, ни кровь, ни душа, ни что такъ не близко ко мнѣ, какъ милый Троиль. О небесные боги! пусть имя Крескиды будетъ вѣнцомъ обмановъ, если она оставитъ Троила. Время, насиліе и смерть пусть дѣлаютъ все, что могутъ сдѣлать этому тѣлу, но моя любовь останется неизмѣнна, постоянна, подобно центру земному. Я уйду и стану плакать.

пандаръ. Плачь, плачь.

крессида. Разорвитесь мои шелковистые волосы и постройтесь блѣдностію мои розовыя щеки, звучи вздохами мой свѣтлый голосъ, разорвись мое сердце со звукомъ — Троиль! Я не пойду изъ Трои. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНИЕ III.

Тамъ-же, предъ домомъ Пандара. Входятъ Парисъ, Троицъ, Эней, Деифобъ, Антиноръ, и Диомедъ.

Парисъ. Ужъ ясное утро, и часъ, опредѣленный для того, чтобы выдать ее этому храброму Греку, почти наступаетъ. — Любезный братъ Троицъ, скажи Крессидѣ, что она должна дѣлать и поторопи ее.

Троицъ. Войдите къ ней въ домъ; я сей-часъ приведу ее къ Греку; и когда я буду передавать ее въ его руки, то представь ихъ алтаремъ, а твоего брата жрецомъ, приносящимъ въ жертву свое сердце на этомъ алтарѣ.

Парисъ. Мнѣ ужъ знакома любовь; я отъ души хотѣлъ бы помочь тебѣ, какъ теперь сожалею. Не угодно-ли, господу, войти. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тамъ-же. Комната въ Пандаровомъ домѣ.

Пандаръ. Успокойся, успокойся.

Крессиди. Къ чему ты говоришь о спокойствіи? Печаль моя велика, горька, безотраднa и столь-же ужасна, какъ та причина, которая причиняетъ ее. Какъ могу я успокоиться? Еслибы я могла умѣрить свою любовь и ослабить и охолодить ее, то могла-бы также уменьшать и печаль мою; но моя любовь не знаетъ никакихъ средствъ охладить себя, а также и печаль о такой драгоценной потерѣ. (*Входитъ Троицъ*).

Пандаръ. Вотъ, вотъ, вотъ онъ идетъ. Ахъ нѣжные голубки!

Крессиди. О Троицъ, Троицъ! (*Обнималъ его*).

Пандаръ. Какое зрѣлище! Дайте мнѣ обнять васъ. О сердце! — Какъ хорошо поется:

О сердце, сердце безутѣшно,

Зачѣмъ такъ часто ты вздыхаешь?

И потому оно отвѣчаетъ:

За тѣмъ, что ты тоски, другъ нѣжной,

Участію друга не вѣряешь.

Еще не бывало вѣрнѣе этихъ стиховъ, ничего не нужно выпускать изъ нихъ;—почему знать, можетъ-быть намъ понадобится такой стишокъ; увидимъ, увидимъ. Ну, что мои ягнечки?

троилъ. Крессида! я питаю къ тебѣ столь сильную и чистую любовь, что сами боги, какъ-будто разсердившись на мою страсть къ тебѣ, которая выше того благоговѣнія, какое холодныя уста возсылаютъ ихъ божественности, отнимаютъ тебя у меня.

крессида. Неужели у боговъ есть зависть?

пандаръ. Да, да, да, да, очевидно.

крессида. И это правда, что я должна удалиться изъ Трои?

троилъ. Ненавистная правда.

крессида. Какъ, и отъ Троила тоже?

троилъ. И изъ Трои и отъ Троила.

крессида. Возможно-ли?

троилъ. И тотчасъ-же. Жестокость рока не даетъ намъ даже времени на прощанье, грубо отказываетъ въ малѣйшемъ замедленіи, упорно противится тому, чтобы слились наши уста, не даетъ намъ заключить другъ-друга въ крѣпкія объятія, подавляетъ клятвы наши въ самыхъ болѣзняхъ рожденія; мы столькими тысячами вздоховъ купили другъ-друга и теперь должны продать самихъ себя и дешево и чрезвычайно скоро, и притомъ въ обменъ одного человѣка. Ужасное время, съ быстротою вора, складываетъ небрежно свою богатую добычу; прощанія, безчисленныя какъ звѣзды небесныя, сопровождаемыя словами и запечатлѣваемыя поцѣлуями, обращаетъ въ пустое прости и разлучаетъ насъ послѣ одного легкаго поцѣлуя, испорченнаго горечью текущихъ слезъ.

эней, за сценой. Принцъ, готова-ли Крессида?

троилъ. Ну! тебя зовутъ. Думаютъ, что ангелъ говорить: *ступай!* тому, кто вскорѣ долженъ умереть. Прикажи имъ подождать; она сей-часъ придетъ.

пандаръ. Гдѣ мои слезы? Теките, слезы, чтобы укротить этотъ вихрь, или мое сердце вырвать съ корнемъ.
(Уходитъ).

КРЕССИДА. Итакъ я должна идти къ Грекамъ?

ТРОИЛЬ. Не иначе.

КРЕССИДА. Печальная Крессида между веселыми Греками! Когда мы снова увидимся?

ТРОИЛЬ. Послушай, милая, будь только ты вѣрна....

КРЕССИДА. Вѣрна! Чтó? чтó за преступная мысль у тебя?

ТРОИЛЬ. Нѣтъ, поговоримъ спокойно; вѣдь намъ нужно сей-часъ разстаться. Я не говорю: *будь вѣрна*, какъ-будто-бы боялся за тебя; нѣтъ, я брошу мою перчатку самой смерти въ доказательство, что въ твоемъ сердцѣ нѣтъ этого порока; но *будь вѣрна*, говорю я для того, чтобы дать тебѣ мое обѣщаніе: будь вѣрна и я увижу тебя.

КРЕССИДА. О милый мой, ты подвергнешься опасностямъ и безчисленнымъ и ужаснымъ! Но я буду вѣрна.

ТРОИЛЬ. Я подружусь съ опасностію. Возьми и храни этотъ шарфъ.

КРЕССИДА. А ты эту перчатку. Когда я увижу тебя?

ТРОИЛЬ. Я подкуплю греческихъ стражей, чтобы придти къ тебѣ ночью. Но будь вѣрна.

КРЕССИДА. О, небо!—опять—будь вѣрна?

ТРОИЛЬ. Послушай милая, зачѣмъ я говорю это. Греческіе юноши одарены прекрасными качествами, они влюбчивы, красивы, богаты всѣми дарами природы, очень знакомы съ искусствами и опытны. Что эта новость можетъ соблазнить тебя въ разлукѣ съ любимымъ предметомъ,—увы, родъ нѣкоторой ревности, которую, пожалуйста, называй добродѣтельнымъ грѣхомъ, заставляетъ меня бояться за тебя.

КРЕССИДА. О, небо!—Ты не любишь меня.

ТРОИЛЬ. Въ такомъ случаѣ пусть я умру какъ злодѣй! Вѣдь я сомнѣваюсь не столько въ твоей вѣрности, сколько въ своихъ достоинствахъ; я не умѣю пѣть, искусно танцовать, говорить сладко, играть въ модныя игры. Прекрасны всѣ тѣ достоинства, которыми такъ одарены Греки, но могу сказать тебѣ, что во всякой грація ихъ

кроеся смиренный злой духъ, который искушаетъ чрезвычайно обольстительно — не соблазнись.

Крессидѣ. Неужели ты думаешь, что я измѣню?

Троилъ. Нѣтъ, но иногда дѣлается то, чего мы не хотимъ; случается, что мы сами для себя становимся злыми духами, именно, когда искушеніемъ хотимъ испытать наши силы, полагаясь на ихъ измѣчивую крѣпость.

Эней, за сценой. Любезный Принцъ.

Троилъ. Ну, поцѣлуй меня и разстанемся.

Парисъ, за сценой. Братъ Троилъ!

Троилъ. Войди, любезный братъ, и веди съ собою Энея и Грека.

Крессидѣ. Милый, будешь-ли ты вѣренъ мнѣ?

Троилъ. Кто, я? Увы, это мой порокъ, мой недостатокъ. Тогда, какъ другіе хитростію стараются енискать себѣ громкую славу, я правдою своею ищу себѣ еще больше простоты. Тогда, какъ другіе поддѣльнымъ золотомъ покрываютъ свои мѣдныя короны, я хожу съ открытою головою, украшая ее своею вѣрностію и откровенностію. Не бойся за мою вѣрность; вся нравственность моего сердца — быть открытымъ и вѣрнымъ, — это его свойство.

(Входятъ Эней, Парисъ, Антеноръ, Деифобъ и Діомедъ.)

Троилъ. Здравствуй Діомедъ. Вотъ Крессидѣ, за которую вы освободили Антенора; у воротъ я передамъ тебѣ ее въ руки и по-пути еще скажу тебѣ, что такое Крессидѣ. Обходись съ нею вѣжливо. Клянусь тебѣ моею душою, если участь твоя когда-нибудь будетъ зависѣть отъ власти моего меча, то назови только Крессидѣ — и жизнь твоя безопасна, какъ Приамъ въ Иліонѣ.

Діомедъ. Прелестная Крессидѣ, побереги благодарность, которой ждешь отъ тебя Принцъ: блескъ твоихъ очей, небо твоихъ щекъ требуютъ вѣжливаго обращенія съ тобою, и ты будешь царицею Діомедѣ и станешь повелѣвать имъ совершенно.

Троилъ. Грекъ, ты обходишься со мною неучтиво, предупреждая мою просьбу къ тебѣ, похвалою Крессидѣ. Но

Грекъ, я скажу тебѣ, что она столько выше твоихъ похвалъ, что ты не стоишь назваться даже ея слугою. Я приказываю тебѣ, обходись съ нею вѣжливо; если-же не такъ, то, клянусь Плутономъ, я отрублю тебѣ голову, хотя-бы самъ великій Ахиллесъ былъ твоимъ стражемъ!

Диомедъ. Говори покойнѣе, принцъ Троиль: мой санъ и права посланника даютъ мнѣ право говорить свободно. Когда я уйду отсюда, я стану отвѣчать тебѣ, какъ мнѣ вздумается. Но знай, Принцъ, что я ничего не дѣлаю по приказанію. Нужно благоговѣть предъ ней за ея собственные достоинства. Но когда ты говоришь: сдѣлай такъ, то я смѣло и по-чести скажу—нѣтъ.

Троиль. Пойдемъ къ воротамъ.—Но знай, Диомедъ, что твоя отвага часто будетъ заставлять тебя беречь свою голову. Крессида, подай мнѣ свою руку; по дорогѣ мы поговоримъ о своихъ дѣлахъ.

(Троиль, Крессида и Диомедъ уходятъ. Слышенъ звукъ трубъ.)

Парисъ. Чу! Гекторовы трубы.

Эней. Какъ пролетѣло у насъ утро! Принцъ почтетъ меня лживымъ и неисправнымъ: вѣдь я обѣщался явиться въ поле еще прежде его.

Парисъ. Троиль виноватъ въ этомъ. Ну, пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ поле.

Денфобъ. Поспѣшимъ-же.

Эней. Да, вооружимся скорѣе, съ быстротою жениха, чтобы догнать Гектора; слава Трои сегодня зависитъ отъ него и его храбрости. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Греческій лагерь. Небольшое пространство поля обведено рѣшеткой. Входятъ вооруженный Аяксъ, Агамемнонъ, Ахиллесъ, Патроклъ, Менелай, Улиссъ, Несторъ и другіе.

Агамемнонъ. И бодръ и веселъ, ты ожидаешь битвы въ вооруженіи, своею пылкою храбростію предупреждая время. Грозный Аяксъ, прикажи трубамъ возвѣстить объ

этомъ Троѣ, и пусть они звучать такъ громко, чтобы трепещущій отъ испуга воздухъ коснулся головы твоего великаго соперника и вызвалъ его сюда.

ахисъ. Эй, трубачъ, вотъ тебѣ мой кошелекъ. Разорви свою грудь и расколи твою мѣдную трубу; дуй такъ сильно, чтобы шаровидныя щеки показались сильнѣе ярящагося Аквилона. Ну, напруги свою грудь и пусть изъ глазъ твоихъ брызжетъ кровь: ты зовешь Гектора. *(Звукъ трубы.)*

улиссъ. Труба не отвѣчаетъ.

ахиллесъ. Еще очень рано.

агамемнонь. Не Диомедъ-ли это съ дочерью Калхаса?

улиссъ. Онъ, я узнаю его по походкѣ; онъ ходитъ на пальцахъ; его отважный духъ поднимаетъ его отъ земли.

(Входятъ Диомедъ и Крессида.)

агамемнонь. Это Крессида?

диомедъ. Точно она.

агамемнонь. Прелестная Крессида, мы очень рады твоему прибытію къ Грекамъ.

несторъ. Нашъ общій вождь привѣтствуетъ тебя поцѣлуемъ.

ахиллесъ. Однако это привѣтствіе—частно: лучше было-бы, если-бы она всѣхъ вообще поцѣловала.

несторъ. Прекрасная мысль! Я начну. — Это поцѣлуй Нестора.

ахиллесъ. Я сгоню поцѣлуй старика съ твоихъ устъ, прелестная.—Ахиллесъ привѣтствуетъ тебя.

менелай. И у меня былъ когда-то предметъ для поцѣлуевъ.

патрокль. Да только теперь тебѣ нечего цѣловать. Парисъ отважно утащилъ его къ себѣ и разлучилъ тебя съ твоимъ предметомъ.

улиссъ. О Елена, убійственная горечь и предлогъ ко всѣмъ насмѣшкамъ! за нее мы теряемъ наши головы, чтобы вызолотить ему рога.

патрокль. Первый поцѣлуй Менелая, а это мой. Тебя цѣлуешь Патрокль.

МЕНЕЛАЙ. О, искусно!

ПАТРОКЛЪ. Парисъ и я всегда цѣлуемъ вмѣсто тебя.

МЕНЕЛАЙ. Я самъ хочу получить свой поцѣлуй. Прелестная, съ твоего позволенія....

КРЕССИДА. Цѣлуя меня, ты возвращаешь мнѣ или берешь?

ПАТРОКЛЪ. И беретъ и отдаетъ.

КРЕССИДА. Я побьюсь объ закладъ въ томъ, что поцѣлуй, который ты прежде взялъ, лучше того, который отдашь; поэтому, не цѣлуй меня.

МЕНЕЛАЙ. Я дамъ тебѣ прибавокъ, отдамъ три вмѣсто одного.

КРЕССИДА. Ты нерасчетливый человекъ; давай сколько взялъ, или ни одного не давай.

МЕНЕЛАЙ. Нерасчетливый человекъ! Да и каждый мужчина нерасчетливъ.

КРЕССИДА. Нѣтъ, Парисъ не таковъ; ты конечно знаешь, что ты не расчетливъ, а онъ съ тобою расчетливъ.

МЕНЕЛАЙ. Ты бьешь меня щечками по головѣ.

КРЕССИДА. Нѣтъ, клянусь тебѣ.

УЛИССЪ. Да и нейдетъ ея пальчиками бить тебя по рогамъ. Могу-ли я, прелестная, просить у тебя поцѣлуя?

КРЕССИДА. Можешь.

УЛИССЪ. Я желаю получить его.

КРЕССИДА. Такъ чтожь? — проси.

УЛИССЪ. Итакъ, ради Венеры, дай мнѣ поцѣлуй, когда Елена снова будетъ дѣвицею и будетъ принадлежать ему.

КРЕССИДА. Я въ долгу у тебя; требуй, когда придетъ время.

УЛИССЪ. Да оно никогда не придетъ, и потому поцѣлуй меня теперь-же.

ДИОМЕДЪ. Прелестная Крессидя, позволь мнѣ проводить тебя къ твоему отцу. (*Диомедъ уводитъ Крессиду.*)

НЕСТОРЪ. Веселая женщина.

УЛИССЪ. Фи, фи, ну съ нею! У ней языкъ въ глазахъ, въ щекахъ, въ устахъ; да, самая нога ея говоритъ; сла-

дострастіе выглядываетъ изъ каждаго ея члена, изъ каждаго движенія ея тѣла. О, эти очаровательницы такъ откровенны, что безъ словъ привѣтствуютъ и высказываютъ свои мысли каждому пѣлкому мужчинѣ! Считаю ихъ дешевою добычею случая и дочерьми наслажденія.

(За сценой труба.)

всѣ. Троянская труба!

агамемнонъ. Вотъ идетъ войско.

(Входятъ вооруженный Гекторъ, Эней, Троилъ и другіе Троянцы, со свитами.)

эней. Привѣтствіе всѣмъ Грекамъ! Что тому, кто одержитъ побѣду? Думаете-ли вы признать побѣдителя? Хотите-ли, чтобы противники бились до смерти, или чтобы они были разлучены военнымъ приказаніемъ? Объ этомъ велѣлъ спросить Гекторъ.

агамемнонъ. Но чего хотѣлъ-бы Гекторъ?

эней. Ему все равно; онъ покорится условіямъ.

ахиллесъ. Это прилично Гектору, но сдѣлано необдуманно, нѣсколько гордо и слишкомъ презрительно въ отношеніи къ сопернику.

эней. Если ты не Ахиллесъ, то скажи, какое твое имя?

ахиллесъ. Если не Ахиллесъ, то для меня нѣтъ имени.

эней. По этому Ахиллесъ. Но кто-бы ты ни былъ, узнай вотъ что: сила и гордость такъ соединены въ Гекторѣ, что первая безконечна, другая почти ровно ничего. Оцѣни его хорошенько, и что теперь кажется тебѣ гордостью, то будетъ вѣжливостію. Этотъ Аяксъ въ-половину Гекторовой крови: изъ любви къ нему половина Гектора остается дома; половина сердца, половина руки, половина Гектора здѣсь, чтобы отыскать ослѣпленнаго соперника, въ-половину Троянца и въ-половину Грека.

ахиллесъ. Такъ это будетъ бабій бой?—О, я понимаю тебя. *(Снова входитъ Діомедъ.)*

агамемнонъ. Вотъ и Діомедъ.—Ну, благородный витязь, стань подлѣ нашего Аякса. На какія условія ты соглашался съ Энеемъ, по тѣмъ и будетъ совершаться битва: до смерти-ли, или до перваго слова. Такъ-какъ

соперники близки другъ къ другу, то ихъ вражда уже въ половину уменьшилась, когда они еще не сдѣлали ни одного удара. *(Аяксъ и Гекторъ входятъ въ перегородку.)*

Аяксъ. Они уже стоятъ другъ противъ друга.

Агамемнонъ. Что это за Троянецъ, что смотритъ такъ печально?

Аяксъ. Это младшій сынъ Пріама, истинный воинъ. Еще не достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, и уже нѣтъ ему подобнаго: онъ вѣренъ слову, говоритъ дѣлами, но молчитъ о своихъ дѣлахъ; не скоро раздражается, но, будучи раздраженъ, не скоро успокоивается. Его сердце и рука открыты и щедры; что имѣетъ онъ, то и даетъ, что думаетъ, то и высказываетъ; но даетъ не прежде, какъ разсудокъ одобритъ его доброту. Дурныя мысли не удостоиваетъ и однимъ словомъ; мужественъ, какъ Гекторъ, но еще опаснѣе Гектора, потому—что Гекторъ въ пылу гнѣва доступенъ для нѣжныхъ чувствъ; а онъ въ пылу битвы ужаснѣе ревнивой любви. Его зовутъ Троицъ, и на него то надѣется Троя столь-же, какъ и на Гектора. Такъ говоритъ Эней, который, вѣрно, знаетъ этого юношу; такъ онъ говорилъ мнѣ о немъ наединѣ, въ великомъ Иліонѣ. *(Звукъ трубъ. Гекторъ и Аяксъ сражаются.)*

Агамемнонъ. Они вступили въ бой.

Несторъ. Ну, Аяксъ, берегись.

Троицъ. Гекторъ, ты спишь, пробудись!

Агамемнонъ. Его удары удачнѣе!—Такъ Аяксъ.

Диомедъ. Довольно. *(Трубы перестаютъ.)*

Эней. Принцы, кончите.

Аяксъ. Я еще не согрѣлся, дайте намъ еще побиться.

Диомедъ. Какъ угодно Гектору.

Гекторъ. Нѣтъ, довольно, я не хочу.—Герой, ты сынъ сестры моего отца, родной семьѣ великаго Пріама, и родственная связь запрещаетъ быть кровавой враждою между нами. Еслибы въ тебѣ кровь греческая и троянская были такъ смѣшаны, что ты могъ-бы-сказать—*вотъ эта вся рука греческая, а эта—троянская; вѣсь жилы этой ноги греческія, а этой—вѣсь троянскія; кровь моей мате-*

ри течетъ въ правой моей щекѣ, а въ лѣвой—кровь отца; то, клянусь всемогущимъ Юпитеромъ, у тебя не осталось-бы ни одного греческаго члена, на которомъ-бы мой мечъ не положилъ печати нашей вражды; но правосудные боги не хотятъ, чтобы хотя одна капля крови, занятая тобою у твоей матери, а у моей почтенной тетки, была пролита моимъ убійственнымъ мечемъ. Аякъсь, дай мнѣ обнять тебя. Клянусь Громовержцемъ; у тебя ловкая рука! Гектору пріятно, что она такъ дружески упадаетъ на него. Братъ, вся слава тебѣ!

аякъсь. Благодарю тебя, Гекторъ; ты очень учтивъ и очень щедръ на похвалы. Я пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы убить тебя и приобрести себѣ еще больше славы твоею смертію.

гекторъ. И самъ удивительный Неоптолемъ, на свѣтомъ шлемѣ котораго слава ясно начертала—*это онъ!* не осмѣлится думать приобрести себѣ славу смертію Гектора.

эней. Оба войска ждуть, что вы станете дѣлать потомъ.

гекторъ. Вотъ отвѣтъ на это: конецъ всему—дружеское объятіе. Аякъсь, прощай.

аякъсь. Еслибы моя просьба могла имѣть успѣхъ—что рѣдко бываетъ у меня,—то я желалъ-бы, чтобы мой знаменитый братъ посѣтилъ наши греческія палатки.

диомедъ. Того-же хочетъ Агамемнонъ; великій Ахиллесъ желаетъ также видѣть Гектора безъ оружія.

гекторъ. Эней, позови ко мнѣ брата Троила, и дай знать объ этомъ дружескомъ свиданіи ожидающимъ насъ Троянцамъ; прикажи имъ воротиться домой. Братъ, дай руку; я буду обѣдать съ тобою и посмотрю на вашихъ героевъ.

аякъсь. Великій Агамемнонъ идетъ на встрѣчу къ намъ.

гекторъ. Называй мнѣ по именамъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ; но что касается до Ахиллеса, то мой проницательный глазъ узнаетъ его по огромному и величественному стану.

агамемнонъ. Знаменитый герой! съ радостію привѣтствуетъ тебя тотъ, кто хотѣлъ-бы не имѣть такого вра-

га; но это не привѣтствіе, пойми меня лучше: что было и что еще будетъ, все это покрыто развалинами забвенія, и теперь вѣрность и правда, безъ всякой коварной скрытности, съ небесною искренностію и отъ чистаго сердца, привѣтствуютъ тебя, великій Гекторъ.

ГЕКТОРЪ. Благодарю тебя, великій повелитель Агамемнонъ.

АГАМЕМНОНЪ, къ Троицѣ. Знаменитый герой Трои, привѣтствую также и тебя!

МЕНЕЛАЙ. Позволь и мнѣ привѣтствовать тебя вмѣстѣ съ твоимъ братомъ. Братья герои, привѣтствую васъ!

ГЕКТОРЪ. Кому я долженъ отвѣчать?

МЕНЕЛАЙ. Благородному Менелаю.

ГЕКТОРЪ. А, это ты, государь мой? Клянусь перчаткою Марса, благодарю тебя! Не смѣйся, что употребилъ такую необыкновенную клятву; твоя quondam жена всегда клянется перчаткою Венеры. Но кланяться тебѣ она не наказывала.

МЕНЕЛАЙ. Не напоминай теперь объ ней; ея имя—непріятно для меня.

ГЕКТОРЪ. Ахъ, извини; я оскорбилъ тебя.

НЕСТОРЪ. Храбрый Троянецъ! я часто видалъ тебя, когда ты, сражаясь, пролагалъ кровавый путь между рядами греческихъ юношей; я видалъ, какъ ты, разгоряченный подобно Персею, шпорилъ своего боеваго фригійскаго коня, презирая легкую побѣду и подчиненіе враговъ, когда ты махалъ своимъ поднятымъ въ воздухъ бичомъ, не опуская его на падающихъ. Тогда я говорилъ стоящимъ подлѣ меня: *Вонъ Юпитерь, раздающій жизнь!* Я видалъ, какъ ты медлилъ и собирался съ духомъ, когда Греки окружали тебя со всѣхъ сторонъ, подобно тому, какъ бываетъ при Олимпійской борьбѣ. Все это я видалъ, но твоего лица, всегда покрытаго сталью, до сихъ поръ еще не видалъ. Я зналъ твоего дѣда и нѣкогда сражался съ нимъ; онъ былъ славный воинъ; но, клянусь великимъ Марсомъ, предводителемъ нашимъ, твой дѣдъ никогда не былъ равенъ тебѣ. Знаменитый воинъ! позволь обнять тебя и просить въ наши палатки.

эней. Это старецъ Несторъ.

гекторъ. Позволь и мнѣ обнять тебя, добрая старая хроника: ты такъ долго переходилъ у времени съ рукъ на руки.—Достопочтенный Несторъ! мнѣ пріятно обнять тебя.

несторъ. Я-бы желалъ, чтобы мои руки были подобны твоимъ въ битвѣ, какъ теперь походятъ на твои въ дружескомъ объятіи.

гекторъ. И я желаю также, чтобы они были таковы.

несторъ. А! клянусь этою сѣдою бородой, я-бы завтра-же вышелъ съ тобою на бой. Привѣтствую тебя, привѣтствую! Было время....

улиссъ. Я дивлюсь, какъ еще стоитъ этотъ городъ, когда основаніе и опора его здѣсь у насъ.

гекторъ. Я хорошо знаю, твое лицо, Улиссъ. Ахъ, сколько пало Грековъ и Троянцевъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я въ первый разъ видѣлъ тебя и Діомеда, какъ греческихъ пословъ въ Иліонѣ!

улиссъ. Принцъ, я предсказывалъ, что послѣдуетъ: мое пророчество исполнилось еще въ половину. Вонъ эти стѣны, которыя отважно выступаютъ рядами предъ нашимъ городомъ, вонъ эти башни, которыхъ великолѣпные верхи цѣлуютъ облака, должны будутъ цѣловать свои собственные подошвы.

гекторъ. Я не вѣрю этому: они все еще стоятъ; и, не хвастаясь, скажу, что паденіе каждаго фригійскаго камня, будетъ стоить капли греческой крови. Конецъ дѣло вѣнчаешь, и старый общій судія—время кончитъ все это въ одинъ день.

улиссъ. Такъ ему и предоставимъ конецъ дѣла. Благороднѣйшій и храбрѣйшій Гекторъ, привѣтствую тебя! Послѣ военачальника, я первый прошу тебя ко мнѣ отобѣдать и посѣтить мою палатку.

ахиллесъ. Улиссъ! я предупреждаю тебя. Гекторъ, теперь я насмотрѣлся на тебя; я внимательно смотрѣлъ на тебя и осматрѣлъ каждый членъ.

гекторъ. Это Ахиллесъ?

АХИЛЛЕСЪ. Я Ахиллесъ.

ГЕКТОРЪ. Постой, сдѣлай милость, дай мнѣ посмотреть на тебя.

АХИЛЛЕСЪ. Смотри сколько хочешь.

ГЕКТОРЪ. Ну, довольно.

АХИЛЛЕСЪ. Слишкомъ скоро; я погляжу на тебя еще и осмотрю каждый членъ, какъ-будто-бы хотѣлъ купить тебя.

ГЕКТОРЪ. О, ты прочтешь меня скоро, какъ забавную книгу; но во мнѣ кроется больше, чѣмъ сколько ты видишь. За-чѣмъ ты такъ пронзаешь меня своими взглядами?

АХИЛЛЕСЪ. Скажите мнѣ небеса, въ какую часть тѣла я поражу его? Тутъ, или тутъ, или здѣсь? Чтобы я могъ указать мѣсто раны, и ясно видѣть то отверѣтіе, изъ котораго выйдетъ великій духъ Гектора? Отвѣчайте мнѣ, небеса!

ГЕКТОРЪ. Тщеславный человѣкъ! Это унизило-бы великихъ боговъ, еслибы они отвѣчали на такой вопросъ. Будь остороженъ, неужели ты думаешь, что также легко отнять жизнь мою, какъ напередъ указать мѣсто, въ которое ты смертельно поразишь меня?

АХИЛЛЕСЪ. Я говорю тебѣ да.

ГЕКТОРЪ. Если-бы ты былъ оракуль и такъ говорилъ мнѣ, я и тогда не повѣрилъ-бы тебѣ. Съ-сихъ-поръ будь остороженъ, потому-что я поражу тебя не въ то или другое мѣсто, но, клянусь тебѣ наковальнею, на которой Марсъ выковалъ свой шлемъ, я поражу тебя всего, да, разрублю тебя съ ногъ до головы. Вы, благоразумные Греки, простите мнѣ такое хвастовство; его дерзость звала глупость съ моихъ устъ; но я постараюсь, чтобы мои дѣла оправдали мои слова, или я никогда....

АЯКСЪ. Не горячись братецъ, и ты, Ахиллесъ, оставь теперь угрозы, пока случай или намѣреніе не сведутъ васъ въ битвѣ. Ты всякій день можешь встрѣтить Гектора, если только есть у тебя храбрость; но я не вѣрю, чтобы общая просьба убѣдила тебя помѣряться съ нимъ.

ГЕКТОРЪ. Сдѣлай милость, повидайся со мной въ битвѣ; у насъ ничтожная война съ-тѣхъ-порѣ, какъ ты отказался отъ дѣла Грековъ.

АХИЛЛЕСЪ. Ты вызываешь меня, Гекторъ? Завтра я встрѣчусь съ тобою, ужасный, какъ смерть; а на ночь мы друзья.

ГЕКТОРЪ. Подай мнѣ руку въ знакъ дружбы.

АГАМЕМНОНЪ. Военачальники греческіе! прежде всѣхъ пойдите ко мнѣ въ палатку; тамъ мы отобѣдаемъ, а послѣ того, если у Гектора будетъ досугъ, а у васъ усердіе, то каждый изъ васъ можетъ пригласить его. Звучите барабаны, гремите трубы, чтобы достойнымъ образомъ привѣтствовать великаго воина!

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Троила и Улисса.*)

ОТРОУНЪ. Почтенный Улиссъ, прошу тебя, скажи мнѣ, гдѣ живеть Каіхастъ?

УЛИССЪ. Въ палаткѣ Менелая, Принцъ Троилъ. Сегодня съ нимъ обѣдаетъ Діомедъ; онъ нынѣ не смотритъ ни на небо, ни на землю, а всѣ взгляды и обожаніе влюбленныхъ глазъ посвящаетъ прелестной Крессидѣ.

ТРОИЛЪ. Любезный Улиссъ! не сдѣлаешь-ли ты мнѣ одолженія проводить меня туда, когда выйдемъ изъ палатки Агамемнона?

УЛИССЪ. Повелѣвай мною. Но, любезный Принцъ, скажи мнѣ, какого поведенія была Крессидѣ въ Троѣ? Нѣтъ-ли у нея любовника, который оплакиваетъ ея отсутствіе?

ТРОИЛЪ. О, Улиссъ, тотъ справедливо заслуживаетъ на смѣшку, кто показываетъ свои рубцы. Не угодно-ли тебѣ идти? Она была любима и сама любима; она любима и теперь, и любить; но очаровательная любовь всегда бываетъ пищею жестокой судьбы. (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Греческій лагерь. Передъ палаткою Ахиллеса. Входятъ Ахиллесъ и Патроклъ.

АХИЛЛЕСЪ. Нынѣшнюю ночью я разгорячу кровь его греческимъ виномъ, а завтра прохладжу ее моимъ мечомъ. Патроклъ, угостимъ его получше. (*Входитъ Оверситъ.*) Ну что ты, воплощенная зависть, неудачный блинъ природы, что новаго?

ОВЕРСИТЪ. Ну, ты картинка того, чѣмъ кажешься, идолъ глупцовъ почитателей, вотъ письмо къ тебѣ.

АХИЛЛЕСЪ. Откуда, дуракъ?

ОВЕРСИТЪ. Ну, ты ключъ глупцовъ, изъ Трои.

ПАТРОКЛЪ. Кто тебѣ въ палаткѣ?

ОВЕРСИТЪ. Приборъ хирурга, или рана паціента.

ПАТРОКЛЪ. Хорошо сказано, воплощенное отвращеніе! Но къ чему такія насмѣшки?

ОВЕРСИТЪ. Сдѣлай милость, замолчи, мальчишка; мнѣ не будетъ пользы отъ твоихъ словъ: говорятъ, что ты у Ахиллеса занимаешь мѣсто служанки.

ПАТРОКЛЪ. Служанки? Негодяй! что это значить?

ОВЕРСИТЪ. Да, ты его служанка. Чтобы тебя поразилъ ужасныя язвы юга, смертельный поносъ, грижа, простуда, ломъ въ спицѣ, летаргія, параличъ, боль глазъ, гніеніе печени, одышка въ легкихъ, гнойные нарывы, подагра, обжога рукъ, неизлѣлимая зараза въ костяхъ и морщинистые лишаи!

ПАТРОКЛЪ. Ну, ты, проклятой мѣшокъ ненависти, зачѣмъ ты такъ проклинаешь?

ОВЕРСИТЪ. Развѣ я тебя проклинаю?

ПАТРОКЛЪ. Нѣтъ, ядовитый сосудъ, презрѣнный собачій сынъ, нѣтъ!

ФЕРСИТЬ. Нѣтъ? Что-жь ты такъ отчаялся, гнилой шелковый сизокъ, зеленый тафтяный козырекъ для больныхъ глазъ, тесемка расточительнаго кошелька? Ахъ, какъ наполненъ бѣдный мѣръ такими водяными мошками, этими ничтожными созданіями природы!

ПАТРОКЛЪ. Потомъ, дуракъ?

ФЕРСИТЬ. Здѣлывче яйцо!

АХИЛЛЕСЪ. Любезный Патроклъ! Важная причина заставляетъ меня отказаться отъ великаго намѣренія вступить завтра въ битву. Вотъ письмо отъ царицы Гекубы и подарокъ отъ ея дочери, моей милой. Онѣ упрекаютъ меня и спрашиваютъ сдержать клятву, данную мной. Я не нарушу ее. Падите Греки, пади слава, честь! Идти или остаться? Клятва для меня важнѣе, я покорюсь ей. Ну, Ферситъ, помоги мнѣ украсить палатку; всю эту ночь мы пропируемъ. Пойдемъ, Патроклъ.

(Ахиллесъ и Патроклъ уходятъ.)

ФЕРСИТЬ. Еслибы у нихъ было много крови, да мало мозгу, такъ-бы имъ можно быть сумасшедшими; но когда у нихъ мозгу очень много, а крови слишкомъ мало, и они сумазбродствуютъ, то ужъ я буду лекаремъ глупцовъ. Агамемнонь, довольно честный плутъ, который любитъ перепелокъ; но у него мозгу меньше, чѣмъ сѣры въ ушахъ. А славная пародія Юпитера, его братъ, быкъ, статуя, смѣшной памятникъ рогоносцевъ, длинный рожокъ, которымъ надѣваютъ башмаки, висящій на цѣпочкѣ у братниной ноги! Чѣмъ назоветъ его острога, прошпигованная злобою, и злоба переполненная острогой чѣмъ, какъ не тѣмъ, что онъ самъ въ себѣ? Осломъ, да этого мало: онъ и осель и волъ; воломъ, да и это ничего не значить: онъ и волъ и осель; собакой, муломъ, котомъ, хорькомъ, кротомъ, ящерицей, совой, коршуномъ или сельдью безъ икры?—мнѣ все равно; но я подрался-бы съ самой судьбой, чтобы не быть Менеласомъ. Не спрашивайте меня, чѣмъ-бы я хотѣлъ быть, еслибы не былъ Ферситомъ. Нѣтъ нужды, еслибъ я былъ вошью прокаженнаго, только-бы не быть Менеласомъ. Гей-да! Черти и адъ!

(Входят Гекторъ, Троиля, Аяксъ, Агамемнонъ, Улиссъ, Несторъ, Менелай и Диомедъ, со свѣтильниками.)

АГАМЕМНОНЪ. Мы идемъ не туда, не туда.

АЯКСЪ. НѢтъ, туда; вонъ тамъ видѣнъ свѣтъ.

ГЕКТОРЪ. Я беспокою васъ.

АЯКСЪ. НѢтъ нисколько.

УЛИССЪ. Вонъ самъ онъ идетъ, чтобы проводить васъ.

(Входитъ Ахиллесъ.)

АХИЛЛЕСЪ. Здравствуй, храбрый Гекторъ; здравствуйте, Принцы!

АГАМЕМНОНЪ. Принцъ! желаю тебѣ спокойной ночи. Аяксъ прикажетъ стражѣ проводить тебя.

ГЕКТОРЪ. Благодарю, спокойной ночи и тебѣ, военачальникъ Грековъ.

МЕНЕЛАЙ. Спокойной ночи, Принцъ.

ГЕКТОРЪ. Спокойной ночи, любезный Менелай.

ФЕРСИТЬ. Любезный навозъ, любезный, сказалъ онъ, любезная помойная яма, любезная грязная лужа.

АХИЛЛЕСЪ. Спокойной ночи тѣмъ, кто идетъ отсюда, и радушное привѣтствіе тѣмъ, которые остаются.

АГАМЕМНОНЪ. Спокойной ночи.

(Агамемнонъ и Менелай уходятъ.)

АХИЛЛЕСЪ. Старый Несторъ остается, и ты Диомедъ. Побудьте съ Гекторомъ часъ или два.

ДИОМЕДЪ. Я не могу, Ахиллесъ; у меня есть важное дѣло, и теперь ужъ наступило время исполнить его. Спокойной ночи, великій Гекторъ.

ГЕКТОРЪ. Подай мнѣ руку.

УЛИССЪ, тихо Троилю. Ступай за этимъ факеломъ, онъ идетъ къ Калхасовой палаткѣ; я пойду вмѣстѣ съ тобой.

ТРОИЛЯ. Любезный Улиссъ, ты сдѣлаешь для меня одолженіе.

ГЕКТОРЪ. Итакъ, спокойной ночи.

(Диомедъ уходитъ; Улиссъ и Троиля слѣдуютъ за нимъ.)

АХИЛЛЕСЪ. Войди въ мою палатку.

(Ахиллесъ, Гекторъ, Аяксъ и Несторъ уходятъ.)

ӨЕРСИТЬ. Этотъ Діомедъ лжець самый коварной, плутъ ужасный! Когда онъ косится, я ему вѣрю тогда небольшое, какъ змѣѣ, когда она шипитъ: онъ расточаетъ слова и обѣщанія, какъ собака лай; но когда онъ исполнитъ ихъ, пусть это предскажутъ астрономы. Да и чудо будетъ, если исполнится какое нибудь его обѣщаніе; солнце станетъ брать въ заемъ у луны, когда Діомедъ сдержитъ свое слово. Я скорѣе соглашусь не видать Гектора, чѣмъ не слѣдить за нимъ, подобно собакѣ. Говорятъ, онъ держитъ у себя праздношатающагося Троянца и живетъ въ палаткѣ измѣнника Калхаса: я пойду за нимъ. Вездѣ плутовство! Всѣ развратные негодяи!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тамъ-же. Передъ палаткою Калхаса. Входитъ Діомедъ.

ДИОМЕДЪ. Эй, здѣсь-ли ты? слышишь?

КАЛХАСЪ, за сценой. Кто тутъ?

ДИОМЕДЪ. Діомедъ! Кажется Калхасъ. Гдѣ твоя дочь?

КАЛХАСЪ. Она выйдетъ къ тебѣ.

(Входятъ Троилъ и Улиссъ издали, за ними Өерситъ.)

УЛИССЪ. Станемъ такъ, чтобы не замѣтили нашего фонаря.

(Входитъ Крессида.)

ТРОИЛЬ. Крессида выходитъ къ нему.

ДИОМЕДЪ. Что моя тиранка?

КРЕССИДА. Что мой милый стражъ? Послушай одно слово. *(Шепчетъ ему.)*

ТРОИЛЬ. А, такъ фамиліярно!

УЛИССЪ. Она готова играть съ мужчиною при первомъ свиданіи.

ӨЕРСИТЬ. И всякій мужчина станетъ играть на ней тотчасъ, какъ только узнаетъ ключъ ея; она положена на ноты.

ДИОМЕДЪ. Помнишь-ли?

- КРЕССИДА. Помню-ли? Да.
- ДИОМЕДЪ. Ну, такъ исполни-же, исполни свои слова.
- ТРОИЛЪ. Что помнить ей?
- УЛИССЪ. Слушай!
- КРЕССИДА. Очаровательный Грекъ, не соблазняй меня на такую глупость.
- ТРОИЛЪ. Мошенничество!
- ДИОМЕДЪ. Ну, такъ.
- КРЕССИДА. Я скажу тебѣ нѣчто.
- ДИОМЕДЪ. Фуи, фуи! нѣтъ, не говори; ты не вѣрна слову.
- КРЕССИДА. Право, не могу. Чего ты хочешь отъ меня?
- ЕЕРСИГЪ. Искусный маневръ заставить высказать свое желаніе лѣнѣ.
- ДИОМЕДЪ. Исполнишь-ли ты то, въ чемъ клялась мнѣ?
- КРЕССИДА. Сдѣлай милость, не напоминай мнѣ о клятвѣ.
- МИЛОЙ МОЙ, прося у меня чего-нибудь другаго, только не этого.
- ДИОМЕДЪ. Покойной ночи.
- ТРОИЛЪ. Стой, терпи!
- УЛИССЪ. Что, Принцъ.
- КРЕССИДА. Диомедъ....
- ДИОМЕДЪ. Нѣтъ, нѣтъ, покойной ночи! Я ужъ больше не буду дуракомъ.
- ТРОИЛЪ. Тѣмъ лучше для тебя.
- КРЕССИДА. Послушай, одно слово на ушко.
- ТРОИЛЪ. О мученіе и безуміе!
- УЛИССЪ. Принцъ, ты встревоженъ; прошу тебя, уйдемъ отсюда, я боюсь, что отъ негодованія ты станешь говорить громко: это мѣсто опасно; ночь спокойна, будто мертвая; прошу тебя, уйдемъ.
- ТРОИЛЪ. Сдѣлай милость, стой.
- УЛИССЪ. Любезный Принцъ, уйдемъ, ты въ ужасномъ волненіи; уйдемъ Принцъ.
- ТРОИЛЪ. Сдѣлай милость, стой.
- УЛИССЪ. У тебя нѣтъ терпѣнія; пойдемъ.
- ТРОИЛЪ. Сдѣлай милость, стой; клянусь адомамъ и всѣми адскими муками, я не скажу ни слова.
- ДИОМЕДЪ. Итакъ покойной ночи.
- КРЕССИДА. Пожалуй, только не сердись.

ТРОИЛЬ. Неужели это тебя беспокоить, погибшая вѣрность?

УЛИССЪ. Что такое, Принцъ?

ТРОИЛЬ. Клянусь Юпитеромъ, я буду терпѣливъ.

КРЕССИДА. Стражъ мой! Грекъ!

ДИОМЕДЪ. Фуи, фуи! прощай; ты смѣешься надо мной.

КРЕССИДА. Право, нѣтъ; подойди еще сюда.

УЛИССЪ. Ты дрожишь, Принцъ; не хочешь-ли уйти? Тебя замѣтятъ.

ТРОИЛЬ. Она гладитъ его по щекѣ!

УЛИССЪ. Уйдемъ, уйдемъ.

ТРОИЛЬ. Нѣтъ, стой; клянусь Юпитеромъ, я не скажу ни слова: между моей волей и всѣми оскорбленіями я поставилъ стража — терпѣніе. Постой минуту.

ФЕРСИТЬ. Какъ злой духъ сладострастія щекотитъ ихъ своими пухлыми пальцами! Пылай, сладострастіе, пылай! Диомедъ. Такъ ты исполнишь?

КРЕССИДА. Исполню непременно; иначе не вѣрь мнѣ никогда.

ДИОМЕДЪ. Дай мнѣ какой-нибудь залогъ въ вѣрности этого.

КРЕССИДА. Сей-часъ принесу. *(Уходитъ.)*

УЛИССЪ. Ты покляся быть терпѣливымъ.

ТРОИЛЬ. Не бойся за меня, Улиссъ; я перестану быть самимъ-собою, не буду знать о томъ, что чувствую; я весь терпѣніе. *(Снова входитъ Крессида.)*

ФЕРСИТЬ. Вотъ и залогъ; вотъ, вотъ, вотъ!

КРЕССИДА. Диомедъ, возьми этотъ шарфъ.

ТРОИЛЬ. О красота! гдѣ твоя вѣрность?

УЛИССЪ. Принцъ....

ТРОИЛЬ. Я буду покоенъ; чрезвычайно покоенъ.

КРЕССИДА. Видишь этотъ шарфъ; посмотри на него хорошенько. Онъ любилъ меня. О, непостоянная дѣвочка! Отдай мнѣ его назадъ.

ДИОМЕДЪ. Чей онъ былъ?

КРЕССИДА. Тебѣ нѣтъ пужды знать; онъ опять у меня. Я завтра не увижусь съ тобою ночью. Сдѣлай милость, Диомедъ, не ходи больше ко мнѣ.

верситъ. Теперь она поджигаетъ его. Славно сказано, плутовка.

диомедъ. Это будетъ мое.

крессида. Что—шарфъ?

диомедъ. Да.

крессида. О, боги!—о, милый, милый, милый подарокъ! Твой господинъ теперь на своей постелѣ, думаетъ о тебѣ и обо мнѣ; и вздыхаетъ, и беретъ мою перчатку, и нѣжно цѣлуетъ ее, какъ и я тебя. — Нѣтъ, не отнимай его у меня; кто возьметъ его у меня, тотъ возьметъ и мое сердце.

диомедъ. Твое сердце ужъ мое, а этотъ шарфъ придача къ нему.

троилъ. Я поклялся быть спокойнымъ.

крессида. Нѣтъ, не отдамъ, Диомедъ, право не отдамъ; я дамъ тебѣ что-нибудь другое.

диомедъ. Я хочу его. Чей онъ былъ?

крессида. Тебѣ нѣтъ нужды знать.

диомедъ. Нѣтъ, скажи, чей онъ?

крессида. Этотъ шарфъ того, кто любилъ меня больше, чѣмъ ты станешь любить. Но теперь онъ у тебя, такъ держи его.

диомедъ. Чей онъ?—

крессида. Клянусь всѣми служительницами Діаны и ею самою, я не скажу, чей.

диомедъ. Завтра я привяжу его къ своему щему, и пусть терзается его господинъ, если онъ не осмѣлится потребовать его.

троилъ. Если-бы ты былъ злымъ духомъ и надѣлъ его на свои рога, я и тогда потребовалъ-бы его.

крессида. Хорошо, хорошо, что было, то прошло. Нѣтъ, я не сдержу своего слова.

диомедъ. Ну такъ прощай; ты никогда уже не станешь смѣяться надъ Диомедомъ.

крессида. Не ходи-же: нельзя сказать слова, ты тотчасъ и разсердишься.

диомедъ. Я не люблю такихъ глупостей.

верситъ. И я тоже не люблю глупостей, клянусь Плутономъ; но чего не любишь ты, то особенно нравится мнѣ.

диомедь. Что-жь, придти? Въ какомъ часу?

крессидѣ. Да, приходи.—О Юпитеръ!... приходи.... это мученье для меня.

диомедь. До-тѣхъ-поръ прощай.

крессидѣ. Покойной ночи. Сдѣлай милость, приходи. (*Диомедь уходитъ.*) Прощай! Одинъ мой глазъ смотритъ на тебя; но другой, вмѣстѣ съ сердцемъ, смотритъ на другаго. Ахъ, бѣдный нашъ полъ! Я замѣчаю, что женскимъ сердцемъ управляетъ глазъ; а чѣмъ управляетъ невѣрность, то и само должно быть невѣрно; оттого сердца, управляемыя глазами, исполнены невѣрностей. (*Уходитъ.*)

герситъ. Она-бы не сказала больше очевидной истины и тогда, когда-бы сказала, что она развратница.

улиссъ. Все кончено, Принцъ.

троилъ. Кончено.

улиссъ. За чѣмъ-же ты стоишь?

троилъ. Чтобы привести на память всякое слово, сказанное здѣсь. Но если я расскажу все, что дѣлали они здѣсь вмѣстѣ, то не солгу-ли, говоря истину? Въ моемъ сердцѣ все еще есть вѣра, надежда, такая твердая, что опровергаетъ свидѣтельство глазъ и ушей, и говоритъ, что эти чувства обманываютъ насъ, будучи созданы только для клеветы. Была-ли здѣсь Крессидѣ?

улиссъ. Я не заклинатель духовъ, Принцъ.

троилъ. Она не была, это вѣрно.

улиссъ. Еще вѣрнѣе, она была.

троилъ. Нѣтъ, вѣдь я не съ ума сошелъ, что говорю—нѣтъ.

улиссъ. Да и я тоже, Принцъ; Крессидѣ сей-часъ только была здѣсь.

троилъ. Не вѣрь въ женскую добродѣтель! Но вспомни, вѣдь у насъ есть матери; не давай повода ужаснымъ клеветникамъ, готовымъ безъ всякаго повода безчестить людей, не давай, говорю, повода судить обо всѣхъ женщинахъ по Крессидѣ; думай лучше, что это не Крессидѣ.

улиссъ. Что сдѣлала она, Принцъ, что можетъ безчестить нашихъ матерей.

троилъ. Совершенно ничего, если только это была не она.

ФЕРСИТЬ. Неужли онъ не вѣритъ своимъ глазамъ?

ТРОИЛЬ. Это она? Нѣтъ, это Диомедова Крессида. Если красота имѣетъ душу, то не она; если душа помнитъ клятвы, если клятвы священны, если священное пріятно богамъ, если въ единствѣ есть порядокъ, то это не она. О, сумазбродное доказательство! оно справедливо и противорѣчитъ самому-себѣ! Противорѣчащее доказательство, гдѣ разумъ неистовствуетъ безъ всякаго вреда и утра та овладѣваетъ всѣмъ разумомъ безъ бунта. Это она и не она, не Крессида! Въ моей душѣ начинается такая странная борьба, что нераздѣльное раздѣляется такъ, какъ не отстоитъ даже небо отъ земли, но однако ширина этого раздѣленія такъ мала, что въ нее не войдетъ и точка, столь тонкая, какъ разорванная нить Арагенеса. Доказательство! о это доказательство тверже Плутоновыхъ воротъ! Крессида моя, связанная небесными узами! Доказательство! о это доказательство непреложнѣе самыхъ небесъ! Небесныя узы разорваны, разсѣчены, уничтожены; и развалины своей вѣрности, остатки любви, отрывки, крохи, куски, скелетъ своей изсохшей вѣрности, она своими пальцами привязываетъ къ Диомеду.

УЛИССЪ. Неужели ты тронуть хотя вполонину противъ того, какъ показываютъ твои слова?

ТРОИЛЬ. Да, Грекъ, и это должно быть начертано ли-терами кровавыми, какъ сердце Марса, воспламененное Венерой. Никогда еще юноша не любилъ такъ постоянно, и такъ сильно. Послушай, Грекъ, сколько я люблю Крессиду, столько-же ненавижу ея Диомеда. Этотъ шarfъ, который онъ хочетъ надѣть на шлемъ — мой; но если-бы шлемъ его былъ выкованъ искусствомъ Вулкана, мой мечъ и тогда разсѣкъ-бы его; ужасный ураганъ, его моряки называютъ гуррикално, образуемый лучами жгучаго солнца, въ своемъ паденіи прогремитъ не сильнѣе моего быстрого меча, упадающаго на голову Диомеда.

ФЕРСИТЬ. Онъ пощекотитъ его за волокитство.

ТРОИЛЬ. О, Крессида! О измѣнница Крессида! Измѣнница, измѣнница, измѣнница! Пусть всѣхъ измѣнницъ поставятъ на ряду съ тобою, и они покажутся вѣрными.

улиссъ. О, замолчи; твои слова привлекаютъ сюда другихъ. *(Входитъ Эней.)*

эней. Принцъ, я искалъ тебя съ часъ: Гекторъ, теперь ужъ въ Троѣ и готовится къ битвѣ; Аяксъ, твой стражъ, ждетъ тебя, чтобы проводить домой.

троилъ. Я пойду съ тобою, Эней. Любезный Улиссъ, прощай, прощай. Прощай, измѣнница! А ты, Диомель, стой крѣпко и береги голову.

улиссъ. Я провожу тебя до воротъ.

троилъ. Прими отъ меня благодарность.

(Троилъ, Эней и Улиссъ уходятъ.)

гекторъ. Хотѣлось-бы мнѣ встрѣтить этого шельму, Диомеда! Я-бы прокаркалъ надъ нимъ, какъ воронъ; я-бы прокричалъ надъ нимъ, прокричалъ. Патроклъ мнѣ дастъ что-нибудь за извѣстiе о прелестницѣ: попугай небольшое сдѣластъ изъ-за миндалю, сколько онъ для хорошенькой прелестницы. Распутство, распутство: все война, да развратъ; только на это и мода. Чортъ возьми ихъ.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНIЕ III.

Передъ дворцомъ Приама. Входятъ Гекторъ и Андромаха.

андромаха. Когда супругъ мой бывалъ такъ упоренъ, чтобы не хотѣлъ и слушать моихъ словъ? Сними, сними оружіе, и не ходи сегодня въ битву.

гекторъ. Ты хочешь разсердить меня; пооди домой; клянусь всѣми богами, я пойду!

андромаха. Мой сонъ предвѣщаетъ мнѣ страшный день.

гекторъ. Ни слова больше! говорю тебѣ.

(Входитъ Кассандра.)

кассандра. Гдѣ братъ мой, Гекторъ?

андромаха. Здѣсь, сестрица; онъ вооружился и хочетъ идти проливать кровь; будемъ вмѣстѣ просить, умолять его на колѣняхъ; я видѣла сонъ такой ужасный: цѣлую ночь мнѣ ничего не представлялось, кромѣ кровавыхъ призраковъ и убійствъ.

КАССАНДРА. О, это правда.

ГЕКТОРЪ. Эй! прикажи трубить.

КАССАНДРА. Нѣтъ, милый братъ, ради Неба, не вели давать сигнала къ выступленію.

ГЕКТОРЪ. Начинай, говорю я. Боги слышали мою клятву.

КАССАНДРА. Боги не внемлютъ клятвамъ гнѣва и мщенія; эти клятвы нечистыя жертвы; онѣ для боговъ омерзительнѣе замаранныхъ легкихъ въ жертвенномъ животномъ.

АНДРОМАХА. О, согласись! не считай добродѣтелью губить другихъ, хотя-бы ты и былъ справедливъ: это также законно, какъ если-бы мы стали подавать милостыню, употребляя на это украденное, и стали-бы красть, чтобы благотворить другимъ.

КАССАНДРА. Цѣль дѣлаетъ клятву важною; но не всякую клятву нужно исполнять. Сними оружіе, милый Гекторъ.

ГЕКТОРЪ. Замолчите, говорю вамъ; моя честь управляетъ моею судьбою; всякій человѣкъ дорожить своею жизнію, но благородный человѣкъ честь ставитъ выше жизни. *(Входитъ Троиль.)* Что молодой воинъ? думаешь-ли ты сего-дня идти въ битву?

АНДРОМАХА. Кассандра, позови отца уговорить его.
(Кассандра уходитъ.)

ГЕКТОРЪ. Нѣтъ, Троиль, не ходи; сними оружіе; я сего-дня чувствую особенное мужество. Пусть твои жилы окрѣпнутъ; не подвергайся ужасной битвѣ. Ступай, сними оружіе, и вѣрь, храбрець, что я одинъ сего-дня за тебя, за себя и за Троию.

ТРОИЛЬ. Братъ, у тебя есть слабость, которая больше пристала льву, чѣмъ человѣку.

ГЕКТОРЪ. Что это за слабость, Троиль? Брани меня за нее.

ТРОИЛЬ. Часто, когда плѣнные Греки падаютъ, ты, уже поднявши мечъ на нихъ, приказываешь имъ встать и жить.

ГЕКТОРЪ. О, это прекрасное зрѣлище!

ТРОИЛЬ. Глупое, клянусь небомъ, Гекторъ.

ГЕКТОРЪ. Какъ такъ? какъ такъ?

ТРОИЛЬ. Заклинаю тебя любовью всѣхъ боговъ, оставль это состраданіе здѣсь дома; и когда мы вооружены, то пусть ядовитое мщеніе управляетъ нашими мечами, пусть они не знаютъ милосердія, не вѣдаютъ кротости.

ГЕКТОРЪ. Фи, дикарь, фи!

ТРОИЛЬ. Вотъ это, Гекторъ, настоящая война.

ГЕКТОРЪ. Троиль, мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы ты былъ сего-дня въ битвѣ.

ТРОИЛЬ. Кто удержитъ меня? Ни судьба, ни повновеніе, ни рука Марса, огненнымъ жезломъ повелѣвающая мнѣ удалиться, ни Пріамъ, ни Гекуба, умоляющіе меня на колѣнахъ, съ очами наполненными потокомъ слезъ, ни ты, братъ, съ твоимъ обнаженнымъ мечомъ, противопоставленнымъ мнѣ, чтобъ удержать меня, не преградить моего пути,—одна смерть удержитъ меня.

(Снова входитъ Кассандра съ Пріамомъ.)

КАССАНДРА. Не отпускай его, Пріамъ, удержи его; онъ твоя опора; если у тебя не будетъ ее, то падешь самъ, и съ тобою падетъ Троя!

ПРІАМЪ. Гекторъ, останься; жена твоя видѣла сонъ, матери являлись какіе-то призраки, Кассандра предсказываетъ несчастье, и я самъ, по какому-то вдохновенію, говорю тебѣ, что нынѣшній день опасенъ: итакъ останься.

ГЕКТОРЪ. Эней въ битвѣ; притомъ нѣкоторымъ Грекамъ я далъ вѣрное слово явиться къ нимъ нынѣшнимъ утромъ.

ПРІАМЪ. Нѣтъ, ты не пойдешь.

ГЕКТОРЪ. Я долженъ нарушить клятву; ты знаешь, что я обязанъ къ этому; поэтому, Государь, не дай мнѣ повода нарушить обязанность; но своимъ согласіемъ и словомъ дай мнѣ позволеніе идти въ битву, что теперь ты запрещаешь мнѣ.

КАССАНДРА. О, Пріамъ, не соглашайся!

АНДРОМАХА. Не соглашайся, любезный батюшка!

ГЕКТОРЪ. Андромаха, ты оскорбляешь меня; заклинаю тебя твоею любовію ко мнѣ, поди домой.

(Андромаха уходитъ.)

троилъ. Эта глупая, мечтательная, суевѣрная дѣвчонка выдумала всѣ эти предсказанія.

кассандра. О, прощай, милый Гекторъ! Взгляни, какъ ты умираешь!—Взгляни, какъ закрываются твои глаза! Взгляни, изъ сколькихъ ранъ у тебя течетъ кровь! Слышишь, какъ плачетъ Трой! Какъ вздыхаетъ Гекуба! Какъ оплакиваетъ свою потерю бѣдная Андромаха! Смотри, разрушеніе, сумасшествіе и изступленіе, подобно глупымъ фиглярамъ, встрѣчаются другъ съ другомъ, и всѣ кричатъ: Гекторъ, Гекторъ убить! О, Гекторъ!

троилъ. Прочь!—Прочь!

кассандра. Прощай. Да, Гекторъ, я прощаюсь съ тобою на вѣки: ты погубишь себя и всю Тройю! *(Уходитъ)*

гекторъ. Батюшка, ты встревоженъ ея словами; пооди домой и успокой всѣхъ; а мы отправимся въ битву, совершимъ дѣла, достойныя похвалы, и вечеромъ расскажем ихъ тебѣ.

приамъ. Прощай! боги да хранятъ тебя невредимо!

(Приамъ и Гекторъ уходятъ въ разныя стороны. Воспѣныя крики.)

троилъ. Они уже схватились,—чу! Гордый Діомедъ, повѣрь, что я потеряю руку или отниму шарфъ.

(Когда Тройль выходитъ, съ другой стороны входитъ Пандаръ.)

пандаръ. Слышишь-ли, Принцъ? Слышишь-ли?

троилъ. Что такое?

пандаръ. Вотъ письмо отъ этой несчастной дѣвицы.

троилъ. Дай, прочитаю.

пандаръ. Проклятая чахотка, проклятая ужасная чахотка мучитъ меня, а также и глупая судьба этой дѣвицы; и то и другое заставляетъ меня нынѣ оставить васъ. У меня еще простуда въ глазахъ и такая ломота въ костяхъ, что я и самъ не знаю, что подуматъ объ этомъ, Вѣдь я не проклятый человѣкъ. Что пишетъ она?

троилъ. Слова, слова, одни слова, ничего отъ сердца. *(Разрываетъ письмо)*. На дѣлѣ она поступаетъ иначе. Вѣтеръ ступай на вѣтеръ, съ нимъ вмѣстѣ кружись и летай. Она за мою любовь платитъ мнѣ словами и обманомъ а другому на самомъ дѣлѣ. *(Уходятъ въ разныя стороны.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

*Между Троею и греческимъ лагеремъ. Крики эволюціи. Входитъ
Өерситъ.*

Өерситъ. Теперь они бьютъ другъ-друга: пойду посмотрѣть. Плутъ Діомедъ навязалъ на свой шлемъ шарфъ этого влюбленнаго до безумія молодаго Троянца; я съ удовольствіемъ посмотрю на ихъ встрѣчу. О, если-бы троянскій безумецъ, который любитъ распутную женщину, отправилъ этаго Грека, любимца распутныхъ женщинъ, вмѣстѣ съ его шарфомъ, къ хитрой сладострастной женщинѣ, о еслибы отправилъ его по адской дорогѣ! А политика-то хитрыхъ плутовъ, стараго, съѣденнаго мышами Нестора, и этой лисицы—Улисса, не стóитъ и одного зерна ржи. Они своею политикою разравили собаченку Аякса, противъ такой-же собаки Ахиллеса, и теперь собаченка Аяксъ гордѣе собаки, Ахиллеса, и не хочетъ сего-дня идти въ битву. Послѣ этого Греки начинаютъ жаловаться на дураковъ и бранять ихъ замысловатую политику. Тсъ! вонъ идетъ шарфъ, а вонъ и его соперникъ.

(Входятъ, сражаясь, Діомедъ и Троилъ.)

троилъ. Не бѣги! Если-бы ты бросился въ рѣку Стиксъ, я-бы и туда поплылъ за тобой?

діомедъ. Ты напрасно называешь бѣгствомъ мое отступленіе: я не бѣгу; но моя польза заставляетъ меня уклониться отъ множества непріятелей. Берегись!

өерситъ. Держи твою любовницу, Грекъ!—Ну-жъ, бейся за свою красотку, Троянецъ!—Вонъ шарфъ, вонъ шарфъ.
(Троилъ и Діомедъ уходятъ, сражаясь. Входитъ Гекторъ.)

гекторъ. Кто ты? Стоишь-ли Гекторова меча? Знаменитъ-ли по рожденію и заслугамъ?

өерситъ. Нѣтъ, нѣтъ! я негодай, ничтожный рабъ, презрѣнный плутъ.

гекторъ. Вѣрю, живи. *(Уходитъ.)*

өерситъ. Спасибо тебѣ, что ты вѣришь; но сломать-бы тебѣ шею за то, что ты напугалъ меня! Чтò стало съ тѣми безумными негодаями? Думаю, что они прогло-

тили другъ друга: посмѣялся-бы я надъ такимъ чудомъ. Да, распутство тутъ пожираетъ самого-себя. Посмотрю на нихъ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тамъ-же. Входитъ Диомедъ и Слуга.

ДИОМЕДЪ. Поди, возми Троилова коня и отведи этого прекраснаго бѣгуна очаровательной Крессидѣ; поклонись отъ меня красавицѣ; скажи ей, что я усмирилъ влюбленнаго Троянца и показалъ себя достойнымъ ея рыцаремъ. СЛУГА. Исполню, господинъ. (*Уходитъ.*)

(*Входитъ Агамемнонъ.*)

АГАМЕМНОНЪ. Смѣлѣе, смѣлѣе! Пылкій Полидамъ поразилъ Менона; пасынокъ Пріама Маргалеронъ взялъ въ плѣнъ Дорея, и, подобно Колоссу, махая своимъ копьемъ, стоитъ надъ поверженными трупами царей Эпистрофа и Цедія; Поликсенъ убитъ; Алефгинахъ и Тоасъ смертельно ранены; Патроклъ взять въ плѣнъ или убитъ; и Паламедъ израненъ и истощенъ. Ужасный Полканъ приводитъ въ страхъ нашихъ воиновъ. Поспѣвши, Диомедъ, на подкрѣпленіе или мы всѣ погибнемъ. (*Входитъ Несторъ.*)

НЕСТОРЪ. Ступай, снеси Патроклово тѣло къ Ахиллесу, и скажи лѣнивому Аяксу, чтобъ онъ хоть изъ стыда поспѣшилъ въ битву. Въ битвѣ тысяча Гекторовъ: вотъ онъ сражается, носясь по полю на своемъ конѣ, Галатѣ, и ему уже нечего дѣлать; вотъ онъ сражается пѣшій, и они бѣгутъ, или погибаютъ, подобно маленькимъ челнокамъ предъ разсерженнымъ китомъ; вотъ онъ тамъ, и соломяные Греки, подкошенные его мечемъ, падаютъ передъ нимъ, какъ колосья передъ жнецомъ! Здѣсь, тамъ, всюду онъ поражаетъ и захватываетъ въ плѣнъ. Счастіе такъ покорно его желанію, что чего онъ хочетъ, то и дѣлаетъ, и дѣлаетъ столько, что разсказъ объ его подвигахъ нужно счесть невѣроятнымъ. (*Входитъ Улиссъ.*)

УЛИССЪ. О, ободритесь, ободритесь, Государи! Великій Ахиллесъ надѣлъ оружіе. Онъ плачетъ, проклиная, клянется мщеніемъ. Патрокловы раны, вмѣстѣ съ израненными Мирмидонцами, которые безъ носу, безъ рукъ, изрубленные, израненные вдутъ къ нему, проклиная Гек-

тора, раздражили Ахиллеса. Аяксъ потерялъ друга, и въ неистовомъ гнѣвѣ ищетъ въ битвѣ Троила, который сегодня совершилъ безумные и невѣроятные подвиги, вдавываясь въ опасности и защищаясь съ такою беззаботною храбростію и храброю беззаботностію, что, какъ-будто счастье, въ насмѣшку искусству, все сегодня отдало ему во власть. *(Входитъ Аяксъ.)*

аяксъ. Троилъ! трусъ Троилъ! *(Уходитъ.)*

диомедъ. Онъ тамъ, тамъ.

несторъ. Ну, пойдемъ вмѣстѣ. *(Входитъ Ахиллесъ.)*

ахиллесъ. Гдѣ Гекторъ? Эй ты, убійца мальчиковъ, покажись передо-мною; узнай, что значитъ встрѣтить разсерженнаго Ахиллеса. Гекторъ! гдѣ Гекторъ? Я никого не хочу, кромѣ Гектора! *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Другая часть поля. Входитъ Аяксъ.

аяксъ. Троилъ, трусъ Троилъ, гдѣ ты? *(Входитъ Диомедъ.)*

диомедъ. Троилъ, слышишь-ли? Гдѣ Троилъ?

аяксъ. Чего ты хочешь?

диомедъ. Я-бы проучилъ его.

аяксъ. Еслибъ я былъ вождемъ, то скорѣе отдалъ-бы тебѣ мою власть, чѣмъ право раздѣлаться съ нимъ. Троилъ, слышишь! Эй, Троилъ! *(Входитъ Троилъ.)*

троилъ. О измѣнникъ Диомедъ! оборотись измѣнникъ, и заплати своею жизнію за моего коня!

диомедъ. А, ты здѣсь?

аяксъ. Я одинъ стану биться съ нимъ; стой, Диомедъ.

диомедъ. Онъ мой! я ни на что не посмотрю.

троилъ. Выходите оба, коварные Греки; беритесь оба за оружіе. *(Уходятъ сражаться.)*

(Входитъ Гекторъ.)

гекторъ. А, Троилъ! Славно, бьешься, мой юной братъ!

(Входитъ Ахиллесъ.)

ахиллесъ. Итакъ теперь ты передо-мною! А! берегись, Гекторъ!

гекторъ. Погоди, сдѣлай милость.

АХИЛЛЕСЪ. Я презираю твою учтивость, гордый Троянецъ! Счастливъ ты, что я теперь безъ оружія. Моя небрежность спасаетъ тебя теперь, но ты тотчасъ услышишь обо мнѣ; а до-тѣхъ-поръ, ступай ищи себѣ счастья. *(Уходитъ.)*

ГЕКТОРЪ. Прощай. Я былъ-бы непременно свѣжѣе, если-бы сталъ ждать тебя. Что, братъ?

(Снова входитъ Тройль.)

ТРОИЛЬ. Аяксъ взялъ въ плѣнъ Энея; можетъ-ли это быть, Нѣтъ! клянусь пламенемъ небесъ, онъ не уведетъ его. Рокъ, выслушай, что я скажу! Я не боюсь, хотя-бы мнѣ привелось кончить сегодня жизнь. *(Уходитъ.)*

(Входитъ неизвестный, въ великолѣпномъ вооруженіи.)

ГЕКТОРЪ. Стой, остановись, Грекъ; ты стоишь моего меча. Нѣтъ, ты не хочешь? Мнѣ нравится твое оружіе. Я изломаю его, разорву всѣ пряжки, но только овладѣю имъ. Ты не хочешь остаться? Ну такъ бѣги, я буду преслѣдовать тебя по пятамъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тамъ-же. Входятъ Ахиллесъ и Мирмидонцы.

АХИЛЛЕСЪ. Станьте около меня, Мирмидонцы: слушайте, что я скажу. Слѣдуйте за мною, куда я пойду; не дѣлайте ни одного удара, берегитесь, чтобы не утомиться. И когда я найду кроваваго Гектора, вы окружите его своими копьями, колите, рубите его безъ всякой пощады. Слѣдуйте за мною и наблюдайте за моими глазами. Рѣшено, великій Гекторъ долженъ умереть. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тамъ-же. Входятъ Менелай и Парисъ, сражаясь; потомъ Оерситъ

ОЕРСИТЬ. Рогоносецъ и мастеръ наставлять рога сражаются другъ съ другомъ. Ну, быкъ! ну, собака! Ну-же, Парисъ, ну-же! ну, мой двоеженецъ, воробей! Эй Парисъ, эй, быкъ выигрываетъ; эй, побереги рога.

(Парисъ и Менелай уходятъ. Входитъ Маргалеронъ.)

МАРГАЛЕРОНЪ. Оборотись, рабъ, и сражайся.

ОЕРСИТЬ. Кто ты?

МАРГАЛЕРОНЪ. Незаконный сынъ Приама.

БЕРСИТЬ. Я также незаконный сынъ; я люблю незаконныхъ дѣтей; я рожденъ незаконно, воспитанъ незаконно, беззаконникъ въ душѣ, беззаконный въ храбрости, беззаконный во всемъ. Медвѣдь не станетъ кусать медвѣдя; такъ станетъ-ли незаконный сынъ кусать другого такого-же? Берегись, вражда опасна для насъ; если сынъ распутной женщины станетъ сражаться за распутную женщину, то онъ поступитъ безразсудно. Прощай, незаконный сынъ.

МАРГАЛЕРОНЪ. Чортъ тебя возми, трусь. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Другая часть поля. Входитъ Гекторъ.

ГЕКТОРЪ. Холодный трущъ, но все еще прекрасный, твое драгоценное оружіе стоило тебѣ жизни. Теперь мое дѣло кончено сегодня; я хочу отдохнуть. Успокойся, мечъ, ты насытился кровію и смертію.

(*Снимаетъ шлемъ, и вѣшаетъ щитъ на спину. Входятъ Ахиллесъ и Мирмидонцы.*)

АХИЛЛЕСЪ. Посмотри, Гекторъ, какъ начинается закатываться солнце; какъ безобразная ночь идетъ по слѣдамъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мракомъ ночи закроется солнце и кончится день,—кончится и жизнь Гектора.

ГЕКТОРЪ. Я невооруженъ; воспользуйся этимъ, Грекъ.

АХИЛЛЕСЪ. Нападайте на него, друзья, нападайте; это-то человѣка я и искалъ! (*Гекторъ упадаетъ.*) Такъ, вскорѣ падетъ Иліонъ. Теперь-же падешь ты, Троя; здѣсь лежитъ твое сердце, твои жилы, твои кости. Ступайте Мирмидонцы и громче кричите: Ахиллесъ убилъ могущественнаго Гектора! (*Сигналъ къ отступленію.*) Чу! Греки отступаютъ.

МИРМИДОНЦЫ. Троянскія трубы звучатъ одинаково съ греческими.

АХИЛЛЕСЪ. Крыло ночи покрываетъ землю, и, подобно секунданту, разлучаетъ арміи. Мой мечъ, вполонину только насыщенный, и съ радостію готовый спѣшить на смерть другихъ, довольный сегодняшнимъ подвигомъ, спѣшить успокоиться. (*Влагаетъ въ ножны свой мечъ.*)

Ступай привяжи его тѣло къ хвосту моей лошади; я буду влечь Троянца по полю (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Входятъ Ахиллесъ, Аяксъ, Менелай, Несторъ, Диомедъ и друіе, маршемъ.—*За сценою крикъ.*

Агамемнонъ. Чу! чу! что это за крикъ?

Несторъ. Остановитесь, трубы.

За сценою. Ахиллесъ, Ахиллесъ! Гекторъ убить! Ахиллесъ!

Диомедъ. Кричатъ: Гекторъ убить и Ахиллесомъ!

Аяксъ. Если и такъ, то не хвалитесь этимъ! Великій Гекторъ былъ прекрасный человекъ.

Агамемнонъ. Отправимся туда: пусть одинъ пойдетъ къ Ахиллесу и пригласитъ его въ нашу палатку. Смертію Гектора боги помирили насъ. Великая Троя наша, и бѣдствія войны кончились. (*Уходятъ маршемъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Другая часть поля. Входятъ Эней и Троянцы.

Эней. Стойте, эй! мы овладѣли полемъ; не пойдѣмъ домой; здѣсь мы проведемъ ночь.

(*Входитъ* Троицъ.)

Троицъ. Гекторъ убить!

всѣ. Гекторъ? Да сохранять боги!

Троицъ. Онъ умеръ, и привязанный къ хвосту лошади убійцы, позорнымъ образомъ былъ влечимъ по полю. Гремите небеса и совершите скорѣе свое мщеніе! Боги, улыбитесь Троѣ съ своихъ троновъ! Молю васъ, милосердные, сократите наши страданія и пошлите намъ скорую гибель!

Эней. Принцъ, ты отнимаешь храбрость у войска.

Троицъ. Эней, ты не понимаешь меня; я не говорю о бѣгствѣ, о страхѣ, о смерти; я отваживаюсь на всякую опасность, какою поражаютъ насъ боги и люди. Гекторъ умеръ! Кто скажетъ объ этомъ Пріаму или Гекубѣ? Пусть тотъ, кто хочетъ навѣки называться совою, идетъ въ Трою, и скажетъ тамъ: Гекторъ умеръ. Это слово превратитъ Пріама въ камень, дѣвъ и женъ—въ волны и Нѣ-

объ, юношей въ холодныя статуи, словомъ, всю Троию убьетъ страхомъ. Но маршъ, идемъ. Гекторъ убить, такъ нечего и говорить. Стойте, вы презрѣнныя отвратительныя палатки, такъ гордо воздвигнутыя на Фригійскихъ равнинахъ, пусть внезапно Титанъ возстанетъ среди васъ, я и тогда пройду сквозь васъ. И ты, великій трусъ! Никакое пространство на землѣ не раздѣлитъ насъ; я буду преслѣдовать тебя, подобно совѣсти, которая пугаетъ насъ беспрестанно своими призраками. Ударьте веселой маршъ для отступленія въ Троию! Идите весело: надежда мщенія должна закрыть наше сердечное горе.

(Эней и Троицы уходятъ. При выходѣ Троиля, съ другой стороны входитъ Пандаръ.)

Пандаръ. Послушай, послушай!
Троиль. Прочь, подлецъ! Пусть безславіе и позоръ преслѣдуютъ тебя во всю твою жизнь и останутся на вѣки съ твоимъ именемъ. *(Троиль уходитъ.)*

Пандаръ. Прекрасное лекарство для моей подагры! О свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ! Въ какомъ-же презрѣннѣи бѣднѣйшѣи сватѣ! О, измѣнники и сводники, какъ ревностно вы хлопотаете за другихъ, и какъ васъ худо награждаютъ! Отчего такъ любятъ васъ, когда вы беретесь за дѣло, и отчего такъ презираютъ, когда вы сбѣгаете свое дѣло. Какой-бы стишокъ годился для этого. Какое-бы пайти сравненіе? Посмотримъ:

Летая, весело поетъ пчела

Пока и медъ и жало есть у ней.

Но жало лишь утратила она, —

И пѣсни больше не поетъ своей.

СОНЪ ПАНКРАТЬЕВНЫ.

(ПАРОВЫЯ СЦЕНЫ.)

Поле. По правой сторонѣ сцены нѣсколько избъ; по лѣвой одна, съ большимъ крытымъ дворомъ и съ свѣтлою. Около нея нѣсколько деревьевъ. Крестьяне и крестьянки поютъ хороводную пѣсню и пляшутъ.

ХОРОВОДНАЯ ПѢСНЯ.

Ты расти, расти, рябинушка,
Созрѣвай въ лѣсу малинушка,
Ты цвѣтнѣй цвѣти рожь чистая,
И черемушка душистая
Зеленѣй, у рѣчки стоячи,
Берега крутые кроючи
И муравку прикрываючи;
Солнце красно, догораючи,
Не пеки въ лугахъ муравушки,
Не пали зеленой травушки;
Вѣтерочикъ, повѣваючи,
Полдень знойный прохлаждаючи,
Ты не мни рожь колосистую,
Колосистую, цвѣтистую;
Не свѣвай цвѣточковъ липовыхъ,
Не срывай листовъ березовыхъ;
И ты, лѣто, лѣто красное,
Лѣто жаркое и ясное,
Не бѣги въ чужую сторону,
Дай согрѣться черну ворону:

Не кричалъ-бы пѣсно страшную,
 Не согналъ погоду ясную,
 Не накликалъ-бы осеннюю,
 Не вился-бы надъ деревнею,
 А гнѣздо-бы свиль въ лѣсу густомъ,
 И вился-бы надъ своимъ гнѣздомъ;
 И ты лѣто, лѣто красное,
 Лѣто жаркое и ясное,
 Погости у насъ въ долинушкѣ,
 Какъ созрѣютъ наши нивушки,
 Какъ сберется хлѣбъ долой съ полей —
 Приходи тогда зима скорѣй,
 И умчись въ чужую сторону,
 Что во-слѣдъ-ли черну ворону.
 И опять-бы лѣто красное,
 Лѣто жаркое и ясное!...

Крестьяне и крестьянки, пласавшіе въ хороводъ, начинаютъ играть въ горьлки, бѣгать, скакать. Алеша, Никита, Паша, Соня, и Тania остаются напередѣ сцены, а Петруша входитъ съ мѣшокъ на плечахъ.

ПЕТРУША, бросая мѣшокъ. Здорово, ребята!

КРЕСТЬЯНЕ. Здравствуй, Петруша!

АЛЕША. Отколь пришелъ?

ПЕТРУША. Въ городѣ былъ. Усталъ не на-стать! Взглянь-ко, что я притащилъ!

АЛЕША, поднимая мѣшокъ и качая головою. О, хо! какъ тяжело! Да что у тебя въ мѣшкѣ-то?

ПЕТРУША, сердито. Что?... орѣхи да пряники, сайки да пироги—всякая дрянь!

НИКИТА, передразнивая его. Дрянь! какъ-бы не дрянь! Слышишь, пряники—дрянь!

ПЕТРУША. Батяга женится, а мнѣ хлопоть—половъ ротъ: вечеръ бѣгалъ въ село за пивомъ, да за медомъ, утромъ былъ у дьячка, а теперь въ городѣ.... двѣнадцать верстъ!... насилу добрелъ!... туда-то доведь, спасибо, десятской Никита, а оттуда шель пѣше.... (осматриваясь) Анюта здѣсь?...

СОНЯ. Какъ-бы не здѣсь!... вонъ тамъ. (показываетъ на избу.)

ПЕТРУША. Гдѣ? въ свѣтелкѣ?... *ПЕТРУША*

ТАНЯ. Да. Анюта сказала матери: «не пойду, родная, за-мужъ за Терентьича—выдай меня за Петрушу»;—Тимоевна разсерчала, посадила ее въ свѣтелку, за прялицу, заперла свѣтелку ключомъ, а ключъ отнесла къ Терентьичу.

ПЕТРУША. За-чѣмъ? *(подходитъ къ избѣ и кличетъ Анюту)*
Анюта! Анюта!

СОНЯ. Невѣдомо за-чѣмъ! Она запираетъ свѣтелку, а сама говорила Анютѣ: «не упрямься!»

ПЕТРУША, *подходя опять къ избѣ.* Анюта! Анюта!... не слышитъ!... Да гдѣ-же Тимоевна?

СОНЯ. Пошла къ Пантелею. Слышишь, она ждетъ не дождется своего зарученья: хочетъ поскорѣе записать сговоръ; видишь, мы всѣ собрались на пиръ, и скоро опять начнемъ хороводную пляску. *(Подходя ближе къ Петрушѣ и ласкаясь къ нему.)* Послушай, Петруша: если Тимоевна не велитъ Анютѣ плясать, такъ ты будешь со мною заводить хороводъ?...

ПЕТРУША, *отталкивая ее.* Какъ-бы не съ тобою!... Не ужели Тимоевна не позволитъ Анютѣ хоть поплясать—то со мною? Вѣдь, выйдетъ замужъ за батьку, такъ Анюта и я—будемъ братъ и сестра: почему-же не плясать вмѣстѣ брату съ сестрою? Охъ, горькая, право, горькая моя доля! Дня черезъ два, черезъ три... Больно, ребята! тяжело называть сестрою дѣвицу, которую недавно называлъ своею невѣстою!... Но... дѣло кончено! Анютѣ моею не быть—да не быть-же ей и за Терентьичемъ! Пусть отецъ женится на Тимоевнѣ и навсегда разрознитъ меня съ Анютою: съ отцомъ не наспорю, а съ Терентьичемъ я поспорю! Не ему такая жена!... Прощайте, ребята! *(Хочетъ идти.)*

АЛЕША. Куда?

ПЕТРУША. Сбѣгаю домой, отыщу Тимоевну, попрошу ее за свою Анюту; а если не упрошу, такъ и плясать не стану на батькиномъ сговорѣ!... скажу ему «я усталъ; ты женишься да пируешь, а я бѣгалъ съ мѣшкомъ за орѣхами;

ты сидѣлъ, отдыхалъ, а я больше двадцати верстѣ избѣгалъ—такъ ужъ отъ пляски уволь, родимый!»

алеша, *останавливая его*. Нѣтъ, Петруша, не ходи: ты только озлобишь отца своею бранью, да и новую мачиху еще пуще озлобишь! Лучше обожди... Тимофеевна заперла Аниуту въ свѣтелкѣ, а ключъ отдала Терентьичу; Терентьичъ простъ, плоховатъ, онъ повѣсилъ ключъ за поясъ, да и хвалится тѣмъ, что невѣста его за замкомъ: погоди! мы обманемъ его, назовемъ молодцомъ и умницею—онъ любитъ такія названія—и уговоримъ отворить свѣтелку...

никита. Да, какъ-бы не такъ! простака нашель! Ты думаешь—чай, что легко обморочить Терентьича? Не обморочишь! Онъ тебя скорѣе обморочить! Утре я пошолъ на мельницу къ Николашѣ... иду... глядь, а Терентьичъ за мною! Вотъ, я ему та-ла-ла, а онъ мнѣ ты-лы-лы—калякали, да калякали... я обернулся, его ужъ нѣтъ; я было назадъ—мельница заперта!... я и оробѣлъ!... началъ кричать: кричу, кричу—никто не идетъ; на ту бѣду и Николаши-то близко не было!

алеша. Ну....

никита, *ему*. Ну, я....

паша. Ну....

никита, *ей*. Ну, вотъ....

петруша и тая, *вмѣстѣ*. Ну....

никита, *имѣ*. Ну.... (*передразнивая ихъ*). Ну, что ну?

соня. Ты....

никита, *ей*. Я....

петруша. Экая мельница!

никита, *ему*. Да, мельница!... Ну, я....

алеша. Что ты?...

никита. Ну, я.... ну, что ты?... ну, я кричалъ! (*осердась*) только! и все!... кричалъ, да кричалъ — кричалъ, сколько мочи доставало!... (*тише*) Тутъ прибѣжалъ Николаша, отворилъ мельницу... я, какъ подстрѣленный заяцъ, безъ оглядки, домой.... (*тихо, таинственнымъ голосомъ*)

Знаете-ли, на мельницѣ, молвятъ люди, живетъ домовой, и ночью, какъ только стемнѣетъ въ полѣ, начинается ворочать поставами, мелетъ муку, пересыпаетъ ее.... а попадись ему кто-нибудь въ эту пору.... о хо, хо!... *(потирая бока)* Досталось-бы отъ него бѣднымъ бокамъ моимъ!...

ПАША, *глядя по его плечу.* Бѣдный Никитушка!...

НИКИТА, *съ довольнымъ видомъ.* Да, бѣдный Никитушка!... видишь, какъ поглаживается!... а на мельницу-то ко мнѣ не пришла....

ПЕТРУША, *подойдя къ избѣ, въ которой Анюта.* Анюта! Анюта!... не слышитъ!...

Знать, что мнѣ съ Аютушкой жребій данъ лихой!

Онъ всему причиною, онъ всему виной!...

Знать, что мнѣ съ Аютушкой горе горевать,
Видно годы долгіе розно годовать!...

Не погодка на морѣ, не морозъ въ поляхъ,

Не сторонка дальняя, не медвѣдь въ лѣсахъ,—

На своей сторонукѣ, батюшка родной,

Разлучаетъ молодца съ дѣвицей красой!

Часто красной дѣвицы видѣть не велить—

За кручину сердится, за любовь бранить!

Радъ-бы я по прежнему—радъ-бы не любилъ:

Я не самъ кручинушку въ сердце заронилъ!

Но сама злодѣй-тоска съ сердцемъ ужилась,

Помутила разумъ мой, въ кровь перелилась!...

Всѣ ребята веселы—пляшутъ и поютъ,

А меня товарищи горюномъ зовутъ!

Гдѣ ему-моль пѣсни пѣть, гдѣ ему плясать,

На роду написано горе горевать!...

АЛЕША. Не горюй, Петруша, полно кручиниться!

ПЕТРУША. Не горюй!... радъ-бы не горевалъ, да на сердце невесело! *(обращаясь къ Аютиней избѣ)* Анюта! Анюта! *(сквозь слезы)* разлучаютъ насъ злые люди!...

ПАША, *Никитѣ.* Жалко бѣднаго Петрушеньку!

НИКИТА, *ей.* Какъ-бы не жалко! есть о комъ жалѣть! *(ея голосомъ)* Петрушенька! *(своимъ голосомъ.)* У Петру-

шеньки все есть, чего захочеть: и орѣхи, и пряники, и пиво, и медъ; отецъ у него богатый, денегъ у него много, скотомъ полонъ дворъ, новая изба... о чемъ-же жалѣть? (*опячь ея голосомъ*) Жалко Петрушеньку!...

— ПЕТРУША. Э, братъ Никита, скотъ не чловѣкъ, а изба не жена: на что тебѣ новая изба, когда на сердцѣ грустно?....

НИКИТА. У меня обычай такой: у кого горько на сердцѣ, тотъ целучи орѣхи!... вотъ тебѣ и разъ!... Жена! жена!... а на что мнѣ жена?...

ПЕТРУША. Не будетъ Анюта моею женою—буду солдатомъ! Слышно у насъ скоро некрутчина: прощайте, ребята! Не останусь въ деревнѣ, коли Анюту отдадутъ за Терентьча!

ТАНЯ. Ты пойдешь въ солдаты?... Ахъ, Петруша! горько солдатское житье! Вотъ, батюшка былъ отданъ въ солдаты давно, и пропалъ.... отъ него ни-слуху, ни-духу; а прежде, когда бывало присылалъ письма, такъ только однѣ жалобы въ нихъ и были! (*помолчавъ*) А некрутчина точно будетъ.... вечеръ матушка видѣла сонъ....

НИКИТА, *съ испугомъ*. Какой сонъ?... (*оправясь*) Ну, такъ что-жъ, что видѣла сонъ? мало-ли что во снѣ видятся!...

ТАНЯ. Ахъ, Никитушка, да какой страшный сонъ! Матушка часто видитъ сны, а такого чуднаго еще никогда не видала!

НИКИТА, *съ испугъ*. Не видала?... (*оправясь*) Можетъ-быть, прежде не такъ крѣпко спала?

ТАНЯ. Ночью, только успѣла сомкнуть глаза, смотреть—въ селѣ, надъ погостомъ, вдругъ поднялась черная, гу-стая черная туча....

НИКИТА, *слушая съ глупымъ вниманіемъ и озираясь по сторонамъ съ испугъ*. А что, ребята — видно на дворѣ холодно? меня что-то дрожь пронимаетъ!

ТАНЯ. А надъ тучею показались два солнышка....

НИКИТА, *оправясь*. Вотъ, и теплѣе стало!

таня. И оба солнышка не свѣтять — горять!... одно было такое красное, какъ кумачъ на моемъ сарафанѣ... а другое....

никита, *перебивая*. Ну, бѣлое!... ужъ, конечно, не оба красныя!

таня. Другое.... я не помню, какое.... а только знаю, что оно упало на село — село начало загораться, а сама туча облилась заревомъ.... (*Никита прыцетя за Пашу*) А потомъ....

никита. У!

таня. А тутъ.... все и прошло!... а потомъ....

никита, *перебивая*. Ну, и ладно!

таня, *таинственнымъ голосомъ*. А потомъ....

никита. У!

таня. Опять стало темно, такъ темно, какъ-будто въ аду кромечномъ....

никита, *протирая глаза, въ испугъ*. Я не вижу ни зги!

таня. Подулъ вѣтеръ.... поднялась пыль.... темная ночь все становилась темнѣе, темнѣе....

никита. У!

таня. Вотъ, и стало прояснивать.... (*Никита, ободрясь, приближается къ ней и слушаетъ*) показалась заря, пришло теплое утро.... матушка глядь — идутъ по деревнѣ солдаты.... всѣ молодецъ къ молодцу.... (*Никита вытл-ивается*), а одинъ изъ нихъ старинишка.... старыи, престарыи.... только такой хорошии—точно какъ батюшка!... Она, (*Крестьяне слушаютъ съ усиленнымъ вниманіемъ*) она и проснулась!...

никита, *весело*. Вѣстимо, проснулась! не вѣкъ-же спать!...

соня. Это добрый сонъ, Таня!

таня. Матушка говорить: либо будетъ некрутиина, либо батюшка къ намъ возвратится; а ужъ сонъ даромъ не пройдетъ!

НИКИТА, оборачиваясь назадъ. Э, ге, ге!... смотрите-ко, ребята—сонъ какъ въ руку! Эвонъ идетъ солдатъ.... о, охъ!... да какой старыи! насилу ноги волочить! видно, усталъ!...

(Входитъ Анкудимъ, отставной солдатъ, въ дорожной шинели, съ котомкою за плечами.)

МУЗЫКА.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ. *

О НАЧАЛАХЪ И ПОЭТИЧЕСКОМЪ ВЪ МУЗЫКѢ. — Предразсудки людей, незнакомыхъ съ искусствомъ, и музыкантовъ ученыхъ. —

Нѣчто объ инструментовкѣ. — Странности композиторовъ.

XVII.

Умъ, фантазія и чувство, возвышая человѣка надъ всѣми прочими существами, въ общемъ дѣйствіи своемъ, раждаютъ въ немъ способность постигать и творить *изящное*. Въ душѣ человѣка, чрезъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ, созерцаніе природы въ ея многообразнѣйшихъ явленіяхъ, жизни человѣческой, съ ея разительными измѣненіями, — образуется его собственный, отдѣльный міръ, который, подъ вліяніемъ генія и вкуса, является какъ-бы совершеннѣйшимъ отраженіемъ сосредоточенныхъ лучей внѣшняго міра. Стройность, согласіе и соразмѣрность частей въ какомъ-нибудь цѣломъ составляютъ *прекрасное*, а свойство идеи развивать и возвышать прекрасное образуетъ *источникъ красоты идеальныхъ*. Наше внутреннее стремленіе чувствовать, постигать и передавать идеальныя красоты будетъ то, что называется *поэзіею*. Но поэтическое, чтобы быть доступнымъ для человѣка, должно облекаться въ заимствованныя изъ при-

* См. «Репертуаръ и Пантеонъ» кн. 3-ю и 4-ю.

роды формы и образы, стройное соединеніе которыхъ, согласное съ творческою идеею поэта, принимаетъ виды художественныхъ произведеній. Такъ-какъ во всѣхъ проявленіяхъ поэзіи, способы ея выраженія, или звуки или формы, то изящныя искусства раздѣляются на *тоническія* (музыка и стихотворство, въ смыслѣ *Dichtkunst*) * и *образовательныя* (живопись, ваяніе, архитектура). Первые дѣлаютъ впечатлѣніе на душу посредствомъ органа слуха, а послѣднія посредствомъ органа зрѣнія.—Тоническія искусства должны стоять выше образовательныхъ, по самому способу ихъ выраженія, который наиболѣе освобождаетъ поэта отъ вліянія вещественности и, слѣдовательно, наиболѣе приближаетъ его къ міру идеальному. Композиторъ и стихотворецъ не стѣснены въ своемъ стремленіи къ идеальному, такъ, какъ строитель, ваятель, живописецъ, поэтическіе порывы коихъ ограничиваются матеріальностію средствъ, отъ которыхъ они находятся въ зависимости.

Въ одномъ подражаніи природѣ нельзя искать высшаго совершенства художествъ. Подражаніе есть только облегчительный способъ творить самобытныя, поэтическія созданія. Если въ нихъ не проявляется собственная, очерпнутая въ одномъ только гевіи, идея, то они лишаются поэтического достоинства. Безъ сомнѣнія, природа имѣетъ сильное вліяніе на развитіе въ насъ поэзіи, такъ-какъ всѣ наши понятія, всѣ соображенія, суть впечатлѣнія жизни и мы сами живемъ въ природѣ. Но изъ природы заимствуются только начала, которыя, подчиняясь идеѣ, употребляются какъ матеріалы, не къ подражанію, а къ созданію новаго, самобытнаго. Потому *пластика* наиболѣе, а *музыка* наименѣе, могутъ быть названы подражательными искусствами;—потому-то послѣдняя, въ произведеніяхъ своихъ, имѣетъ высшее поэтическое достоинство. Посвятившій себя образовательнымъ искусствамъ только глубокимъ изученіемъ природы можетъ достигнуть высокаго совершенства, ибо изящность формъ,

* Здѣсь разумются не одни стихи, но и проза, исполненная поэзіи. *Dichtkunst* значитъ сочинять, вымышлять.

заимствованная имъ изъ природы, находится въ тѣсной связи съ его поэтическими идеями. Стихотворецъ и музыкантъ дѣйствуютъ въ мѣрѣ чисто-духовномъ. У перваго, слова общественнаго языка суть только знаки, которые воспламеняетъ, оживотворяетъ онъ поэтическимъ жаромъ. Но этотъ языкъ есть земной, образованный впечатлѣнiami природы. Точность и опредѣлительность его чужды безконечности идеальнаго міра; почему стихотворецъ, хотя въ несравненно меньшей степени, нежели посвятившій себя образовательнымъ искусствамъ художникъ, чувствуетъ узы, привязывающіе его къ земному и вещественному. Одной только музыкѣ открыта чистая, отстраненная отъ всякой вещественности, идеальность. Не щекотаніе нашего слуха, не забавы и услажденіе чувствъ, — нѣтъ, таинственный, потрясающій душу говоръ, голосъ изъ области, недоступной для самой мысли, языкъ существъ совершеннѣйшихъ, небесный, очаровательно-выраженное предчувствіе высочайшаго блаженства, — вотъ что изливается изъ стройнаго соединенія звуковъ, одушевленнѣхъ поэзіею.

Нѣкоторые утверждаютъ, что музыка, подобно живописи и скульптурѣ, заимствуется образами изъ природы, но это не совсѣмъ справедливо, потому-что звуки, какковы: пѣніе птицъ, шумные раскаты грома и т. п. нельзя назвать музыкою, ибо во всемъ этомъ нѣтъ стройности и гармоніи, нѣтъ смысла, системы, внутренней души. Если въ музыкѣ можно допустить нѣкоторую раздражительность, то она должна ограничиться наблюденіемъ человѣческаго голоса, который, хотя не имѣетъ опредѣлительной звучности, но способенъ, различными отбѣнками своего пониженія или повышенія, постепенностию силы, мягкостью и суровостью, выражать разнообразнѣйшія страсти и ощущенія души, такъ-что иногда бываетъ понятенъ и безъ уразумѣнія словъ. Напримѣръ, на языкѣ совершенно намъ неизвѣстномъ, по однимъ измѣненіямъ голоса, мы можемъ отличить робкое признаніе любви отъ строптивыхъ упрековъ ревности, выраженіе материнской нѣжности отъ буйнаго вызова на бой и проч. Можеть-быть въ глубоко́мъ изученіи человеческого голоса тал-

ся начала, изъ которыхъ образовалась музыка. Первая степень ея былъ, вѣроятно, *речитативъ* или музыкальный разговоръ, въ которомъ сохранилась неопредѣлительность во времени (безтактность) обыкновеннаго разговора, но каждый изъ неточныхъ звуковъ въ произношеніи, замѣненъ былъ ближайшимъ музыкальнымъ звукомъ. И потому достоинство сочиненія и исполненія речитатива заключается въ возможно-близкомъ подражаніи простому разговору. Когда стихотворство, не довольствуясь прозою обыкновеннаго языка, искало новой прелести въ мѣрныхъ стихахъ, то и речитативъ, получивъ правильность во временномъ послѣдованіи, преобразился въ *мелодію*. Итакъ, первымъ началомъ для развитія въ человѣкѣ способности ощущать и передавать очарованія музыки, было стихотворство, которое, однакожь, раскрывъ предъ нами область музыки, не можетъ оспаривать у нея самобытности. Вскорѣ послѣ изобрѣтенія мелодіи, дали ей сопровожденіе, изъ котораго образовалась *гармонія* — высшая степень музыкальнаго совершенства.

Изъ правильнаго сочетанія мелодіи съ гармоніею образовался идеальный, стройный міръ, отъ котораго отдѣлилось вліяніе стихотворства. Въ немъ сохранилась аналогія съ человѣческимъ голосомъ, которая составляетъ ключъ его таинствъ, средство, которымъ пользуется человѣкъ, желая войти въ очаровательный кругъ этого міра. Определенность музыкальныхъ формъ, заимствованную первоначально изъ человѣческаго голоса и разнообразнаго произношенія произведеній стихотворческихъ, — можно назвать *музыкальнымъ языкомъ*. Языкъ музыкальный, безъ всякаго сомнѣнія, существуетъ; онъ выше языка стихотворческаго. Послѣдній намъ понятнѣе: онъ ближе къ намъ, онъ произошелъ отъ обозначенія знакомыхъ намъ предметовъ и явленій. Первый, принадлежа невѣдсмымъ, духовнымъ существамъ, часто для насъ таинствененъ и неопредѣлительенъ. Иногда таинственная сила его дѣйствуетъ на душу, и мы не можемъ отдать себѣ отчета, чѣмъ именно и какъ. Онъ не можетъ выражать предметовъ земныхъ, не можетъ съ грамматическою и логическою ясностію излагать мысли поэта-музыканта;

но чувства высокія, сильныя страсти, душевныя ощущенія выражаются имъ правильнѣе, сильнѣе и даже какъ-бы понятнѣе, нежели языкомъ стихотворческимъ. Языкомъ музыкальнымъ нельзя разсказать подробности похождения какого-либо отдѣльнаго лица; но томленіе любви, безнадежность, отчаяніе, радость или ужасъ, уныніе или веселость, глубокая скорбь и восторгъ, мирное спокойствіе поселянъ и шумное движеніе воинства, — могутъ быть переданы вѣрно, понятно и даже съ точностію — однимъ совокупленіемъ сообразныхъ звуковъ. Дабы иногда выразить предметы, по существу своему чуждые музыкѣ, композиторы прибѣгаютъ къ подражанію. Такъ Гайднъ, въ ораторіяхъ: «Сотвореніе міра» и «Четыре времени года» и Бетховенъ, въ нѣкоторыхъ своихъ симфоніяхъ, заимствуясь звуками, почерпнутыми въ природѣ, изобразили тихое струеніе ручейка, шумъ морскихъ волнъ, бурю, пляску поселянъ, хоры птицъ, звонъ вечерняго колокола, конскій топотъ и проч. — Желая придать еще большую ясность и удобопонятность музыкѣ, прибѣгли къ помощи стихотворства. Отъ этого произошло музыка церковная (эпическая), драматическая и лирическая (народная). Такимъ-образомъ, отъ сближенія отвлеченности съ вещественностію, наслажденіе сдѣлалось сильнѣе, удовлетворяя двоякой, природѣ человѣка — чувственной и духовной. Но здѣсь опять должно замѣтить нѣкоторое преимущество музыки: она, безъ соединенія съ другими искусствами, на примѣръ съ стихотворствомъ, не въ состояніи выразить ничего безнравственнаго. Драматическое искусство, въ соединеніи съ музыкою, живописью, а по большой части, и балетомъ, произвело *оперу*, въ которой раскрылась обширнѣйшая область для совокупнаго дѣйствія всѣхъ изящныхъ искусствъ: зритель и слушатель находятъ здѣсь полнѣйшее, многообразнѣйшее выраженіе поэзіи, во всемъ ея блескѣ и очаровательномъ совершенствѣ. Въ одной только оперѣ поэзія дѣйствуетъ всеми ей подвластными средствами и, слѣдовательно, здѣсь только можетъ произвести наисильнѣйшее впечатлѣніе на душу художественно-образованнаго человѣка.

Въ искусствахъ вообще, равно и въ музыкѣ, необходимо

изученіе законовъ и правилъ, посредствомъ которыхъ художникъ въ состояніи сообщить стройность и красоту своимъ твореніямъ. Одаренные способностью чувствовать, а не производить изящное, только тогда могутъ произносить вѣрное сужденіе, когда они посвящены въ таинства искусства, когда имъ знакомы основные законы, необходимые для произведенія изящнаго. Вотъ причина, по которой многочисленное сословіе, называемое публикою, разнородная масса, такъ-мало связанная въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ, впадаетъ часто въ заблужденія, обсуживая художественныя творенія: часто воздастъ громкія похвалы посредственнымъ произведеніямъ и порицаетъ прекрасныя. Это болѣе всего ощутительно въ музыкѣ, гдѣ звуки слѣдуютъ болѣе или менѣе стремительно одинъ за другимъ, и слушатель долженъ напрягать все свое вниманіе, чтобъ постигнуть общій ходъ пѣсы и не выпустить изъ вида частныхъ. Какая необъятная трудность наблюдать за послѣдовательнымъ движеніемъ звуковъ въ каждомъ отдѣльномъ голосѣ, и притомъ вникать въ современное совокупленіе звуковъ, во взаимномъ отношеніи голосовъ между собою (*мелодія и гармонія*)! Потому-то, о музыкѣ судятъ многіе по первому впечатлѣнію, которое такъ часто бываетъ ошибочно, и самые, такъ называемые знатоки, или остерегаются, съ перваго раза, произносить свой приговоръ, или нерѣдко впадаютъ, подобно незнающимъ, въ ошибочное сужденіе. Притомъ часто встрѣчаются между музыкальными знатоками люди съ предубѣжденіемъ, и потому — холодные порицатели, которые, разсматривая какое-либо произведеніе, ищутъ только ошибокъ противъ теоріи композиціи. Въ такомъ случаѣ, не взирая на всѣ ихъ познанія, сужденія ихъ бываютъ односторонни.—Въ изслѣдованіи поэтическаго не премѣнно должно руководствоваться поэзіею. Самый ученый композиторъ, посвященный въ сокровеннѣйшія таинства искусства, владѣющій сочетаніемъ звуковъ по своему произволу, не въ состояніи произвести ничего изящнаго, если идеи его не одушевлены фантазіею и чувствомъ. Умъ его недостаточенъ, чтобы вдохнуть поэзію въ его творенія. Даже одаренный высокими способно-

стями художникъ, тогда только можетъ производить, когда онъ вступитъ въ очаровательный кругъ вдохновенія, когда предъ нимъ раскроется область идеальнаго.—Просвѣщенному цѣнителю также недостаточно быть только ученымъ теоретикомъ; въ его душѣ должна находиться способность постигать вдохновеніе, которымъ одержимъ былъ композиторъ во-время созданія изящнаго произведенія. Оживленный этимъ вдохновеніемъ, онъ пойметъ идею сочинителя, а ученое изслѣдованіе покажетъ ему, что способствовало или препятствовало счастливому или неудачному выраженію той идеи.—Самыя высокія красоты какого-нибудь стихотворнаго сочиненія останутся непонятными и темными для того, кому неизвѣстенъ языкъ, которымъ онѣ выражены. Подобно этому, недостаточно одного врожденнаго поэтическаго чувства, чтобы постигать красоты музыкальнаго языка, если языкъ этотъ намъ неизвѣстенъ. Средство-же узнать его состоитъ въ изученіи музыкальной теоріи, такъ-какъ въ языкѣ общественномъ—познаніе значенія словъ, грамматическихъ правилъ, словосочиненія и проч. И потому, мнѣніе, что для правильнаго уразумѣнія и оцѣнки музыкальныхъ произведеній достаточно одного только слуха, совершенно ложно. Безъ сомнѣнія, отъ частаго слушанія хорошей музыки пріобрѣтается нѣкоторый навѣкъ, который иногда, отчасти, можетъ замѣнить теоретическія познанія. Но одинъ навѣкъ не можетъ охранить отъ ложныхъ заключеній.—Къ-сожалѣнію замѣчается, что именно несвѣдущіе и невѣжды громче и рѣшительнѣе всѣхъ объявляютъ свои мнѣнія о произведеніяхъ искусствъ вообще и еще чаще о музыкальныхъ произведеніяхъ. Почему не должно удивляться, что величайшія произведенія знаменитѣйшихъ композиторовъ, нерѣдко не имѣли почти никакого успѣха вначалѣ своего появленія, что несравненное произведеніе Моцарта, его «Донъ-Жуанъ», упалъ при первомъ представленіи, и что музыка Бетховена теперь только оцѣнивается по достоинству. Напротивъ-того многія посредственныя произведенія новѣйшаго времени имѣли необыкновенный успѣхъ. Все это такъ должно быть по самому теченію времени и порядку

вещей въ мірѣ. Истинное достоинство почти всякаго великаго произведенія познается всегда поздно; голосъ небольшого числа знатоковъ сначала всегда заглушается криками и воплями невѣждъ и толпы; но истина рано или поздно является во всей своей чистотѣ.

XVIII.

Вообще у насъ слишкомъ мало людей, которые ходили-бы слушать, музыку для полученія высокаго наслажденія, доставляемаго симъ божественнымъ искусствомъ, — а не для развлечения. — Помнится, въ первой статьѣ «Музыкальныхъ «Замѣтокъ»^{*}, мы раздѣлили всѣхъ слушающихъ музыку на три класса: въ *первомъ* поставили любителей высшей сферы, знатоковъ, музыкантовъ ученыхъ, знающихъ основательно музыку и проч., во *второмъ* — просто любителей, слушающихъ музыку довольно часто, людей свѣтскихъ, людей съ образованіемъ, приобрѣтшихъ навыкъ, утончившихъ чрезъ то свои чувства; но за всѣмъ тѣмъ неизбѣжающихъ познаній въ искусствѣ; наконецъ, въ *третьемъ* классѣ — такъ называемую публику, ту разнородную массу людей всякаго чина и званія, которую весьма трудно охарактеризовать; но которая также слушаетъ музыку особеннымъ, свойственнымъ ей способомъ — только ушами, безъ участія сердца, часто даже глазами^{**} и т. д.

Всѣ эти три класса людей слушаютъ музыку и непременно стараются произносить объ ней свои сужденія, каждый по своему. — Люди втораго и третьяго класса обыкновенно произносятъ приговоры свои по ощуще-

^{*} См. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1843 года. № 3-й.

^{**} Здѣсь мы разумѣемъ дилеттантовъ самаго низшаго слоя, которые, при представленіи какой-либо оперы, слѣдятъ только за ходомъ піесы и тѣлодвиженіями пѣвцовъ, а пѣнія вообще не слушаютъ.

ніямъ, получаемымъ ими отъ музыки, какъ-будто ощущенія ихъ должны служить закономъ для всѣхъ, и они обладаютъ свѣдѣніями, необходимыми для раскрытія и подкрѣпленія своего мнѣнія. Никто не говоритъ: «Такая-то музыка мнѣ нравится или не нравится»; гораздо приличнѣе считаютъ сказать: «Она хороша или ничего не стоить!»! Даже лица, довольно-несчастливо организованная и отъ того нечувствительная къ музыкѣ, тоже стараются имѣть объ ней собственное свое мнѣніе и объявляютъ его съ увѣренностію. Они не скрываютъ, что быть ихъ имѣть что-то неполное, унижительное; но мстятъ за себя презрѣніемъ искусству, которое выше ихъ понятій и къ произведеніямъ котораго, даже, часто они сами неравнодушны.

Сужденія объ искусствахъ вообще, собственно людей третьяго класса, обыкновенно бываютъ слѣдующаго рода: не утонченности искусствъ ихъ трогаютъ; они знакомы только съ нѣкоторыми грубыми частями ихъ. Напримѣръ: болѣе или менѣе точное подражаніе вещественнымъ предметамъ составляетъ почти все, что поражаетъ ихъ въ живописи; въ статуѣ удивляются они только тому, что она мраморная, а въ музыкѣ любятъ пѣсни и танцевальныя аріи. Изъ этого видѣть можно, что сужденія этого класса людей бываютъ безсмысленны и ничтожны, словомъ, сужденія толпы.

Нѣсколько болѣе значенія получаютъ сужденія любителей втораго класса, хотя они также цѣнятъ музыку по удовольствію или неудовольствію, доставляемому имъ; но настоящихъ свѣдѣній въ искусствѣ не имѣютъ. Предразсудки свои принимаютъ за мнѣнія, а мнѣнія за истину. Странное дѣло! Заболѣвшій не имѣетъ нужды знать ни имени, ни причины своей болѣзни, ощущаемая боль до-

---

* Таковы напримѣръ дилеттанты низшей сѣры, которые вмѣняютъ себѣ въ обязанность быть одинъ разъ на представленіи какой-либо новой оперы и по этому судятъ о музыкѣ.

статочно убѣждать его въ томъ. Точно также и въ музыкѣ, считается ненужнымъ знать, какъ пишутъ музыку и сочиняютъ, что-бы убѣдиться въ удовольствіи или скукѣ, производимой ею. Но если для распознаванія болѣзней и опредѣленія средствъ, которыми можно пособлять имъ, требуется изученіе медицины; то тѣмъ-болѣе, для того, чтобы быть въ состояніи произносить мнѣніе о достоинствѣ какого-либо музыкальнаго сочиненія, также необходимо знать основанія музыкальнаго искусства, изучать всѣ средства музыки, разнообразіе формъ ея, и умѣть различать совершенства или недостатки гармоній и мелодій. — Было-бы гораздо благоразумнѣе, еслибы господа сего класса воздерживались отъ сужденій о музыкѣ, а просто выражались: «такая-то музыка мнѣ нравится или не нравится». Гораздо менѣе являлось-бы расположенія подавать свои мнѣнія о музыкѣ, еслибы замѣчали, что въ продолженіе жизни неоднократно случалось измѣнять ихъ. Кто для новыхъ предметовъ удивленія не отказывался отъ прежнихъ? Искусства принадлежать къ усовершенствованности человѣчества и должны идти путемъ восходящимъ; вещи и событія измѣняются, люди также должны измѣняться. Слѣдовательно ошибаются тѣ, которые произносятъ свои приговоры положительнымъ образомъ; они подвергаются опасности безпрерывно противорѣчить себѣ. вообще, слишкомъ спѣшать заключеніемъ.

Къ сему-же классу причисляемъ и литераторовъ*, которые обыкновенно принимаютъ на себя обязанность судить о музыкѣ, хотя они къ этому столько-же способны, какъ и великій свѣтскій человѣкъ, чувства котораго усовершенствованы навыкомъ слушать музыку. — По тону

---

* Не говорю о литераторахъ-музыкантахъ, каковыхъ знаю трехъ: Князя Одоевскаго, Резваго и Струйскаго. Всѣ они глубоко знаютъ музыку, послѣдніе два сами композиторы: прежде написали нѣсколько прекрасныхъ статей, а теперь совершенно не слышатъ ихъ изящныхъ мнѣній о музыкѣ, что конечно крайне прискорбно.

увѣренности, съ какою въ журналахъ и газетахъ печатаютъ они разборы музыкальныхъ произведеній и отзывы объ артистахъ, можно принять ихъ за опытныхъ музыкантовъ, еслибы многочисленныя, на каждомъ шагу, ошибки, не обнаруживали, что судьи эти не знаютъ цѣли, средствъ и хода искусства. Нѣкоторые изъ этихъ господъ даже пускаются въ созиданія цѣлыхъ музыкальныхъ системъ, школъ; часто уничтожаютъ композиціи, достоинства которыхъ всеми признаны; кричатъ великій Мейерберъ,—титанъ вѣка и проч. т. п. — Чрезвычайно забавно однакожь, что благопріятное или противное предубѣжденіе, домогательство, вражда, угожденіе и проч.—все вмѣстѣ имѣетъ слишкомъ сильное вліяніе на зараженныхъ невѣжествомъ сужденія ихъ, такъ—что если сравнивать вообще все то, что пишется въ ежедневныхъ и періодическихъ изданіяхъ нашихъ о какомъ—либо новомъ сочиненіи, то въ сужденіяхъ этихъ найдется pro и contra на-счетъ всего. Что одинъ хвалитъ, то другой порицаетъ и обратно; отчего самолюбіе какого—нибудь сочинителя всегда бываетъ удовлетворено и оскорблено, въ одно и то же время, если онъ столько слабъ, что станеть приписывать какую—либо важность подобнымъ вздорамъ.—Говорить о томъ, чего не знаютъ, есть общая страсть, кою зараженъ, болѣе или менѣе, весь родъ человѣческій, и это потому, что никто не хочетъ сознаться въ своемъ невѣдѣніи о какомъ—либо предметѣ, какъ—будто одному человѣку возможно знать все! Это замѣтно въ литературѣ, наукахъ и особенно въ изящныхъ искусствахъ. Въ разговорахъ нашихъ обществъ, глупости и пошлости, пересылаемая на-счетъ всѣхъ предметовъ, зла большаго не дѣлаютъ: слова забываются и слѣдовъ не оставляютъ; но журналы и особенно нѣкоторыя газеты снискали столько вліянія на понятія большинства публики, по всѣмъ предметамъ вообще, что ошибки ихъ чрезвычайно вредны; онѣ проникаютъ всюду и портятъ мнѣнія тѣмъ сильнѣе, что большая часть праздныхъ вѣритъ имъ слѣпо. Очарованіе печатнаго у насъ еще не миновалось, да, вѣроятно, и не скоро наступитъ время, когда печатное будетъ читаться съ разсужденіемъ.

Знатоки музыки, музыканты ученые, артисты, также нечужды предубѣждений и предразсудковъ, только предразсудки ихъ другаго рода. Слишкомъ часто случается слышать музыкантовъ, которые утверждаютъ рѣшительно, что они лишь имѣютъ право, не только судить объ музыкѣ, но даже находить въ ней удовольствіе, которое для другихъ недоступно.—Странное ослѣпленіе! Господа эти думаютъ, что, ограничивая могущество искусства, этимъ дѣлаютъ ему честь! Къ чему послужила-бы музыка, еслибъ заключала въ себѣ таинственный языкъ, котораго чувствовать и понимать было-бы нельзя, не изучивъ іероглифическихъ знаковъ его? Тогда едва-ли даже явилось-бы желаніе изучать это искусство. Такъ-какъ музыка дѣйствуетъ почти на всѣхъ различно, хотя всегда неопредѣленно, то именно потому достойна занимать цѣлую жизнь счастливо-организованнаго артиста. Если-бы дѣятельность артиста ограничивалась тѣмъ, чтобы пѣть только малое число людей, то гдѣ-же было-бы воздаяніе за долговременное ученіе и еще болѣе долговременныя труды? Чувствовать и судить не одно и тоже. Чувствованіе есть внутренняя способность всѣхъ людей; сужденіе составляетъ принадлежность людей искусныхъ. Последніе, однакожь, не должны увѣрять себя, что сужденія ихъ всегда безукоризненны: оскорбленіе самолюбіе, несогласованіе выгодъ, вражда, предубѣжденіе, школы, воспитаніе и т. п. суть такія причины, которыя часто препятствуютъ правдивости сужденій. Чистое невѣдѣніе, по-крайней-мѣрѣ, чуждо показанныхъ здѣсь слабостей. Есть столько примѣровъ ошибокъ, причиною которыхъ были мнѣнія знатоковъ, что необходимо должно воздерживаться отъ сужденій, не испытывъ напередъ своей совѣсти и не удаливъ изъ сердца и ума всего, что можетъ быть помѣхою дѣятельности смысла. Сколькихъ отрицаній отъ прежнихъ мнѣній избѣгли-бы съ подобнымъ благоразуміемъ.

Неоднократно, при сужденіяхъ, напримѣръ, о музыкѣ инструментальной, доставалось слышать слѣдующее: «Нужно знаніе говорятъ одни; болѣе всего потребна прелесть, говорятъ другіе. Я люблю блестящее и выходы

«въ быстрыхъ нотахъ. Я не навиху ихъ.—Да здравствуетъ умная и ясная музыка Гайдна!—Нѣтъ, да здравствуетъ «проницающая страсть Моцарта!—Ахъ нѣтъ! да здравствуетъ оригинальный жаръ Бетховена!» Что означаютъ все эти возгласы? Тѣ-ли, что каждый изъ сихъ великихъ артистовъ, открывая новые пути, имѣетъ менѣе или болѣе достоинствъ, чѣмъ другіе? И потому, что между ними есть одинъ, явившійся послѣднимъ и произведшій такія вещи, въ коихъ потребности прежде не чувствовали,—должно-ли заключить, что одинъ только онъ открылъ истинный предметъ искусства? Не желаютъ-ли одного рода? Скоро будутъ утомлены тѣмъ, что сначала составить удовольствіе. Появится какая-нибудь другая новость, которая приведетъ въ забвеніе предметъ пристрастія, и такимъ-образомъ, музыкальное искусство походить будетъ на Сатурна, пожиравшаго дѣтей своихъ. Идя непрерывно къ одной, никогда недостижимой цѣли, безвозвратно утратится воспоминаніе о путяхъ, по которымъ должно слѣдовать. Что за нелѣпость вѣрить только самимъ себѣ и воображать, что наши чувства болѣе утончены, или сужденіе болѣе здраво, нежели у предшественниковъ! Чувствуемъ инымъ образомъ, судимъ иначе—вотъ и все. Обстоятельства, воспитаніе и особенно предразсудки, осаждаютъ насъ при всемъ, что мы ни дѣлаемъ, и заставляютъ принимать мнѣнія наши за существенно-справедливыми. Не должно отвергать ничего, что находится въ нашемъ распоряженіи; но употреблять все во-время, и оттого сдѣлаться богаче. Образованные артисты, предъ людьми свѣтскими и литераторами, имѣютъ неоспоримое преимущество: они находятъ удовольствіе слушать музыку гениальныхъ людей всѣхъ временъ и всѣхъ системъ; между-тѣмъ-какъ послѣдніе допускаютъ только ту, которая въ славѣ, и ее лишь одну понимаютъ. Первые, въ старинной музыкѣ ищутъ существенныхъ качествъ, а вторые, не получая привычныхъ ощущеній, воображаютъ, что она не въ состояніи доставить имъ никакихъ. Должно сожалѣть о людяхъ, которые заключаютъ въ столь-тѣсныхъ предѣлахъ удовольствія и не стараются распространить область ихъ....

IX.

Искусство выгоднѣйшимъ образомъ употреблять инструменты, для извлеченія изъ нихъ всевозможно-лучшихъ дѣйствій въ музыкѣ, называется *инструментовкою*. Искусство это пріобрѣтается временемъ и испытаніемъ дѣйствій инструментовъ; хотя оно также, какъ и всѣ прочія части музыки, требуетъ особеннаго расположенія, предчувствія, слѣдствія соображеній. Композиторъ, располагая цѣлое своей музыки, то есть составляя, такъ называемую, *партитуру*—соединеніе всѣхъ партій, которыя должны способствовать дѣйствию какой-либо піесы,—писалъ-бы на удачу, еслибъ мысленно не представлялъ качествъ звуковъ каждаго инструмента, ихъ выразительности и дѣйствій, происходящихъ отъ частныхъ или общихъ ихъ соображеній. Правда, часто получаютъ дѣйствія непредвидѣнныя, часто тѣ дѣйствія, какія композиторъ старался прозвезть, не удавалось; но вообще искусный композиторъ достигаетъ предположенной имъ цѣли, въ распределеніи инструментовъ. Даръ,—одною только силою способностей уметвенныхъ, такъ предугадывать дѣйствія оркестра, инструментовку котораго располагаютъ, какъ-будто оркестръ этотъ игралъ въ-самомъ-дѣлѣ,—есть одно изъ чудесъ музыкальныхъ;—между-тѣмъ это случается каждый разъ, когда композиторъ придумываетъ какую-либо піесу, потому-что напѣвъ, сопровождающіе его голоса, гармонія, дѣйствіе инструментовъ,—словомъ все зараждается вдругъ, если музыкантъ достоинъ своего имени. Что касается до тѣхъ, которые изобрѣтаютъ лишь послѣдовательно, то можно сказать почти утвердительно, что музыкальныя мысли ихъ навсегда останутся въ тѣсныхъ предѣлахъ. Таковъ, напримѣръ, былъ Гретри, талантъ котораго обнаружился въ драматическомъ выраженіи и счастливыхъ напѣвахъ; но, бывъ лишь посредственнымъ музыкантомъ, онъ не могъ вдругъ составить себѣ идеи о цѣломъ какой-либо піесы. Между-тѣмъ Гайднъ, Моцартъ, Бетховень, Керубини, Россини и другіе великіе композиторы, чтобы понять дѣйствія, которыя жела-

ли произвестъ, никогда не были принуждены возвращать-ся къ тому два раза. Изъ новѣйшихъ композиторовъ можно указать на Беллини, какъ на самаго слабѣйшаго инструментиста, который вовсе не зналъ качествъ инстру-ментовъ, ихъ звучности, выразительности и проч., а писалъ просто на удачу. Доказательство сего можно ви-дѣть во всѣхъ его произведеніяхъ, почти на каждомъ шагу. Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о странно-стяхъ проявившихся у композиторовъ, когда они пи-сали музыку.

Гендель, какъ и многіе великіе композиторы, любилъ возбуждать вдохновеніе хорошимъ виномъ. — Однажды онъ угощалъ у себя нѣсколькихъ пріятелей. За часъ предъ тѣмъ принесли ему отъ неизвѣстной особы подар-окъ, состоявшій изъ дюжины бутылокъ Юганисбергскаго вина, котораго ему очень хотѣлось отвѣдать; но онъ бо-ялся, что если покажетъ вино пріятелямъ своимъ, то отъ него останется немного. — Геній изобрѣтателенъ, осо-бенно, когда имъ управляетъ такая необоримая побуди-тельная сила, какая заключается въ винѣ. Присланное вино стояло еще въ кабинетѣ, подлѣ столовой. — Не будучи болѣе въ силахъ укрощать жажду свою, Гендель вдругъ вскакиваетъ, ударяетъ себя по лбу и восклицаетъ: «Мысль, мысль!» — Съ этими словами, онъ вбѣгаетъ въ кабинетъ вы-пиваетъ нѣсколько глотковъ; между-тѣмъ-какъ общество въ почтительномъ молчаніи дожидается, пока безсмертный ма-эстро изложитъ свои мысли на бумагу. Они приняли его съ безмолвнымъ почтеніемъ. Но не прошло и десяти минутъ, какъ онъ снова возымѣлъ мысль. Разлакомясь все болѣе и болѣе, Гендель такъ часто уходилъ записывать свои мысли, что наконецъ одинъ изъ гостей рѣшился присма-тривать за нимъ, чтобы узнать, какъ Гендель излагаетъ свои восторженныя мысли. Подошедъ къ двери, онъ уви-дѣлъ, что Гендель стоитъ посреди бутылокъ и пьетъ изъ одной. Возвратившись, онъ сообщилъ это открытіе про-чимъ собесѣдникамъ и они приняли Генделя съ гром-кимъ хохотомъ. Съ этихъ поръ Юганисбергское вино прозвали въ кругу его друзей «мыслями Генделя.»

Гайднъ былъ одинъ изъ самыхъ тихихъ артистовъ. Ему не было никакой нужды распалать свое воображеніе напитками; но онъ имѣлъ свой *spiritus familiaris*. Этотъ домашній духъ сидѣлъ въ брилліантовомъ перстнѣ, подаренномъ ему Фридрихомъ Великимъ. Порою, когда принимался онъ за работу и идеи ему не повиновались, онъ обвинялъ въ этомъ одинъ свой перстень, который забылъ надѣть на палецъ. Едва только это волшебное кольцо занимало свое обыкновенное мѣсто и глазъ композитора могъ встрѣчаться съ блескомъ знаменитаго брилліанта, душа его наполнялась самыми чудесными и могучими вдохновеніями. Подобно глубокомысленному Ньютону, уединенный и мечтательный Гайднъ, путешествовалъ по небу, не сходя съ своихъ кресель. Воображеніе его, кромѣ перстня, не имѣло нужды ни въ какомъ другомъ возбужденіи и легко увлекало его за облака, гдѣ открывался ему источникъ чистой и небесной гармоніи.

Глюкъ, чтобы разгорячить свое воображеніе и перенестись на крыльяхъ его въ Тавриду, Спарту или мрачныя страны Эреба, выносилъ, обыкновенно, клавишныя свой на обширный, цвѣтущій лугъ, и тамъ, на открытомъ воздухѣ, подъ палашимъ солнцемъ, поставивъ передъ собою бутылку шампанскаго, выражалъ въ гармоническихъ аккордахъ приключенія обѣихъ *Ифигеній*, сѣтованія *Орфеля* или дерзновенную любовь *Париса*.

Моцартъ обладалъ постояннымъ вдохновеніемъ и работалъ всегда и во всякое время, и притомъ почти безпрерывно: днемъ, ночью, въ обществѣ друзей и пріятелей, во время путешествія, на пирушкѣ; иногда для подкрѣпленія силъ своихъ прибѣгалъ къ бутылкѣ венгерскаго вина. Вообще, онъ писалъ чрезвычайно скоро; въ противномъ случаѣ не оставилъ-бы такого огромнаго количества безсмертныхъ твореній, во всѣхъ родахъ музыки. Число всѣхъ его произведеній такъ велико, что изумляетъ своею необъятною массою. Въ каталогѣ Моцартовыхъ произведеній значится 800 нумеровъ, изъ коихъ многіе имѣютъ по 600 страницъ нотной бумаги!—Междутѣмъ Моцартъ умеръ, имѣя отъ роду 36 лѣтъ!!!... Равныйъ прекраснѣйшимъ геніямъ въ различныхъ родахъ

музыки инструментальной и духовной, превосходящей ихъ во многихъ, — Моцартъ не имѣлъ (и до-сихъ-поръ не имѣетъ) соперника въ музыкѣ драматической. Творецъ формъ колоссальнаго развитія, которому подражали потомъ, изобрѣтатель необъятнаго количества мелодій, кои ничто-иное были, какъ слѣдствія чувствованія самаго нѣжнаго, тѣлосложенія чрезвычайно гибкаго, но не методы расчитанной; создатель множества инструментальныхъ соображеній, новыхъ и плѣнительныхъ, удивляющей своею плодovitостью, — сей необыкновенный артистъ навсегда будетъ составлять славу Германіи. Его оперы: «Noces de Figaro», «Don Juan», «Flute enchantée», «L'Enlèvement du Sérail», «Clémenza di Tito», кажутся принадлежащими одному и тому-же маэстро только по находящемуся въ нихъ совершенству; между-тѣмъ, какъ въ самой сущности, почти, не имѣютъ сходства между собою.

Сальери, прежде нежели принимался за работу, выходилъ изъ дому, бѣгалъ по большимъ и многолюднымъ улицамъ, жевалъ конфекты и мерзлые плоды, и держа въ рукахъ костяныя дощечки, отмѣчалъ карандашомъ всѣ счастливыя идеи, которыя приходили ему въ голову и которыя онъ ловилъ, такъ сказать, на лету. Словомъ, онъ искалъ вдохновенія среди толпы народной, и потомъ возвращался въ кабинетъ передавать бумагѣ свои впечатлѣнія.

Сарти держался совершенно противной системы: ему необходима была обширная и темная зала, слабо освѣщенная лампадою и похожая на могильный склепъ. Тамъ, въ ночные часы окруженный мракомъ и тишиною, составляялъ онъ свои полныя жизни и свѣжести аріи. — Такимъ образомъ написалъ онъ: «Medonte»; рондо «Mia speranza» и лучшую изъ всѣхъ извѣстныхъ его арій «La dolce campagna».

Паэзіелло большую часть своихъ твореній написалъ лежа въ постели. На мягкомъ пуховикѣ, подъ теплымъ одѣяломъ, чудный геній его создалъ «Нину», «Севильскаго Цирюльника», «Мельничиху» и другія презосходныя произведенія.

Чимароза любилъ шумную бесѣду пріятелей и друзей, посреди ихъ написалъ: «Гораціевъ и Куріаціевъ» и «Тай-
Кн. VIII. — 9

ный брак». Первое изъ этихъ сочиненій есть опера-seria, и не-смотря на нѣкоторыя неправильности выраженія, самое богатое и оригинальное твореніе въ мірѣ, а другое превосходная комическая опера италіянскаго театра.

Саккини не приходило въ голову ни одной мелодіи, если во время сочиненія не сидѣла съ нимъ его любовница и не играли передъ нимъ его любимыя кошки. Дѣйствительно, въ граціозной и увлекательной музыкѣ Саккини есть какіе-то отголоски нѣжнаго и забавнаго общества, окружавшаго его въ минуты вдохновенія.

Цингарелли поступалъ еще страннѣе, когда хотѣлъ одушевляться: всегда прежде, чѣмъ принимался за сочиненіе, онъ читалъ страницу изъ твореній Св. Отцовъ Церкви или латинскихъ классиковъ. Послѣ сего вдохновеніе у него такъ воспламенялось, что ему нужно было болѣе четырехъ часовъ, чтобы составить первую идею, потомъ развить ее, и наконецъ написать цѣлый первый актъ «Пирра» или «Ромео и Юлія».

Паеръ писалъ своего «Ахилла и Камиллу» шутя съ друзьями, бранясь съ слугами, играя съ собакой, ссорясь съ женою и съ дѣтьми!

Бетховенъ имѣлъ много странностей. Главнѣйшія были: перемѣна мѣстъ жительства и прогулки. Едва онъ поселился въ какомъ-нибудь домѣ, какъ уже находилъ въ немъ что-либо ему не нравившееся, такъ-что не могъ остаться снокою, пока не находилъ другаго мѣста. Всякій день, не-смотря на погоду, въ холодъ, жаръ, дождь, въ бурю, пообедавши, по обыкновенію, въ часъ, шелъ прогуливаться и весьма скоро дѣлалъ обычное путешествіе два раза кругомъ города. Когда находило на него вдохновеніе, то онъ рѣшительно запирался дома и приказывалъ не впускать къ себѣ никого; игралъ и писалъ дни и ночи, не отдыхая ни на минуту. Потомъ снова возвращался къ обыкновенной своей жизни, и тогда по цѣлымъ недѣлямъ не садился даже за фортепьяно.

Спонтини чрезвычайно любилъ ордена и другіе знаки отличій, такъ-что, въ послѣднее время своего музыкальнаго поприща, творецъ *Весталки*, иначе не принимался

за сочиненіе, какъ украсивъ себя всѣми полученными имъ отъ коронованныхъ особъ знаками отличій; на руки надѣвалъ всѣ подаренныя ему перстни, а передъ собою раскладывалъ табакерки.

Беллини работалъ съ трудомъ и нуждался въ роскоши и богатствѣ: онъ жилъ въ великолѣпно-меблированныхъ комнатахъ, строго слѣдовалъ модѣ и искалъ въ будаурахахъ и гостиныхъ мотивовъ, для своихъ элегическихъ мелодій. Одушевившись возбуждающими удовольствіями и наслажденіями, онъ возвращался въ благоухающія комнаты свои; лежа на мягкомъ диванѣ, старался вызвать, звучащія еще въ душѣ его впечатлѣнія, и когда удавалось ему уловить одно изъ этихъ впечатлѣній и передать бумагѣ,—онъ, утомленный, падалъ на подушки.

Обергъ помѣщая на лошадахъ, ему грезятся безпрестанно конскіе заводы, скаковыя лошади и т. п. Онъ почти каждый день прогуливается верхомъ, и каждая прогулка приноситъ ему, какую-либо музыкальную мысль, которую онъ по пріѣздѣ домой, тотчасъ пробуетъ на фортепіано и записываетъ, чтобы потомъ употребить въ какой-либо партитурѣ. Онъ работаетъ довольно скоро и легко; за то и музыка его легка, какъ пухъ.

Модный нынѣ музыкальный подрядчикъ *Донидзетти* пишетъ необыкновенно-скоро. Онъ страстный любитель всякаго рода катаній по водѣ и путешествій пѣшкомъ. *Донидзетти* не можетъ долго пробыть въ одномъ мѣстѣ. Каждая опера его родилась въ другомъ городѣ, подъ другимъ небомъ.

Мейербергъ работаетъ своимъ манеромъ. Весною сильнѣе на него дѣйствуетъ вдохновеніе, и въ это время находитъ страсть путешествовать; можно-бы подумать, что онъ принужденъ гоняться за идеями, сломя голову. У него работа и вдохновеніе производятъ переломъ въ здоровьи и сильныя боли. Это критическое состояніе имѣетъ свои опредѣленные признаки: безпокойство, встревоженность, бессонницу, лихорадку, общее разстройство въ тѣлѣ. *Мейербергъ*, въ духовномъ отношеніи, похожъ на женщину въ родахъ, которая ищетъ облегченія и совѣтуется безпрерывно съ докторомъ. Точно также *Мейербергъ* напа-

даетъ на сочинителя либретто. Онъ посѣщаетъ его, и едва возвращается домой, какъ пишетъ къ нему письма за письмами, посылаетъ безпрестанно людей, и для малѣйшей бездѣлицы просить его къ себѣ. Прихоти его очень измѣнчивы: утромъ хочетъ онъ одного, а вечеромъ перемѣнилъ уже свое мнѣніе. Измученный сочинитель прощается съ нимъ и душевно радуется, что наконецъ условился обо всемъ; теперь, по-крайней-мѣрѣ, онъ можетъ расположить свое время и какъ угодно писать стихи и прискивать рѣшмы. Но едва починилъ онъ перо, какъ звонятъ три раза и слуга подаетъ ему письмо отъ Мейербера, который все хочетъ перевернуть и перемѣнить. Тутъ должно было слышать флейту — онъ замѣняетъ ее трубою; здѣсь ожидали рожка, а онъ непремѣнно хочетъ употребить другой инструментъ; онъ хочетъ при финалѣ звонить въ колокола, прибавить къ тому батальный огонь, нѣсколько пушечныхъ и мортирныхъ выстрѣловъ, и вмѣсто послѣдней ноты, взорвать бочку съ порохомъ. Онъ портитъ стихи, перемѣняетъ рѣшмы, возвращаетъ поэту произведеніе его въ такомъ видѣ, въ какомъ инквизиторы выдавали тѣло грѣшника, принятое въ цѣлости и невредимости. — Кто пишетъ съ Мейерберомъ оперу, тотъ отдается ему и тѣломъ и душою; тотъ получаетъ отъ маэстро болѣе записокъ, чѣмъ у него волосъ на головѣ, которые наконецъ выпадаютъ съ досады.

Изъ всѣхъ, нынѣ существующихъ композиторовъ, одинъ только *Россини* обладаетъ постояннымъ вдохновеніемъ творить всегда и во всякое время, въ какихъ-бы обстоятельствахъ ни находился. Но онъ до того лѣнивъ, что съ большимъ усиліемъ для себя можетъ написать какой-либо романсъ. — Впрочемъ, быть-можетъ, онъ что-нибудь написалъ и теперь пишетъ, только скрываетъ все отъ другихъ.

ПАРИЖСКІЯ ТАЙНЫ,

РОМАНЪ ЭВГЕНІЯ СЮ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

I.

МАРКИЗА ДАРВИЛЛЬ.

Мы расстаемся съ героинею нашего разсказа въ самую опасную минуту и послѣ разскажемъ, что съ нею случилось.

Необходимость заставляетъ насъ, въ этомъ многостороннемъ разсказѣ, безпрестанно переходить отъ одного лица къ другому, чтобы все подвигалось впередъ разомъ.

Мы должны еще послѣдовать за нѣкоторыми изъ дѣйствующихъ лицъ въ чердаки, гдѣ умираетъ съ голоду и холоду нищета скромная, честная и трудолюбивая....

Въ тюрьмы, часто красивыя и раскрашенныя, часто черныя и мрачныя, гдѣ гаснутъ послѣднія искры чести и невинности; куда нерѣдко обвиненный входитъ еще чистымъ, а выходитъ всегда уже испорченнымъ....

Въ больницы, гдѣ бѣдный, за которымъ ухаживаютъ съ трогательнымъ человеколюбіемъ, нерѣдко жалѣетъ о своей прежней, уединенной постели....

Въ таинственныя убѣжища, гдѣ обманутая любовь плачетъ горькими слезами и терзается надъ новорожденнымъ....

Въ страшные дома, гдѣ безуміе, трогательное, смѣшное, глупое, безобразное или звѣрское, является всегда въ формахъ ужасающихъ, начиная отъ тихаго безумнаго, печальнаго, смѣющагося тѣмъ смѣхомъ, отъ котораго можно заплакать.... до бѣшенаго, который рычитъ какъ хищный звѣрь, потрясая рѣшетку своей кѣтки....

Но къ чему исчислять все, что мы еще увидимъ? Можетъ-быть, читатель испугается? До-сихъ-поръ онъ вездѣ за нами слѣдовалъ, но не бросить-ли въ новыхъ странствіяхъ?

Обратимся къ разсказу....

.....
 Читатель помнитъ, что наканунѣ того дня, какъ Сова и Учитель похитили Пѣвицу, Родольфъ спасъ маркизу Дарвилль отъ неминуемой бѣды, въ которую заманила ее ревность Сары. Сара уведомила маркиза о свиданіи, которое жена его назначила Шарлю Роберу такъ неосторожно.

Родольфъ вышелъ изъ дома въ улицѣ Тамплъ и отправился прямо домой, отложивъ до завтра посѣщеніе Риголетты и семейства несчастнаго ремесленника Морель. Онъ думалъ, что оно ужъ не нуждается, имѣя въ рукахъ кошелекъ, который онъ далъ маркизѣ, чтобъ мужъ ея скорѣе повѣрилъ, что она пріѣхала въ этотъ домъ для благотворительной цѣли. Къ-несчастью, Родольфъ не замѣтилъ, что Хромой укралъ кошелекъ.

Въ четыре часа, Родольфъ получилъ письмо....

Старуха принесла его и ушла, не дождавшись отвѣта.

Вотъ оно:

«Я обязана Вашей Свѣтлости болѣе, чѣмъ жизнью; и желала-бы сегодня-же благодарить васъ. Завтра, можетъ-быть, я онѣмѣю отъ стыда. Если вамъ угодно удостоить меня посѣщеніемъ сегодня вечеромъ, то вы кончите день, какъ начали его.... добрымъ дѣломъ!»

Маркиза Дарвилль».

«P. S. Не трудитесь отвѣчать мнѣ; я буду дома весь вечеръ».

Родольфъ радовался, что могъ оказать маркизѣ такую важную услугу, но и жалѣлъ, что этотъ случай вдругъ завелъ между имъ и ею насильственную короткость.

Онъ никогда не измѣнилъ-бы дружбѣ съ Дарвиллемъ, но, чувствуя, что слишкомъ занимается граціею, умомъ и красотою маркизы, онъ рѣшилъ не видаться съ нею, послѣ самыхъ частыхъ посѣщеній.

Съ душевнымъ волненіемъ вспомнилъ онъ разговоръ Тома и Сары на балѣ у * * * посланника. Сара оправдывала свою ненависть и ревность тѣмъ, что маркиза любитъ Родольфа, сама того не зная; Сара понимала, что Клеменція Дарвилль, не находя отвѣта въ чувствахъ Родольфа, могла съ досады принять участіе въ воображаемыхъ несчастіяхъ Шарля Робера, но не могла совершенно забыть Родольфа.

Родольфъ, думая о предстоящемъ свиданіи съ Клеменціею, впадалъ въ самыя странныя противорѣчія. Рѣшившись не предаваться чувству, которое влекло его къ ней, онъ радовался, что можетъ разлюбить ее за неудачный выборъ Шарля Робера, то напротивъ жалѣлъ, что исчезли мечты, которыми онъ окружалъ ее....

И маркиза ждала этого свиданія съ трепетомъ; ее мучили два чувства: печальное смущеніе, когда она думала о Родольфѣ.... глубокое отвращеніе, когда мысль ея падала на Робера.

Многія причины породили это отвращеніе.... эту ненависть.

Женщина пожертвуетъ для мужчины своимъ спокойствіемъ, своею честью; но она никогда не проститъ ему, если онъ поставитъ ее въ унижительное или смѣшное положеніе.

А маркиза едва не умерла со стыда, слушая дерзкія насмѣшки и видя грубые взгляды г-жи Пилле!

Но это еще не все....

Узнавъ отъ Родольфа объ угрожающей опасности, Клеменція побѣжала въ верхъ по лѣстницѣ, и проходя мимо полуоткрытой двери Робера, видѣла его въ знаменитомъ

халать.... Онъ смотрѣлъ съ улыбкой, какъ побѣдитель, увѣренный въ самомъ-себѣ!... Дерзость *значеніа* костюма его, показала маркизѣ, какъ жестоко ошибалась она на-счетъ этого челоѣка. Увлечшись добротою сердца, великодушіемъ свомъ, она назначила ему роковое свиданіе не по-любви, а только изъ состраданія... Она хотѣла вознаградить его за смѣшную роль, которую герцогъ Люсьне заставилъ его играть при ней на балѣ у*** посланника.

Какое почувствовала она отвращеніе, какъ смутилась, увидѣвъ, что Шарль Роберъ одѣтъ торжествующимъ побѣдителемъ!...

Деять часовъ пробило на часахъ въ гостиной, гдѣ сидѣла маркиза.

Гостиная, гдѣ она хотѣла принять Родольфа, отличалась превосходною мебелью; во всемъ видѣнъ былъ изящный вкусъ и изобрѣтательное воображеніе:

Углубясь въ кресло, обитое желтою матерією, Клеменція неравнодушно ждала Родольфа. На ней было черное бархатное платье съ высокою воротникомъ.... По мѣрѣ приближенія минуты, въ которую долженъ былъ приѣхать Родольфъ, волненіе Клеменціи увеличивалось. Послѣ долгихъ размышленій, она рѣшилась довѣрить ему страшную тайну.... въ надеждѣ, что откровенностію своею заслужитъ его уваженіе, которое было для нея такъ лестно.

Оживленная благодарностію, прежняя любовь ея къ Родольфу пробуждалась съ новою силою. Предчувствіе, рѣдко обманывающее любящія сердца, говорило ей, что не одинъ случай привелъ Князя въ улицу Тампль, для ея спасенія, и что когда онъ пересталъ къ ней ѣздить, то покорился чувству, вовсе непохожему на отвращеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостиную лакей, осторожно постучавъ прежде въ дверь; и сказалъ Клеменціи:

— Угодно-ли вамъ видѣть госпожу Аштонъ и маленькую маркизу?

— Разумѣется, отвѣчала маркиза.

Дочь ея медленно вошла въ гостиную.

Она была дѣвочка лѣтъ четырехъ, прелестной наружности, но болѣзненно-блѣдная и страшно-худая. Г-жа Аштонъ, гувернантка ея, вела ее за руку; Кларисса, не смотря на свою слабость, подбѣжала къ матери и хотѣла обнять ее. Черныя ея волосы были заплетены въ двѣ косы, обвивавшіяся вокругъ головы. Сверхъ платья, она носила шолковую кацавейку на ватѣ.

Черныя ея глаза казались огромными, такъ щеки ея ввалились. Граціозная улыбка появилась на блѣдномъ лицѣ Клариссы, когда ее посадили на колѣна къ матери, которая цѣловала ее съ печальною и страшною нѣжностію.

— Что теперь съ нею? Лучше-ли ей? спросила маркиза у гувернантки.

— Такъ, но давеча я опять боялась....

— Опять! вскричала Клеменція, прижимая дочь къ груди, съ невольнымъ трепетомъ.

— По-счастью, страхъ мой былъ напрасенъ, продолжала гувернантка: припадка не было, и она успокоилась.... послѣ обѣда, она спала очень мало, но теперь не хотѣла лечь въ постель, не простясь съ вами.

Маркиза нѣжно цѣловала дочь, когда лакей отворилъ обѣ половинки двери и доложилъ, что приѣхалъ Его Свѣтлость, Князь Герольштейнскій.

Увидавъ Родольфа, Клеменція покраснѣла, спустила дочь на коверъ, приказала гувернанткѣ увести ребенка, и встала.

— Позвольте мнѣ, маркиза, сказалъ Родольфъ, поклонившись ей почтительно, возобновить старое знакомство съ маленькой моею пріятельницею, которая, можетъ-быть, забыла меня.

И, наклонившись, онъ протянулъ руку къ Клариссѣ.

— Она сначала пристально и съ любопытствомъ смотрѣла на него; потомъ, узнавъ его, мило кивнула головой и послала ему поцѣлуй черезъ тощіе свои пальцы.

— Ты узнала Его Свѣтлость? спросила Клеменція.

Дѣвочка кивнула головою утвердительно и послала Родольфу еще поцѣлуй.

— Кажется, здоровье ея поправилось, съ-тѣхъ-поръ какъ я ее не видалъ, сказалъ Родольфъ съ участіемъ, обращаясь къ маркизѣ.

— Да, ей немножко лучше, но все еще она страдаетъ.

Маркиза и Родольфъ, оба равно смущенные, думая о предстоящемъ разговорѣ, радовались что онъ отсроченъ на нѣсколько минутъ присутствіемъ ребенка; но гувернантка увела Клариссу, и Клеменція осталась наединѣ съ Родольфомъ.

II.

П Р И З Н А Н І Я .

Кресло маркизы стояло на-право отъ камина, къ которому Родольфъ прислонился. Онъ не захотѣлъ сѣсть.

Никогда еще благородныя и выразительныя черты Родольфа не поражали такъ Клеменцію; никогда еще голосъ его не казался такимъ сладкимъ, такимъ трогательнымъ!

Чувствуя, какъ тяжело маркизѣ начать разговоръ, Родольфъ сказалъ ей:

— Маркиза! вы едва не стали жертвою самой гнусной измѣны.... Подлый доносъ графини Сары могъ погубить васъ....

— Какъ! вскричала Клеменція.... Мое предчувствіе не обмануло меня! Но какимъ образомъ вы это узнали?

— Вчера, случайно, на балѣ у графини***, я узналъ тайный заговоръ противъ васъ. Я сидѣлъ за густыми деревьями; графиня Сара, не подозрѣвая, что я тутъ, рассказывала своему брату свои гнусныя предпріятія.... Я хотѣлъ писать къ вамъ, но боялся, что маркизъ распечатаетъ письмо, и потому рѣшился на послѣднее средство: предупредить васъ въ томъ-самомъ домѣ, гдѣ.... Простите, я слишкомъ заговорился о предметѣ, который вамъ непріятенъ....

Маркиза, подумавъ, отвѣчала Родольфу:

— Я могу доказать Вашей Свѣтлости мою благодарность.... признаніемъ, котораго я никому еще не повѣряла. Оно не извинитъ меня передъ вами, но вы увидите, что я не совсѣмъ виновата.

— По-правдѣ сказать, маркиза, мои отношенія къ вамъ теперь очень затрудняютъ меня....

— Отчего-же? спросила Клеменція, удивляясь шутливому его тону.

— Теперь я долженъ играть съ вами роль дѣдушки и радоваться, что вы не попали въ сѣти, раставленные вамъ графиней Макъ-Грегоръ. Какъ другъ, какъ братъ вашего мужа, душевно радуюсь, что вы возвратили ему покой и блаженство.

Вы другъ Дарвилля, и потому-то я хочу сказать вамъ всю правду и о несчастномъ моемъ выборѣ... и о моемъ поступкѣ, который такъ оскорбляетъ вашего друга и брата....

— Счастливъ и горжусь, что заслужилъ ваше довѣріе.... На-счетъ вашего выбора, позвольте вамъ сказать, что вы уступили чувству искренняго сожалѣнія и настойчивости графини Сары, которая имѣла свои причины вредить вамъ.... Еще я знаю, что вы долго колебались и невдругъ рѣшились на поступокъ, о которомъ теперь такъ жалѣете!

Клеменція смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Вы удивляетесь? Объясню вамъ эту тайну въ другой разъ, чтобъ вы не почитали меня колдуномъ, прибавилъ Родольфъ съ улыбкою. Но совершенно-ли успокоился вашъ мужъ?

— Да, отвѣчала Клеменція, смутившись; и мнѣ тяжело слушать, какъ онъ проситъ у меня прощенія, что смѣлъ подозрѣвать меня.... какъ онъ восхищается моею скромностію на-счетъ моихъ добрыхъ дѣлъ.

— Онъ счастливъ этимъ заблужденіемъ, такъ не разочаровывайте его! Женщина прелестна, когда должна скрывать отъ мужа какой-нибудь проступокъ.... Нельзя вообразить, какіе прелестные цвѣты производитъ почва

взмѣны!... Когда я былъ молодъ, то всегда чувствовалъ недовѣрчивость, когда замѣчалъ быстрое развитіе женской нѣжности. Если мужъ старается угодить женѣ, а она ему,—они, вѣрно, скрываютъ взаимную невѣрность...

Маркиза сперва удивлялась, что Родольфъ шуточнымъ тономъ говоритъ о происшествіи, которое могло имѣть для нея страшныя послѣдствія; но потомъ она поняла, что Родольфъ хочетъ только уменьшить важность своей услуги, и сказала ему съ глубокимъ чувствомъ:

— Я понимаю великодушіе Вашей Свѣтлости.... Теперь вамъ можно шутить и забывать опасность, отъ которой вы спасли меня.... Но мое признаніе будетъ такъ важно, такъ горестно, оно имѣетъ такую связь съ сегодняшнимъ происшествіемъ, ваши совѣты могутъ быть такъ мнѣ полезны, что я умоляю васъ вспомнить, что вы спасли мнѣ честь и жизнь.... да, жизнь!... У мужа моего былъ пистолетъ.... онъ мнѣ самъ сказалъ сегодня, въ минуту раскаянія.... онъ хотѣлъ убить меня!...

— Возможно-ли? вскричалъ Родольфъ съ ужасомъ.

— Онъ имѣлъ полное право,—грустно отвѣчала маркиза.

— Повѣрьте, маркиза, я не могу быть равнодушнымъ къ тому, что васъ занимаетъ.... Если я шутилъ, такъ имѣлъ цѣлю—не опечаливать васъ тяжелымъ воспоминаніемъ о сегодняшнемъ утрѣ... Теперь, когда вы изволите говорить, что мои совѣты могутъ быть вамъ полезны, я васъ слушаю съ благоговѣніемъ....

— Прежде, позвольте рассказать вамъ мою прошедшую жизнь, которой Ваша Свѣтлость не знаетъ.... до моего замужства....

Родольфъ склонился въ знакъ согласія; Клеменція продолжала:

— Въ шестнадцать лѣтъ, я лишилась матери.... Не могу выразить, какъ я ее любила!... Удалившись отъ свѣта, отъ удовольствій, она предавалась одному наслажденію—воспитывать меня....

Представьте наше изумленіе, когда вдругъ отецъ мой, въ то самое время, какъ оканчивалось мое воспитаніе,

объявилъ намъ, что, по слабости здоровья моей матери, онъ опредѣляетъ ко мнѣ гувернантку, молодую вдову, которая заслуживаетъ участіе по своимъ несчастіямъ.... Маменька сначала не соглашалась исполнить его желаніе.... Я умоляла его, не замѣнять мнѣ мать неизвѣстною мнѣ женщиной; но онъ не тронулся нашими слезами.... Вдова эта, г-жа Роланъ, переѣхала къ намъ въ домъ и заняла мѣсто гувернантки....

— На этой г-жѣ Роланъ и женился вашъ отецъ вскорѣ послѣ вашей свадьбы?

— Да, на ней!

— Такъ она была красавица?

— Нѣтъ, не очень хороша.

— Или очень умна?

— Такъ.... умѣла скрытничать, хитрить... Ей было лѣтъ двадцать-пять; — бѣлокурые волосы, почти бѣлыя брови, большіе голубые глаза.... Лицо ея выражало покорность и лѣсть; ея характеръ, гнусный до жестокости, казался угодливымъ до низости.

— А ея ученость?

— Она почти ничего не знала.... И какъ отецъ мой не понималъ, что явная неспособность и глупость этой женщины скоро покажетъ настоящую причину ея присутствія въ нашемъ домѣ? Маменька замѣтила ему, что г-жа Роланъ ровно ничего не знаетъ. Онъ отвѣчалъ ей, голосомъ, который не допускаетъ возраженій, что бѣдная вдова останется по-прежнему въ домѣ, хоть ничего не знаетъ. Тутъ мать моя поняла все: она плакала не о невѣрности мужа, но о безпорядкахъ, которые послѣдуютъ въ домѣ за этою связью.... и о которыхъ я могла узнать!...

— Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ могъ вашъ отецъ держать ее въ своемъ домѣ, вмѣстѣ съ вами?

— Вы еще больше-бы удивились, если-бъ знали отца моего и его правила; только вліяніе г-жи Роланъ могло заставить его забыть приличія.... только ея вліяніе!... Она скрывала его подъ маскою сильной страсти къ отцу моему....

- Который годъ ему былъ тогда?
- Почти шестьдесятъ лѣтъ.
- И онъ вѣрилъ любви такой молодой женщины?
- Отецъ мой, въ молодости, былъ избалованъ дамами.... г-жа Роланъ, слѣдуя инстинкту или ловкимъ со-
вѣтамъ....
- Кто-же былъ ея совѣтникомъ?

— Я сей-часъ все скажу Вашей Свѣтлости... Зная, что старые волокиты любятъ, чтобъ хвалили ихъ нару-
жность — это напоминаетъ имъ счастливую молодость, — она льстила отцу моему, хвалила прелесть его лица, не-
подражаемую грацію въ обращеніи.... а ему шестьдесятъ лѣтъ!... Но онъ попался въ сѣти.... Вотъ настоящая при-
чина безграничнаго вліянія этой женщины на него! Ча-
сто говорила она, что мужчина *музаетъ* только въ пять-
десятъ или пятьдесятъ-пять лѣтъ.... что тогда только развиваются его силы и способности, только тогда при-
обрѣтаетъ онъ имя и уваженіе въ свѣтѣ.... Это *мужество*, прибавляла г-жа Роланъ, оцѣнивается только умными женщинами, способными любить; онѣ не слушаютъ увѣ-
реній сорокалѣтнихъ болтуновъ, на которыхъ нельзя еще положиться и которыхъ незначительныя лица не *опозтизи-
рованы* еще величественною печатью опыта и глубокаго знанія жизни.

Родольфъ улыбнулся, увидя, съ какимъ проницательнымъ жаромъ маркиза Дарвилль рисовала портретъ своей ма-
чихи.

— Я только одного не прощаю смѣшнымъ людямъ, сказалъ онъ.

— Чего-же? спросила маркиза....

— Ихъ злобы! она мѣшаетъ смѣяться надъ ними отъ души!

— Они, можетъ-быть, на это рассчитываютъ....

— Очень легко можетъ быть, а это жаль; вотъ напримѣръ, еслибъ г-жа Роланъ не мучила васъ, я охотно посмѣялся-бы надъ изобрѣтеннымъ ею *мужествомъ* и надъ ея сорокалѣтними мальчиками!...

— О! я не жаловалась-бы на г-жу Роланъ; но ея гнусные поступки съ моею матерью.... ея участіе въ моей свадьбѣ.... вотъ что поселило во мнѣ отвращеніе къ ней! сказала Клеменція, съ примѣтнымъ принужденіемъ.

Родольфъ смотрѣлъ на нее съ глубокимъ изумленіемъ.

— Мужъ мой—вашъ другъ, продолжала маркиза твердымъ голосомъ. Знаю всю важность словъ, которыя я вамъ сей-часъ сказала.... Скоро вы скажете мнѣ, что я права... Маменька хотѣла удалить отъ меня г-жу Роланъ; отецъ мой не согласился.... Мы удалились въ особый флигель, гдѣ жили одни, а гувернантка моя осталась съ батюшкой и принимала гостей, какъ хозяйка дома.... Это такъ огорчало мать мою, что она сдѣлалась больна.... Къ ней приставили доктора, Итальянца, рекомендованнаго г-жею Роланъ....

Маркиза такъ зарыдала, что едва могла говорить.

— Признаюсь, я чувствовала къ нему отвращеніе, единственно потому, что онъ попалъ въ домъ черезъ мою гувернантку.... Полидори былъ очень ученъ....

— Чтò вы говорите? вскричалъ Родольфъ.

— Чтò съ вами? спросила Клеменція, замѣтивъ, что Родольфъ измѣнился въ лицѣ.

— Какихъ лѣтъ былъ этотъ Полидори?

— Лѣтъ пятидесяти.

— А лицомъ?

— Страшенъ.... Глаза свѣтло-зеленые; носъ крючкомъ, какъ у орла....

— Это онъ! точно онъ! вскричалъ Родольфъ.

III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗСКАЗА.

— Не въ Парижѣ-ли теперь этотъ Полидори? спросилъ Родольфъ у маркизы.

— Не знаю, Ваша Свѣтлость. Онъ лечилъ одну изъ моихъ пріятельницъ, герцогиню Люсне....

- Герцогиню Люсне!
- Да; что-жь тутъ удивительнаго?
- Не могу сказать вамъ; но позвольте спросить, что говорила о немъ герцогиня?
- Она рассказывала, что онъ пишетъ къ ней презанимательныя письма о земляхъ, по которымъ путешествуетъ.... но мѣсяцъ тому назадъ, когда я опять спросила у герцогини про Полидори, она смѣшалась и отвѣчала, что не имѣетъ о немъ извѣстій, что онъ, вѣрно, умеръ.... Такъ вы его знаете?
- Да, къ несчастію; но продолжайте рассказъ объ этомъ страшномъ человѣкѣ, который способенъ на всѣ преступленія....
- На преступленія!... А маменька скончалась у него на рукахъ.... Ваша Свѣтлость! Вы сказали мнѣ слишкомъ много.... или слишкомъ мало!
- Не обвиняю его въ смерти маркизы но радуюсь, что отецъ вашъ, послѣ свадьбы съ г-жею Роланъ, не имѣлъ нужды въ его помощи....
- Боже мой! сказала маркиза со слезами: предчувствіе не обмануло меня!
- Какое предчувствіе?
- Говоря объ отвращеніи моемъ къ доктору, рекомендованному г-жею Роланъ, я вамъ не все сказала....
- Какъ не все?
- Да, я боялась обвинить невиннаго.... но теперь все скажу. Пять дней я безотлучно сидѣла возлѣ больной моей матери; наконецъ рѣшилась выдти на террасу подышать свѣжимъ воздухомъ. Я проходила по темному корридору.... Полидори выходилъ изъ комнаты г-жи Роланъ.... Они меня не видали. Она говорила ему что-то на ухо. Онъ отвѣчалъ ей: *Послѣ завтра*. Она опять заговорила; онъ опять повторилъ: *Послѣ завтра, говорю вамъ, послѣ завтра!*
- Что-жь это значило?
- А вотъ что: Полидори говорилъ это въ среду вечеромъ, а въ пятницу мать моя скончалась!

— О! это ужасно!

— Я вспомнила его страшное предсказаніе, но все не смѣла обвинять его.... Послѣ смерти моей матери, вѣбѣмъ нашимъ домомъ завладѣла г-жа Роланъ.... Я хотѣла удалиться въ монастырь; отецъ не пустилъ меня.... и я была принуждена жить съ женщиной, которую несправедливо презирала.... которой не могла сказать ласковаго слова, не оскорбляя памяти моей доброй матери....

— Какая тяжелая жизнь!... Не думалъ я, чтобъ вы ужъ такъ много страдали.... Вы мнѣ никогда ничего не говорили....

— Никогда еще мнѣ не было нужно извиняться передъ Вашею Свѣтлостію въ простукѣ.... Я съ намѣреніемъ рассказываю вамъ такъ подробно о моей дѣвичьей жизни, чтобъ вы поняли, почему я вышла за Дарвилля....

Возвратившись въ *Обье*, (такъ называлось помѣстье отца моего) я нашла тамъ г-жу Роланъ—полною хозяйкою.... Она занимала даже комнаты покойной моей матери. Я съ негодованіемъ жаловалась отцу на ея неприличный поступокъ; онъ строго отвѣчалъ мнѣ, что я должна почитать г-жу Роланъ второю матерью. Я продолжала жаловаться; онъ очень на меня разсердился, и г-жа Роланъ вступилась за меня....

— Будьте снисходительны къ Клеменцію, говорила она отцу моему: надобно жалѣть ее даже въ минуты гнѣва....

— Ага! кричалъ отецъ мой! Слышишь-ли? Какъ она добра! какъ великодушна! Проси у ней прощенія!

— Маменька видитъ и слышитъ меня, отвѣчала я.... она никогда не проститъ меня, если я рѣшусь унижить-ся....

Я вышла.... Но извините, Ваша Свѣтлость, что я занимаю васъ такими мелочами: только онѣ могутъ Вамъ дать понятіе о моей тогдашней жизни....

Мѣсяца черезъ три, отецъ мой снялъ трауръ, подл предлогомъ, что трауръ надобно носить въ сердцѣ.... Холодность его ко мнѣ быстро возрастала; я видѣла его только за завтракомъ и за обѣдомъ; въ остальное время дня, я могла прогуливаться верхомъ, въ сопровожденіи

одного лакея, или отправляться въ лѣса, которыми окруженъ замокъ.... Иногда я не являлась къ завтраку, и отецъ мой даже не спрашивалъ обо мнѣ.

— Какая странная забывчивость! замѣтилъ Родольфъ.

— Рѣдко встрѣчалась я съ г-жею Роланъ наединѣ.... Мы обѣ избѣгали подобныхъ встрѣчъ.... Однажды она сказала мнѣ:

«Берегитесь.... вы хотите бороться со мною.... я васъ раздавлю»....

— Какъ раздавили мать мою! отвѣчала я.... жаль, что здѣсь нѣтъ Полидори; онъ, можетъ-статься, увѣрилъ-бы васъ, что это сбудется *посль завтра*.

Слова мои произвели на г-жу Роланъ глубокое впечатлѣніе, но она скоро оправилась и хладнокровно спросила у меня, что я хочу сказать?

— Когда будете одинъ, спросите у самой-себя, и совѣсть дастъ вамъ отвѣтъ!

Вскорѣ потомъ одинъ случай рѣшилъ мою участь. Между картинами, украшавшими гостиную, висѣлъ и портретъ моей матери.... Вдругъ онъ исчезъ.... Въ этотъ день, у насъ былъ нотаріусъ Дорваль, который всегда показывалъ къ матери моей особенную преданность. Войдя въ гостиную, я спросила гдѣ портретъ?

— Онъ всегда возбуждалъ во мнѣ самыя печальныя мысли, отвѣчалъ мнѣ отецъ: и я велѣлъ его вынести. Гдѣ онъ теперь?

— Въ кладовой, сказала г-жа Роланъ, гордо посмотрѣвъ на меня, въ надеждѣ, что присутствіе гостей помѣшаетъ мнѣ отвѣчать ей.

— Я очень понимаю, отвѣчала я хладнокровно, что вамъ тяжело глядѣть на черты моей матери; но развѣ по этой причинѣ можно ссылатъ въ кладовую портретъ женщины, которая изъ состраданія позволила вамъ жить въ своемъ домѣ, когда вы были—нищя!...

— Хорошо! прервалъ Родольфъ.... Такое холодное презрѣніе поразило ее!...

— Молчи! сказалъ мнѣ отецъ.

— Признайтесь, батюшка, что женщина, которая так низко оскорбляет память своей благодѣтельницы, заслуживаетъ только презрѣніе и отвращеніе.

Отецъ мой остолбенѣлъ. Г-жа Роланъ покраснѣла отъ стыда и гнѣва; гости смутились и молчали.

— Ты забываешь, сказалъ мнѣ отецъ, что г-жа Роланъ—подруга твоей матери, что она надзирала и надзираетъ теперь за твоимъ воспитаніемъ съ материнскою заботливостію.... Ты забываешь, что и я оказываю ей всегда самое почтительное уваженіе....

— Позвольте замѣтить, прервала г-жа Роланъ, что я ничѣмъ не обязана вашей матери; она показывала мнѣ одно только отвращеніе, и я жила здѣсь противъ ея воли....

— Изъ уваженія къ отцу моему и къ себѣ, не повѣряйте намъ такихъ постыдныхъ тайнъ, сказала я: не то, я пожалѣю, что вынудила васъ на такое признаніе....

Г-жа Роланъ прервала разговоръ самымъ простымъ образомъ: она упала въ обморокъ.... Гости ушли, какъ будто за докторомъ; я тоже сдѣлала, а отецъ мой между тѣмъ ухаживалъ за нею очень усердно.

— Какъ онъ долженъ былъ на васъ разсердиться! вскричалъ Родольфъ.

— На другое утро, онъ пришолъ ко мнѣ и сказалъ:

«Чтобы подобныя сцены не возобновлялись, я объявляю тебѣ, что женюсь на г-жѣ Роланъ, какъ скоро срокъ траура кончится.... Тебѣ надобно выдти за-мужъ прежде моей женитьбы.... Милліонъ, принадлежавшій твоей матери,—твое приданое!... Мнѣ уже сдѣланы предложенія на твой счетъ, я займусь ими.... А чтобъ ты не могла огорчать моей будущей жены при гостяхъ, я приказалъ, чтобы тебя только тогда пускали въ гостиную, когда я тамъ буду одинъ съ г-жею Роланъ.»

Послѣ этого я видала отца только во время обѣда.... Всѣ мы молчали.... Мнѣ было такъ скучно, что я съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда отецъ заговорить о свадьбѣ моей, и рѣшилась на все согласиться.... Г-жа Роланъ выдумала новый способъ мучить меня: она си-

дѣла въ креслѣ моей матери, работала на ея пальцахъ, читала ея книги....

— Понимаю, какъ это было вамъ неприятно.... Но неужели у васъ не было никакого утѣшенія? Никто не раздѣлялъ вашихъ страданій?

— Никто; только одинъ разъ добрый Дорваль, свидѣтель сцены съ г-жею Роланъ, показалъ мнѣ искреннее участіе.... По приказанію отца, я никогда не показывалась въ гостиную, когда тамъ бывали гости.... стало быть, я не могла видѣть Дорвала; но онъ однажды вышелъ въ садъ и нашелъ меня въ любимой моей аллеѣ....

— Графиня, сказалъ онъ мнѣ, я боюсь, что батюшка вашъ застанетъ насъ.... вотъ вамъ письмо.... прочтите и потомъ сожгите его.... Дѣло идетъ о важномъ для васъ обстоятельстве....

Онъ исчезъ....

Въ письмѣ, онъ увѣдомлялъ меня, что меня отдають за маркиза Дарвилля; онъ молодой, очень богатъ, хорошо образованъ, очень красивъ.... но двѣ невѣсты уже отказали ему.... Нотариусъ не могъ сказать мнѣ причины отказа, но почелъ долгомъ извѣстить меня объ этомъ....

IV.

СТРАШНАЯ ТАЙНА.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ Родольфъ: теперь я вспомнилъ, — мужъ вашъ сказывалъ мнѣ, что двѣ первыя его свадьбы разошлись по денежнымъ расчетамъ....

Маркиза грустно улыбнулась и отвѣчала:

— Сей-часъ Ваша Свѣтлость узнаетъ всю правду.... Черезъ нѣсколько дней, г-жа Роланъ поѣхала въ Парижъ, не болѣе, какъ на недѣлю, но отецъ мой страдалъ и отъ этой непродолжительной разлуки.... Онъ сталъ еще холоднѣе ко мнѣ и однажды, на вопросъ мой о его здоровьѣ, отвѣчалъ:

— Я очень страдаю, и ты виновата....

— Я, батюшка?

— Да.... Ты знаешь, что я не могу жить безъ г-жи Роланъ, а она поѣхала въ Парижъ изъ участія къ тебѣ....

— Это *участіе* Г-жи Роланъ испугало меня. Я поняла, что дѣло идетъ о моемъ замужствѣ. Когда будущая моя мачиха возвратилась, отецъ мой былъ внѣ себя отъ радости. На другой день онъ позвалъ меня въ свой кабинетъ; тамъ никого не было, кромѣ г-жи Роланъ.

— Давно я думаю, какъ-бы тебя пристроить, сказалъ онъ. Трауръ кончится черезъ мѣсяць. Завтра приѣдетъ сюда маркизь Дарвилль; онъ видалъ тебя въ свѣтѣ и желаетъ на тебѣ жениться... Денежныя дѣла устроены.... Если ты не выйдешь за мужъ, я все-таки женюсь тотчасъ по окончаніи траура.

— Понимаю, батюшка; если я не выду за-мужъ, вы женитесь, и позволите мнѣ удалиться въ монастырь....

— Какъ хочешь!

— Вы ничего не сказали ему объ извѣстии, сообщенномъ вамъ нотаріусомъ? спросилъ Родольфъ.

— Сказала въ тотъ-же день.... Я просила позволенія поговорить съ димъ наединѣ....

— У меня нѣтъ секретовъ отъ г-жи Роланъ, отвѣчалъ мнѣ отецъ: можешь говорить при ней....

Я молчала....

— Еще разъ повторяю, сказалъ онъ строгимъ голосомъ: у меня нѣтъ ничего скрытаго отъ г-жи Роланъ; говори при ней....

— Я лучше подожду, батюшка, когда вы будете одни....

Г-жа Роланъ встала съ досадою и вышла.

— Теперь ты довольна... говори-же!...

— Я согласна на ваше предложеніе, батюшка; но я узнала, что маркизь Дарвилль получилъ уже отказъ отъ двухъ невѣстъ....

— Знаю, знаю, прервалъ онъ.... Отказы произошли отъ денежныхъ расчетовъ, въ которыхъ нимаю не пострадала честь маркиза. Если у тебя нѣтъ другихъ воз-

раженій, ты можешь считать себя невѣстою.... и счастливою, потому-что я имѣю въ виду только твое счастье!

И г-жа Роланъ радовалась этой свадьбѣ.... Она все устроила.... Она знала, почему маркизу отказывали, и отдала его мнѣ....

— Для чего-же? спросилъ Родольфъ.

— Она хотѣла отомстить мнѣ, предавъ меня на жертву страшнымъ мученіямъ....

— Какимъ-же? спросилъ опять Родольфъ.

— Сейчасъ узнаете, Ваша Свѣтлость.... Маркизъ пріѣхалъ въ *Обье*; его обращеніе, умъ, лицо понравились мнѣ. Онъ казался добрымъ, тихимъ, но печальнымъ.... Часто лицо его выражало какую-то робость, уныніе, недовѣрчивость къ самому-себѣ.... Черезъ нѣсколько времени послѣ пріѣзда, маркизъ не показывался намъ цѣлыхъ два дня.... Батюшка хотѣлъ его видѣть, но камердинеръ увѣрилъ его, что маркизъ страдаетъ сильною мигренью и не можетъ никого видѣть. Когда маркизъ вышелъ, я нашла въ немъ перемѣну: онъ былъ очень блѣденъ.... Мало-по-малу я привязывалась къ нему, находя въ немъ много достоинствъ, а онъ предупреждалъ малѣйшія мои желанія.... Онъ догадался о моихъ отношеніяхъ къ отцу и г-жѣ Роланъ, и самымъ тонкимъ образомъ далъ мнѣ почувствовать, что еще болѣе любитъ меня за мои страданія....

— Отчего вы не спросили его о прежнихъ двухъ отказахъ? замѣтилъ Родольфъ.

— Видя его доброту и благородство, я почти рѣшилась спросить его объ этомъ, но страхъ, что огорчу его, удержалъ меня. Чѣмъ ближе подходилъ день свадьбы, тѣмъ Дарвилль былъ счастливѣе, однакожь два или три раза онъ показался мнѣ невыразимо печальнымъ.... Онъ смотрѣлъ на меня со слезами и какъ-будто хотѣлъ въ чемъ-то мнѣ признаться.... Я испугалась и спросила о причинѣ тоски.... Онъ отвѣчалъ:

— Простите меня; моя радость всегда печальна....

Эти слова, произнесенныя трогательнымъ голосомъ, успокоили меня.... Люсне и Сенъ-Реми, шаферы марки-

за, приѣхали; созвали родственниковъ... и обвинчали насъ!

Тутъ маркиза поблѣднѣла и остановилась отъ внутренняго волненія; потомъ продолжала:

— Послѣ свадьбы, отецъ поцѣловалъ меня, а г-жа Роланъ пожала мнѣ руку, сказавъ:

«Не забудьте обо мнѣ въ счастіи, вѣдь я устроила вашу свадьбу.»

Тогда я не понимала еще настоящаго смысла этихъ словъ.... Насъ обвинчали въ одиннадцать часовъ; мы тотчасъ сѣли въ дормезъ и отправились въ Парижъ. Мы ѣхали такъ скоро, что въ десять часовъ были ужъ въ Парижъ.... Меня отвели въ мою комнату....

Волненіе маркизы увеличивалось.... щеки покрылись горячимъ румянцемъ.... Она продолжала голосомъ, раздравшимъ душу:

— Однако подобно вамъ все разказать.... иначе вы будете презирать меня.... Маркизъ пришелъ въ мою комнату... Вдругъ схватилъ онъ меня за руку... пронзительно закричалъ.... Я хочу высвободить руку, умоляю его.... онъ ничего не слышитъ.... Лицо его скривилось отъ страшныхъ судорогъ.... глаза его ужасно прыгаютъ.... ротъ наполняется кровавою пѣною.... Окоченѣлые его пальцы выпускаютъ наконецъ мою руку.... и я падаю въ обморокъ, въ ту самую минуту, когда маркизъ изнемогаетъ въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ припадка.... Вотъ какъ провела я первую ночь брака!... Вотъ мщеніе г-жи Роланъ!

— Несчастливая! сказалъ Родольфъ съ ужасомъ. Понимаю.... у него эпилепсія!... Возможно-ли?

— И это еще не все!... Дочь моя наслѣдовала отъ него эту болѣзнь....

— Какъ? Ея блѣдность, ея слабость....

— Происходятъ отъ той-же болѣзни.... и доктора увѣряютъ, что она неизлечима, потому-что перешла отъ отца....

Маркиза закрыла лицо руками; открытіе печальной тайны такъ ее изнурило, что она не могла выговорить ни слова....

Родольфъ тоже не могъ говорить.

Печальное и страшное признаніе маркизы породило въ Родольфѣ самыя горькія размышленія...

Таковы законы Франціи, думалъ онъ: прелестная и чистая дѣвушка, жертва гнуснаго обмана, соединяетъ судьбу свою съ человѣкомъ, страдающимъ ужасною болѣзнію, которая должна перейти къ дѣтямъ по наслѣдству. Несчастная узнаетъ страшную тайну; но какъ спастись? Нѣтъ никакихъ средствъ!...

Ей остается страдать и плакать, преодолевать отвращеніе и страхъ.... или искать виновныхъ утѣшеній въ печальной семейной жизни!

По французскимъ законамъ, если вы купите лошадь и найдете въ ней порокъ, купчая уничтожается, а если бѣдная жертва обмана соединится съ человѣкомъ страдающимъ эпилепсією, свадебный контрактъ сохраняетъ полную силу.

Человѣкъ хлопочетъ о скотахъ, думалъ Родольфъ, а часто забываетъ о себѣ.... Онъ улучшаетъ съ возможнымъ стараніемъ породы лошадей, а самъ распространяетъ и передаетъ свои болѣзни по наслѣдству, вовсе не заботясь объ улучшеніи человѣческой породы.

V.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Родольфъ обвинялъ Дарвиля, но хотѣлъ извинить его передъ Клеменціей, хотя былъ увѣренъ, что сердце ея никогда не будетъ принадлежать мужу.

Онъ думалъ: еслибъ я не удался отъ женщины, которую люблю, и которая меня тоже по-видимому любитъ, она не предалась-бы, изъ состраданія или отъ нечего дѣлать, глупцу, показавшемуся ей несчастнымъ. Еслибъ я окружилъ ее любовью и попеченіями, репутація ея не могла пострадать; а теперь она зависитъ отъ хвастовства Шарля Робера, который тѣмъ-больше будетъ чваниться, чѣмъ меньше имѣетъ правъ на это.

Клеменція опустивъ голову, со слезами на глазахъ, старалась не глядѣть на Родольфа: такъ дорого стоило ей признаніе.

Послѣ долгаго молчанія Родольфъ сказалъ:

— Теперь я понимаю грусть Дарвилля.... онъ мучится....

— Угрызеніями совѣсти!... прибавила маркиза.... Никогда еще преступленіе не было подготовлено съ такимъ хладнокровіемъ....

— Преступленіе?...

— Разумѣется!... Какъ назвать иначе его поступокъ? Онъ обманулъ дѣвушку, которая вѣрилась его чести, и связалъ ее съ собою, зная, что пораженъ страшною болѣзнію? А дитя наше? Развѣ не преступленіе предать его той-же болѣзни? Что заставило маркиза посягнуть на меня? Не любовь, не страсть, а просто расчетъ: увидѣлъ, что у меня хорошее имя, хорошее состояніе, хорошее личико... и женился!

— О! имѣйте къ нему хоть состраданіе!

— Только дочь моя стоить состраданія.... Бѣдная жертва нашего брака! Сколько ночей проплакала я надъ ея страданіями!

— Но и отецъ ее вынесъ столько-же незаслуженныхъ страданій....

— Онъ присудилъ ей страдать и жить вѣчно въ одиночествѣ.... Она никогда не будетъ замужемъ!... Я не хочу, чтобъ она мучилась надъ своими дѣтьми, какъ я терзалась надъ нею....

— Вы правы!... Мщеніе вашей мачихи ужасно.... но погодите; можетъ-быть, вы сами отместите ей.

— Что хочетъ сказать Ваша Свѣтлость? спросила Клеменція, замѣтивъ съ удивленіемъ измѣненіе въ его голосѣ.

— Я всегда былъ такъ счастливъ, что видѣлъ наказаніе всѣхъ злыхъ, которыхъ мнѣ случалось знать.... Но утромъ, послѣ первой ночи брака, что сказалъ вамъ маркизь?

— Онъ признался мнѣ, съ страннымъ простодушiемъ, что двѣ первыя невѣсты отказали ему потому, что семейства ихъ узнали про его страшную болѣзнь.... Получивъ два отказа, онъ осмѣлился еще.... И такихъ людей прославляютъ честными и благородными!...

— Вы всегда такъ добры, а теперь такъ жестоки!

— Да, потому-что была безсовѣстно обманута! Дарвилль зналъ мое сердце; отчего-же онъ не сказалъ мнѣ откровенно всей правды?

— Онъ боялся отказа....

— Ваши слова его обвиняютъ совершенно: если онъ боялся отказа, такъ поступокъ его—низкая измѣна!

— Но онъ любилъ васъ!...

— Если любилъ, такъ неужели долженъ былъ принести въ жертву своему эгоизму?... Я была такъ несчастна, мнѣ такъ хотѣлось выдти изъ отцовскаго дома, что, можетъ-быть, я тронулась-бы его несчастiями, еслибъ онъ откровенно рассказалъ мнѣ вою тайну.... Да, видя его откровенность, честность и бѣдствiя, я не имѣла-бы духа отказать ему.... Еслибъ я сама рѣшилась на эту жертву, я умѣла-бы твердо сдержать мои обѣщанiя.... Теперь, Ваша Свѣтлость можетъ судить о моей жизни, о моихъ обманутыхъ надеждахъ.... Я вѣрила Дарвиллю, а онъ обманулъ меня самымъ недостойнымъ образомъ.... Его тихая, спокойная меланхолiя завлекала меня, а она происходила отъ сознанiя, что болѣзнь его неизлечима....

— Однакожъ, еслибъ онъ былъ даже вашъ врагъ, то и тогда страданiя его должны-бы возбуждать въ васъ жалость; сердце у васъ предоброе....

— Но могу-ли я успокоить его страданiя?... Въ страшныя минуты припадковъ, въ дикомъ бѣшенствѣ, онъ ничего не понимаетъ, не слышитъ, и потомъ впадаетъ въ звѣрское унынiе.... Даже, когда дочь моя больна, я могу только цѣловать ея руки, и проклинать того, кто причиною ея болѣзни!... Когда дочь успокоивается, тогда проходитъ и ненависть моя къ отцу.... тогда я жалью о немъ.... Такъ я перехожу безпрестанно отъ ненависти къ слезамъ состраданiя.... Мнѣ хотѣлось выдти

изъ этой убійственной атмосферы... я мечтала о любви... предалась ей... и Вашей Свѣтлости извѣстно, какъ я жестоко ошиблась. Виновата—ли я *одна* въ проступкѣ, за который Дарвилль хотѣлъ заставить меня расплатиться жизнью?... Теперь, мнѣ кажется, вы убѣждены, что я достойна столько-же порицанія, сколько сожалѣнія... и я надѣюсь, вы дадите мнѣ добрый совѣтъ, какъ выдти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ я нахожусь?

— О маркиза! какъ тронулъ меня вашъ разсказъ... Отъ самой смерти вашей матери до рожденія дочери вашей, сколько вытерпѣли вы мученій, страданій!... А вамъ удивляются, завидуютъ!...

— Какъ трудно въ несчастіи слышать, когда все кругомъ васъ говорятъ: какъ она счастлива!

— Но не одиъ вы страдаете такимъ образомъ!

— Что хотите этимъ сказать Ваша Свѣтлость?

— Все должны считать вашего мужа первѣйшимъ счастливецомъ, потому-что вы его жена... однакожь онъ вполне достоинъ состраданія... Есть-ли на свѣтѣ жизнь горче, несноснѣе... Онъ очень виноватъ передъ вами, но за то и жестоко наказанъ. Онъ любитъ васъ до безумія, какъ надобно любить васъ... и знаетъ, что вы можете чувствовать къ нему только непреодолимое отвращеніе... Его больная, страждущая дочь—безпрестанный, живой упрекъ ему... И это еще не все: ревность безпрерывно терзаетъ его...

— Чѣмъ я могу помочь ему?... Не давать повода къ ревности? Но сердце мое, хотя-бы оно никому не принадлежало, все-таки не будетъ принадлежать ему... Онъ самъ это знаетъ! Мы живемъ отдѣльно; но при гостяхъ я не показываю нашихъ отношеній и никому ни слова не говорила о страшной тайнѣ...

— И увѣряю васъ, маркиза, что вы, открывъ мнѣ эту тайну, совершенно заплатили мнѣ за маленькую услугу, которую я успѣлъ оказать вамъ... Вы просите моего совѣта и позволете говорить откровенно...

— Да, прошу, умоляю, говорить откровенно...

— Такъ позвольте сказать вамъ, что вы вовсе не пользуетесь однимъ изъ прекраснѣйшихъ вашихъ достоинствъ, и потому теряете величайшія наслажденія, которыя могли-бы наполнить ваше сердце, развлечь вашу грусть въ семействѣ, удовлетворить требованію живыхъ, потрясающихъ душевныхъ движеній... и, смѣю прибавить, женской страсти къ тайнамъ и интригѣ...

— Что-же такое?

— Если вы хотите *веселиться*, такъ дѣлайте добро; ничто не можетъ вамъ правиться болѣе этого занятія, ничто не можетъ до такой степени заинтересовать васъ...

Маркиза смотрѣла на Родольфа съ удивленіемъ....

— Вы понимаете—продолжалъ онъ—что я говорю не о томъ, чтобы вы разсылали богатую милостыню, безпечно, почти съ презрѣніемъ, бѣднымъ страдальцамъ, совершенно для васъ незнакомымъ, которые часто даже не будутъ достойны вашихъ благодѣяній. Нѣтъ... для *веселья* займитесь, какъ я дѣлаю, ролью *добраго волшебника*, и вы признаетесь, что нѣкоторыя благодѣянія носятъ въ себѣ всю занимательность романа.

— Я никогда не думала смотрѣть на благотворительность, съ *веселой* точки, отвѣчала Клеменція улыбаясь.

— Я обязанъ этимъ открытіемъ моей ненависти ко всему, что скучно, а ненависть эта родилась во мнѣ отъ политическихъ совѣщаній съ моими министрами... Еслибъ надобно было разсылать лундоры по разнымъ кварталамъ Парижа, черезъ моихъ камергеровъ, благотворительность вовсе не правилась-бы мнѣ; но дѣлать добро *по моему* — превеселое занятіе. Я говорю *веселое*, разумѣя подъ этимъ словомъ привлекательное, привязывающее, усладительное... Если вамъ угодно, маркиза, быть моею участницей въ *таинственныхъ интригахъ* этого рода, вы сами увидите, что нѣтъ ничего любопытнѣе, занимательнѣе, а часто и смѣшнѣе этихъ благотворительныхъ походовъ, не говоря уже о благородствѣ и достоинствѣ самаго дѣла.... Сколько тайнъ, чтобъ скрыть благодѣяніе! Сколько предосторожностей, чтобъ не быть узнаваемымъ! Сколько различныхъ, могучихъ душевныхъ вол-

нений, при видѣ бѣдныхъ и несчастныхъ, которые плачутъ отъ радости, когда вы ихъ навѣщаете!... Вѣдь это гораздо лучше несноснаго лица ревниваго или невѣрнаго любовника, а всѣ любовники или то или другое.... поперемѣнно! Эти волненія очень похожи на то, что вы чувствовали сего-дня, отправляясь въ улицу Тампель.... Одѣвшись какъ можно проще, чтобъ васъ не замѣтили,—вы потихоньку выходите изъ дому.... сердце сильно бьется.... осторожно садитесь вы въ скромный фіакръ, спускаете шторы, чтобъ васъ никто не видалъ.... потомъ, робко опираясь, вы вбѣгаете въ какой-нибудь нищенскій домишко, точно, какъ сего-дня утромъ... съ тою только разницею, что сего-дня утромъ вы думали: Если меня узнаютъ, я погибла; а тогда вы будете думать: Если меня узнаютъ, такъ стану благодарить!... Но изъ скромности, вы будете выдумывать самыя тонкія, самыя замысловатыя хитрости, чтобъ избавиться отъ благодарности!

— Ваша Свѣтлость спасли меня! отвѣчала маркиза съ волненіемъ. Ваши слова возбуждаютъ во мнѣ много новыхъ мыслей и надеждъ, самыхъ утѣшительныхъ! Вы правы: занять сердце и умъ желаніемъ помогать несчастнымъ, это любовь.... это даже выше любви!... Я сравниваю будущую мою жизнь съ тою, въ которую я могла пасть отъ непростительнаго заблужденія, — и угрызения моей совѣсти становятся еще сильнѣе....

— Очень жалѣю, прервалъ Родольфъ; я только хочу заставить васъ забыть прошедшее и доказать вамъ, что есть много благородныхъ развлеченій для сердца, есть изъ чего выбирать.... Средства добра и зла часто бываютъ почти одинаковы, вся разница въ *цѣли*.... Если добро такъ-же привлекательно, такъ-же *весело*, какъ и зло, зачѣмъ предпочитать послѣднее первому?... Знаете-ли отъ чего женщины часто предпочитаютъ самыхъ дрянныхъ любовниковъ—самымъ достойнымъ мужьямъ?... Потому что любовь поддерживается опасеніями, страхомъ, затрудненіями, тайною, опасностями.... У одного господина спросили: «отчего не женитесь вы на любовницѣ вашей, она вдова?»—«Я ужъ объ этомъ думалъ, отвѣчалъ онъ: да мнѣ некуда будетъ ѣздить по вечерамъ.»

— И это правда, сказала г-жа Дарвилль улыбаясь.

— Если я найду средства доставить вамъ эти опасенія, безпокойства, волненія, которыя вамъ такъ льстятъ; если я употреблю на добро врожденную вашу склонность къ тайнамъ и приключеніямъ, къ скрытности и хитрости, — не превращу-ли я въ благороднѣйшія качества вашихъ наклонностей, которыя могутъ быть хороши, если направлены къ добру, или вредны, если направлены ко злу.... У насъ будутъ свиданія, записочки, секреты.... особенно отъ маркиза....

— Соглашаюсь съ радостію, съ благодарностію, на эту *тайную* интригу, отвѣчала маркиза: для начала я пойду къ этимъ несчастнымъ, которыхъ сего-дня я могла утѣшить только словами, потому-что въ минуту моего смущенія, когда я бѣжала по лѣстницѣ, какой-то хромой мальчикъ вырвалъ кошелекъ у меня изъ рукъ.... Ахъ! Ваша Свѣтлость! какъ они бѣдны!... Я и не подозрѣвала такой нищеты!... А я еще жалуясь... рошщу на судьбу мою!

Родольфъ, не желая скрыть, что радуется доброму движению ся сердца, весело отвѣчалъ ей:

— Позвольте оставить Морелей на мою долю, и общайте, что никогда не войдете въ этотъ домъ.... тѣмъ-болѣе, что я въ немъ живу.

— Вы шутите!

— Ничуть нѣтъ.... Я плачу двѣсти франковъ въ годъ за квартиру, и по шести франковъ привратницѣ, за разныя услуги.... кромѣ-того, моя сосѣдка, Риголетта—самая хорошенькая субретка въ околodкѣ.... Все это очень недурно, для купеческаго прикащика, какимъ меня тамъ считаютъ....

— Вѣрно, какое-нибудь доброе дѣло заманило Вашу Свѣтлость въ этотъ домъ.... Но что же вы предоставите мнѣ?... Какую роль я буду играть?

— Вы будете гениемъ утѣшителемъ и (простите!) демономъ хитрости и лукавства.... Есть вѣжныя раны, которыя можетъ перевязывать только рука женщины; есть несчастливцы гордые, стыдливые, которыхъ должно оты-

скивать съ особенными хитростями, а заслужить ихъ до-
вѣріе можно только посредствомъ очаровательной пре-
лести....

— А когда-же позволите употребить въ дѣло мою хи-
трость, мою ловкость? спросила маркиза съ нетерпѣніемъ.

— Скоро.... дней черезъ пять....

— Что такъ долго!... сказала Клеменція простодушно.

— А приличія? а тайна?... Но, можетъ-быть, мнѣ при-
дется писать къ вамъ, маркиза.... Какая старуха при-
несла мнѣ сегодня ваше письмо?

— Бывшая горничная моей матері: она намъ не измѣ-
нитъ!

— Я буду писать на ея имя, а она станетъ передавать
вамъ письма.... Если вамъ угодно будетъ отвѣчать, пи-
шите г-ну Родольфу, въ улицъ Плюме, и посылайте пись-
ма на городскую почту съ той-же старухой.

— Я сама буду относить ихъ.... я каждый день гу-
ляю....

— Прекрасно! Еслибъ я былъ женщина, я непремѣн-
но выходилъ-бы всякій день на прогулку, чтобъ приу-
чить мужа къ этому.... и чтобы пользоваться въ послѣд-
ствіи этимъ обычаемъ для посѣщенія бѣдныхъ.... или
моего любовника....

— Какое коварство! прибавила маркиза.

— На-счетъ вашей дочери, продолжалъ Родольфъ, пе-
ремѣнивъ разговоръ: я могу дать вамъ надежду на ея
излеченіе....

— О! еслибъ оно было возможно!

— Мой докторъ — человекъ вовсе неизвѣстный, но
очень ученый. Онъ сказывалъ мнѣ, что вылечилъ двухъ
или трехъ негровъ, въ Америкѣ, страдавшихъ этою страш-
ною болѣзнію....

Маркиза смотрѣла на Родольфа съ невыразимою бла-
годарностію.

Часы пробили половину двѣнадцатаго. Родольфъ всталъ.

— Не забудьте, маркиза, что дня черезъ четыре надобно приниматься за дѣло.... Можетъ-быть, вамъ придется переодѣваться!

— Какъ я рада! Въ какой костюмъ?

— Я еще не знаю.... впрочемъ, вы сами выберете!

Возвращаясь домой, Родольфъ обдумывалъ, какъ лучше занять воображеніе и душу Маркизы и спасти ее отъ новыхъ опасностей любви.

VI.

Н И Щ Е Т А .

Читатель не забылъ, что на чердакѣ дома въ улицѣ Тамплъ жилъ гранильщикъ Морель съ несчастнымъ своимъ семействомъ.

Мы поведемъ читателя въ его печальную квартиру.

Бьетъ пять часовъ ночи.

На улицѣ тихо; ночь темная и холодная; снѣгъ валитъ хлопьями.

Сальный огарокъ, воткнутый въ обрубокъ дерева, едва освѣщаетъ комнатку, которой половина занята крышею.

На неопрятномъ полу валяются остатки сгнившей соломы, разорванныя тряпки и оглоданныя кости, которыя бѣдный покупаетъ у продавца порченной говядины, въ надеждѣ найти на нихъ сколько-нибудь мяса.... Известно, что въ многолюдныхъ кварталахъ Парижа есть лавки, гдѣ продаются кости палыхъ быковъ, телятъ и пр.

Такая страшная нечистота всегда показываетъ или дурное поведеніе или честную нищету, но такую тяжкую, отчаянную, что страдалецъ не чувствуетъ въ себѣ ни воли, ни силъ, ни потребности выбраться изъ грязи.... онъ покорился въ ней, какъ звѣрь въ берлогѣ.

Днемъ, эта комнатка освѣщается слуховымъ окномъ, съ крыши. Теперь оно занесено снѣгомъ.

Свѣчка стоитъ на простомъ столѣ, на которомъ блеститъ груда брилльянтовъ и драгоцѣнныхъ камней замѣчательной величины.

Морель обдѣлывалъ настоящіе брилльянты, а не *фальшивые*, какъ онъ увѣрялъ своихъ сосѣдей, и какъ они думали. Благодаря этой невинной лжи, онъ могъ беречь брилльянты, не боясь воровъ и похищеній.

Такія цѣнности, ввѣренныя нищетѣ Мореля, избавляютъ насъ отъ труда говорить про его честность....

Морель сидитъ на стулѣ безъ задка.... Отъ усталости, холода и желанія заснуть, онъ опустилъ сѣдую голову на столъ; плохое платье едва защищаетъ его отъ холода.

Въ комнатѣ такой холодъ, что гранильщикъ часто дрожитъ всемъ тѣломъ, хотя усталость довела его почти до безчувствія.

Свѣчка нагорѣла; стало-быть, Морель заснулъ; но другіе шесть жильцевъ не спятъ.... Да, въ этой комнаткѣ помѣщаются семь человѣкъ!

Пятеро дѣтей... старшему двѣнадцать лѣтъ... меньшому четыре гола.

Больная ихъ мать.

И безумная ихъ бабушка, лѣтъ восьмидесяти.

Кромѣ отца, совершенно истощеннаго, никто не спитъ, потому-что холодъ, голодъ, болѣзнь не даютъ покоя.

У гранильщика оставался только одинъ матрацъ и одно одѣяло; ихъ отдали безумной бабушкѣ, которая, по безсмысленному эгоизму, не хотѣла дѣлиться постелью съ внучатами.

Вотъ полная картина квартиры гранильщика:

Вдоль главной стѣны положенъ матрацъ, на которомъ покоится старуха бабушка, выжившая изъ ума.

Она ничего не можетъ сносить на головѣ, и потому сѣдые ея волосы обриты; всѣ формы черепа обнаружены. Густыя брови прикрываютъ впалые глаза; худыя, морщиноватыя щеки притянуты къ скуламъ и угламъ рта. Она лежитъ, свернувшись, поджавъ ноги почти къ подбородку, и дрожитъ подъ старымъ одѣяломъ, которое

такъ мало, что имъ нельзя закрыться со всѣхъ сторонъ.... Отъ этой постели распространяется по комнатѣ заразителный запахъ.

У бабушкина изголовья, тоже вдоль стѣны, положенъ мѣшокъ съ соломой, служащій постелью для дѣтей.

Въ немъ прорѣзаны двѣ дыры, въ длину его, одна на одномъ, другая на другомъ концѣ; дѣти всунуты черезъ эти дыры въ сырую и вонючую солому; такимъ-образомъ мѣшокъ замѣняетъ и простыню и одѣяло.

Двѣ дѣвочки (изъ нихъ одна больная) дрожатъ на одномъ концѣ мѣшка, а три мальчика на другомъ.

Всѣ они спятъ въ платьяхъ, если можно назвать платьемъ—нѣсколько гнилыхъ обрывковъ.

Длинные всклооченные волосы, отпущенные съ намѣреніемъ защитить ихъ головы отъ стужи, закрываютъ ихъ лица, блѣдныя, измученныя, страдальческія. Старшій мальчикъ, оконеченными пальцами, притягиваетъ къ лицу холстину мѣшка, чтобы укрыться потеплѣе.... второй, не рѣшаясь предать руки на жертву холоду, придерживаетъ холстину зубами, которые скрежещутъ; третій прижимается къ старшимъ братьямъ.

Меньшая дочь, измученная чахоткой, положила блѣдное, посинѣлое лицо свое на холодную грудь старшей сестры, дѣвочки лѣтъ пяти.... Эта тщетно старается согрѣть ее въ объятіяхъ и ухаживаетъ за ней съ безпкойною нѣжностію.

Далѣе, на соломѣ, лежитъ мать ихъ, которая нѣсколько уже мѣсяцовъ не можетъ подняться съ мѣста, отъ тяжелой болѣзни и лихорадки.

Магдалинѣ Морель тридцать шесть лѣтъ. Отъ синяго платка, которымъ она обвязала голову, жолтое ея лицо кажется еще блѣднѣе. Впалье глаза окружены синею полосой; посинѣлыя губы растрескались до крови.

Печальные ея взгляды и незначительныя черты лица показываютъ, что она характера добраго, но слабаго, безъ энергій, не можетъ бороться съ несчастіемъ, а уступаетъ ему, страдаетъ и жалуется....

При такой слабости и простотѣ ума, она осталась честною потому, что мужъ ея честенъ; еслибъ никто не смотрѣлъ за ней, несчастіе могло-бы развратить се и принудить къ преступленію. Она любила дѣтей и мужа, но не могла не жаловаться на несчастную судьбу ихъ. Часто гранильщикъ былъ принужденъ бросать работу и утѣшать больную жену.

Всѣ обитатели чердака смотрѣли на Мореля: онъ вся ихъ надежда, одна ихъ подпора!

Вдругъ безумная поднялась съ постели и медленно пошла къ свѣчкѣ; одѣяло потянулось за ней, какъ савантъ. Она шла осторожно, какъ ребенокъ, рѣшившійся пошालить.

Подойдя къ свѣчкѣ, она начала отогрѣвать руки, заглядѣлась на блестящіе брильянты, и такъ близко поднесла руки къ огню, что обожглась.

Она дико закричала....

Морель встрепенулся и быстро поднялъ голову.

Ему лѣтъ сорокъ. Открытое, умное и доброе его лицо изурено нищетою. Посѣдѣлая борода, небритая нѣскольکو недѣль, прикрываетъ его подбородокъ. Преждевременныя морщины безобразятъ его лобъ; глаза красны, потому-что онъ часто проводитъ ночи безъ сна.

Сидя у рабочаго стола и склоняясь на правую сторону, чтобы вертѣть колесо, онъ скривился на-право: это очень часто случается съ работниками, которые принуждены весь день трудиться въ одномъ положеніи.

Правая его рука, неперестававшая приводить въ движеніе колесо, приобрѣла чрезвычайное мускульное развитіе, а лѣвая, неподвижно лежавшая на столѣ, была немовѣрно худа. Тонкія ноги, лишеныя движенія, едва могли поддерживать его изуренное тѣло, котораго вся жизнь и сила перешли въ правую руку.

Часто Морель говаривалъ съ плачевною рѣшимостію:

— Я ѣмъ не для себя.... а для руки, которая вертитъ колесо....

Проснувшись внезапно, гранильщикъ увидалъ передъ собою безумную старуху....

— Что съ тобой? Чего ты хочешь? спросилъ Морель въ полголоса, боясь разбудить семейство и думая, что оно спитъ: ступай спать, матушка; не шуми, не разбуди Магдалины и дѣтей....

— Я не сплю, а грѣю Адель, сказала старшая дочь.

— Голодъ не дастъ мнѣ заснуть, прибавилъ старшій сынъ: не мой чередъ былъ вчера идти ужинать къ соседкѣ нашей Риголеттѣ....

— Бѣдные дѣти! прошепталъ Морель... я думалъ, что вы, по-крайней-мѣрѣ, спите!

— Я боялась разбудить тебя, Морель, сказала жена: а то попросила-бы воды; меня мучить жажда и бьетъ лихорадка.

— Сей-часъ подамъ, отвѣчалъ гранильщикъ: только дай уложить старуху.... Ну, не тронь камней, прибавилъ онъ, обращаясь къ безумной, которая хотѣла схватить брильянтъ.

— Ца!... Ца!... бормотала старуха, указывая на блестящій камень.

— Берегись!... Мы поссоримся!... прервалъ Морель громкимъ голосомъ, чтобъ испугать старуху.

— Боже мой! какъ мнѣ хочется пить! Морель дай-же мнѣ воды!

— Погоди немного.... Нельзя-же мнѣ отдать брильянты твоей матери?... Она, пожалуй, опять потеряетъ.... какъ прошлаго года.... а Богу извѣстно, чего намъ стоилъ этотъ потерянный брильянтъ и.... чего онъ еще будетъ стоить!

Гранильщикъ закрылъ лицо рукою, и потомъ сказалъ старшему сыну:

— Феликсъ, подай матери напиться.... вѣдь ты не спишь!

— Нѣтъ, я лучше подожду.... онъ простудится, отвѣчала Магдалина.

— Все равно, въ мѣшкѣ такъ-же холодно, какъ и на полу, сказалъ ребенокъ и вылезъ изъ постели.

— Что такое? Да перестанешь-ли ты? закричал Морель грозно на старуху, которая непременно хотѣла утащить брильянтъ.

— Маменька! Вода замерзла, сказалъ Феликсъ.

— Прошиби ледяную кору и достань воды, отвѣчала мать.

— Ледъ такой крѣпкой.... я не могу....

— Морель!... достань воды, продолжала Магдалина нетерпѣливо и съ досадою... если мнѣ нечего пить, кромѣ воды, такъ хоть воды дайте мнѣ.... а вы морите меня жаждой!...

— Боже мой! Какое терпѣніе!... вскричалъ несчастный гранидщикъ. Что мнѣ дѣлать? Вѣдь ты видишь, что я не могу сладить съ старухой....

Онъ въ-самомъ-дѣлѣ не могъ сладить съ безумной, которая начинала уже рычать, видя, что ей мѣшаютъ исполнить ея желаніе.

— Приласкай ее, отвѣчала Магдалина: она иногда слушается тебя!

— Матушка, ложись спать.... я дамъ тебѣ кофе.... ты его очень любишь....

— Ца! Ца!... повторяла старуха, стараясь съ насилиемъ схватить камень.

Морель тщетно старался отвести ее отъ стола.

— Ты никакъ съ ней не сладншь, если не пугнешь кнутомъ, сказала Магдалина: она только этого и боится!

— Да, безъ этого нельзя.... но хоть она и безумная, а мнѣ все-таки совѣстно пугать кнутомъ.... старуху, отвѣчалъ Морель.

Потомъ, обратясь къ старухѣ, которая старалась уку-сить его, онъ громко закричалъ:

— Берегись кнута!... Ступай спать!

Но она не слушала его угрозъ.

Онъ вынулъ изъ-подъ стола кнутъ и громко ударилъ имъ нѣсколько разъ по полу, приговаривая:

— Спать! спать! скорѣй спать!

Услышавъ кнутъ, старуха отскочила отъ стола, потомъ остановилась, зарычала и страшно глядѣла на гранильщика.

— Въ постель! спать!... повторялъ онъ, приближаясь къ ней и хлопая кнутомъ.

Безумная медленно пошла къ постели, показывая ему кулаки.

Онъ подошелъ къ постели и еще разъ хлопнулъ по полу.

Старуха принялась со страху громко кричать, бросилась въ постель и свернулась въ ней, какъ собака.

Испуганные дѣти, вообразивъ, что отецъ бьетъ ихъ бабушку, жалобно закричали:

— Не бей бабушку, не бей!

Нельзя передать этой страшной сцены, сопровождаемой молительными криками дѣтей, бѣшенымъ рычаньемъ безумной старухи и жалкими жалобами больной жены гранильщика....

VII.

ДОЛГЪ.

Морель часто видалъ подобныя сцены; однакожь на этотъ разъ онъ въ отчаяніи бросилъ кнутъ на столъ и вскричалъ:

— Боже мой! какая жизнь! какая жизнь!

— Я-ли виновата, что у меня мать безумная! сказала жена, заплакавъ.

— Да и я не виновата.... Я готовъ на все: работать для васъ день и ночь, и никогда не жалуясь.... но я не могу-же работать, и еще ходить за безумными, больными и дѣтьми.... Нѣтъ!... это слишкомъ.... для одного человека!

— Боже мой! какъ мнѣ хочется пить! повторила Магдалина....

Морель разбилъ ледъ и досталъ воды, но поднося ее женѣ, сказалъ:

— Погоди немного; она очень холодна.... тебѣ будетъ еще хуже....

— Тѣмъ-лучше, давай скорѣй.... если я умру, тебѣ придется ходить только за безумными и дѣтьми, а больныхъ не будетъ.

— Зачѣмъ говорить мнѣ это? Я этого не заслужилъ, грустно отвѣчалъ Морель. Не огорчай меня; у меня столько силъ, что я еще могу работать.... а если ты станешь.... я не выдержу.... Кто-же будетъ кормить васъ? Я хлопочу не о себѣ, а о васъ....

— Бѣдный Морель!... я не хотѣла огорчить тебя.... Я хочу умереть, потому-что не могу служить ни тебѣ, ни дѣтямъ.... Вотъ я больна ужъ полтора года.... о! какъ мучитъ меня жажда! Дай воды!...

— Сейчасъ.... я грѣю воду....

— Какъ ты добръ! Но мнѣ очень, очень холодно.

Морель снялъ куртку и закрылъ жену.... Бѣднякъ остался безъ платья; на немъ не было рубашки.

— Ты замерзнешь, Морель!

— Если почувствую холодъ, такъ опять надѣну куртку....

— По-неволѣ подумаешь, зачѣмъ топятъ тамъ внизу, въ первомъ этажѣ, тѣ комнаты, которыя нанялъ господинъ—*Маюръ*, какъ называетъ его наша Пипле.... Онъ тамъ не живетъ.... Зачѣмъ тамъ лежатъ тюфяки, подушки.... Сколько тепла потеряно!...

— Да онъ не знаетъ, что мы здѣсь мерзнемъ, а то помогъ-бы намъ.... Вотъ добрая сосѣдка наша Риголетта накормила вчера Жерома и Петра, раздѣлила ужинъ съ нашими дѣтьми, а весь-то ея ужинъ состоитъ изъ чашки молока и куска хлѣба....

— А эта барыня, которая вбѣжала сюда вчера и спрашивала, что намъ нужно? Она еще не приходила? спросила Магдалина.

— Вѣрно придетъ; у ней такое доброе лицо!

— Но ты весь дрожишь, возми-ка свою куртку, и погаси свѣчку; она горитъ даромъ; теперъ разсвѣло....

Въ-самомъ-дѣлѣ , дневной свѣтъ, пробиваясь сквозь снѣгъ, покрывавшій окно, озарилъ бѣдную комнатку.

— Подожду, когда будетъ свѣтлѣе, сказалъ гранильщикъ, садясь на постель къ женѣ, и тогда примусь за работу. Мнѣ осталось обдѣлать только одинъ фальшивый камень....

— Фальшивый? Какъ онъ къ тебѣ попалъ?

— Г-жа Матье принесла мнѣ ихъ шесть, и велѣла обдѣлать ихъ точно такъ, какъ я прежде обдѣлывалъ настоящія....

— А зачѣмъ ей поддѣлывать эти камни?

— Для какой-то герцогини.... которая продала всѣ свои настоящіе брильянты, и замѣняетъ ихъ фальшивыми.... Г-жа Матье сказывала мнѣ, что знатныя дамы часто такъ дѣлаютъ....

— Сколько заплатитъ тебѣ сего-дня г-жа Матье? спросила Магдалина.

— Ничего; вѣдь я ей еще долженъ сто двадцать франковъ.

— Какъ-же быть! У насъ ужъ нѣтъ ни одного су!

— Знаю, отвѣчалъ Морель печально.

— Какъ-же быть?

— Не знаю....

— А булочникъ не дастъ ничего въ долгъ?

— Знаю.... вчера я занялъ четверть хлѣба у г-жи Пипле....

— Не дастъ-ли въ займы старуха Бюреттъ?

— Какъ-бы не такъ!... Мы все ей заложили! Развѣ заложить еще дѣтей? сказалъ Морель съ невыразимою грустію.

— Но вчера мать моя, ты и дѣти съѣли только полтора фунта хлѣба.... Если такъ, вы умрете съ голоду....

— Можетъ-быть, вчерашняя дама опять придетъ!

— Надѣйся!... Можетъ-быть, г-жа Матье дастъ тебѣ франковъ пять; вѣдь ты работаешь на нее десять лѣтъ....

— Гдѣ ей взять? Она сама не богаче насъ!

— Вотъ что значить работать на торговку; то-ли дѣло имѣть прямо сношенія съ брильянщиками!... Но ты всегда и вездѣ уступаешь; самъ виновать!

— Я-же виновать! закричалъ несчастный, выведенный изъ терпѣнія этимъ нелѣпымъ упрекомъ. А не твою-ли мать причиною всѣхъ нашихъ несчастій? Еслибъ не пришлось платить за брильянтъ, который она потеряла, у насъ было-бы теперь своихъ тысяча франковъ, и мы не были-бы должны нотаріусу Феррону тысячу триста франковъ!...

— И у него ты не хочешь попросить!... Правда, онъ очень скупъ, но можно попытаться....

— Нѣтъ, прежде меня сожгутъ, чѣмъ я рѣшусь просить его... Впрочемъ, не говори мнѣ объ этомъ человѣкѣ, или я сойду съ ума...

Доброе лицо грацильщика выражало мрачную энергію; онъ покраснѣлъ, всталъ съ постели, началъ ходить по комнаткѣ, и говорилъ съ негодованіемъ:

— Я не золь.... никому никогда не вредилъ.... но этому нотаріусу * желаю столько зла, сколько я отъ него вытерпѣлъ. За что несчастіе предастъ меня и дѣтей моихъ во власть этого лицемѣра?... Неужели деньги даютъ ему право мучить, терзать и безчестить?

— Ругай его! ругай!.. прервала Магдалина: а онъ все-таки посадитъ тебя въ тюрьму, за вексель въ тысячу триста франковъ.... Я сама не могу терпѣть его, но мы въ его рукахъ, такъ ужъ надобно....

— Пожертвовать ему дочерью!... закричалъ грацильщикъ громовымъ голосомъ....

— Боже мой!... Дѣти не спятъ, слышатъ: перестань, Морель!

— Пусть слушаютъ! отвѣчалъ Морель съ страшною улыбкою. Ну! повтори еще, что мы у него въ рукахъ,

* Читатель не забылъ, что *Пьвица* была сначала поручена нотаріусу Феррону, и что его управительница отдала ее Со-вѣ, которая согласилась принять дѣвочку на свое попеченіе, за 1000 франковъ.

что онъ можетъ засадить меня въ тюрьму.... что надобно бросить ему Луизу!...

Несчастный громко зарыдалъ; его добрая душа не могла долго выдержать этого тона злой насмѣшки....

— Бѣдные дѣти мои! говорилъ онъ, рыдая.... добрая и прелестная Луиза!... Зачѣмъ она красавица?... Красота ея причиною всѣхъ нашихъ несчастій!... Еслибъ нотариусъ не замѣтилъ ея, онъ не далъ-бы мнѣ денегъ; я не принужденъ-бы былъ сносить ухаживанье его за моею дочерью.... А теперь.... нечего дѣлать.... я въ его рукахъ.... О нищета! нищета! Какія страшныя оскорбленія ты заставляешь сносить!

— Какъ быть! Нотариусъ сказалъ Луизѣ: если ты не останешься у меня въ услуженіи, я посажу отца твоего въ тюрьму.... А безъ тебя, что мы будемъ?

— Да, чтобъ жить, мы жертвуемъ дочерью....

— Ты все увеличиваешь: нотариусъ ухаживаетъ за ней, это правда, но вѣдь она не измѣнитъ себѣ, ты ее знаешь....

— Да, она честная дѣвушка.... и трудолюбивая и добрая!... О! когда мы потеряли брильянтъ и ей пришлось ити въ услуженіе, ты не знаешь, чего мнѣ это стоило.... Ей быть служанкой.... съ ея понятіями!... Мы часто называли ее въ шутку *принцессой*.... роскошью почелъ-бы я имѣть ее при себѣ, хотя-бы пришлось для этого сидѣть за работою цѣлыя ночи.... Когда я видѣлъ ея розовое личико и черныя глазки передъ собою, когда слушалъ ея пѣсни, трудъ казался мнѣ легче.... Даже изъ твоей матери она дѣлала все, что хотѣла.... а какъ она ухаживала за тобой, какъ развеселяла тебя!... какъ смотрѣла за братьями и сестрами!... У ней на все доставало времени: за то, съ Луизой, все наше счастье.... все погибло!

— Перестань, Морель, не напоминай мнѣ о ней: ты раздраешь мнѣ душу, сказала Магдалина, заливаясь горячими слезами.

— И какъ вздумаю, что, можетъ-быть, теперь страшное чудовище.... Луиза честна, но если нотариусъ нанимаетъ

ее тюрьмою, она для насъ на все готова.... При одной этой мысли я схожу съ ума....

— Но почему ты боишься?

— Потому-что въ последнее время Луиза краснѣетъ, когда цѣлуетъ меня....

— Она краснѣетъ отъ радости....

— А, можетъ-быть, отъ стыда.... И какъ она становится печальна!

— Потому-что мы становимся бѣднѣе.... А она говорить, что нотаріусъ пересталъ пугать ее тюрьмою.

— А почему пересталъ? Она не говоритъ!... Боже мой! Какой грѣхъ, мучить дочь долгомъ отца, когда трудами отца живетъ все семейство!

— А какъ подумаешь, что однимъ изъ этихъ брильянтовъ, что лежатъ у тебя на столѣ, можно заплатить долгъ нашъ нотаріусу, воротить отъ него дочь нашу и содержать у насъ....

— Тысячу разъ ты говоришь одно и тоже.... Разумѣется, еслибъ я былъ богатъ, такъ не былъ-бы бѣденъ, отвѣчалъ Морель съ грустнымъ нетерпѣніемъ.

Онъ былъ такъ честенъ, что ему на умъ не приходило, что жена его, изнуренная нищетою, начинаетъ лелѣять дурныя мысли и старается смутить его безукоризненную честность.

Въ эту минуту громко постучали въ дверь....

VIII.

ПРИГОВОРЪ.

Удивленный гранильщикъ всталъ и отперъ дверь.

Два человѣка вошли въ комнату.

Одинъ, худой, высокой, съ подлымъ лицомъ, держалъ въ рукѣ толстую палку; на немъ былъ зеленый поношенный сюртукъ и измятая шляпа. Этого человѣка звали Маликорномъ.

Другой, низенькій, но съ такимъ-же подлымъ лицомъ, былъ одѣтъ съ странною изысканностію. Брильянтова пуговицы блестяли на его сорочкѣ сомнительной бѣли-

зны, и длинная золотая цѣпочка висла по изношенному шерстяному жилету.... Этого человѣка звали Бурденюмъ.

— О! какъ здѣсь воняетъ нищетою и смертію! сказалъ Маликорнъ, остановясь на порогѣ.

— Да, не мускусомъ пахнетъ, отвѣчалъ Бурденъ съ презрѣніемъ, и подошелъ къ гранильщику, который смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и негодованіемъ.

Изъ-за раскрытой двери показывалось злое и хитрое лицо Хромаго. Онъ слѣдилъ за незнакомцами, подсматривалъ и выслушивалъ.

— Чего вы ищете? спросилъ гранильщикъ, потерявъ терпѣніе.

— Жерома Мореля, отвѣчалъ Бурденъ.

— Это я!

— Гранильщика Мореля?

— Я! я! Чтѣ вамъ надобно? Говорите или убирайтесь вонъ!

— Очень учтиво!.. благодарю!... Послушай, Маликорнъ, здѣсь не *жирно*.... не то, что у Виконта Сент-Реми....

— Да; за то гдѣ *жирно*, тамъ никогда никого не найдешь.... Виконтъ ускакалъ уже вчера.... а эти гады, бѣдняки, не расстаются съ своею грязью....

— Имъ хочется, чтобъ ихъ посадили въ тюрьму; вѣдь тамъ они получаютъ безденежный кормъ.

— Послушайте! сказалъ Морель: еслибъ вы не были, пьяны, то я разсердился-бы.... Ступайте вонъ изъ моей квартиры!

— Ха! ха! ха! Онъ называетъ эту кануру—*квартирой!* Слышишь, Маликорнъ? Да я не пустилъ-бы сюда своей собаки!

— Боже мой! сказала Магдалина... Это, можетъ-быть, воры.... закричи! они пожалуй украдутъ у тебя брилльянты!

Морель испугался и обѣими руками прикрылъ брилльянты.

Хромой услышалъ слова Магдалины, подмѣтилъ движеніе Мореля и подумалъ:

— Ага! говорили, что онъ обдѣлываетъ фальшивые камни.... еслибъ они были фальшивые, такъ онъ не боялся-бы потерять ихъ.... Это не худо знать! Стало-быть, и г-жа Матье носить съ собою настоящіе брилліанты.... Скажу Совѣ....

— Идите вонъ или я закричу, сказалъ Морель.

Испуганные дѣти заплакали, а безумная старуха съѣла на постели.

— Не ты, а мы имѣемъ право кричать, сказалъ Бурденъ. Изволь-ка отправляться за нами, въ тюрьму....

— Въ тюрьму? спросилъ пораженный Морель....

— Да, за долги.

Гранильщикъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и упалъ на столъ; онъ не могъ говорить.

— О! это вексель хозяйина Луизы! Мы погибли! закричала Магдалина раздирающимъ душу голосомъ.

Малышъ прочелъ приговоръ суда.

— Гдѣ-же Луиза? спрашивалъ Морель, не слушая приговора. Она ушла отъ нотариуса, когда онъ рѣшился посадить меня въ тюрьму.... Луиза! Что съ нею? гдѣ она?

— Ну, ступай скорѣй! мнѣ хочется подышать свѣжимъ воздухомъ; здѣсь душно, какъ отъ яду....

— Морель! не уходи, защищайся! кричала Магдалина въ отчаяніи. Убей ихъ!... Ты не уйдешь! Ты не бросишь насъ!...

Предавшись мыслямъ о Луизѣ, Морель не слыжалъ, что говорили кругомъ его. Вдругъ горькая радость разлилась на его лицѣ и онъ закричалъ:

— Луиза ушла отъ нотариуса.... съ радостію иду въ тюрьму!

Потомъ онъ осмотрѣлся и прибавилъ:

— А моя жена? мои дѣти? Кто будетъ кормить ихъ? Стало-быть нотариусъ хочетъ уморить всѣхъ насъ разомъ!...

— Ну живѣй, одѣвайся и пойдемъ, сказалъ Бурденъ: наконецъ намъ скучно, пора кончить!

— Простите меня, добрые господа, говорила Магдалина.... не уводите Мореля.... Что я буду дѣлать съ пятерыми дѣтьми и старою матерью.... она безумная.... вотъ посмотрите на нее....

— Въ-самомъ-дѣлѣ, безумная и бритая! прервалъ Маликорнъ; а я думалъ, что голова у ней повязана бѣлымъ платкомъ.

— Дѣти! станьте на колѣна, продолжала Магдалина, и просите, чтобъ не уводили вашего отца.... вашего কর্মильца....

Не-смотря на приказаніе матери, дѣти плакали и отъ испуга не смѣли вылезти изъ мѣшка.

При этомъ необыкновенномъ шумѣ и при видѣ двухъ незнакомцевъ, безумная глухо зарычала, прижимаясь къ стѣнѣ.

Морель ничего не понималъ: ударъ былъ такъ неожиданъ, такъ силенъ; послѣдствія тюрьмы казались ему такими страшными, что онъ не вѣрилъ возможности ареста. Онъ сидѣлъ у стола, блѣдный, растерзанный; руки его висѣли, голова упала на грудь.

Маликорнъ ударилъ его по плечу.

Эта угроза напугала мальчиковъ; они выбѣжали, полунагіе, изъ мѣшка, и съ воплемъ бросились къ ногамъ коммерческихъ приставовъ.

— Помилуйте! не убивайте отца нашего.

Увидѣвъ мальчиковъ, дрожавшихъ отъ испуга и стужи, Бурденъ, не-смотря на свою грубость и привычку къ подобнымъ сценамъ, былъ тронутъ. Но неумолимый Маликорнъ вырвалъ у нихъ ногу, которую они цѣловали, и закричалъ на нихъ:

— Прочь, шалуны!

Старшая дочь, сидѣвшая въ мѣшкѣ, вдругъ сказала:

— Что это съ Аделью? Она совсѣмъ охолодѣла.... все смотритъ на меня, а ужъ не дышитъ....

Чахоточное дитя тихо скончалось, безъ стога, обративъ глаза на сестру, которую страстно любила.

Магдалина все поняла, и изъ ея материнской груди вырвался дикій вопль.

Она хотѣла встать, но ноги не служили ей, и она упала на полъ.

Вопль ея разбудилъ сердце Мореля. Онъ вскопчилъ, побѣжалъ къ мѣшку и схватилъ маленькую дочь въ объятія....

Она не дышала....

Хотя ея болѣзнь, плодъ нищеты, была смертельна, однакожь холодъ и нужда ускорили ея конецъ.

IX.

Л У И З А.

Съ отчаянія, сѣдые волосы Мореля поднялись дыбомъ. Онъ стоялъ недвижно, съ мертвою дочерью на рукахъ, и смотрѣлъ на нее неподвижными, сухими глазами.

— Дай мнѣ дочь! говорила мать простирая къ нему руки. Она еще не умерла.... не правда.... Я разогрѣю ее....

Безумная встала, заглянула черезъ плечо Мореля на трупъ внучки, но не измѣнилась въ лицѣ; потомъ зѣвнула, бросилась въ постель и закричала:

— Ъсть! голодъ! Ѣсть!

— Вы видите, господа, — говорилъ гранильщикъ разсѣянно—маленькую дѣвочку, Адель, четырехъ лѣтъ,—ее зовутъ Адель.... Я цѣловалъ ее еще вчера вечеромъ, а сегодня утромъ—вотъ она! Вы скажете мнѣ, что теперь ее кормить не нужно, и что это для меня счастье?...

Онъ начиналъ сходить съ ума....

— Морель! отдай-же мнѣ дочь! говорила Магдалина.

— Дѣло! каждому по очереди, отвѣчалъ гранильщикъ, и положилъ трупъ возлѣ жены; закрылъ лицо руками и застоналъ.

Магдалина спрятала трупъ въ солому своєї постели и смотрѣла на него съ дикою ревностію; а прочіе дѣти стояли вокругъ нея на колѣнахъ и плакали.

Приставы, сначала тронутые смертію ребенка, скоро впади въ обыкновенную свою безчувственность.

— Послушай, другъ, сказалъ Маликорнъ гранильщику: у тебя умерла дочь, это несчастіе; но вѣдь всѣ мы смертны, и ни ты, ни мы не можемъ помочь горю: такъ надобно идти.... Мы должны схватить еще одного молодца....

Морель не слышалъ его словъ; онъ думалъ:

— Надобно похоронить дочь.... да въ чемъ?... у насъ ничего нѣтъ! а гробъ? кто дастъ его въ долгъ.... Впрочемъ маленькой гробикъ, для ребенка!... Дрогъ не нужно; можно снести на рукахъ.... Ха! ха! ха! Какъ я счастливъ! Адель могла умереть лѣтъ восемнадцати, какъ Луиза; тогда кто далъ-бы мнѣ въ долгъ большой гробъ?

— Чортъ возми!... Онъ пожалуй сойдетъ съ ума, сказалъ Бурденъ Маликорну... посмотри какіе у него глаза! А безумная старуха рычитъ съ голоду!... Какая семья!

— Что здѣсь такое? спросила молоденькая и хорошенькая дѣвушка, которая живо вбѣжала въ комнату.

— Ахъ! Риголетта, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ: спасите папеньку, его ведутъ въ тюрьму, а Адель умерла.

— Въ тюрьму! Адель умерла! Что ты говоришь?

Риголетта поочередно смотрѣла на гранильщика и приставовъ.

— Вы въ полномъ разумѣ, сказалъ ей Бурденъ: слѣйте милость, уговорите этого человѣка.... Дочь его умерла, но все таки онъ долженъ идти за нами въ тюрьму.

— Боже мой! Какое несчастіе! Какъ быть, говорила Риголетта. Что дѣлать?

— Заплатить или идти въ тюрьму, отвѣчалъ Маликорнъ съ насмѣшкой: если у васъ есть тысячки три, дайте имъ въ займы, мы будемъ рады.

— Можно-ли шутить такимъ несчастіемъ! прервала его Риголетта, съ негодованіемъ.

— Пойдемъ-ка, братъ, скорѣй, пока жена твоя занялась съ ребенкомъ.

— Я не могу идти, отвѣчалъ Морель: у меня куча брильянтовъ, ихъ нельзя оставить женѣ, которая почти сошла съ ума. Г-жа Матье зайдетъ ко мнѣ сегодня утромъ; вѣдь ихъ тутъ на нѣсколько десятковъ тысячъ.

— Хорошо, сказалъ Хромой, все еще сторожившій у двери,—хорошо, Сова все узнает!

— Оставьте меня до завтра,—просилъ Морель—чтобъ я могъ возвратитъ бриллынты г-жѣ Матѣ.

— Бери ихъ съ собою; мы заведемъ къ ней, а если ее нѣтъ дома, такъ оставишь ихъ у начальства тюрьмы.

— Оставьте меня только до завтра, — повторилъ Морель со слезами,—чтобъ я могъ похоронитъ дочь.

— Похороны тебя опечалятъ! замѣтилъ Маликорнтъ.

— Да! опечалятъ! Вы такъ боптесъ печалитъ людей!..
Еще одно слово!

— Говори скорѣй! сказалъ грубо Маликорнтъ.

— Когда получили вы приказаніе арестовать меня?

— Приговоръ произнесенъ уже четыре мѣсяца, но только вчера дано приказаніе исполнитъ его.

— Вчера! . . . а Луизы нѣтъ здѣсь! Чтѣ съ нею? Гдѣ она? говорилъ гранильщикъ, укладывая камни въ футляръ.

— Одѣвайся-же скорѣй!

— У меня нѣтъ другаго платья!

— Такъ ты отправишься въ этихъ лохмотьяхъ?

— А, вамъ будетъ стыдно идти со мною?

— Нѣтъ, мы возьмемъ фіакръ на твой счетъ.

— Папенька! закричалъ одинъ изъ дѣтей: маменька зоветъ тебя.

— Послушайте, сказалъ Морель приставамъ: сдѣлайте мнѣ еще одну милость.... Я не могу проститься съ женою и дѣтьми, сердце у меня разорвется на части.... Если вы меня поведете, они побѣгутъ за мною.... Умоляю васъ, скажите мнѣ громко, что придете за мною дня черезъ четыре и уйдите.... Я выду къ вамъ на лѣстницу.... Я избавлюсь отъ прощанья...

— Знаю! ты хочешь бѣжать! прервалъ Маликорнтъ.

— Нѣтъ, сказалъ Бурденъ товарищу потихоньку: онъ не обманываетъ; отсюда только одинъ выходъ, и старикъ отъ насъ не уйдетъ.

— Ну! мы уйдемъ.... только смотри, не заставь насъ ждать....

— Какъ я вамъ благодаренъ!

— Если такъ, сказалъ Бурденъ громко: если ты обѣщаешь заплатить, мы оставимъ тебя въ покоѣ и зайдемъ сюда чрезъ пять или шесть дней.... но смотри, бѣда, коли не заплатишь.

Приставы ушли.

Хромой убѣжалъ внизъ, когда они выходили отъ Мореля.

— Слышите-ли, Магдалина, сказала Риголетта: мужа вашего не взяли; страшные, люди ушли.

— Морель! послушай! возьми одинъ изъ большихъ брильянтовъ... никто ничего не узнаетъ... и всѣ мы спасены! говорила Магдалина въ бреду.... Наша Адель согрѣбета, не умретъ!...

Морель вышелъ, воспользовавшись минутой, когда никто не смотрѣлъ на него.

Приставы ждали его за дверью.

— Ну! ступай! давно пора!

— Позвольте.... еще одну минуту....

Морель сталъ на колѣна и сквозь щель двери посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на семейство, вспеснулъ руками и зарыдалъ:

— Прощайте, бѣдныя дѣти мои!... прощай жена.... прощайте!

— Да, перестань-же, плакса, сказалъ Бурденъ.

На лѣстницѣ раздался звонкій голосъ:

— Батюшка! Батюшка!

— Луиза! Господь позволяетъ мнѣ проститься съ нею!

— Слава Богу! я не опоздала.... говорила дѣвушка и поспѣшно бѣжала вверхъ по лѣстницѣ....

— Не безпокойся моя пташечка, раздался изъ-низу новый, неприятный, визгливый голосъ; я постерегу ихъ здѣсь, съ метлой, и они не выйдутъ отсюда, не переговоривъ съ тобою....

— Такъ говорила г-жа Пипле и плелась по лѣстницѣ за быстрой Луизою.

— Милая моя Луиза! какъ ты блѣдна? что съ тобою?... спросилъ Морель....

— Ничего.... я такъ бѣжала!... Вотъ деньги, сказала Луиза, подавая Маликорну свертокъ съ лундорами.

— Развѣ ты знала?

— Все! Все!... Но теперь ты свободенъ! пойдѣмъ къ маменькѣ, успокоимъ ее....

— погоди! мнѣ надобно поговорить съ тобою! сказалъ Морель, и думалъ, какъ-бы объявить Луизѣ о смерти меньшей ея сестры.

— Позвольте! прервалъ Маликорнъ: здѣсь только шестьдесятъ-пять лундоровъ, то есть тысячу триста франковъ....

— Да вѣдь ты столько и долженъ? спросила изумленная Луиза у отца....

— Да, столько, — отвѣчалъ Морель.

— Позволь-ка! прервалъ Маликорнъ... вексель въ 1300 франковъ, но еще судебныя издержки, безъ ареста, 1140 франковъ....

— Боже мой! вскричала Луиза: я думала, что всегонавсегда надобно тысячу триста франковъ!... Послѣ вамъ все заплатятъ, а теперь вотъ часть уплаты....

— Все или въ тюрьму....

— Сжальтесь....

— Опять крикъ! Чортъ возми!... Ступай или я потащу тебя за шиворотъ....

— Бѣдный батюшка!.. Я думала, что ты спасенъ!

— Нѣтъ!... нѣтъ!... нѣтъ на землѣ правосудія! закричалъ въ отчаяніи грацильщикъ, ударивъ ногою въ землю....

— Есть!... Богъ всегда милуетъ честныхъ страдальцевъ!... произнесъ кто-то сладкимъ и приятнымъ голосомъ.

— Въ ту-же минуту Родольфъ явился передъ Морелемъ....

Онъ былъ блѣденъ и очень разстроенъ.

Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана три банковыхъ билета, и подавая ихъ Маликорну, сказалъ:

— Вотъ 2500 франковъ; отдайте этой дѣвушкѣ ея золото....

Удивленный приставъ взялъ деньги, разсматривалъ ихъ; потомъ положилъ ихъ въ карманъ и, осмотрѣвъ Родольфа съ ногъ до головы, спросилъ:

— Билеты ваши нефальшивые; но гдѣ достали вы ихъ? ваши-ли они?

Родольфъ былъ одѣтъ очень-просто и покрытъ пылью, потому-что вышелъ изъ чердака г-на Пипле.

— Я велѣлъ тебѣ—отдать этой дѣвушкѣ ея золото, повторилъ Родольфъ отрывисто и грубо.

— Какъ смѣешь говорить мнѣ—ты?

— Отдай золото, повторилъ Родольфъ, и схватилъ пристава за руку такъ сильно, что тотъ закричалъ:

— Вотъ ея деньги!... Но не мучьте меня.... Какое вы имѣете право.... кто вы?

— Кто онъ?... Ахъ! ты дуракъ!... Онъ мой жилецъ, цѣлтъ моихъ жильцовъ.... говорила г-жа Пипле, запылавшаяся отъ путешествія по лѣстницѣ.... Она несла глиняный горшокъ съ горячимъ супомъ къ Морелямъ, изъ состраданія....

— Чего надобно этому старому страшилищу? спросилъ Бурденъ....

— Если вы станете меня бранить, я брошусь на васъ и загрызу.... а потомъ мой жилецъ спуститъ васъ съ лѣстницы, внизъ головою.... а я васъ вымету помеломъ, какъ соръ....

— Эта старуха подниметъ на насъ весь домъ.... Намъ заплатили, такъ пойдемъ, сказалъ Бурденъ товарищу.

Маликорнъ бросилъ вексель и приговоръ къ ногамъ Мореля.

— Подними! Тебѣ платятъ, такъ будь учтивъ, сказалъ Родольфъ; и останоивъ пристава одною рукою, другою указалъ ему на бумаги.

Чувствуя, что не можетъ бороться съ могучимъ противникомъ, Маликорнъ съ ропотомъ поднялъ бумаги и

подавъ Морелю. Потомъ оба пристава побѣжали внизъ по лѣстницѣ.

Г-жа Пипле вздумала отыграть за себя и за Родольфа, и глядя на горшокъ, сказала торжественно:

— Долги Мореля заплачены.... онъ не нуждается въ моемъ супѣ? Эй! берегитесь внизу!...

Наклонившись къ периламъ, старуха вымила весь супъ на бѣжавшихъ приставовъ.

— Чортъ возми!... закричалъ Маликорнъ.... Эй старуха! будь поосторожиѣ.

— Альфредъ! кричала г-жа Пипле, такъ-что могла разбудить глухаго; валяй ихъ метлою, душа моя!... Они хотѣли поступить съ твоею *Стасією* (Анастасія) по-бедуински.... Безстыдники опустошили меня!... Валяй ихъ метлою!... Зови на помощь торговку и лавочника!... Вотъ такъ! вотъ такъ!... У! У! Бумъ! Бумъ!

Всѣ эти восклицанія сопровождала она ударами ноги по полу. Упоенная побѣдой, г-жа Пипле бросила на приставовъ и горшокъ, который разлетѣлся въ дребезги съ ужаснымъ трескомъ....

— Вотъ какъ.... закричала Анастасія, съ громкимъ хохотомъ, и скрестила на груди руки, принявъ торжественный видъ.

Пока г-жа Пипле преслѣдовала приставовъ, Морель упалъ на колѣна передъ Родольфомъ.

— Вы спасли намъ жизнь!... кому обязаны мы такую неожиданную помощь?

— Богу! Онъ всегда милуетъ честныхъ людей.

РИГОЛЕТТА.

Луиза была такъ хороша, что правильностію лица напоминала античную Юнону. Родольфъ замѣтилъ однакожь, что она чрезвычайно блѣдна и встревожена, несмотря на освобожденіе отца отъ тюрьмы.

Желая исполнѣ успокоить гранильщика, Родольфъ отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Благодарите не меня, а даму, которая была у васъ вчера....

— О скажите мнѣ, какъ зовутъ ее?

— Я скажу вамъ ея имя, но съ условіемъ, чтобъ вы никому его не говорили....

— Клянусь вамъ, что буду молчать....

— Ее зовутъ маркизой Дарвилль....

— О! я никогда не забуду ея имени.... Она спасла мою жену, моихъ дѣтей! Но не всѣхъ.... Бѣдная Адель! Мы ее болѣе не увидимъ!

Гранильщикъ отеръ слезу.

— У меня большая, свѣтлая комната, продолжалъ Родольфъ: вы перейдете туда со всѣмъ вашимъ семействомъ, пока тѣло умершей Адели будетъ стоять въ вашей комнаткѣ.... Мы призовемъ священника.... Я все это поручу г-ну Пипле....

— Зачѣмъ отнимать у васъ комнату!... Теперь, когда я не боюсь тюрьмы, мой чердакъ покажется мнѣ великолѣпнымъ дворцомъ.... особенно если Луиза останется съ нами....

— Видите-ли, какъ судьба справедлива: вы потеряли одну дочь, другая вамъ возвращена....

Морель задумался....

— О! если Жакъ Ферронъ.... если моя Луиза!...

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Родольфъ, понявъ его опасенія: елибъ дочь ваша уступила его требованіямъ, такъ онъ не посадилъ-бы васъ въ тюрьму.... Впрочемъ, я знаю, что нотаріусъ очень дурной человѣкъ.... Надѣйтесь, что вы будете отмщены.... Вы были бѣдны и отчаявались, однакожъ васъ спасли; Ферронъ богатъ и скрытенъ, однакожъ и его посѣтитъ неутомимый мститель....

Ряголетта показала въ дверяхъ комнаты Мореля.

— Послушайте, сосѣдка, сказалъ ей Родольфъ: не правда-ли, что г-ну Морелю надобно переселиться въ мою

квартиру, пока неизвѣстная его благотворительница прищегъ ему удобное помѣщеніе....

— Какъ! вы будете такъ добры....

— Да, я уступлю ему квартиру, но съ условіемъ, которое зависить отъ васъ!...

— Все, что вамъ угодно....

— Мнѣ надобно кончить нѣкоторые счета для хозяина.... Позвольте мнѣ заняться ими въ вашей комнатѣ; я вамъ не буду мѣшать.... Если вы позволите, Морели сей-часъ-же перейдутъ въ мою квартиру, съ помощію г-на и г-жи Пилле.

— Извольте, сударь.... вы подаете мнѣ добрый примѣръ, и я должна помочь сосѣдямъ.... Мой столъ къ вашимъ услугамъ, сударь....

— Называйте меня просто *сосѣдомъ*....

— Пожалуй, вы въ-самомъ-дѣлѣ мой сосѣдъ.

— Маменька спрашиваетъ тебя, сказалъ одинъ изъ дѣтей Морелю.

Гранильщикъ быстро исчезъ:

— Теперь, сосѣдка, я долженъ еще просить васъ объ одномъ одолженіи. Вы, вѣрно, прекрасная хозяйка; нельзя ли сей-часъ-же купить все, что нужно для Морелей....

— Можно, отвѣчала Риголетта, не много подумавъ; черезъ два часа можно имѣть чистыя и теплыя платья, чистое бѣлье, двѣ кровати для дѣтей, кровать для старухи, все, все.... но только нужно очень много денегъ....

— А сколько?

— Франковъ пятьсотъ или шестьсотъ!

— Только-то? И все будетъ черезъ два часа здѣсь? Да вы волшебница, добрая моя сосѣдка?

— Вовсе нѣтъ; *Тампль* въ двухъ шагахъ отсюда, а тамъ можно все найти.

— Что такое Тампль?

— Вы не знаете Тампля, сосѣдъ? Тамъ-то все покупаютъ небогатые люди, — самыя лучшія вещи за безцѣнокъ!...

— Такъ вы думаете, что мы одѣнемъ и устроимъ Морелей за шесть-сотъ франковъ?... Такъ одѣвайтесь скорѣй и пойдемъ въ Тампль!

— А гдѣ-жъ деньги?

— Благотворительница Морелей позволила мнѣ тратить, сколько будетъ нужно.... Если гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ можно купить вещи получше, пойдѣте туда.

— Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ ничего лучше Тампля.... О! какъ я рада! Мнѣ кажется, что я на свои деньги покупаю все это для бѣдныхъ Морелей! Погодите минуту: я накину шаль и чепчикъ, и мы отправимся....

— А я между-тѣмъ займусь счетами....

— Хорошо.... вы увидите мою комнату.... сказала Риголетта, съ гордостію.... она ужъ прибрана....

Какъ птичка, порхнула Риголетта по лѣстницѣ, а Родольфъ пошелъ въ свою комнату....

Напомнимъ читателю, что только Риголетта знала, гдѣ живетъ Францискъ Жерменъ, сынъ г-жи Жоржъ; и потому Родольфу непременно было нужно узнать отъ нея эту тайну.

Прогулка въ Тамбль должна была возродить довѣріе между новыми сосѣдями и познакомить ихъ покороче.—

Притомъ-же, смерть Адели очень подѣйствовала на Родольфа. Его собственная дочь умерла въ тѣ-же самыя лѣта....

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Пѣвица была однихъ лѣтъ съ Аделью, когда управительница Жака Феррона отдала ее Совѣ.

Послѣ мы расскажемъ, съ какою цѣлію и при какихъ обстоятельствахъ было это сдѣлано; послѣ объяснимъ, почему Родольфъ ничего еще не зналъ о похищеніи Маріи съ Буквальской фермы, хотя оно произошло наканунѣ появленія Родольфа у Морелей....

Родольфъ вооружился сверткомъ бумагъ и вошелъ въ комнату Риголетты.

XI.

ОПЯТЬ РИГОЛЕТТА.

Риголетта была однихъ лѣтъ съ Пѣвицей, прежней своей подругой по тюрьмѣ.

Между ими была такая-же разница, какая существуетъ между смѣхомъ и слезой, между веселой безпечностию и печальною меланхоліей, между смѣлою беззаботностию и непрестанною заботливостию о будущемъ....

Одна была исполнена возвышенной поэзіи, чувствительна, страдала угрызеніями совѣсти.... другая была жива, весела, счастлива, добра и сострадательна.

Риголетта знала только чужія страданія; помогала имъ всѣми силами тѣла и души; но скоро забывала ихъ.

Часто она переходила отъ непритворнаго смѣха къ искреннимъ слезамъ, и отъ слезъ къ хохоту....

Какъ настоящее дитя Парижа, Риголетта предпочитала развлеченіе тоскѣ, движеніе — покою, грубую гармонию бальнаго оркестра—шелесту вѣтерка, ручейковъ и листьевъ, шумъ парижскихъ улицъ — тихому уединенію полей....

Да, добрая дѣвушка открыто отдавала предпочтеніе парижской грязи передъ цвѣтущими лугами, и тяжелой бульварной пыли передъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ.

Риголетта выходила со двора только по воскресеньямъ; но была-бы въ отчаяніи, еслибъ ее заставили жить не въ столицѣ.

Она всегда была очень дружна съ сосѣдями, но дружба никогда не переходила дальше извѣстныхъ границъ, не-смотря на рассказы г-жи Пипле и подобныхъ ей кумушекъ.

Никакія деньги, никакія выгодныя предложенія не могли ее отвратить отъ привычки, гулять по воскресеньямъ только съ сосѣдомъ, кто-бы онъ ни былъ. Безъ церемоній она принимала отъ него обѣдъ у какого-нибудь извѣстнаго трактирщика на бульварѣ Тампль, и мѣсто въ галлерей бульварнаго театра.

Риголетта была низка ростомъ, но такъ хорошо сложена и округлена, что, казалось, нельзя лучше создать ее; еслибъ поднять ее на вершокъ, цѣлое потеряло-бы всю прелесть. Маленькія ея ножки всегда были превосходно обуты въ ботинки изъ чорнаго казимира. Она не ходила а летала, едва касалась пола.

Такая походка, свойственная всѣмъ гризеткамъ, легкая, возбуждающая и нѣсколько пугливая, имѣетъ источникомъ три причины:

Желаніе казаться хорошенькою;

Опасеніе, что удивленіе прохожаго выразится слишкомъ выразительнымъ жестомъ.

Необходимость не терять драгоценнаго времени.

Родольфъ видѣлъ Риголетту только въ темной комнатѣ Мореля или на темной лѣстницѣ; онъ изумился, замѣтивъ необыкновенную свѣжесть лица гризетки, когда вошелъ въ ея комнату, освѣщенную двумя большими окнами.

Полныя, круглыя ея щеки горѣли яркимъ румянцомъ. Надъ чорными глазами извивались тонкія брови, какъ-будто проведенныя перомъ. Ротъ ея былъ довольно великъ, съ пухленькими, влажными губами, и съ зубами, совершенно похожими на жемчужины. Двѣ ямочки на щекахъ и одна на подбородкѣ придавали ея личику невыразимую прелесть.

Темное мериновое платье, сшитое самою Риголеттою соп-амоге, обрисовывало такую талію, которая не нуждалась въ корсетѣ; да, Риголетта никогда не носила корсетовъ, изъ экономіи. И это было очень замѣтно по свободѣ ея движеній....

Платье ея такъ ловко лежало на ея мраморныхъ формахъ, что ей вовсе не нужно было прибѣгать къ покровительству корсета. Поясъ левантиноваго передника стягивалъ талію, которую можно обхватить руками.

Не воображая, что Родольфъ въ комнатѣ (онъ все еще стоялъ у дверей), гризетка поставила ножку на стулъ и начала завязывать ботинку. Родольфъ увидалъ чулокъ, бѣлый какъ снѣгъ, и ногу, прелестной формы....

Гризетка выбрала на этотъ разъ лучший свой чепчикъ и лучший передникъ, чтобъ новому сосѣду не стыдно было идти съ нею въ Тамплъ.

Сосѣдъ-прикащикъ очень ей понравился; его доброе, гордое и смѣлое лицо поразило ее. Онъ такъ сострадательнъ къ Морелямъ.... такъ великодушно уступилъ имъ свою комнату.... этимъ, а, можетъ-быть, и красотою своею, Родольфъ заслужилъ, совсѣмъ неожиданно, благоволеніе и довѣренность гризетки.

Полная мысли, что непременно надобно жить въ дружбѣ съ сосѣдомъ и угождать ему, Риголетта отъ души радовалась, что такой человекъ, какъ Родольфъ, наследовалъ комнату Кабріона и Жермена.... Она боялась, что займетъ квартиру кто-нибудь *непорядочный*.

Родольфъ съ любопытствомъ разсматривалъ комнатку и убѣдился, что пышныя похвалы, которыхъ г-жа Пипле удостоивала Риголетту за чистоту и опрятность, вовсе не увеличены.

Комнатка весела и обставлена превосходно.

Сѣренькія обои покрываютъ стѣны.... Красный полъ блеститъ, какъ зеркало. У камина лежитъ запасъ дровъ; они наколоты такъ аккуратно и такъ мелко, что каждое полѣно можно назвать огромной лучиной.

На каминѣ, расписанномъ подъ сѣрый мраморъ, стояли цвѣты, ящичекъ съ серебряными часами, мѣдный подсвѣчникъ, блестящій какъ золото, и лампа. Надъ каминомъ висѣло зеркало, въ опрятной рамѣ изъ чорнаго дерева.

У оконъ и надъ постелью висѣли зеленыя занавѣски, обшитыя зеленою каймою; ихъ шила и повѣсила сама Риголетта. Два бѣлые шкафа, около постели, служили для помѣщенія хозяйства гризетки. Въ комнатѣ не видно было ни тазовъ, ни посуды, ни щетокъ.

Мебель вся изъ орѣховаго дерева.

На одномъ окнѣ стоитъ клѣтка, съ двумя канарейками, вѣрными, неизмѣнными подругами Риголетты.

Родольфъ, - осмотрѣвъ комнату, понялъ, отчего эта дѣвушка всегда такъ весела.

Она развлекаетъ уединеніе свое пѣснями канареекъ. Лѣтомъ, она работаетъ у окна, окруженная цвѣтами; зимою, она сидитъ у камина, передъ огонькомъ, при свѣтѣ лампы.

Каждое воскресенье она замѣняетъ трудовую жизнь чистыми, веселыми удовольствіями съ сосѣдомъ, молодымъ, веселымъ, беззаботнымъ, влюбленнымъ, какъ она сама.... (Родольфъ не имѣлъ еще причинъ вѣрить въ добродѣтель гризетки.)

Родольфъ понялъ поэзію народныхъ пѣсней о гризеткахъ, о любви, которая водится на чердакахъ; эта поэзія которая все украшаетъ, превращаетъ чердакъ бѣдняковъ въ гнѣздо влюбленныхъ, эта поэзія заключается въ веселой, свѣжей, беззачной молодости.... Риголетта олицетворяла ее вполне.

Риголетта, замѣтивъ его, не перемѣнила положенія и сказала:

— А! сосѣдъ! вы ужь здѣсь?

XII.

СОСѢДЪ И СОСѢДКА.

— Да! отвѣчалъ Родольфъ; я восхищаюсь....

— А чѣмъ? любезный сосѣдъ!

— Вашей прелестной комнатою!... Вы живете, какъ королева....

— Въ квартирѣ вся моя роскошь.... Я никогда не выхожу изъ дому.... такъ надобно, чтобъ мнѣ дома было хорошо.

— Какъ все мило! Сколько денегъ вы потратили на все это!

— Ужъ не говорите!... У меня было 425 франковъ, когда я вышла изъ тюрьмы; все истрачено на комнату....

— Изъ тюрьмы? Вы были въ тюрьмѣ?

— Да, но не за преступленіе.... прошу не думать....

— О! я и не думаю....

— Послѣ холеры, я осталась на свѣтѣ одна; мнѣ было тогда лѣтъ десять!...

— А до-тѣхъ-порѣ, у кого-же вы жили?

— У предобрыхъ людей.... но они умерли во время холеры.... (у Риголетты навѣрнулись на черныхъ глазахъ слезы). Все, что они имѣли, продано для уплаты долговъ, и я осталась безъ пристанища.... Не зная что дѣлать, я пошла на гауптвахту, которая стояла противъ нашего дома, и сказала часовому: родители мои умерли; я одна, не знаю гдѣ жить; что мнѣ дѣлать?—Тутъ пришолъ офицеръ и отослалъ меня къ комиссару, а тотъ посадилъ меня въ тюрьму, какъ бродягу; меня выпустили, когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ....

— А ваши родители?

— Я не помню отца, а мать умерла, когда мнѣ не было шести лѣтъ. Добрые люди, о которыхъ я вамъ говорила, жили возлѣ насъ; у нихъ не было дѣтей, и они взяли меня къ себѣ.... Старикъ Кретю былъ маляръ....

— Такъ они жили хорошо, богато?

— Не всегда; есть работа, такъ богато, а нѣтъ ея, такъ бѣдно; но онъ и жена его всегда были веселы. Во всемъ кварталѣ не было такой пары: вѣчно шутки, пѣсни.... Кончивъ работу, Кретю шалилъ, шутилъ, хохоталъ какъ ребенокъ.... Онъ игралъ со мною, какъ мой ровесникъ, а жена его ужасно баловала меня. Они-то и прозвали меня *Риголеттой*, и имя это до-сихъ-порѣ осталось за мною. Они воспитали меня и я, кажется, хорошо воспользовалась ихъ уроками.

— Превосходно, добрая моя сосѣдка.... Такъ они никогда не ссорились?

— Никогда! никогда! По воскресеньямъ и понедельникамъ, а иногда даже и по вторникамъ, они пировали, праздновали, и всегда брали меня съ собою. Кретю былъ мастеръ своего дѣла и зарабатывалъ много денегъ, и жена его тоже.... Когда они накопили столько, сколько нужно на воскресенье, то и довольны.... А если не было денегъ, они тоже были довольны.... Я помню, когда въ домѣ ничего не было, кромѣ хлѣба и воды, Кретю бралъ изъ библіотекъ....

— У него была библіотека?

— Такъ онъ называлъ ящикъ, въ который пряталъ сборники новыхъ пьесенъ.... Онъ всегда покупалъ ихъ и зналъ наизусть.... Когда у насъ ничего не было, кромѣ воды и хлѣба, онъ бралъ изъ библіотеки поваренную книгу и говорилъ: Что мы будемъ сегодня кушать?... И читалъ намъ названія самыхъ удивительныхъ кушаньевъ. Каждый выбиралъ свое кушанье. Кретю бралъ пустую кастрюлю и представлялъ, съ самыми уморительными ужимками, что кладетъ туда все, что нужно для кушанья, потомъ выливалъ изъ пустой кастрюли на порожнее блюдо и ставилъ намъ его на столъ; а потомъ онъ принимался опять за книгу, и пока онъ читалъ намъ описаніе какого-нибудь фрикассе изъ цыплятъ, которое мы выбрали и отъ котораго у насъ текли слюнки, мы спокойно ѣли хлѣбъ и хохотали до упаду....

— И у этихъ веселыхъ людей были долги?

— О нѣтъ! Когда есть деньги, пиръ! Нѣтъ денегъ обѣдаемъ кое-какъ....

— Такъ они вовсе не заботились о будущемъ?

— Наше будущее — воскресенье и понедѣльникъ! Лѣтомъ, идемъ за заставу, а зимой, въ какое-нибудь предмѣстье.... Ахъ! какъ я заболталась! И всегда такъ: вспомню объ этихъ добрыхъ людяхъ, такъ не могу про нихъ наговорится.... Подайте мнѣ шаль, милый сосѣдъ, и приколите мнѣ ее тутъ, за шемизетку; вотъ вамъ толстая булавка.... Пора идти; вѣдь надобно еще выбрать то, что вы хотите купить для Морелей.

Родольфъ положилъ на прелестныя плечи Риголетты темную шаль съ красными полосами и ждалъ ея приказаній.

— Теперь любезный сосѣдъ, поднимите воротничокъ шемизетки, приложите плотнѣе шаль къ платью и заколите булавкой.... только смотрите, не уколите меня.

Для исполненія этихъ приказаній, Родольфъ непременно долженъ былъ прикоснуться къ бѣлой шейкѣ, на которой красовались черныя какъ смоль волосы Риголетты.

Родольфъ нагнулся, нагнулся такъ близко.... что гризетка закричала.

Мы не можемъ объяснить вамъ причину ея испуга....

Чѣмъ укололъ Родольфъ бѣлую, нѣжную ея шейку—булавкой или усами?... Какъ-бы то ни было, Риголетта быстро повернулась и сказала ему, полу-весело, полу-печально:

— Впередъ я никогда не стану просить васъ прикалывать мнѣ шаль!

— Извините, милая сосѣдка.... Я такъ неловокъ....

— Нѣтъ, сударь, слишкомъ ловки.... На это я и жалуюсь ... Дайте руку и пойдѣмъ.... но смотрите, будьте умны или мы разсоримся....

— Увѣряю васъ, что я невиноватъ.... Ваша прелестная шейка такъ бѣла, что у меня сдѣлалось головокруженіе.... противъ моей воли, голова моя опустилась и я....

— Хорошо! вѣрю!... Въ другой разъ я не дамъ повода къ такимъ головокруженіямъ, отвѣчала Риголетта, погрозивъ ему пальчикомъ: потомъ она заперла дверь.... Возмите мой ключъ, онъ такъ великъ, что не входитъ въ мой карманъ, точно пистолетъ!

Родольфъ принялъ ключъ, который въ-самомъ-дѣлѣ былъ такъ огроменъ, что могъ-бы съ честью отличиться между ключами, подносимыми на блюдахъ, отъ побѣжденнаго города—побѣдителямъ.

Проходя мимо двери Полидори, Родольфъ закрылся воротникомъ своего пальто, чтобъ шарлатанъ не узналъ его, не-смотря на столько лѣтъ разлуки.

— Не забудьте сказать г-ну Пипле, чтобъ онъ поставилъ въ вашу комнату все, что принесутъ для Морелей....

— Вы правы, милая сосѣдка, зайдемъ въ его каморку.

Пипле, въ измятой своей шляпѣ и зеленомъ сюртукѣ, по обыкновенію переважно сидѣлъ за столомъ, на которомъ лежали груды обрѣзковъ кожи и остатки изношенныхъ сапоговъ; онъ чинилъ сапогъ, съ важностію и добросовѣстностію, съ которыми никогда въ жизни не разставался.... Анастасіи не было дома.

— Каковы у насъ новости, господинъ Пипле, сказала

Риголетта.... По милости моего сосѣда, Морели ужъ не нищѣ.... Какъ я вздумаю, что Мореля хотѣли тащить въ тюрьму.... Эти приставы—люди безъ сердца....

— И безъ стыда! прибавилъ Пипле сердито, размахивая сапогомъ, который былъ надѣтъ на его лѣвую руку.... Нѣтъ, не боюсь повторить передъ небомъ и землею, что они—люди безстыдные! Они воспользовались темнотою лѣстницы и осмѣлились наложить дерзкія руки на талію моей супруги.... Услыхавъ вопль ея уstraшенной стыдливости, я невольно увлекся живостію моего характера; не скрываюсь, я хотѣлъ.... я остался недвѣжимъ и весь покраснѣлъ, при мысли, что Анастасія сдѣлалась жертвою ихъ гнусныхъ покушеній!... Это доказывалось тѣмъ, что она съ отчаянія бросила горшокъ свой сверху лѣстницы внизъ!... Въ эту минуту, презрѣнные проходили мимо моей двери....

— И вы бросились за ними, я надѣюсь, сказала Риголетта, едва удерживаясь отъ хохота.

— Я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Пипле съ глубокимъ вздохомъ: но разсудилъ, что мнѣ придется видѣть ихъ дерзкіе взгляды, и, можетъ-быть, слышать ихъ соблазнительныя рѣчи.... Это перевернуло меня, взбѣсило.... Я не злѣе другихъ; но когда эти безстыдники проходили мимо моей двери, вся кровь во мнѣ волновалась и я не могъ.... не закрыть глазъ моихъ рукою, чтобъ не видать этихъ безсовѣстныхъ соблазнительей!.. Впрочемъ, они меня не удивили, я ждалъ сего-дня какого-нибудь несчастія—потому-что видѣлъ во снѣ чудовище, Кабріона!

Риголетта усмѣхнулась, а тяжелые вздохи Пипле смѣшались съ ударами молотка, которымъ онъ ударялъ по подошвѣ стараго своего сапога.

Размышленія Альфреда показывали, что г-жа Пипле нахвастала, по примѣру тѣхъ смѣтливыхъ женщинъ, которыя, для возбужденія любви и огня въ мужьяхъ, безпрестанно жалуются, что всѣ за ними волочатся и не даютъ имъ покоя.

— Любезный сосѣдъ, сказала Риголетта Родольфу: не разочаровывайте его; пусть думаетъ, что волочили за его женою; это ему нравится....

Родольфъ не хотѣлъ выводить его изъ заблужденія и сказалъ:

— Вы очень умно взяли за орудіе умныхъ, за прерѣніе... Притомъ добродѣтель г-жи Пипле выше всякихъ покушеній....

— О! за ея добродѣтель—кричалъ Альфредъ, размахивая сапогомъ—я готовъ положить голову на плаху.... За славу великаго Наполеона и за добродѣтель Анастасіи, отвѣчаю, какъ за свою собственную честь!

— И вы совершенно правы, г-нъ Пипле... но забудьте на минуту этихъ безсовѣстныхъ людей, и сдѣлайте мнѣ одолженіе.... окажите услугу.

— Люди созданы для взаимной помощи, отвѣчалъ Пипле строгимъ и меланхолическимъ голосомъ: а тѣмъ-болѣе, когда дѣло идетъ о такомъ живцѣ, какъ вы....

— Сюда принесутъ разныя вещи для Морелей.... отнесите ихъ въ мою комнату....

— Будьте спокойны, сударь, я все устрою.

— Кромѣ-того, продолжалъ Родольфъ печально: надобно позвать пастора для дочки, которую Морели потеряли, — объявить о ея смерти меру, и устроить похороны.... Вотъ вамъ деньги, не жалѣйте ихъ....

— Все будетъ сдѣлано.... Анастасія пошла покупать провизію для обѣда.... Какъ скоро она придетъ, я заставлю ее стеречь домъ, а самъ займусь вашими порученіями.

Въ это время человекъ, закутанный въ плащъ, такъ-что видны были только глаза его, спросилъ: дома-ли торговка Бюреттъ?

— Вы изъ Сенъ-Дени? спросилъ у него Пипле значительно.

— Да, въ часъ съ четвертью.

— Хорошо! можете войти.

Новый гость поспѣшно пошелъ по лѣстницѣ.

— Что это значитъ? спросилъ Родольфъ.

— Что-то дѣлается у старухи Бюреттъ.... къ ней безпрестанно приходятъ и уходятъ.... Она сказала мнѣ сего-

дня утромъ: «У всѣхъ, кто ко мнѣ придетъ сего-дня, спрашивайте: *Вы изъ Сенъ-Дени?* и пускайте только тѣхъ, которые будутъ отвѣчать: *Да, съ часъ съ четвертью.*»

— Да это настоящій лозунгъ! прервалъ Родольфъ.

— Именно, сударь... по этому и я подумалъ: что-то дѣлается у старухи Бюреттъ; и *Хромой*, мерзкій мальчишка, служащій у г-на Брадаманти, вернулся сего-дня ночью, въ два часа, съ кривою старухою, которую зовутъ Совою... Она просидѣла у Бюреттъ до четырехъ часовъ утра, и фіакръ все ждалъ ее... Откуда пріѣхала кривая старуха? Зачѣмъ пріѣхала кривая старуха въ незаконный часъ?... Такіе два вопроса задалъ я себѣ, но не могъ отвѣчать на нихъ, прибавилъ важно Пише.

— И эта Сова уѣхала въ четыре часа утромъ, въ фіакръ? спросилъ Родольфъ.

— Да, сударь, и она, вѣрно, скоро воротится назадъ, потому-что Бюреттъ сказала мнѣ, что приказанія ея не касаются до кривой старухи...

Родольфъ подумалъ, и не безъ основанія, что Сова замышляетъ какое-нибудь новое злодѣйство; но онъ не зналъ, что ея замыслы были устремлены противъ него...

— Такъ вы не забудете моей просьбы о Мореляхъ, г-нъ Пише; да попросите еще вашу жену, чтобъ она принесла имъ хорошій обѣдъ отъ лучшаго трактирщика.

— Будьте спокойны! Какъ скоро супруга моя вернется, я отправлюсь къ меру, къ пастору и къ трактирщику... Къ меру, для мертвыхъ, къ трактирщику, для живыхъ.... Дѣло кончено, почти исполнено....

Въ дверяхъ, Родольфъ и Риголетта, столкнулись съ Анастасіей; она возвращалась съ рынка и несла тяжелую корзинку съ провизіей.

— Давно-бы такъ! — вскричала она насмѣшливо и значительно поглядывая на сосѣда и сосѣдку: вотъ вы ужъ и подъ-ручку. Хорошо! дѣло! Молодость свое возьметъ!... По красавицѣ и молодецъ!... Да здравствуетъ любовь!

Старуха исчезла въ свою комнату; слышны были только ея крики:

— Альфредъ! Не печалься, другъ мой! Твоя Стасія принесла тебѣ корму, толстый обжора!

Родольфъ, взявъ Риголетту подъ руку, вышелъ изъ дому.

XIII.

БЮДЖЕТЪ РИГОЛЕТТЫ.

Риголетта и Родольфъ пошли на обширный и странный базаръ, который называется *Тамплагиз*. Дѣвушка безъ церемоній опиралась на руку своего кавалера, какъ будто они давно и коротко знакомы.

— Какъ смѣшна г-жа Пипле съ своими заключеніями! сказала Гризетка.

— Миѣ кажется, она совершенно права. Она говоритъ: *молодость свое возьметъ и да зравствуетъ любви!* — И я тоже думаю.

— Какъ тоже, любезный сосѣдъ?

— Я хотѣлъ-бы провести съ вами мою молодость, кричать: да зравствуетъ любви! и...

— Ага! у васъ недурной вкусъ!

— Что-жъ тутъ дурнаго!... Вѣдь мы сосѣди!

— Еслибъ мы не были сосѣди, такъ я не пошла-бы съ вами подѣ-руку....

— Стало-быть я могу надѣяться?

— Надѣяться? Чего?

— Что вы меня полюбите!

— Да я и такъ ужъ люблю васъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Точно! Вы добры, веселы, вы бѣдны, но много сдѣлали для Морелей, рекомендовавъ ихъ богатымъ людямъ; ваше лицо миѣ очень нравится; у васъ прекрасное обращеніе; вотъ сколько причинъ, чтобъ любить васъ!... А, посмотрите какія вазы, какіе столовые часы!... Я куплю ихъ лѣтъ черезъ-пять, когда накоплю денегъ.

— Вы копите деньги; а сколько вы получаете?

— Всегда тридцать су въ день, а иногда сорокъ; но расчитываю расходъ на тридцать су, это вѣрнѣе....

— Какъ можно жить тридцатию су въ день?

— А вотъ увидите.... Тридцать су въ день, выходитъ 45 франковъ въ мѣсяць.... Изъ этого я плачу 12 франковъ за квартиру и 23 франка за кушанье.... для меня и для двухъ канареекъ....

— Для трѣихъ — немного! А еще что вы тратите? Я поучусь у васъ жить....

— Слушайте: четыре су за фунтъ хлѣба, два су за молоко, четыре су за салатъ или за овощи, вотъ ужъ десять су. Три су за масло и за укусъ для салада; два су за чистую воду, вотъ и всѣ пятнадцать су.... Да прибавьте еще два или три су въ недѣлю, на кормъ птичкамъ; — выходитъ двадцать два или три франка въ мѣсяць....

— А вы не кушаете говядины?

— Какъ можно! Она стоить десять су за фунтъ!... Потомъ я трачу еще деньги на дрова, на свѣчи... и мнѣ остается на прихоти франковъ сто въ годъ... Изъ нихъ-то я коплю деньги....

— А ваши платья, ботинки, ченчики?

— Чепчики я дѣлаю сама, а платья и ботинки покупаю въ Тамплѣ... Вотъ это платье стоить франковъ шестьдесятъ, а я купила его за пятнадцать Тамъ есть чудесныя лѣтнія платья по пяти и по шести франковъ, а ботинки, въ родѣ моихъ, по два и по три франка.... Но надобно признаться, что мнѣ очень помогли деньги, которыя я заработала въ тюрьмѣ.... На нихъ-то я купила мебель.... Всѣ, кто видитъ мою квартиру, не боятся довѣрять мнѣ заказы, и я никогда не сажу безъ работы.

— Какъ вы основательны и разсудительны, хоть кажетесь очень вѣтренны, милая сосѣдка!

— Я одна на свѣтѣ, и по-неволѣ должна сама-себѣ устроить гнѣздо.

— И оно устроено прекрасно!

— Не правда-ли? Я ни въ чемъ себѣ не отказываю: у меня есть канарейки, цвѣты и на окнахъ и на каминѣ, и совсѣмъ-тѣмъ я умѣла сберечь уже три франка....

— Ихъ нѣтъ!.. Въ послѣднее время, Морели были такъ несчастны, что мнѣ было стыдно держать въ комодѣ безъ всякой пользы три франка, и я дала ихъ въ займы Морелю... то есть, не хочу оскорблять его, а я просто подарила...

— Однакожъ, надобно вамъ подумать и о будущемъ?

— О будущемъ?

— Ну если вы вдругъ сдѣаетесь больны?

— Больна? Я?

Риголетта расхохоталась.

Она хохотала такъ громко, что старичокъ, шедшій впереди, принявъ этотъ смѣхъ на свой счетъ и обернувшись.

Риголетта, не переставая хохотать, поклонилась ему съ такою ужимкою, что самъ Родольфъ не могъ не засмѣяться.

Старикъ заворчалъ и пошелъ дальше.

— Чему вы смѣетесь? Развѣ вы не можете быть больны?

— Больна! Что вы?

И Риголетта хохотала пуще прежняго.

— Развѣ я похожа на больную?

— Нѣтъ, у васъ пресвѣженькое, розовое личико!

— Такъ зачѣмъ-же мнѣ быть больной?

— Все-таки можетъ быть!

— Въ восемнадцать лѣтъ... при моей жизни... невозможно!.. Я встаю въ пять часовъ, и лѣтомъ и зимою; ложусь въ десять или одиннадцать; ѣмъ сколько хочу, не влбну отъ холода, работаю много, пою какъ птичка, сплю какъ убитая; на душѣ у меня весело, радостно и спокойно... Какъ-же мнѣ быть больной? Вотъ умора! Что выдумали!

Родольфъ, пораженный этою сдѣбною и счастливою вѣрою въ будущее, упрекалъ себя за то, что едва не поколебалъ ее... Онъ съ ужасомъ подумалъ, что недѣльная болѣзнь могла разстроить все счастье и довольство жизни его сосѣдки.

Ряголетта вѣрила своей молодости не отъ безпечности или вѣтренности; она была убѣждена, что Господь не оставитъ добрую и трудолюбивую дѣвушку, которая ничего не имѣетъ кромѣ важнѣйшихъ даровъ природы, — молодости и здоровья!...

Весною, когда легкимъ крыломъ небесныя птицы разсѣкаютъ прозрачный и теплый воздухъ, заботятся-ли онѣ о суровой зимѣ?

— Такъ вы ничего не желаете, милая сосѣдка?

— Ничего?

— Совершенно ничего?

— Постойте... я хочу только имѣть одно украшеніе къ камину.... и буду имѣть его.... хотя-бы пришлось работать по ночамъ; кромѣ этого, со вчерашняго дня я ничего не желаю....

— Со вчерашняго дня.

— Да, я желала еще имѣть хорошаго сосѣда.... чтобъ онъ, какъ и другіе, ходилъ со мною по воскресеньямъ гулять или въ театръ....

— Да, да, мы будемъ ѣздить за городъ....

— Нѣтъ, я терпѣть не могу деревни, и люблю только Парижъ. Однакожь прежде я часто ѣзжала въ Сень-Жерменъ, изъ угожденія одной подругѣ, которая вмѣстѣ со мною сидѣла въ тюрьмѣ; ее звали Пѣвицей.... предобрая дѣвушка!

— А гдѣ она теперь?

— Не знаю; она тратила деньги, накопленныя въ тюрьмѣ, но безъ наслажденія; она всегда была печальна, но добра и сострадательна.... Когда у меня не было еще работы, я часто выѣзжала съ нею, но потомъ присѣла за работу и никуда изъ дому. Я оставила Пѣвицѣ мой адресъ, но она не приходила ко мнѣ; вѣрно тоже работаетъ весь день.... Такъ по воскресеньямъ мы будемъ гулять по Парижу. Вы увидите, что я васъ не пристыжу. У меня есть прекрасныя платья, и какіе чепчики! Повѣрьте, не разъ мужчины обернутся и скажутъ: *какая хорошенькая!* А женщины будутъ говорить про васъ: *какой молодецъ! какъ идутъ къ нему черныя уски!* И я бу-

ду того-же мнѣнія, потому-что очень люблю усы... къ несчастію, Жерменъ не носилъ ихъ, онъ служилъ у нотариуса. Кабріонъ носилъ усы, да рыжіе, какъ и его длинная борода, а я терпѣть не могу длинныхъ оородъ; притомъ-же онъ слишкомъ шалилъ на улицѣ и безпощадно мучилъ бѣднаго Пипле. Препжній мой сосѣдъ Жиродо былъ ловкій мужчина, да косою; сначала, мнѣ съ нимъ было очень неловко; мнѣ все казалось, что онъ смотритъ на кого-нибудь возлѣ меня, и я, безъ дурнаго намѣренія, все оборачивалась въ ту же сторону...

И Риголетта опять захохотала.

Родольфъ слушалъ болтовню ея съ любопытствомъ; онъ въ третій или четвертый разъ спрашивалъ себя: что думать о добродѣтели Риголетты?

Иногда свобода ея разказовъ заставляла его думать, что она любила своихъ сосѣдей, какъ братьевъ, какъ товарищей, и что г-жа Пипле оклеветала ее; потомъ онъ смѣялся надъ своею довѣрчивостію и думалъ, что невозможно было такой хорошенькой и молоденькой дѣвушкѣ спастись отъ преслѣдованій Жиродо, Кабріона и Жермена. Потомъ откровенность и оригинальная съ нимъ короткость Риголетты возбуждали въ немъ новыя сомнѣнія.

— Какъ мнѣ нравится, что вы располагаете моими воскресеньями, милая сосѣдка; о! мы будемъ чудесно веселиться!

— Но предупреждаю васъ, что кошелекъ будетъ въ моихъ рукахъ, потому-что вы не умѣете распоряжаться деньгами... Лѣтомъ, мы прекрасно пообѣдаемъ за три франка, въ Шартрезъ или въ Эрмитажъ, и потомъ потанцуемъ, поѣздимъ на деревянныхъ лошадяхъ... я ужасно люблю ѣздить верхомъ!... И всего-то истратимъ пять франковъ не больше; вы умѣете вальсировать?

— Какъ-же!

— Ну и прекрасно! Кабріонъ бывало всегда отдавить мнѣ ноги, да еще набросаетъ на полъ хлопושекъ, для шутки... За то насъ не хотѣли принимать въ Шартрезъ....

— Она опять захохотала.

— О! я никогда не позволю себѣ шутку съ хлопнушками... А зимой что мы будемъ дѣлать?

— Зимой мы будемъ обѣдать за сорокъ су, вѣдь зимой не бываетъ такого аппетита, какъ лѣтомъ; намъ останется три франка на театръ; я никакъ не хочу, чтобъ вы тратили больше пяти франковъ. И этого много, да вы и одини истратили-бы тоже самое, играя съ какими-нибудь мерзавцами на бильярдѣ, отъ которыхъ несетъ табаконь... Не лучше-ли провести день съ доброй подругой, веселой невзыскательной, которая дастъ вамъ еще доходъ, избавляя васъ отъ расходовъ на галстуки, на хозяйство?

— Разумѣется, я въ барышахъ. А если мои друзья встрѣтятъ меня съ моею милою подругою—подъ-ручку?

— Они скажутъ: какой счастливецъ этотъ Родольфъ!

— Вы знаете мое имя?

— Когда я узнала, что вы наняли комнату возлѣ меня, я тотчасъ спросила, какъ васъ зовутъ.

— Да, мои друзья будутъ считать меня счастливцемъ, и станутъ еще мнѣ завидовать!

— Тѣмъ-лучше!

— Они будутъ думать, что я совершенно счастливъ!

— Тѣмъ-лучше! Тѣмъ-лучше!

— А если я буду счастливъ только по наружности?

— Да не все-ли вамъ равно, только другіе вѣрили-бы вашему счастью! Мужчинамъ больше ничего не нужно!

— А ваша репутація?

Риголетта опять расхохоталась.

— Репутація гризетки!... Развѣ нынче вѣрятъ такимъ метеорамъ? Еслибъ у меня были отецъ или мать, братъ или сестра, такъ я позаботилась-бы о ней.... Я теперь одна.... Это мое дѣло....

— Да я-то буду очень несчастливъ....

— Почему-же?

— Я васъ буду любить... какъ вы обѣдали у Кретю, по кухонной книгѣ....

— Ничего; привыкнете; я буду съ вами такъ ласкова, такъ благодарна, такъ снисходительна, что вы сами по-

думаете: лучше проводить воскресенье съ нею, чѣмъ съ товарищами.... Если вамъ нечего дѣлать, приходите посидѣть вечерокъ со мною, пользуйтесь моимъ каминномъ и моей лампой; вы будете доставать романы и читать миѣ.... Лучше читать, чѣмъ проигрывать деньги на бильярдѣ.... Если вы заняты вечеромъ или въ гостяхъ, то, возвратившись, скажите миѣ: прощай; а если я ужъ буду спать, такъ на другой день я самъ съ вами поздороваюсь черезъ перегородку, и разбуду васъ.... Вотъ послѣдній мой сосѣдъ Жерменъ цѣлые вечера проводилъ со мною, и никогда не скучалъ!... Онъ прочелъ миѣ всего Вальтеръ-Скотта... Какъ это было весело! И когда по воскресеньямъ, въ дурную погоду, мы не ходили въ театръ, а оставались дома, обѣдали прекрасно, и потомъ читали весь вечеръ.... Миѣ было весело такъ-же, какъ въ театрѣ. Вы видите, что со мною нетрудно ужиться, я на все согласна.... Вы говорите о болѣзни.... еслибъ случилось съ вами такое несчастіе, такъ вы увидали-бы, какъ я умѣю ходить за больными.... Спросите у Мореллей.... Да вы не знаете еще, какое счастье имѣть меня сосѣдкой!

- О! я увѣренъ.... кстати, гдѣ теперь Жерменъ?
- Должно-быть въ Парижѣ.
- Вы съ нимъ не видаетесь?
- Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ выѣхалъ, онъ не былъ у меня.
- Гдѣ-же онъ живетъ? Что дѣлаетъ?
- За-чѣмъ вы объ этомъ спрашиваете, сосѣдъ?
- Я ревную его, сказалъ Родольфъ съ улыбкою: и хотѣлъ-бы....
- Не ревнуйте.... не за что!
- Кромѣ шутокъ, милая сосѣдка, миѣ очень нужно видѣть Жермена; вы знаете, гдѣ онъ живетъ, и я клянусь вамъ, что не измѣню тайнѣ....
- Кромѣ шутокъ, милый сосѣдъ, вы, можетъ-быть, желаете добра Жермену, но я обѣщала ему, не сказывать никому, гдѣ онъ живетъ; и если я ужъ вамъ не хочу сказать, такъ значитъ, что это не возможно.... такъ

не сердитесь-же на меня.... Если-бы вы мнѣ довѣрили тайну, то, вѣрно, были-бы довольны теперешнимъ моимъ молчаніемъ.

— Можетъ-быть....

— Вотъ скажу вамъ, одинъ разъ навсегда: никогда не спрашивайте меня объ этомъ.... Я дала обѣщаніе, и сдержу его; и что-бы вы мнѣ ни говорили, я всегда буду отвѣчать вамъ одно и тоже.

Не-смотря на свою вѣтреность, дѣвушка сказала послѣднія свои слова такъ гордо, что Родольфъ понялъ, къ величайшему сожалѣнію, что почти невозможно выпытать отъ нея нужную ему тайну. Ему не хотѣлось коварно обмануть ее; онъ рѣшился ждать, и весело сказалъ ей:

— Такъ не будемъ говорить объ этомъ.... Вы такъ мастерски бережете чужія тайны, что не удивительно, что никто не знаетъ вашихъ....

— У меня нѣтъ секретовъ, а хотѣлось-бы имѣть.... Это должно быть очень забавно!

— Какъ! у васъ нѣтъ никакой сердечной тайны?

— Какой? сердечной?

— Да.... развѣ вы никогда не любили? спросилъ Родольфъ, пристально взглядываясь въ Риголетту, и старался разгадать истину.

— Какъ не любила?... А Жиродо? Кабріонъ? Жермень?... а вы?

— Неужли вы любили ихъ не больше меня.... точно какъ меня?

— Небольше васъ, а, можетъ-быть, еще меньше, потому-что мнѣ надобно было привыкать къ косому глазу Жиродо, къ рыжей бородѣ Кабріона и къ печали Жермена.... да, онъ былъ очень печаленъ!... Вы-же, напротивъ, понравились мнѣ съ перваго раза....

— Не разсердитесь, сосѣдка.... я скажу вамъ....

— Все что хотите.... Вѣрно, вы такіе добрые, не захотите огорчить меня!

— Разумѣется.... Ну, откровенно... неужели у васъ никогда не было любовника?

— Эге! да развѣ у меня есть время для этого?

— Какое тутъ дѣло до времени!

— Какъ-бы не такъ: непременно нужно время!... Во-первыхъ, я была-бы ревнива, какъ тигръ, и безпрестанно-бы мучилась; а развѣ у меня столько денегъ, чтобъ я могла тратить два или три часа въ день на слезы и жалобы?... Вотъ тутъ-то-бы я не свела концовъ съ концами въ приходѣ и расходѣ!

— Но не всѣ любовники невѣрны, не всѣ заставляютъ плакать....

— Еще хуже, еслибъ онъ былъ вѣрепъ.... Развѣ я могла-бы жить безъ него хоть минуту? Онъ, вѣрно, просиживалъ-бы цѣлый день въ конторѣ, или въ мастерской, или въ магазинѣ своемъ, а я между-тѣмъ страдала-бы, какъ грѣшная душа.... я мучилась-бы разными выдумками.... А еслибъ онъ меня бросилъ!... Что случилось-бы со мною? Во всякомъ случаѣ, я не могла-бы работать, такъ чѣмъ-бы я жила? Теперь я спокойна, а едва могу кормить себя, работая въ день по двѣнадцати и пятнадцати часовъ.... Еслибъ я теряла по нѣскольку дней въ недѣлю, мнѣ пришлось-бы идти къ кому-нибудь подъ команду.... а этого я не хочу, никакъ не хочу.... Мнѣ теперь даютъ въ магазинѣ 400 франковъ въ годъ, столъ, квартиру....

— И вы не принимаете такого предложенія?

— Разумѣется нѣтъ; теперь я свободна, живу у себя, и никому ничѣмъ не обязана.... Я бодра, весела, здорова; у меня прекрасный сосѣдъ; чего-жъ мнѣ еще желать?

— Такъ вы не думаете о замужствѣ?

— За кого выдти? За бѣдняка, такого-же какъ я! Взгляните на Морелей; вотъ къ чему приведетъ меня замужство; пока я одна, я ничего не боюсь....

— Такъ у васъ нѣтъ воздушныхъ замковъ?

— Есть.... я все думаю о каминѣ.... Больше ничего не желаю!

— Но еслибъ какой-нибудь родственникъ оставилъ вамъ состояніе? тысячу-двѣсти франковъ дохода, напримѣръ?

— Было-бы не дурно... а можетъ-быть и дурно! —

— Дурно?

— Я теперь счастлива, а не знаю, что было-бы со мною, еслибъ я разбогатѣла.... Когда я засыпаю вечеромъ, послѣ трудной дневной работы, когда свѣчка погашена, и я вижу, при огонькѣ камина, чистую мою комнату, занавѣски, мебель, моихъ птичекъ, часы, я думаю: все это мое!... Я самой себѣ, одной себѣ, обязана всѣмъ этимъ!... Эти мысли пріятно убаюкиваютъ меня и я засыпаю, съ гордостію иногда, но всегда съ удовольствіемъ.... А еслибъ всѣ эти вещи достались мнѣ отъ какого-нибудь старика-родственника, онѣ не доставляли-бы мнѣ никакихъ наслажденій!... Ага! мы пришли къ Тамплю.... Посмотрите, какой великолѣпный видъ!

XIV.

ТАМ П Л Ъ.

Хотя Родольфъ не раздѣлялъ востора Риголетты при взглядѣ на Тамбль, однакожъ и онъ былъ пораженъ странною наружностію этого огромнаго базара.

Въ срединѣ улицы Тамбль, близъ фонтана, устроеннаго на концѣ площади, возвышается пространный паралеллограммъ, деревянный, крытый черепицею.

Это и есть знаменитый Тамбль.

Онъ раздѣленъ на двѣ части широкимъ проходомъ, который тянется во всю его длину; каждая часть изрѣзана мелкими переулками, которые пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ и защищены отъ дождя крышею всего зданія.

На этомъ базарѣ не продаютъ свѣжихъ, новыхъ товаровъ, но обрывокъ матеріи, кусокъ желѣза, мѣди или стали, находятъ покупщика и продавца.

Тутъ есть торгующіе лоскутками сукна всѣхъ цвѣтовъ, сортовъ, качествъ и *льтъ*; эти лоскутки предназначаются на поправку изорваннаго или изношеннаго платья.

Въ нѣкоторыхъ магазинахъ навалены цѣлыя горы старыхъ подошвъ, безъ формы, безъ цвѣта, испещренныхъ

гвоздями, какъ двери тюрьмы, настоящихъ скелетовъ обуви; и все это покупается, и есть торговцы, живущіе этою продажею.

Есть люди, торгующіе бахромой, сурками, шолкомъ, нитками... все это взято изъ старыхъ занавѣсокъ, которыя разобраны на части, потому-что не могли уже служить.

Тамъ есть и женскія шляпки. Ихъ складываютъ пополамъ и нанизываютъ на веревку, какъ сушеную рыбу. Когда приходитъ покупатель, торговка ударяетъ шляпкой по колѣну, и товаръ распрямляется, принимая странную, фантастическую форму.

Тутъ-же и платья всякаго рода: венгерскія, польскія, старинныя; ливреи знаменитѣйшихъ домовъ, которые пали послѣ политическихъ переворотовъ.

Однакожь надобно признаться, что этотъ базаръ весьма полезень для простаго и бѣднаго народа. Тутъ небогатые люди покупаютъ все, что имъ нужно, за полцѣны; и вещи не такъ изношены и испорчены, какъ можно подумать.

Одна сторона Тампля, предназначенная для спальныхъ вещей, наполнена тюфяками, матрацами, одеялами, простынями, подушками; далѣе выставлены ковры, занавѣски, домашняя утварь; все это очень чисто и не безобразно.

Не побывавъ въ базарѣ, нельзя вообразить, какъ мало нужно времени и денегъ для закупки всѣхъ необходимыхъ вещей для обзаведенія и обмундированія двухъ или трехъ семействъ.

Родольфъ замѣтилъ, что торговки заываютъ прохожихъ въ свои лавки съ почтительнымъ уваженіемъ, что и показалось ему остаткомъ прежняго времени.

Родольфъ шелъ подъ-руку съ Риголеттой. Едва показались они въ большомъ проходѣ, какъ ихъ начали преслѣдовать самыми обольстительными предложеніями.

— Сударь! посмотрите мои постели, онѣ совсѣмъ новыя; я распорю одинъ конецъ, и вы изволите увидать чѣмъ они набиты: точно шерсть, нѣжно, бѣло, мягко!

— Прелестная барышня! У меня простыни чудесныя, лучше новыхъ, въ нихъ нѣтъ ужъ первоначальной грубости: онѣ мягки, какъ перчатки, а крѣпки, какъ сталь...

— Господа новобрачные! Извольте купить у меня одѣяло, посмотрите какое легкое, мягкое и теплое! Точно пухъ! Сударыня! посоветуйте мужу вашему.... я продамъ вамъ за безцѣнокъ цѣлое хозяйство.... вы будете довольны, станете покупать у старушки Буварь.... Вчера, я по оказіи купила славныя вещи.... извольте посмотрѣть.... за посмотрѣть ничего не возьму....

— Любезная сосѣдка! сказалъ Родольфъ Риголеттъ: войдемъ къ этой толстой старухѣ. Она принимаетъ насъ за новобрачныхъ, это мнѣ льститъ.... Войдемъ въ ея лавку.

— Пожалуй! отвѣчала Риголетта: и мнѣ понравилось ея лицо.

Они вошли къ старухѣ Буварь.

Но великодушію, которымъ можетъ похвастаться только Тамплъ, соперницы старухи Буварь не разсердились за предпочтеніе, оказанное ея лавкѣ; одна изъ ея сосѣдокъ сказала даже:

— Пусть Буварь наживется, у ней дѣти; притомъ-же она старшая въ Тамплѣ по лѣтамъ и правамъ на уваженіе.

— Вотъ сударыня, сказала добрая старушка, вещи, купленныя по оказіи, о которыхъ я вамъ говорила; двѣ полныя постели, со всѣми принадлежностями, почти новыя. Если вамъ угодно дешовую конторку, вотъ извольте посмотрѣть (Буварь указала на конторку), я купила ее вмѣстѣ съ постелями. Я никогда не покупаю мебели, но въ этомъ случаѣ не могла отказать: госпожа, продававшая ихъ, показалась мнѣ такою несчастною!... Особенно не могла она разстаться съ конторкою.... вѣрно семейная мебель!...

Пока Риголетта торговалась, Родольфъ со вниманіемъ разсматривалъ конторку.

Она была устроена, какъ старинныя конторки: наружная доска опускалась на двухъ мѣдныхъ обручахъ и мо-

гла замѣнять письменный столъ. На доскѣ, среди разныхъ украшеній изъ цвѣтнаго дерева, были вырѣзаны буквы М и R подъ графскою короною. Онъ понялъ, что послѣдній владѣлецъ конторки принадлежалъ къ высшему классу. Это возбудило въ немъ новое любопытство; онъ началъ раскрывать ящики и въ одномъ изъ нихъ нашелъ черновое письмо, все измаранное и неконченное. Съ трудомъ разобралъ онъ слѣдующее:

«Милостивый Государь!

«Будьте увѣрены, что одно только злѣйшее несчастіе могло принудить меня къ поступку, на который я теперь рѣшаюсь. Не гордость удерживала меня, а совершенное неимѣніе правъ на услугу, которой я осмѣливаюсь просить у васъ. При видѣ моей дочери, доведенной до нищеты вмѣстѣ со мною, я все преодолеваю и пишу къ вамъ о причинахъ нашихъ бѣдствій.

«Послѣ моего мужа, у меня осталось триста тысячъ франковъ; братъ мой положилъ ихъ къ нотаріусу Жаку Феррону. Черезъ брата получала я проценты на эту сумму, въ Анжерѣ, гдѣ я жила съ дочерью. Вы знаете, М. Г., какъ несчастно погибъ братъ мой: разорившись неудачными спекуляціями, онъ самъ посягнулъ на жизнь свою. Тогда я получила отъ него нѣсколько строкъ, полныхъ отчаянія. Онъ извѣщалъ меня, что не имѣетъ акта отъ Феррона на мои деньги, потому-что этотъ нотаріусъ знаменитъ своею честностію и никогда не даетъ росписокъ; но мнѣ стѣбитъ только явиться къ нему—и я все получу.

«Пріѣхавъ въ Парижъ, я никого не знала кромѣ васъ, М. Г., и то единственно по сношеніямъ вашимъ съ моимъ мужемъ, а не прямо со мною. Я ничего не имѣла, кромѣ денегъ, лежавшихъ у Феррона. Годъ уже не присылали мнѣ процентовъ; я пошла къ Феррону требовать моихъ доходовъ, въ которыхъ имѣла самую крайнюю нужду.

«Едва я успѣла сказать мое имя, какъ нотаріусъ, не уважая моей горести, началъ обвинять моего брата и рассказывать, что онъ передъ смертію занялъ у него двѣ тысячи франковъ, которыхъ онъ Ферронъ долженъ те-

перь лишиться. Онъ прибавилъ, что смерть моего брата — грѣхъ передъ Богомъ и людьми, а въ отношеніи къ нему Феррону, просто похищеніе.

«Его гнусныя слова возбудили во мнѣ негодованіе; всѣмъ была извѣстна неумытная честность моего брата; онъ, правда, лишился всего своего состоянія въ неудачныхъ предпріятіяхъ, затѣянныхъ тайнѣ отъ меня и знакомыхъ, но онъ умеръ съ незапятнанною репутаціею; всѣ о немъ жалѣли, никому не остался онъ долженъ... кромѣ Феррона.

«Я отвѣчала нотаріусу, что позволяю ему сейчасъ-же взять эти двѣ тысячи франковъ изъ моихъ трехъ сотъ тысячъ, которыя лежатъ у него.... Тутъ онъ посмотрѣлъ на меня значительно и спросилъ, о какихъ трехъ стахъ тысячахъ я говорю ему?

— «О тѣхъ, которыя братъ мой вручилъ вамъ за полтора года, и съ которыхъ вы до-сихъ-поръ исправно высылали мнѣ проценты черезъ моего брата,—отвѣчала я, не понимая еще, къ чему клонится его вопросъ.

«Нотаріусъ пожалъ плечами, улыбнулся съ состраданіемъ, какъ-будто принималъ слова мои за шутку, и отвѣчалъ мнѣ, что мой братъ не только не ввѣрялъ ему никакихъ денегъ, но даже занялъ у него двѣ тысячи франковъ.

«Не могу разсказать вамъ, какъ я испугалась, услышавъ его отвѣтъ.

— «Такъ куда-жъ дѣвались мои деньги? закричала я.... У меня и моей дочери нѣтъ ничего, кромѣ этихъ денегъ; если у насъ отнимутъ ихъ, намъ ничего не останется, кромѣ самой ужасной нищеты.... Что съ нами будетъ?

— «Не знаю, что съ вами будетъ, отвѣчалъ хладнокровно нотаріусъ. Вѣроятно, вашъ братъ, вмѣсто-того, чтобъ вручить мнѣ ваши деньги, растратилъ ихъ въ своихъ несчастныхъ спекуляціяхъ, которыми онъ занимался, скрытно отъ васъ и всѣхъ своихъ знакомыхъ.

— «Неправда! ложь! отвѣчала я. Братъ мой былъ человѣкъ испытанной честности. Онъ не только не могъ-бы

ограбить насъ, меня и дочь мою, но даже готовъ былъ пожертвовать собою для нашего счастья. Онъ даже рѣшился никогда не жениться, чтобъ оставить все свое имѣніе—моей дочери!

— «Не осмѣлитесь-ли вы, сударыня, увѣрять, что я могу отказываться отъ вѣренной моему храненію суммы? спросилъ у меня нотаріусъ съ такимъ негодованіемъ, что оно показалось мнѣ искреннимъ и достойнымъ уваженія, и я сказала ему:

— «Нѣтъ, милостивый государь, ваша честность тоже извѣстна; но однакожь я не могу обвинять память брата моего и вѣрять, чтобы онъ могъ измѣнить моему до-вѣрію.

— «На основаніи какихъ актовъ требуете вы отъ меня вашихъ денегъ? спросилъ у меня Феррону.

— «У меня нѣтъ никакихъ актовъ. Назадъ тому полтора года, братъ мой, принявшись за управленіе моими дѣлами, писалъ ко мнѣ: «Я нашелъ вѣрнаго человѣка, которому можно отдать твои деньги за шесть процентовъ; пришли мнѣ довѣренность для устройства этого дѣла; я добавлю сколько нужно до трехъ-сотъ тысячъ франковъ, и положу ихъ къ нотаріусу Жаку Феррону.» Я прислала брату довѣренность; черезъ нѣсколько дней, онъ извѣстилъ меня, что деньги уже отданы вамъ, что вы никогда не дадите никакихъ росписокъ, а черезъ шесть мѣсяцовъ онъ прислалъ мнѣ и слѣдующіе проценты за полгода.

— «Нѣтъ-ли у васъ его писемъ по этому дѣлу?

— «Нѣтъ; въ этихъ письмахъ ничего не было кромѣ извѣстій о дѣлахъ, и я изорвала ихъ....

— «Къ-сожалѣнію, я никакъ не могу помочь вамъ въ этомъ случаѣ, сударыня. Еслибъ моя честность не была выше всякаго подозрѣнія, я сказалъ-бы вамъ: суды открыты, ступайте жаловаться на меня; судьи рѣшатъ, кому вѣрять: честному-ли человѣку, который тридцать лѣтъ пользуется уваженіемъ всѣхъ благомыслящихъ людей, или несчастному, который, разорившись отъ самыхъ безумныхъ предпріятій, принужденъ былъ въ самоубійствѣ

искать спасенія?... Я могъ-бы еще сказать вамъ: зовите меня въ судъ, если смѣете, и память вашего брата будетъ опозорена!... Но я думаю, что вы разсудительны и перенесете несчастіе, ужасное, это правда, но вѣдь я въ немъ нисколько не виноватъ!

— «Но вѣдь я мать! У насъ все отнимаютъ, кромѣ мебели.... Когда мы продадимъ ее, что намъ останется?... Нищета, самая страшная, убійственная нищета!

— «Васъ обманули, это большое несчастіе, но я не могу помочь вашему горю, отвѣчалъ нотаріусъ.... Еще разъ повторяю, вашъ братъ обманулъ васъ.... Если вы не знаете кому вѣрить, ему или мнѣ, ступайте въ судъ, жаловаться на меня.... суды открыты, они рѣшатъ дѣло....

«Я вышла отъ нотаріуса.... и вынесла смерть въ душѣ моей. Что мнѣ оставалось въ такомъ ужасномъ положеніи? Я не имѣла никакихъ документовъ, но вѣрила неизмѣнной честности моего брата; смутившись отъ увѣренности хладнокровнаго нотаріуса, не зная куда обратиться за совѣтомъ (васъ тогда не было), и зная, что нужны непременно деньги на адвокатовъ и приказныхъ, я не смѣла начать процесса.... Тогда-то»....

Письмо прерывалось въ этомъ мѣстѣ; слѣдующія строки были зачеркнуты такъ, что невозможно прочесть ихъ; внизу, на углу послѣдней страницы, Родольфъ могъ разобрать еще слова:

«Тожже написать къ герцогинь Люсне.»

Родольфъ задумался, прочитавъ отрывокъ письма....

Послѣдняя подлость, въ которой обвиняли Феррона, недоказана; но онъ такъ безчеловѣчно поступилъ съ Морелемъ, такъ безчестно преслѣдовалъ Луизу, что весьма легко могъ утаить ввѣренныя ему деньги, особенно, когда былъ увѣренъ, что его не накажутъ.

Эта мать, требовавшая своихъ денегъ, исчезнувшихъ такимъ страшнымъ образомъ, вѣрно привыкла къ безбѣдной жизни. Какую жизнь ведутъ въ Парижѣ эти двѣ женщины, разоренныя неожиданнымъ случаемъ и ни съ кѣмъ незнакомыя въ цѣломъ городѣ!

Родольфъ обѣщаль, какъ извѣстно, какую-нибудь *интригу* маркизѣ Дарвилль; онъ былъ увѣренъ, что найдеть какое-нибудь доброе дѣло на ея долю.

Онъ подумаль, что сама судьба навела его на слѣдъ благородныхъ страдалецъ, которыя могутъ занять сердце и воображеніе маркизы Дарвилль.

Проектъ письма, которое было у него въ рукахъ и которое, вѣроятно, не было отправлено къ кому слѣдовало, показываль, что несчастныя женщины — характера гордаго и рѣшительнаго; предложеніе о помощи могло разсердить и обидѣть ихъ. Сколько нужно осторожности, изворотовъ и самой ловкой хитрости, чтобъ скрыть источникъ учивой благотворительности и чтобъ заставить ихъ принять помощь!

И сколько нужно ловкости, чтобъ войти въ сношенія съ этою дамою, и узнать, точно-ли она достойна того участія, которое по-видимому должна возбуждать! Родольфъ предвидѣль тутъ много душевныхъ движеній, невыхъ, любопытныхъ, трогательныхъ; они-то должны были *забавлять* маркизу Дарвилль, какъ онъ обѣщаль ей.

— Ну, *муженекъ*, сказала весело Риголетта Родольфу: что у васъ за лоскутокъ бумажки?

— Какъ вы любопытны, прелестная *жена*, отвѣчалъ Родольфъ.... я скажу вамъ послѣ, что это такое?... Конченъ-ли торгъ?

— Все кончено, и ваши несчастные будутъ довольны.... Остается только заплатить деньги.... Надобно признаться: Г-жа Буваръ пресговорчивая, на всемъ уступила....

— Пока я буду платить, сходите и выберите платя для г-жи Морель и для ея дѣтей.... Я ничего не смыслю въ покупкахъ этого рода.... Вы прикажете принести все это сюда.... и наши Морели получаютъ все вдругъ.

— У васъ всегда прекрасныя идеи, милый *муженекъ*. Подождите меня здѣсь, я сей-часъ ворочусь. У меня есть двѣ знакомыя торговки, я у нихъ всегда покупаю.... Я найду у нихъ все, что намъ нужно.

Уходя, Риголетта сказала старухѣ:

— Г-жа Буваръ, довѣряю вамъ моего мужа; смотрите, не волочитесь за нимъ!

Она захохотала и исчезла.

XV.

О Т К Р Ы Т І Е.

— Надобно признаться, сказала старуха Буваръ Родольфу, когда Риголетта ушла, — надобно признаться, что ваша жена — чудесная хозяйка. Да! она мастерица торговаться, и какая хорошенькая! Кровь съ молокомъ, а глаза черные, коса черная.... это рѣдкость!

— Не правда-ли, что она очень мила, и я пресчастливый мужъ?

— Какой-же счастливый мужъ, какъ она счастливая жена, отвѣчала старуха: я въ этомъ увѣрена.

— Вы точно не ошибаетесь.... а сколько я вамъ долженъ?

— Ваша хозяйка никакъ не хотѣла дать больше трехъ-сотъ тридцати франковъ за все.... Право, мнѣ барыша только пятнадцать франковъ; я заплатила за эти вещи не такъ дешево, какъ могла заплатить.... у меня не достало духу торговаться.... продавцы казались такими бѣдными, несчастными....

— Вѣдь отъ нихъ-же вы купили и эту старую конторку?

— Да, сударь.... Сердце у меня ноетъ, какъ я вспомню о нихъ! Представьте себѣ: третьяго-дня приходитъ ко мнѣ молодая и еще прекрасная дама, но такая блѣдная, такая худая, что больно было смотрѣть на нее!... Вѣдь мы какъ разъ узнаемъ несчастныхъ! Хоть она была тщательно одѣта, вся въ черномъ, однакожъ я тотчасъ догадалась, что она — *благородная бѣдность!*... Она, покраснѣвъ, предлагаетъ мнѣ купить двѣ полныя постели, со всѣми принадлежностями, и старую небольшую конторку. Я отвѣчаю ей-что я торгую, стало-быть надобно покупать, что я непременно куплю, если вещи мнѣ по-

правятся, но надобно прежде посмотреть ихъ. Она зоветъ меня къ себѣ... недалеко отсюда, на той сторонѣ бульвара, на набережной канала... Я поручаю лавку племянницѣ, иду за дамою, мы приходимъ въ небогатый домишко, на задній дворъ... Поднимаемся въ четвертый этажъ; дама стучитъ въ дверь; намъ отпираетъ дѣвочка лѣтъ четырнадцати... Она была тоже въ траурѣ, также блѣдна, также худа, но все-таки такъ хороша, такая красавица... что я невольно остановилась....

— Что-жъ это за-красавица? кто она?

— Дочь траурной госпожи... Не-смотря на холодъ, она была въ лѣтнемъ платьѣ, а плеча прикрывала изношеннымъ чернымъ платкомъ.

— И квартира ихъ бѣдная?

— Двѣ комнаты, чистыя, но голыя и холодныя, такъ-что я не могла свести зуба съ зубомъ... Въ каминѣ не-видно даже остатковъ золы; вѣрно давнымъ давно его не топили... Всей мебели двѣ кровати, два стула, ком-модъ, старый чемоданъ и конторка; на чемоданѣ лежалъ узелокъ... Въ узелкѣ заключалось все богатство матери и дочери, послѣ продажи мебели... Хозяинъ дома бралъ за долгъ—кровать, стулья и чемоданъ; это сказалъ мнѣ привратникъ, который вошелъ въ комнаты вмѣстѣ съ нами... Дама очень учтиво попросила меня оцѣнить вещи... Клянусь вамъ, сударь, что хоть по ремеслу моему я должна покупать дешево, а продавать дорого,—но когда я увидѣла слезы на глазахъ бѣдной дѣвушки и замѣтила, что мать ея, не-смотря на наружное хладнокровіе, рыдаетъ въ душѣ, я оцѣнила ихъ вещи только пятна-дцатью франками меньше того, что онѣ стоятъ... въ убытокъ себѣ... я даже согласилась купить и конторку, хоть никогда не торгую такими вещами....

— Я покупаю у васъ эту конторку, г-жа Буваръ.

— Очень рада!... она засѣла-бы у меня на рукахъ... Я взяла ее только чтобъ услужить этой несчастной госпожѣ... Я сказала ей цѣну вещей; думала, что она станетъ торговаться, просить дороже, какъ-бы не такъ! И по этому я еще болѣе убѣдилась, что это — *благородная*

нищета! Да, вѣрьте мнѣ, сударь!... Услышавъ цѣну, она сказала мнѣ: хорошо; пойдите въ вашу лавку, тамъ вы мнѣ заплатите, я не могу далѣе оставаться въ этомъ домѣ. Потомъ она сказала дочери, которая рыдала, сидя на чемоданѣ: Клера, возьми узелокъ.... (я запомнила имя; она назвала ее *Клерой!*) Дѣвушка встала, и проходя мимо конторки, упала передъ нею на колѣна и заплакала.... Мать сказала ей тихо, но такъ, что я слышала: дитя мое! ободрись! на насъ смотрятъ!... Вы понимаете, сударь, что онѣ бѣдны, но горды! Когда дама отдавала мнѣ ключъ отъ конторки, на глазахъ ея навернулись слезы. Кажется, сердце у ней разрывалось, когда она разставалась съ этою старою дрянью, но она сохраняла хладнокровіе и достоинство при чужихъ людяхъ. Наконецъ она сказала привратнику, что я приду за вещами, которыхъ не взялъ хозяинъ дома, и мы вышли.... Дѣвушка держалась за руку матери, и несла узелокъ, въ которомъ помѣщалось все ихъ имѣніе.... Я отдала имъ деньги, триста пятнадцать франковъ, и съ-тѣхъ-поръ не видала ихъ.

— Какъ-же ихъ зовутъ?

— Я не знаю; дама продала мнѣ всѣ вещи при привратникѣ, стало-быть мнѣ не было нужды справляться объ ея имени; она не могла продавать чужаго....

— Гдѣ-жъ онѣ живутъ теперь?

— Ничего не знаю.

— Въ домѣ, вѣрно, знаютъ, куда онѣ переѣхали?

— Нѣтъ, сударь, не знаютъ. Когда я пошла туда въ другой разъ, за вещами, привратникъ сказалъ мнѣ про мать и про дочь: Это были жилицы спокойныя, достойныя и пренесчастныя; дай Богъ, чтобъ съ ними не случилось новаго бѣдствія! Онѣ кажутся спокойными, а въ-самомъ-дѣлѣ преданы отчаянію.... Гдѣ-жъ онѣ живутъ? спросила я.... Не знаю, отвѣчалъ онъ: онѣ ушли не сказавъ мнѣ ни слова; вѣрно онѣ никогда сюда не возвратятся....

Надежды Родольфа разрушились. Какъ найти квартиру этихъ двухъ страдалицъ, не имѣя другихъ слѣдовъ, кро-

мѣ имени дочери, и этого письма, на концѣ котораго было отмѣчено:

«То-же написать герцогинь Люсе.»

Открывалась возможность отыскать слѣды этихъ несчастныхъ черезъ герцогиню Люсе, которая, по-счастію, была знакома съ маркизою Дарвилль.

— Вотъ, извольте билетъ въ пять-сотъ франковъ, сказалъ Родольфъ торговкѣ: пожалуйста мнѣ сдачи.

— Сей-часъ, сударь.

— Гдѣ-бы найти намъ телѣжку для перевозки всего этого?

— Здѣсь есть возлѣ... у старика Жерома, онъ обыкновенный мой комиссіонеръ.... куда прикажете отвезти?

— Въ улицу Тамплъ, № 17.

— О! да и домъ вашъ знаю.

— Вы тамъ бывали?

— И не одинъ разъ! Во-первыхъ, я покупала разныя вещи у закладницы, которая тамъ живетъ.... она занимается сквернымъ ремесломъ, да это не мое дѣло.... Она продаетъ, я покупаю, мы и квитъ! Въ другой разъ я тамъ была, для покупки разныхъ вещей у молодого человѣка, который жилъ въ четвертомъ этажѣ....

— Вѣрно у Франциска Жермена? вскричалъ Родольфъ.

— Да, а вы знаете его?

— Очень коротко; но онъ не оставилъ адреса на прежней квартирѣ, и я никакъ не могу отыскать его.

— Такъ я вамъ скажу....

— Вы знаете гдѣ онъ живетъ?

— Нѣтъ, а знаю, что можно его видѣть.

— Гдѣ-же?

— У нотариуса, который живетъ въ улицѣ Сантье.

— У Жака Феррона! сказалъ Родольфъ съ изумленіемъ.

— Да, именно у него.... Нотариусъ прекраснѣйшій человѣкъ, очень набожный и честный....

— Какъ вы узнали, что Жерменъ работаетъ у него?

— А! это цѣлая исторія! Молодой человѣкъ предложилъ мнѣ купить гуртомъ все, что у него есть въ ком-

натахъ.... Я согласилась, чтобъ не огорчить его, и распродала его вещи по одиначкѣ.... Мы разстались; но я, вѣрно, понравилась ему, потому-что черезъ двѣ недѣли онъ пришолъ опять ко мнѣ, покупать постель съ принадлежностями. Съ нимъ пришолъ и комисіонеръ съ тележкой.... купилъ, укладываютъ, а выходитъ, что онъ забылъ дома кошелекъ, Онъ показался мнѣ такимъ честнымъ, что я рѣшилась сказать ему:

— Возмите купленные вещи, я зайду къ вамъ за деньгами.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ: только меня никогда нельзя застать дома, а придите завтра, въ улицу Сантье, къ нотаріусу Феррону; я тамъ работаю.... Тамъ получите и деньги.

На другой день я пошла туда и получила деньги; но мнѣ показалось страннымъ, что онъ, продавши всю свою движимость, вздумалъ черезъ двѣ недѣли опять обзаводиться....

Родольфъ разгадалъ причину такой странности; Жерменъ хотѣлъ скрыть слѣды свои отъ злодѣевъ, которые его преслѣдовали. Онъ боялся, что они найдутъ его, если онъ переѣдетъ съ квартиры обыкновеннымъ порядкомъ, и потому рѣшился сбыть свои мебели, а потомъ, на новой квартирѣ, купить другія.

Родольфъ очень обрадовался при мысли, какъ будетъ счастлива г-жа Жоржъ, когда увидитъ наконецъ сына, котораго такъ давно и такъ тщетно вездѣ ищетъ.

Риголетта возвратилась, съ улыбкой на губахъ, съ веселымъ лицомъ.

— Я нимало не ошиблась въ расчетѣ, сказала она: мы истратили всего на-все шесть-сотъ сорокъ франковъ, за то Морели будутъ жить, какъ князья.... Посмотрите, вотъ идутъ съ нашими покупками! Какъ ихъ много! Все, все куплено; ни въ чемъ не будетъ недостатка; есть даже скворода, двѣ кострюли, только-что вылуженныя, и кофейникъ.... Я ужъ думала: если велеть дѣлать не скупясь, такъ нечего жалѣть денегъ.... И на все это я истратила не больше трехъ часовъ времени.... Но запла-

тите поскорѣй и пойдемъ.... Скоро пробьетъ двѣнадцать часовъ: надобно будетъ иголкѣ моей не останавливаться, чтобъ заработать время, потерянное нынѣшнимъ утромъ!

Родольфъ расплатился и вышелъ изъ Тампля, вмѣстѣ съ Риголеттой.

XVI.

В И Д Ъ Н І Е.

Когда гризетка и Родольфъ входили на лѣстницу своего дома, на встрѣчу имъ попалась г-жа Пипле, которая едва не сшибла ихъ съ ногъ.

— Боже мой! Что съ вами? спросила Риголетта: куда вы такъ бѣжите?

— Ахъ это вы, Риголетта!... Слава Богу! вы возвратились кстати! Помогите мнѣ спасти жизнь Альфреда!

— Что вы говорите?

— Бѣдный мой мужъ въ обморокъ; сжальтесь надъ нами!... Собѣгайте въ лавочку, купите на два су польиной водки.... самой крѣпкой.... Это обыкновенное лекарство Альфреда, оно, можетъ-быть, поможетъ ему. Будьте добры, не откажите мнѣ.... я возвращусь къ Альфреду.... я сама не знаю, что дѣлаю!

Риголетта побѣжала за польиной водкой.

— Что-же такое случилось? спросилъ Родольфъ г-жу Пипле, слѣдуя за нею въ ея комнату.

— Я и сама еще не знаю, милостивый господинъ: я ходила къ пастору, къ меру и въ трактиръ, за Альфреда; а когда вернулась назадъ.... что вижу!... Онъ лежитъ, копытами къверху.... Посмотрите, г-нъ Родольфъ, прибавила она, отворяя дверь своей каморки: посмотрите.... сердце надрывается!...

Плачевное зрѣлище!... Пипле, вооруженный своею не-премѣнною шляпою, которая насилѣмъ была надвинута ему на глаза (насилѣмъ, потому-что верхушка шляпы разорвана), сидѣлъ на полу, прислонясь къ кровати.

Обморокъ прошоль; Альфредъ начиналъ двигать руками, какъ-бы желая отогнать отъ себя кого-то; потомъ онъ старался высвободиться изъ-подъ своей шляпы.

— Онъ копышется! вскричала г-жа Пипле.... Добрый знакъ!...

Она наклонилась къ нему и кричала ему на ухо:

— Чтò съ тобою, Альфредъ?... Вотъ твоя Стасія съ тобою!... Тебѣ лучше?... Сей-часъ принесутъ тебѣ полыни! Она тебѣ поможетъ!... Тебя избили, бѣдняжка! Кто? кто?

Альфредъ глубоко вздохнулъ и простоналъ:

— *Кабріонъ!*

И его дрожація руки снова начали отгонять страшное видѣніе.

— Кабріонъ! Опять этотъ проклятый живописецъ! закричала г-жа Пипле. Альфредъ видѣлъ въ нынѣшнюю ночь столько сновъ про него, что затолкалъ меня ногами.... Это чудовище снится ему и ночью! Онъ не только отравляетъ дни его, но и ночи.... Онъ преслѣдуетъ его даже во время сна!... Да, г-нъ Родольфъ, какъ-будто Альфредъ—преступникъ,—а Кабріонъ—его совѣсть!

Родольфъ осторожно улыбнулся, понявъ, что прежній сосѣдъ Риголетты сыгралъ какую-нибудь новую шутку.

— Альфредъ, отвѣчай мнѣ, не молчи, ты меня пугаешь, сказала г-жа Пипле; ну, успокойся! И зачѣмъ тебѣ думать объ этомъ мерзавцѣ!... Какъ ты о немъ подумаешь, такъ съ тобою дѣлается тоже, чтò случается всегда отъ капусты: болитъ желудокъ....

— Кабріонъ! повторилъ Пипле, поднимая съ усиленіемъ шляпу и размахивая ею около себя.

Пришла Риголетта, съ бутылочкой полынной водки.

— Покорно благодарю, сударыня, какъ вы услужливы! сказала старуха: а потомъ обратилась къ мужу:

— Ну, другъ мой, выней-ка разомъ.... тебѣ будетъ легче!

Альфредъ мужественно сопротивлялся; но жена его, пользуясь слабостію своей жертвы, схватила его голову

твердою рукою и всунула ему въ ротъ горлышко бутылки. Онъ принужденъ былъ выпить полынную водку; потомъ она закричала торжественно:

— Вотъ такъ-то! Теперь ты на ногахъ, другъ мой!

Въ-самомъ-дѣлѣ, Альфредъ утеръ ротъ рукою, открылъ глаза, всталъ на ноги и спросилъ испуганнымъ голосомъ:

— Вы его видѣли?

— Кого?

— Ушелъ-ли онъ?

— Да кто?

— Кабріонъ!

— Развѣ онъ осмѣлился придти? закричала г-жа Пипле.

Пипле два раза кивнулъ утвердительно головою, не говоря ни слова, какъ статуя командора въ *Донъ-Жуанъ*.

— Какъ! это чудовище нападаетъ на Альфреда! сказала старуха. О! еслибъ я была тутъ, съ моею щеткой.... Онъ проглотилъ-бы ее до самой рукоятки!... Но говори же, Альфредъ, расскажи намъ, какъ случилось это несчастіе?

Пипле подавъ рукою знакъ, что будетъ говорить.

Всѣ слушали человѣка въ измятой шляпѣ, съ почти-тельнымъ безмолвіемъ.

Онъ началъ говорить голосомъ, глубоко тронутымъ:

— Едва вышла супруга моя къ пастору, къ меру и въ трактиръ, по приказанію нашего жильца (Пипле указала на Родольфа)....

— Да, я хотѣла избавить его отъ трудовъ, потому-что всю ночь онъ мучился тяжелыми снами....

— Они ниспосланы были мнѣ, какъ предзнаменованіе, продолжалъ привратникъ.... Я видѣлъ во снѣ Кабріона, и потому долженъ былъ пострадать отъ Кабріона; день начался покушеніемъ на талию моей супруги....

— Альфредъ! Альфредъ!... замолчишь-ли ты? Какъ можно рассказывать про это при чужихъ людяхъ! сказала Анастасія сладенькимъ голосомъ, жеманясь и опуская глаза въ землю.

— Я думалъ, что уже расквитался съ этимъ несчастнымъ днемъ, когда злодѣи ушли.... но Боже мой! Боже мой!

— Ну! Альфредъ, не отчаявайся!

— Не буду отчаяваться, отвѣчалъ Пипле съ геройствомъ: мнѣ нужно быть отважнымъ.... буду отваженъ.... Я сидѣлъ здѣсь, спокойно, за столомъ и разсуждалъ, какъ-бы устроить этотъ сапогъ, ввѣренный моему мастерству.... вдругъ слышу шумъ.... шорохъ у окна моей комнаты.... Что это было? предчувствіе.... или предувѣдомленіе судьбы?... Сердце во мнѣ затрепетало.... я поднималъ голову и сквозь стекло увидѣлъ....

— Кабріона! вскричала Анастасія, всплеснувъ руками.

— Кабріона! мрачно продолжалъ Пипле.... Его страшное лицо было приставлено къ окну.... Онъ смотрѣлъ на меня своими глазами, какъ кошка.... что я говорю!... какъ тигръ, точно какъ во снѣ!... Я хотѣлъ говорить: языкъ приросъ къ гортани; хотѣлъ встать: весь приросъ къ стулу.... Сапогъ выналъ у меня изъ рукъ.... и, подобно, какъ и во всѣхъ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ жизни.... я оставался совершенно недвижимъ!.. Тогда ключъ повернулся въ замкѣ, дверь отворилась, вошелъ.... Кабріонъ!

— Онъ вошелъ сюда?... Каковъ лобъ! прервала г-жа Пипле, удивленная этою дерзостію, не менѣе мужа.

— Онъ вошелъ медленно.... остановился у дверей, чтобъ обаять меня звѣрскимъ своимъ взглядомъ.... потомъ онъ началъ подходить ко мнѣ, останавливаясь на каждомъ шагу, терзая меня взглядами, не говоря ни слова.... прямо безмолвно, грозно, какъ привидѣніе....

— У меня мурашки забѣгали по спинѣ! сказала Анастасія.

— А я все сидѣлъ недвижно на стулѣ.... Кабріонъ медленно приближался.... терзая меня взглядомъ, какъ змѣя птичку.... онъ казался мнѣ страшнымъ, однакожъ я не могъ свести съ него глазъ.... Наконецъ онъ подходить ко мнѣ.... я не могу смотрѣть на него.... нѣтъ силъ.... закрываю глаза.... Тутъ я чувствую, что онъ осмѣливается наложить руки на мою шляпу.... онъ беретъ ее за поля.... медленно снимаетъ съ головы и обнажаетъ мнѣ голову.... Голова моя начинаетъ кружить-

ся.... дыханіе становится труднымъ.... въ ухахъ шумить.... Я болѣе и болѣе приросталъ къ стулу.... крѣпче закрывалъ глаза.... Кабріонъ наклоняется ко мнѣ.... беретъ мою голову, мою почтенную голову.... или бывшую почтенною до его гнуснаго покушенія.... онъ беретъ ее холодными, какъ смерть, руками, и мнѣ на лобъ кладетъ.... безстыдный поцѣлуй! О! человѣкъ безнравственный!

Анастасія подняла руки къ небу.

— Злѣйшій врагъ мой цѣлуетъ меня въ лобъ! принуждаетъ меня сносить его отвратительныя ласки, послѣ того, какъ самымъ жестокимъ образомъ преслѣдовалъ меня, чтобъ получить локонъ моихъ волосъ!... Такая чудовищность породила во мнѣ много мыслей и разбила меня, какъ параличемъ... Кабріонъ воспользовался моимъ онѣмѣніемъ и надѣлъ мнѣ шляпу; потомъ, однимъ ударомъ кулака надвинулъ мнѣ ее на глаза, какъ вы сами видѣли. Это послѣднее оскорбленіе вывело меня изъ терпѣнія.... чаща горести переполнилась.... все вокругъ меня завертѣлось, и я упалъ въ обморокъ, въ ту-самую минуту, какъ онъ выходилъ изъ моей комнаты, такъ-же спокойно, такъ-же медленно, какъ вошелъ въ нее.

Разсказъ истощилъ силы Пипле: онъ упалъ на стулъ и поднялъ руки къ верху, въ видѣ нѣмага упрека.

Риголетта послѣшно ушла; она не могла долѣе удерживаться отъ смѣха, который душилъ ее.... Даже самъ Родольфъ едва не измѣнилъ себя.

Вдругъ на улицѣ послышался гулъ, предвѣщающій всегда народное сборище, и скоро стукъ ружей раздался у дверей дома.

XVII.

АРЕСТЪ.

— Боже мой! г-нъ Родольфъ! кричала Риголетта, блѣдная и дрожащая, вбѣгая въ комнату привратника: здѣсь полицейскій комиссаръ и караулъ.... солдаты....

— Правосудіе наблюдаетъ за нами! сказалъ Пипле съ благодарною торжественностію.... Пришли арестовать Кабріона.... къ-несчастію, поздно!

Полицейскій комиссаръ, котораго можно было узнать по трехцвѣтному шарфу, вошелъ въ комнату. Онъ казался печальнымъ, достойнымъ и строгимъ.

— Г-нъ комиссаръ! вы опоздали! преступникъ скрылся! сказалъ Пипле съ грустію: но я могу сообщить вамъ его примѣты.... улыбка жестокосердая.... взглядъ дерзкій.... тѣлодвиженія....

— О комъ вы говорите? спросилъ комиссаръ.

— О Кабріонѣ!... Если вы поспѣшите за нимъ, такъ, можетъ-быть, еще успѣете поймать его...

— Я вовсе не знаю этого Кабріона, прервалъ нетерпѣливо комиссаръ.... Здѣсь-ли живетъ гранильщикъ Жеромъ Морель?

— Здѣсь, г-нъ комиссаръ, сказала г-жа Пипле, поднося руку къ парику.

— Ведите меня въ его квартиру.

— Къ Морелю! вскричала привратница съ неизъяснимымъ изумленіемъ: да онъ настоящій ягненокъ.... можетъ-ли быть....

— Здѣсь, или нѣтъ, живетъ онъ?

— Да, живетъ.... на чердакѣ, съ огромнымъ семействомъ.

— Такъ ведите меня на этотъ чердакъ.

Потомъ онъ повернулся къ своему помощнику и далъ ему приказаніе:

— Солдаты подождутъ внизу; пусть стерегутъ выходъ. Пошлите Юстина за фіакромъ.

Помощникъ вышелъ для исполненія его приказаній.

— Теперь ведите меня къ Морелю.

— Если вамъ все равно, г-нъ комиссаръ, я пойду вмѣсто мужа моего Альфреда; онъ боленъ отъ послѣдствій Кабріона.... Этотъ мерзавецъ не варится въ его же-
лудкѣ, точно какъ капуста.

— Ведите меня, кто-нибудь.... мнѣ все равно.

И онъ пошелъ за г-жею Пипле по лѣстницѣ, но вдругъ остановился, замѣтивъ, что за нимъ идутъ Родольфъ и Риголетта.

— Что вы за люди? Кого вамъ нужно? спросилъ онъ.

— Оба они—сосѣди Мореля, по четвертому этажу, отвѣчала Пипле.

— Извините, милостивый государь: я не зналъ, что вы здѣшній жилецъ....

Родольфъ, замѣтивъ учтивость комиссара, подумалъ, что онъ, должно-быть, хорошій человекъ, и сказалъ ему:

— Вы увидите цѣлое семейство въ отчаяніи; не знаю, какой новый ударъ угрожаетъ несчастному гранильщику, но онъ ужъ былъ довольно пораженъ сего-дня ночью. Одна изъ его дочерей, истощенная болѣзнію, умерла.... въ его глазахъ.... отъ нищеты и холода....

— Можетъ-ли быть!

— Да, совершенная правда, сказала г-жа Пипле. Безъ этого господина, который теперь съ вами говорить, и котораго я считаю королемъ всѣхъ нашихъ жильцевъ,—все семейство Мореля умерло-бы съ голода.

Комиссаръ смотрѣлъ на Родольфа съ изумленіемъ и участіемъ.

— Все это очень просто, отвѣчалъ Родольфъ: одна благотворительная особа, узнавъ, что честный и трудолюбивый Морель въ страшно-бѣдномъ положеніи, вовсе незаслуженномъ,—поручила мнѣ заплатить за него деньги по векселю, за который уже хотѣли вести въ тюрьму этого несчастнаго гранильщика, единственную подпору огромной семьи.

Теперь комиссаръ замѣтилъ благородство лица и величіе обращенія Родольфа, и сказалъ ему:

— Я не сомнѣваюсь въ честности Мореля.... а жалѣю только, что принужденъ вышолнить тяжкое для меня порученіе при васъ, когда вы принимаете такое близкое участіе въ этомъ семействѣ.

— Что вы хотите сказать?

— Нѣтъ причины скрывать отъ васъ, зачѣмъ я сюда пришолъ.... Дѣло идетъ объ арестѣ Луизы Морель, дочери гранильщика.

Родольфъ вспомнилъ о золотѣ, которымъ Луиза хотѣла заплатить по векселю за отца.

— Въ чемъ-же ее обвиняютъ?

— Въ убійствѣ сына своего!

— Боже мой!... Бѣдный ея отецъ!

— Изъ словъ вашихъ я вижу, что этотъ новый ударъ сильно поразить гранильщика, особенно въ такую печальную для него минуту.... Къ-сожалѣнію, я непременно долженъ исполнять приказанія начальства.

— Но вѣдь ее только обвиняютъ! вскричалъ Родольфъ. Вѣрно, нѣтъ никакихъ доказательствъ?

— Ничего не могу сказать вамъ.... Правосудіе узнало объ этомъ преступленіи или объ этомъ происшествіи, по доносу человѣка, почтеннаго по всѣмъ отношеніямъ.... хозяина Луизы Морель....

— Нотаріуса Жака Феррона! вскричалъ Родольфъ съ негодованіемъ.

— Точно!... Что значить вашъ гнѣвъ?

— Ферронъ—просто мерзавецъ!

— Я вижу, что вы не знаете того, про кого говорите. Г-нъ Жакъ Ферронъ самый достойнѣйшій человѣкъ; всѣ отдають ему справедливость....

— Повторяю вамъ, что онъ мерзавецъ.... онъ хотѣлъ посадить Мореля въ тюрьму, потому-что Луиза отвергала его безчестныя предложенія и просьбы.... Если Луизу обвиняютъ только по доносу такого человѣка, то признайтесь.... что это обвиненіе не заслуживаетъ почти вѣроятія....

— Я не долженъ и не имѣю права разсматривать до какой степени доносъ г. Феррона стѣнитъ вѣроятія, отвѣчалъ комиссаръ хладнокровно: дѣло поступитъ къ судьямъ, они положатъ рѣшеніе. Миѣ приказано только арестовать Луизу Морель, чтобъ она не скрылась,—и я обязанъ въ точности выполнить приказаніе.

— Вы совершенно правы; и я очень жалѣю, что мое негодованіе, можетъ-быть, совершенно справедливое, заставило меня забыть, что теперь не время и здѣсь не мѣсто разрѣшать этотъ вопросъ. Позвольте только ска-

зять вамъ, что тѣло умершей дочери Мореля положено въ ихъ комнаткѣ, а я предложилъ бѣдному семейству помѣститься въ моей квартирѣ, чтобъ избавить его отъ плачевнаго зрѣлища; стало-быть, вы у меня найдете и гранильщика, и дочь его.... Умоляю васъ, именемъ чelовѣчества, не арестуйте Луизы среди этихъ несчастныхъ, которые едва спаслись отъ самаго страшнаго положенія. Морель испыталъ въ эту ночь столько ударовъ, что его голова не устоитъ.... Жена его тоже больна очень опасно; такой ударъ убьетъ ее!

— Я всегда исполняю свою должность со всею возможною осторожностію. Такъ поступлю и въ этомъ случаѣ.

— Позвольте мнѣ попросить васъ объ одной милости.... Вотъ-что я хочу предложить вамъ: дѣвушка, которая идетъ за нами вмѣстѣ съ привратницей, занимаетъ наверху комнату возлѣ моей.... Она, вѣрно, согласится предоставить ее въ ваше распоряженіе.... Туда позовите Луизу и потомъ, если нужно, Мореля, чтобъ дочь могла съ нимъ проститься.... Такимъ-образомъ вы избавите бѣдную и страждущую мать отъ страшной сцены....

— Если это можно устроить, я очень радъ....

Этотъ разговоръ происходилъ въ полголоса; Риголетта и привратница шли за Родольфомъ, нѣсколькими ступеньками ниже. Онъ подошелъ къ Риголеттѣ, которая дрожала отъ страха, и сказалъ ей:

— Милая сосѣдка, я жду отъ васъ новой услуги; отдайте мнѣ вашу комнату на часъ.

— На сколько угодно?... у васъ и ключъ мой.... Но что все это значить?

— Послѣ все расскажу вамъ.... Но еще услугу: надобно сходить въ Тамплъ и сказать, что-бы переносили сюда наши вещи не теперь, а черезъ часъ.

— Хорошо, г. Родольфъ.... Но какое новое несчастье грозитъ Морелямъ?

— Увы!... съ нимъ случилось ужаснѣйшее несчастье: вы его узнаете слишкомъ скоро!

— Я сей-часъ побѣгу въ Тамплъ! А я ужъ воображала, что они будутъ совершенно счастливы, по вашей милости.

сти, сказала гризетка, и быстро спустилась по лѣстницѣ.

Родольфъ хотѣлъ такимъ-образомъ избавить Риголетту отъ печальной необходимости—быть зрительницею, какъ арестуютъ Луизу.

— Г. комиссаръ, сказала Пипле: король, цвѣтъ моихъ жильцовъ, самъ показываетъ вамъ дорогу, такъ позвольте мнѣ оставить васъ и идти къ моему Альфреду.... Онъ очень беспокоитъ меня, онъ едва началъ поправляться отъ покушеній Кабріона.

— Извольте.... ступайте.... отвѣчалъ комиссаръ, и остался одинъ съ Родольфомъ.

Оба они вошли на площадку, въ четвертый этажъ, и подошли къ двери той комнаты, гдѣ временно помѣстился гранильщикъ съ семействомъ.

Вдругъ дверь отворилась....

Выбѣжала блѣдная, заплаканная Луиза....

— Прощайте; батюшка! говорила она.... Я приду скоро.... теперь мнѣ непременно надобно идти....

— Луиза, дитя мое, послушай.... говорилъ Морель, старавшійся удержать дочь.

Увидѣвъ Родольфа съ комиссаромъ, Луиза и Морель остановились въ изумленіи.

— А! спаситель нашъ! сказалъ гранильщикъ Родольфу: помогите мнѣ удержать Луизу.... Не знаю, что съ нею слѣлалось; она пугаетъ меня, непременно хочетъ уйти. Вѣдь ненужно идти къ хозяину.... не такъ-ли, сударь?. Вы сказали мнѣ, что Луиза не оставитъ меня, будетъ моею наградою!... При этомъ сладостномъ общаніи, я, признаюсь, забылъ о смерти маленькой моей дочери; только-бы не разлучаться съ тобою, Луиза, никогда!... никогда!

Родольфъ не имѣлъ силъ отвѣчать ему.

Комиссаръ спросилъ Луизу строгимъ голосомъ; —

— Вы Луиза Морель?

— Да, отвѣчала она съ замѣшательствомъ.

Родольфъ открылъ дверь въ комнату Риголетты.

— А вы Жеромъ Морель, ея отецъ? продолжалъ комиссаръ, обращаясь къ гранильщику.

— Да, сударь.... но....

— Войдите сюда.... вмѣстѣ съ дочерью.

Коммисаръ указалъ на комнату Риголетты, гдѣ находился уже Родольфъ.

Удивленные и испуганные Морель и Луиза повиновались приказанію комиссара; присутствіе Родольфа нѣсколько успокоивало ихъ.

Коммисаръ притворилъ дверь, и сказалъ Морелю печально:

— Я знаю, какъ вы честны и несчастливы.... и потому съ крайнимъ сожалѣніемъ объявляю вамъ.... что я, именемъ закона.... арестую дочь вашу....

— Все открыто!... я погибла!... вскричала испуганная Луиза и бросилась къ отцу въ объятія.

— Что ты говоришь? ... что ты? спрашивалъ Морель съ недоумѣніемъ.... Ты съ ума сошла.... Погибла!... Арестовать ее.... Какъ арестовать, за что? Кто смѣетъ?

— Я.... именемъ закона!

Коммисаръ указалъ на трехцвѣтный шарфъ.

— О я несчастная! Что со мною будетъ? вскричала Луиза и упала на колѣна,

— Что такое? Именемъ закона! сказала гранильщикъ, котораго разсудокъ, сильно пораженный этимъ новымъ ударомъ, начиналъ помрачаться. Зачѣмъ арестуютъ дочь мою именемъ закона? Я отвѣчаю за Луизу; она дочь моя.... достойная дочь моя! Не такъ-ли, Луиза? Арестовать тебя, въ ту минуту, когда нашъ благодѣтель возвратилъ тебя намъ, въ замѣнъ Адели, которую мы потеряли? Нѣтъ! не можетъ-быть!... Видите-ли, г. комиссаръ, подъ стражу берутъ только преступниковъ, а дочь моя не преступница!... Вѣрно вы ошибаетесь.... Я точно Морель, да на свѣтъ много Морелей.... Дочь моя Луиза, да вѣдь много другихъ Луизъ! ... Тутъ недоразумѣніе, г. комиссаръ, ошибка!

— Къ-несчастью, нѣтъ никакой ошибки!... Луиза Морель, прощайтесь съ родителемъ вашимъ.

— Вы хотите похитить у меня дочь! закричалъ гра-
нильщикъ, въ бѣшенствѣ отъ горести, и подошелъ къ ко-
мисару съ угрозами.

Родольфъ схватилъ его за руку и сказалъ:

— Успокойтесь и надѣйтесь.... вамъ возвратятъ дочь,
невинность ея будетъ доказана.... она, вѣрно, невиновата.

— Виновата? Да она не можетъ быть виновата, ни въ
чемъ! Я готовъ отдать руку на отсѣченіе....

Потомъ, вспомнивъ о золотѣ, которымъ Луиза хотѣла
заплатить за него по векселю, онъ закричалъ:

— А давшія деньги.... Луиза!

Онъ страшно взглянулъ на дочь свою....

— Неужели вы думаете, что я украла ихъ!

Краска негодованія покрыла ея лицо.... Ея голосъ и
движенія успокоили Мореля.

— Я въ этомъ былъ увѣренъ, сказалъ онъ. Вы види-
те, г. комисаръ, она не признается.... во всю жизнь
она ни разу не солгала, клянусь вамъ.... Спросите у
всѣхъ, кто знаетъ ее, всѣ скажутъ, вамъ тоже.... Лгать....
нѣтъ, она слишкомъ благородна.... впрочемъ по векселю
заплатилъ нашъ благодѣтель.... Она хотѣла отдать
золото тому, кто далъ ей въ займы, запретивъ сказывать
свое имя....

— Никто не обвиняетъ вашей дочери въ кражѣ, от-
вѣчалъ комисаръ.

— Такъ въ чемъ-же обвиняютъ ее?... Я, отецъ ея,
клянусь вамъ, что она невинна въ чемъ-бы не обвиня-
ли ее; и я тоже во всю мою жизнь ни разу не сказалъ
неправды.

— Къ чему спрашивать объ обвиненіи? прервалъ Ро-
дольфъ, тронутый его горестію: невинность Луизы будетъ
доказана; неизвѣстный благодѣтель вашъ спасетъ и ее....
Ну, будьте мужественны: надѣйтесь и въ этомъ случаѣ
на правосудіе.... Проститесь съ дочерью.... Скоро опять
вы увидите....

— Г. комисаръ, сказалъ Морель, не слушая Родоль-
фа: нельзя отнять дочь у отца, не сказавши ему, по-край-

ней-мѣръ, въ чемъ обвиняють ея!.. Я хочу все знать.... Луиза! говори!

— Ее обвиняють!... въ убійствѣ ея сына! сказалъ комиссаръ.

— Не понимаю.... вы!..

Морель бормоталъ безсвязныя слова.

— Да, говорятъ, что ваша дочь убила своего ребенка, продолжалъ комиссаръ, глубоко тронутый этою печальною сценою: но преступленіе это еще не доказано....

— Это неправда! неправда! закричала Луиза, вставая. Клянусь вамъ, что онъ умеръ! Онъ не дышалъ.... охладѣлъ, какъ ледъ.... Вотъ вся моя вина!... Могла-ли я посягнуть на жизнь моего сына!..

— Твоего сына, недостойная!... сказалъ Морель, и поднялъ руки, какъ-бы желая уничтожить Луизу.

— Простите меня! простите!... кричала она.

Послѣ минутнаго, страшнаго молчанія, Морель сказалъ съ ужасающимъ спокойствіемъ:

— Возмите ее, г. комиссаръ.... она не дочь моя!

Гранильщикъ хотѣлъ уйти; Луиза упала передъ нимъ и обняла его колѣна обѣими руками.

— Батюшка! выслушай меня!

— Берите ее, г. комиссаръ, она ваша! твердилъ Морель, стараясь вырваться изъ рукъ дочери.

— Выслушайте ее, сказалъ Родольфъ, останавливая его.... Теперь не должно быть неумолимымъ....

— Она опозорена! говорилъ гранильщикъ: она!... Кто-бы повѣрилъ! О недостойная!..

— А если она пала, для спасенія вашего, сказалъ Родольфъ на ухо Морелю.

Эти слова поразили отца, какъ громомъ. Онъ посмотрѣлъ на плачущую дочь, которая все еще стояла передъ нимъ на колѣнахъ. Потомъ онъ спросилъ у ней, едва внятнымъ голосомъ:

— Нотариусъ?

Она хотѣла отвѣчать.... но вдругъ опустила голову и молчала.

— Нѣтъ, не онъ!... Онъ хотѣлъ сегодня утромъ посадить меня въ тюрьму.... Стало-быть, вѣрно не онъ!... О! тѣмъ лучше!... Ей нечѣмъ извинить своего преступленія!... Я не причастенъ къ ея безчестію!... Я безъ угрызеній совѣсти могу проклинать ее!

— Нѣтъ, не проклинайте меня.... вамъ я все скажу.... но вамъ однимъ! И вы увидите.... заслужила-ли я прощеніе?...

— Выслушайте ее, изъ состраданія, сказалъ Родольфъ.

— Что она расскажетъ мнѣ.... про свой позоръ.... Скоро онъ будетъ всеѣмъ извѣстенъ.... я могу подождать!...

— Позвольте, сказала Луиза комиссару: позвольте мнѣ поговорить наединѣ съ отцомъ моимъ.... Это, можетъ-быть, въ послѣдній разъ.... И вы, избавитель нашъ, будьте тутъ: я хочу говорить съ батюшкой при васъ.... только при васъ....

— Я согласенъ, отвѣчалъ комиссаръ.

— Неужели въ васъ нѣтъ души? Рѣшитесь-ли отказать вашей дочери въ послѣднемъ утѣшеніи? спросилъ Родольфъ гранильщика. Если вы думаете, что обязаны мнѣ благодарностію.... такъ исполните мое желаніе: согласитесь на просьбу вашей дочери.

— Морель, помолчавъ нѣсколько времени, мрачно отвѣчалъ:

— Пойдемте!

— Куда-же идти? спросилъ Родольфъ.... Въ моей комнатѣ.... ваша семья....

— Куда идти? прервалъ Морель съ жестокою проніею.... куда?... На верхъ, туда, гдѣ лежитъ тѣло моей дочери.... Мѣсто прекрасно выбрано.... Тамъ Луиза не посмѣетъ солгать, при видѣ умершей сестры! Пойдемте!

— Морель поспѣшно вышелъ, не смотря на Луизу....

— Прошу васъ, сказалъ комиссаръ на ухо Родольфу: сократите эти переговоры, изъ участія къ бѣдному старику.... Вы говорили правду, разсудокъ его едва-ли выдержитъ эту пытку.... сей-часъ онъ глядѣлъ на насъ, точно сумасшедшій.

— Да, я и самъ боюсь новаго, страшнаго несчастія; я постараюсь, какъ можно сократить ихъ мучительное прощанье.

Родольфъ пошелъ за Морелемъ и Луизою.

Коммисаръ остался въ комнатѣ Риголетты; семейство Мореля находилось въ комнатѣ Родольфа, стало-быть Морелю оставалось только, для печальныхъ объясненій, выбрать несчастный свой чердакъ.

XVIII.

ПРИЗНАНІЯ.

Посреди комнатки, на постели безумной старухи, лежало тѣло дѣвочки, скончавшейся по утру; оно было прикрыто обрывкомъ одѣяла.

Родольфъ стоялъ, присловившись къ стѣнѣ.

Морель сѣлъ къ столу. Голова его опустилась, руки повисли; свирѣпыя глаза его пристально были устремлены на умершую дочь.

При видѣ ея, гнѣвъ и негодованіе Мореля затихли и превратились въ неизъяснимую тоску. Силы оставили его; онъ палъ подъ гнѣтомъ новаго, неожиданнаго удара.

Луиза, блѣдная, какъ смерть, готова была упасть въ обморокъ; она принуждена къ признанію, которое пугаетъ ее.... Однакожъ она взяла руку отца... блѣдную, худую, истощенную руку, которая обезображена безпрерывною работою.

Онъ не отнялъ руки.... Дочь, рыдая, покрывала ее поцѣлуями; гнѣвъ Мореля прошелъ; онъ наконецъ заплакалъ.

— Батюшка! еслибъ вы знали, какъ я достойна жалости!

— О! ты убила меня на всю жизнь.... на всю жизнь.... говорилъ онъ, рыдая.... Тебя поведутъ въ тюрьму.... посадятъ въ судъ на скамью обвиненныхъ.... тебя!... А какъ ты была горда, когда имѣла право гордиться!... О! вскричалъ онъ въ припадкѣ отчаяннаго гнѣва: лучше-бы видѣть тебя мертвою, возлѣ сестры твоей....

— И я того-бы желала! отвѣчала Луиза печально.

— Молчи, несчастная!... Мнѣ больно!... Я напрасно сказалъ это, не должно такъ говорить!... Ну, говори, только не лги.... Какъ ни страшна правда, говори все.... пусть я узнаю ее отъ тебя.... она покажется мнѣ не такъ ужасна!... Говори скорѣй; минуты сосчитаны.... внизу тебя *ждутъ*! О! какая печальная.... печальная разлука!

— Батюшка! я расскажу вамъ все,—сказала Луиза, вооружась рѣшимостію: но обѣщайте мнѣ.... обѣщайте и вы, избавитель нашъ, что вы никогда не повторите никому ни одного слова изъ того, что я вамъ расскажу.... Если онъ узнаетъ, что я вамъ сказывала.... о! прибавила она съ трепетомъ, вы погибли-бы!... погибли-бы, какъ я!... вы не знаете, какъ силенъ онъ, какъ безчеловѣченъ!

— Кто онъ?

— Мой хозяинъ.

— Нотаріусъ?

— Да, отвѣчала Луиза тихо и оглядываясь кругомъ.

— Успокойтесь.... прервалъ Родольфъ: онъ жестокъ и силенъ, но мы сразимся съ нимъ! И еслибъ я вздумалъ рассказывать что-нибудь изъ того, что услышу отъ васъ, такъ, вѣрно, для вашей пользы или для пользы вашего отца....

— И я, Луиза, если что-нибудь скажу, такъ, вѣрно, для твоего спасенія! Но что-же онъ еще сдѣлалъ?

— Пойдите, сказала Луиза, подумавъ нѣсколько минутъ: въ моемъ рассказѣ я упомяну объ одномъ человѣкѣ, который оказалъ мнѣ важную услугу.... Онъ одолжилъ и батюшку и все наше семейство.... а служилъ при Ферронѣ, когда я вступила въ домъ.... Онъ заставилъ меня клясться, что я никогда не скажу его имени.

— Родольфъ, догадываясь, что дѣло идетъ о Францискѣ Жерменѣ, сказалъ Луизѣ:

— Если вы хотите говорить о Францискѣ Жерменѣ, такъ будьте спокойны.... Ни я, ни вашъ отецъ не измѣнимъ его тайнъ!

Луиза взглянула на Родольфа съ изумленіемъ.

— Вы его знаете? спросила она.

— Какъ! Этотъ добрый, милый человекъ, который жилъ здѣсь три мѣсяца, служилъ у нотариуса, когда ты поступила къ Феррону? сказалъ Морель. Ты показывала, что не знаешь его, когда встрѣтилась съ нимъ здѣсь въ первый разъ!

— Такъ онъ просилъ меня; какія-то важныя причины заставляли его скрывать, что онъ работаетъ у г. Феррона. Я указала ему на эту комнату, зная, что онъ будетъ вамъ добрый сосѣдъ!

— Но кто-же помѣстилъ Луизу къ нотариусу? спросилъ Родольфъ.

— Когда жена моя заболѣла, я сказалъ ростовщицѣ Бюреттъ, что Луиза, желая помочь намъ, ищетъ мѣста. Бюреттъ знала управительницу нотариуса; она дала намъ рекомендательное письмо.... Проклятое письмо! оно причиною всѣхъ нашихъ бѣдствій... Вотъ какъ дочь моя попала къ нотариусу....

— Хотя я знаю нѣкоторые причины ненависти Феррона къ вашему отцу, сказалъ Родольфъ Луизѣ: однакожь прошу васъ рассказать мнѣ, что происходило между вами и нотариусомъ, когда вы опредѣлились къ нему въ домъ.... это можетъ послужить къ вашей защитѣ передъ судомъ.

— Въ первое время, я не имѣла никакого повода жаловаться на г. Феррона, отвѣчала Луиза. Мнѣ было много работы; управительница часто обращалась со мною грубо, но я все сносила съ терпѣніемъ; служба всегда служба, и въ другомъ мѣстѣ мнѣ тоже были-бы непріятности. Ферронъ былъ суровъ, часто ходилъ въ церковь; я не опасалась его.... Въ первое время, онъ даже не смотрѣлъ меня; говорилъ со мною очень сухо, особенно при постороннихъ....

Кромѣ привратника, который жилъ во флигелѣ, гдѣ помѣщалась контора, въ домѣ никого не было за исключеніемъ меня и г-жи Серафенъ. Мы занимали старый домишко, между дворомъ и садомъ. Моя комната была въ самомъ верху. Часто я вся дрожала, оставаясь

по вечерамъ совершенно одна въ кухнѣ, совсѣмъ внизу, или въ своей комнатѣ, на верху. Ночью мнѣ казалось, что кто-то стучитъ подо мною, въ комнатахъ, гдѣ никто не жилъ; тамъ, днемъ, иногда работалъ г. Жермень. Два окна въ этомъ этажѣ были заложены камнями, а одна изъ дверей защищена желѣзными полосами. Потому я узнала отъ г-жи Серафень, что тутъ хранится касса нотаріуса.

Однажды я сидѣла поздно ночью, мнѣ надобно было кончить разныя работы.... Ложась, спать, я услышала чьи-то шаги въ корридорѣ, на концѣ котораго находилась моя комната. Шаги остановились у моей комнаты.... Я подумала сначала что это г-жа Серафень.... но никто не входилъ ко мнѣ, и я начала бояться. Я не смѣла двинуться съ мѣста, прислушивалась, но ничего не слышала, хотя была увѣрена, что кто-то стоитъ за дверью. Два раза спросила я: кто тамъ?... Мнѣ не отвѣчали.... Въ совершенномъ испугѣ, я придвинула коммодъ къ двери, у которой не было ни замка, ни задвижки. Я опять стала прислушиваться, но ничего не слышала; черезъ полчаса, потерявъ терпѣніе, я бросилась въ постель.... ночь прошла благополучно! Утромъ я просила позволенія у г-жи Серафень придѣлать замокъ къ моей двери, рассказавъ ей, какъ испугалась ночью; она отвѣчала мнѣ, что я видѣла все это во снѣ и что нужно просить самаго г-на Феррона. Услышавъ мою просьбу, онъ пожалъ плечами и сказалъ, что я сошла съ ума.... Я не смѣла больше говорить объ этомъ происшествіи.

Черезъ нѣсколько времени, у насъ случилось несчастье: потеряли брильянтъ. Батюшка, въ отчаяніи, не зналъ, что дѣлать. Я рассказала объ его горѣ г-жѣ Серафень; она сказала мнѣ:

— Нашъ хозяинъ такъ добръ, что, можетъ-быть, слѣдуетъ что-нибудь для вашего отца.

Въ тотъ-же день, какъ я служила за столомъ, г. Ферронъ сказалъ мнѣ грубо:

— Твоему отцу нужно тысячу триста франковъ; скажи ему, чтобъ пришолъ завтра утромъ ко мнѣ въ кон-

тору, ему дадутъ деньги. Онъ честный человѣкъ и заслуживаетъ участія.

Я заплакала и не знала, какъ благодарить его; онъ сказалъ мнѣ съ тою-же грубостію:

— Хорошо! хорошо! я сдѣлалъ не чудо, а простое дѣло....

Вечеромъ, окончивъ работу, я прибѣжала къ батюшкѣ съ доброю вѣстію, а на другой день....

— Я получилъ тысячу триста франковъ, подъ вексель, срокомъ въ три мѣсяца, прервалъ Морель.... Я плакалъ отъ благодарности, какъ Луиза.... я называлъ этого человѣка благодѣтелемъ моимъ, избавителемъ!.. Онъ злодѣй, когда могъ истребить во мнѣ чувство признательности и преданности....

— А вы ничего не подозрѣвали, подписывая вексель на такой короткій срокъ, когда знали, что не можете заплатить въ это время? спросилъ Родольфъ.

— Нѣтъ, я думалъ только, что нотариусъ хочетъ обезпечить себя; притомъ онъ говорилъ мнѣ, чтобъ я не заботился заплатить ему эти деньги, прежде двухъ лѣтъ; что я долженъ только возобновлять вексель черезъ каждые три мѣсяца, для формы; однакожъ, черезъ три мѣсяца, мнѣ предъявили вексель и я не могъ заплатить.... Тогда нотариусъ подалъ его ко взысканію, подъ чужимъ именемъ, и выхлопоталъ приговоръ, по которому могъ посадить меня въ тюрьму.... но онъ успокоилъ меня, уверивъ, что все это случилось по ошибкѣ его повѣреннаго....

— Онъ хотѣлъ имѣть васъ въ своихъ рукахъ, замѣтилъ Родольфъ.

— Да, отвѣчалъ Морель: вы угадали; съ этой минуты, онъ началъ преслѣдовать ее.... Но продолжай, Луиза, рассказывай.... Я самъ не знаю, что говорю.... голова кружится.... какъ-будто меня здѣсь нѣтъ.... Я сойду съ ума.... Да, ужъ слишкомъ много! черезъ-чуръ много горя!

Родольфъ успокоилъ гранильщика; Луиза продолжала:

— Я старалась служить лучше, чтобъ отблагодарить г. Феррона за мплости его къ нашему семейству. Съ этой минуты г-жа Серафенъ начала ненавидѣть меня; она находила наслажденіе мучить меня; часто не передавала мнѣ приказаній г. Феррона.... Я страдала отъ этихъ неприятностей, и желала имѣть другое мѣсто; но одолженіе, оказанное моему отцу, мѣшало мнѣ отойти отъ г. Феррона.... При г-жѣ Серафенъ онъ обходился со мною сурово однакожь изъ-подъ-тишка такъ посматривалъ на меня, что я не знала что дѣлать; онъ улыбался, когда я краснѣла....

— Вы понимаете, что онъ тогда имѣлъ уже средство посадить меня въ тюрьму....

— Одинъ разъ, продолжала Луиза: г-жа Серафенъ, противъ обыкновенія, вышла со двора; писцы разошлись, всѣ они жили на своихъ квартирахъ. Г. Ферронъ послалъ привратника съ какимъ-то порученіемъ; дома осталась я одна, съ хозяиномъ. Я работала въ передней, онъ позвонилъ.... Вхожу въ спальню, онъ стоялъ у камина.... Подхожу къ нему.... онъ быстро оборачивается, сжимаетъ меня въ объятіяхъ.... Лицо его покраснѣло, какъ кровь; глаза горѣли.... Я такъ испугалась, что не могла поднять руки; хотъ онъ очень силенъ, но я такъ сопротивлялась, что успѣла вырваться и убѣжать въ переднюю....

— Слышите!... слышите!... закричалъ Морель.... вотъ какво поведеніе нашего достойнаго благодѣтеля!

— Черезъ нѣсколько минутъ, онъ ворвался ко мнѣ въ переднюю.... Я погасила лампу.... Онъ ничего не видалъ.... звалъ меня, я не отвѣчала.... тогда онъ сказалъ мнѣ голосомъ, дрожавшимъ отъ ярости:

— Если ты будешь бѣгать отъ меня, отецъ твой пойдетъ въ тюрьму за тысячу триста франковъ, которыя онъ у меня занялъ и не можетъ заплатить....

— Я умоляла его сжалиться надо мною, общала служить ему усердно, чтобъ отблагодарить его, но тутъ-же объявила рѣшительно, что ничто въ мірѣ не понудитъ меня къ безчестію....

— Да, вотъ языкъ моей Луизы.... когда она имѣла

право гордиться... Но какъ-же случилось?... Продолжай!

— Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ изъ передней и заперъ за собою дверь.... Такимъ-образомъ я осталась въ его власти. Онъ побѣжалъ въ свою комнату и возвратился со свѣчкой.... Не могу рассказать вамъ о борьбѣ, которая началась снова, ни о его угрозахъ; онъ преслѣдовалъ меня изъ комнаты въ комнату.... Къ счастью, отчаяніе, страхъ и гнѣвъ дали мнѣ силу... Мое сопротивление привело его въ бѣшенство: онъ не зналъ, что дѣлать.... онъ билъ и грызъ меня: все мое лицо было въ крови!

— Господи Боже мой! закричалъ гранильщикъ, поднимая руки къ небу.... Какое преступленіе! Неужели оно останется безъ наказанія?

— Будетъ наказано! отвѣчалъ Родольфъ, погруженный въ думу.... продолжайте, Лувиза....

— Борьба продолжалась очень долго; силы мои ослабѣвали; вдругъ привратникъ, который уже возвратился, зазвонилъ два раза: это значило, что получено письмо. Опасаясь, что привратникъ самъ принесетъ письмо, если я не пойду за нимъ, г. Ферронъ сказалъ:

— Пошла!... Но если ты скажешь хоть слово, твой отецъ погибъ! Если ты вздумаешь оставить мой домъ, онъ тоже погибъ! Если придутъ справляться о тебѣ, я помѣшаю тебѣ найти мѣсто, потому-что буду увѣрять, что ты меня обокрала....

Утромъ, послѣ этого происшествія, не-смотря на угрозы хозяина, я прибѣжала сюда и все рассказала батюшкѣ.... Онъ хотѣлъ тотчасъ взять меня изъ этого дома.... но тюрьма помѣшала! Маленькое мое жалованье было необходимо нашему семейству, съ-тѣхъ-поръ, какъ мать моя слегла въ постель. А клеветы Феррона могли помѣшать мнѣ найти выгодное мѣсто....

— Да, сказалъ Морель съ мрачною печалію: мы изъ подлости, изъ эгоизма, опять отпустили дочь нашу.... О! нищета! нищета! до какой подлости она доводитъ!

— Батюшка! вы всѣми средствами старались достать эти тысячу триста франковъ.... не было возможности, такъ надобно было по неволѣ рѣшиться!...

— Продолжай.... мы твои палачи! мы виновниѣ тебя въ несчастіи, которое съ тобою случилось, сказала гра- нильщикъ, закрывая лицо руками.

— Когда я опять увидѣла г. Феррона, онъ обращался со мною по прежнему, то есть сухо и грубо. Онъ ни слова не говорилъ мнѣ о прошедшемъ. Г-жа Серафенъ продолжала мучить меня. Она едва давала мнѣ столько пищи, сколько нужно, чтобъ не умереть съ голоду; запи- рала хлѣбъ, и изъ злобы часто портила остатки обѣда, которыми я питалась: она сама всегда почти обѣдала съ г. Феррономъ. Ночью, я едва смѣла засыпать; каждую секунду я боялась, что ко мнѣ войдетъ нотариусъ, потому- что дверь моей комнаты не запиралась. Онъ приказалъ отнять у меня коммодъ, которымъ я заставляла дверь; у меня оставались только стулъ, столикъ и мой сундукъ. Я кое-какъ заставляла дверь этими вещами, и не раздѣ- ваясь, ложилась спать... Онъ оставилъ меня въ покоѣ на нѣкоторое время; даже не смотрѣлъ на меня.... Я начи- нала радоваться, вообразивъ, что онъ уже не думаетъ обо мнѣ. Въ одно воскресенье, онъ позволилъ мнѣ выд- ти со двора; я рассказала батюшкѣ, что теперь довольна и спокойна.... Всѣ мы были счастливы!... До-сихъ-поръ вы все знали батюшка!.. Остальное ужасно! (тутъ голосъ Луизы задрожалъ).... я всегда скрывала отъ васъ....

— О! я былъ увѣренъ, что ты скрываешь отъ меня какую-то тайну! вскричалъ Морель въ изступленіи, и на- чалъ говорить такъ скоро и много, что Родольфъ уди- вился.—Твоя блѣдность, твое лицо должны были-бы все открыть мнѣ!... Сто разъ говорилъ я твоей матери, но она всегда успокоивала меня.... Она всегда такъ! Оста- вить дочь у нотариуса, чтобъ избѣжать нищеты; это ея дѣло! А дочь наша куда идетъ? Подъ уголовный судъ!... Впрочемъ, вѣрно такъ.... а другіе.... Мы бѣд- ны?... А всѣ прочіе!...

Потомъ онъ вдругъ остановился, подумалъ, ударилъ себя по лбу и болѣзненно произнесъ:

— Да, я ужъ не понимаю, что́ говорю.... голова страшно болить.... мнѣ кажется, что я пьянъ....

Онъ закрылъ лицо руками.

Родольфъ не хотѣлъ показать Луизѣ, какъ пугаетъ его положеніе Мореля, и сказалъ спокойно:

— Вы несправедливы, Морель; не за себя одну, а за васъ, за дѣтей, за мать свою боялась ваша жена, когда хотѣла оставить Луизу у нотариуса.... Не обвиняйте никого.... Всѣ проклятія и ненависть должны падать на одного Феррона!... на это чудовище, которое заставляло дѣвушку выбирать между безчестіемъ и нищетою.... лучше сказать, смертію отца ея и всего семейства.... Но погодите, судьба часто наказуетъ преступниковъ жестоко и неожиданно....

Слова Родольфа о казни нотариуса были исполнены такой вѣры, такого убѣжденія, что Луиза посмотрѣла на своего благодѣтеля съ удивленіемъ, почти со страхомъ....

— Продолжайте, сказалъ Родольфъ Луизѣ: но не скрывайте отъ насъ ничего.... это гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете....

— Я начинала успокоиваться мало-по-малу.... однажды вечеромъ, г. Ферронъ и г-жа Серафенъ ушли со двора, но не вмѣстѣ. Они не обѣдали дома, я осталась одна; по обыкновенію, мнѣ поставили мою порцію хлѣба, воды и вина, и заперли буфетъ... Окончивъ работу, я пообѣдала; мнѣ одной было страшно въ комнатахъ, я зажгла лампу г. Феррона и пошла въ свою спальню.... сѣла работать.... но мнѣ очень хотѣлось спать.... Ахъ батюшка! теперь вы ужъ мнѣ не повѣрите.... вы скажете, что я лгу.... а я клянусь, что не говорю ни одного слова неправды....

— Говорите, сказалъ Родольфъ....

— Увы! вотъ ужъ семь мѣсяцовъ, какъ я стараюсь объяснить себѣ эту страшную ночь, и ничего не могу понять.... разсуждая объ этой тайнѣ, я едва не сошла съ ума....

— Что скажетъ она? спросилъ гранильщикъ, выходя изъ спокойствія, въ которое онъ впадалъ иногда, во время этого разсказа.

— Противъ обыкновенія я заснула на стуль... Больше я ничего не помню... Но прежде этой минуты я не была виновата...

— Вѣрю! вѣрю!... но говори-же!

— Не знаю, сколько времени я спала... Проснувшись, я лежала на постели... въ моей комнатѣ... а возлѣ меня—Ферронъ!

— Лжешь! Лжешь!... кричалъ Морель въ бѣшенствѣ... Признайся, что ты уступила силѣ или страху, что меня потащутъ въ тюрьму!... Не лги, говори правду!...

— Батюшка! я клянусь вамъ...

— Лжешь! Лжешь! Зачѣмъ нотаріусъ хотѣлъ посадить меня въ тюрьму, когда ты ему покорилась?...

— Покорилась? о нѣтъ!... Я спала крѣпко, какъ мертвая... ничего не слыхала... Это кажется вамъ удивительнымъ, необыкновеннымъ... Знаю, потому-что до сихъ-поръ сама ничего не могла понять...

— Я все понимаю, сказалъ Родольфъ, прерывая Луизу. Только такого преступленія не доставало этому чловѣку!... Не обвиняйте Луизу во лжи... вспомните хорошенько, Луиза: вино не имѣло-ли какого-нибудь особеннаго, страннаго вкуса? вспомните объ этомъ хорошенько....

— Миѣ показалось тогда, что вино было горько; но я не обратила на это вниманія, потому-что г-жа Серафенъ часто, для удовольствія мучить меня, сыпала миѣ въ питье перецъ или соль....

— И въ этотъ разъ вино показалось вамъ горькимъ?

— Да, но не такъ горько, чтобъ его нельзя было пить; я думала, что оно испортилось.

Морель, безъ движенія, безъ мысли, слушалъ вопросъ Родольфа и отвѣтъ Луизы, и вовсе не понималъ ихъ важности.

— Прежде, чѣмъ вы заснули на стулѣ, не чувствовали-ль вы, что у васъ голова тяжела.... ноги не двигаются?...

— Да, чувствовала.... виски сильно болели.... лихорадка трясла меня.... мнѣ было нехорошо!

— О злодѣй! вскричалъ Родольфъ.... Знаете-ли, Морель, чѣмъ нотаріусъ нанюхалъ дочь вашу?

Гранильщикъ смотрѣлъ на Родольфа, но молчалъ.

— Г-жа Серафенъ, его участница въ преступленіи, подмѣшала въ вино какое-нибудь усыпительное, вѣрно опиумъ. Силы, мысли вашей дочери убиты были на нѣсколько часовъ.... когда летаргическій сонъ прошелъ, все было кончено!...

— Теперь несчастіе мое объяснено!... Батюшка! вы видите, что я не такъ виновата, какъ вы думали.... Да говорите-же, батюшка!

Глаза гранильщика не двигались....

Такое гнусное преступленіе не могло придти на умъ простодушному и честному Морелю. Онъ едва понималъ страшный разсказъ своей дочери.

Въ послѣднія минуты, разсудокъ его темнѣлъ.... мысли мѣшались.... онъ не могъ понимать, какъ слѣпой не можетъ видѣть: страшный признакъ помѣшательства!

Однакожь Морель произнесъ глухимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Да, нехорошо!... дурно!... очень дурно!

И опять впалъ въ апатію.

Родольфъ глядѣлъ на него съ безпокойствомъ; онъ замѣчалъ, что энергія негодованія начинаетъ истощаться въ несчастномъ отцѣ; такъ, послѣ долгихъ страданій, часто изсыкаютъ слезы!

Желая поскорѣе кончить печальныя признанія, Родольфъ сказалъ, обращаясь къ Луизѣ:

— Скорѣй, Луиза!... заканчивайте!

— Чтѣ вы услышите, будетъ еще ужаснѣе.... Увидѣвъ Феррона на моей постелѣ, я закричала со страха.... хотѣла бѣжать, но онъ удержалъ меня.... я была такъ слаба, такъ безсильна, что не могла вырваться у него...

«Зачѣмъ бѣжать теперь? сказалъ онъ мнѣ съ удивленіемъ, которое смутило меня. Что за капризы? Развѣ я здѣсь противъ твоей воли, безъ твоего согласія?»

«Какъ вамъ нестыдно! закричала я. Вы воспользовались моимъ сномъ и погубили меня.... Отецъ мой все узнаетъ....»

Онъ расхохотался.

«Я воспользовался твоимъ сномъ? Ты шутишь! Кого хочешь ты увѣрить въ такой лжи? Теперь четвертый часъ утра, а я пришолъ сюда въ десять вечеромъ.... Признайся лучше, что я воспользовался только твоимъ позволеніемъ.... Ну, перестань-же капризиться или мы поссоримся. Отецъ твой въ моихъ рукахъ; нѣтъ причины теперь удалиться отъ меня; будь покорна, и мы останемся добрыми друзьями, а не то, берегись!

«Я все расскажу батюшкѣ.... Онъ отомститъ за меня!...»

Ферронъ посмотрѣлъ на меня съ насмѣшкою.

«Да ты въ-самомъ-дѣлѣ безумная!... Что скажешь ты отцу? Что тебѣ угодно было принять меня здѣсь?... Говори, пожалуй, ты увидишь, какъ онъ тебя приметъ....»

«Но вы знаете, что вы здѣсь безъ моего согласія и позволенія!

«Какъ? ты посмѣешь утверждать такую ложь, говорить о насиліи? Знаешь-ли, чѣмъ можно доказать ложь твоихъ словъ? Я приказалъ кассиру моему Жермену придти вчера вечеромъ въ десять часовъ, для срѣшней работы; онъ писалъ до часу ночи, внизу, какъ-разъ подъ твоею комнатою.... развѣ-бы онъ не слыхалъ твоихъ криковъ, стука, борьбы, еслибъ ты была такъ-же безразсудна, какъ прежде? Спроси завтра Жермена, онъ подтвердитъ тебѣ, что ночью все въ домѣ было тихо и спокойно.

— О! онъ принялъ всѣ предосторожности, сказалъ Родольфъ: и обезпечилъ себя отъ наказанія!

— Я была убита; я не знала, что отвѣчать ему. Не понимая, чѣмъ онъ опоилъ меня, я не могла сама объяснить себѣ, почему я заснула такъ крѣпко.... Все вооружалось противъ меня. Еслибъ я вздумала жаловаться, всѣ

стали—бы обвинять меня одну; иначе быть не могло, потому—что эта страшная ночь оставалась для меня самой неразгаданною тайной!

XIX.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

Родольфъ изумился страшному лицемѣрству Феррона.

— Такъ вы не смѣли жаловаться отцу? сказалъ онъ Луизѣ: не смѣли рассказывать про гнусное преступленіе нотаріуса?

— Нѣтъ, не смѣла; онъ, вѣрно, подумаль—бы, что я сама согласилась на это страшное дѣло.... Притомъ—же я боялась, что въ первыя минуты гнѣва отецъ мой забудетъ, что его свобода и существованіе всего нашего семейства зависятъ отъ злодѣя.

— И потому—то, продолжалъ Родольфъ, желая избавить Луизу отъ нѣкоторыхъ тягостныхъ признаній,—вы остались жертвою его коварства?

Луиза покраснѣла и опустила глаза въ землю.

— А потомъ онъ сталъ обращаться съ вами учтивѣе?

— Совсѣмъ нѣтъ! Желая удалить всякое подозрѣніе, онъ часто, при гостяхъ; упрекалъ меня самымъ жестокимъ образомъ, и увѣрялъ, что я слишкомъ вольно обхожусь съ писцами его конторы; что рано или поздно я погублю себя; что я очень нерадива, и что онъ держитъ меня у себя въ домѣ только изъ состраданія къ отцу моему, бѣдному отцу семейства, которому онъ хочетъ быть полезнымъ.... Все это было—чистая ложь, кромѣ услуги, оказанной отцу моему; я почти никогда не видалась съ писцами конторы его, они работали въ другомъ флигелѣ.

— А когда вы оставались наединѣ съ нотаріусомъ, какъ онъ объяснялъ вамъ поведеніе свое при гостяхъ?

— Онъ увѣрялъ меня, что шутить.... Но пасторъ, обыкновенный нашъ гость, принималъ всѣ эти обвиненія не за шутку; онъ строго говорилъ мнѣ, что надобно

быть чрезвычайно развращенною, чтобъ дурно вести себя въ такомъ честномъ домѣ, гдѣ я безпрестанно вижу только похвальные примѣры. Я не знала, что отвѣчать ему, краснѣла; мое молчаніе и смущеніе еще болѣе говорили противъ меня.... Жизнь казалась мнѣ такою тяжестію, что часто хотѣла я съ нею разстаться, но вспоминала объ отцѣ, о матери, о братьяхъ и сестрахъ, которыхъ я поддерживала.... я рѣшилась терпѣть и сносить.... Въ униженіи моемъ я находила одну отраду: отецъ мой былъ спасенъ отъ тюрьмы! Скоро новое несчастье убило меня совершенно: я почувствовала, что буду матерью!... Я видѣла, что погибаю! Не знаю, почему я предчувствовала, что г. Ферронъ, узнавъ про это, начнетъ обходиться со мною еще хуже, хотя этотъ случай долженъ-бы былъ заставить его жалѣть обо мнѣ.... однакожь случилось еще хуже, чѣмъ я ожидала....

Морель пришелъ въ себя отъ минутнаго забвенія, съ удивленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя, провелъ рукою по лбу, собралъ мысли, и потомъ сказалъ дочери:

— Мнѣ кажется, что у меня не было разсудка.... отъ усталости.... отъ горя.... Что ты рассказывала?

— Когда Ферронъ узналъ, что я скоро буду матерью....

Гранильщикъ въ отчаяніи поднялъ руку.... Родольфъ успокоилъ его однимъ взглядомъ.

— Хорошо, я выслушаю до конца, простоналъ Морель: говори! говори!

Луиза продолжала:

— Я спросила у Феррона, какими средствами я скрою позоръ свой и послѣдствія несчастья, котораго онъ единственная причина? О! вы не повѣрите батюшка!...

— Говори! говори!

— Онъ прервалъ мои слова, съ негодованіемъ и приторнымъ удивленіемъ, представляя, будто не понимаетъ, что я хочу сказать.... Онъ спросилъ, не сошла-ли я съ ума? Въ сильномъ страхѣ я сказала ему:

— Боже мой! Что мнѣ дѣлать теперь? Если вы не чувствуете ко мнѣ состраданія, такъ пожалуйте, по-крайней-мѣрѣ, о вашемъ дѣтищѣ!

— Какое развращеніе! закричалъ Ферронъ, поднимая руки къ небу. Какъ, несчастная! Ты смѣешь обвинять меня, смѣешь увѣрять, что я такъ низко спустился, до такой развращенной дѣвочки, какъ ты! Безстыдница! Ты смѣешь сваливать на меня послѣдствія твоего дурнаго обращенія... на меня! а я тысячу разъ твердилъ тебѣ, при самыхъ почтенныхъ людяхъ, что ты погубишь себя, несчастная! Сей-часъ ступай прочь!... я выгоняю тебя изъ дому....

Родольфъ и Морель не могли выговорить ни слова.... такое страшное лицемѣрство испугало ихъ!

— Да! признаюсь.... проговорилъ наконецъ Родольфъ: это превосходить все, что я могъ вообразить.

Морель ничего не говорилъ. Глаза его выкатились наружу, судороги обезобразили лицо.... Онъ всталъ со скамейки, быстро открылъ ящикъ въ столѣ, выхватилъ оттуда длинный ножъ.... и бросился къ двери....

Родольфъ схватилъ его за руку и остановилъ.

— Куда вы, Морель?... Вы сами себя погубите!

— Берегитесь! кричалъ грапильщикъ, сплясъ вырваться изъ рукъ Родольфа: будетъ два несчастія вмѣсто одного!

Безразсудный грозилъ Родольфу!

— Батюшка! закричала Луиза: онъ нашъ благодѣтель!

— Какой благодѣтель.... Ба!... онъ хочетъ снасти нотаріуса! кричалъ Морель въ изступленіи, борясь съ Родольфомъ.

Черезъ нѣсколько секундъ, Родольфъ отнялъ ножъ у Мореля, отворилъ дверь и выбросилъ ножъ изъ комнаты, на лѣстницу.

Луиза обняла обняла отца и со слезами сказала ему:

— Батюшка!... онъ нашъ избавитель... а ты поднялъ на него руку! Приди въ себя, успокойся!

Ея слова возвратили Морелю рассудокъ. Онъ закрылъ лицо руками, и, не говоря ни слова, упалъ передъ Родольфомъ на колѣна.

— Встаньте, несчастный отецъ, сказалъ ему Родольфъ милостиво. Терпите.... я понимаю ваше бѣшенство; раздѣляю вашу ненависть; но, вменемъ мщенія, прошу васъ:

не дѣлайте ничего, что могло-бы намъ помѣшать — от-
метить нотаріусу!

— Боже мой! Боже мой! говорилъ гранильщикъ, вста-
вая. Что можетъ сдѣлать ему правосудіе.... законъ? Мы
истинно бѣдные люди! Если мы станемъ жаловаться на
этого лицемѣра, на богача, всѣми уважаемаго, надъ нами-
же всѣ посмѣются! Ха ха ха!

Онъ захохоталъ судорожнымъ смѣхомъ.

— И всѣ будутъ правы!... Гдѣ у насъ доказы-
тельства?... Да, какія у насъ есть доказательства? Намъ не-
льзя повѣрить на слово.... А потому-то я говорю вамъ,
закричалъ онъ, въ припадкѣ бѣшенства,—лучшее дѣло—
ножъ; я только на него надѣюсь....

— Молчите, Морель; горе ослѣпляетъ васъ, отвѣчалъ
ему Родольфъ съ грустію.... Позвольте дочери вашей до-
сказать.... минуты теперь драгоценны.... комиссаръ
ждетъ ее, а я долженъ все знать, все!... Продолжайте,
Луиза....

Морель въ изнеможеніи сѣлъ на скамейку.

— Не нужно рассказывать вамъ, продолжала Луиза:
какъ я плакала, умоляла его.... я была убита горемъ!
Все это происходило въ десять часовъ утра, въ кабинетѣ
г. Феррона. Пасторъ пришолъ къ намъ завтракать....
Новый гость былъ очень непріятенъ нотаріусу....

— Что-же онъ сдѣлалъ?

— Онъ нимало не смутился и сказалъ, указывая на
меня:

— Вотъ, почтенный аббатъ, не напрасно говорилъ я
вамъ, что эта несчастная погубитъ себя.... Она погиб-
ла.... погибла навсегда! Она сей-часъ призналась мнѣ въ
своёмъ проступкѣ.... рассказала позоръ свой.... и проситъ,
чтобъ я спасъ ее! Кто повѣритъ, что я изъ милости при-
нялъ къ себѣ въ домъ эту несчастную!

— Какъ! сказалъ мнѣ аббатъ съ негодованіемъ: не-
смотря на добрые совѣты г. Феррона, которыхъ я часто
былъ свидѣтелемъ, ты упала такъ низко!... О! это не-
извинительно!... Другъ мой, прибавилъ онъ, обращаясь
къ Феррону: послѣ всѣхъ милостей вашихъ къ этой не-

достойной и ея семейству, участіе къ ней было-бы сла-
бостію; будьте неумолимы!...

Аббатъ, какъ и весь свѣтъ, былъ обмануть Ферро-
номъ?

— Какъ-же вы тотчасъ не обнаружили его коварства?
спросилъ Родольфъ.

— Боже мой! Я была уничтожена, убита! Голова моя
кружилась, я не смѣла, не могла выговорить слова; на-
конецъ я хотѣла говорить, рѣшилась защищаться....

Помилуйте, начала я....

— Ни слова болѣе, недостойная тварь! сказалъ Фер-
ронъ, залушая слова мои. Ты слышала, что сей-часъ
произнесъ г. аббатъ.... Состраданіе къ тебѣ будетъ сла-
бостію!... Черезъ часъ тебя не будетъ въ моемъ домѣ!

Я не успѣла еще отвѣчать, какъ онъ вывелъ аббата
въ другую комнату.

Когда Ферронъ ушелъ, со мною началось что-то въ
родѣ горячки и бреда.... Мнѣ казалось, что меня про-
гнали изъ дому.... что я нигдѣ не могу найти мѣста,
потому-что нахожусь въ такомъ положеніи, которое мѣ-
шаетъ мнѣ работать, и что Ферронъ сообщаетъ всѣмъ
самыя гнусныя обо мнѣ свѣдѣнія.... Я догадывалась, что
съ досады онъ посадитъ отца моего въ тюрьму.... Я рѣ-
шительно не знала, что дѣлать; пошла въ свою комнату
и заплакала....

Часа черезъ два, пришелъ ко мнѣ г. Ферронъ.

— Собралась-ли ты? спросилъ онъ.

— Помилуйте, сжальтесь, кричала я, упавъ передъ
нимъ на колѣна: не прогоняйте меня, вы видите въ ка-
комъ я положеніи! Что со мною будетъ! Могу-ли я най-
ти мѣсто?

— Тѣмъ-лучше; сама судьба наказываетъ тебя за ду-
рное твое поведеніе и за твои клеветы.

— Вы смѣете говорить, что я лгу! сказала я съ него-
дованіемъ. Смѣете увѣрять, что не вы погубили меня!

— Сей-часъ ступай вонъ, безстыдница, если ты про-
должаешь клеветать на меня! закричалъ онъ страшнымъ
голосомъ. А чтобъ наказать тебя, завтра-же посажу от-
ца твоего въ тюрьму!

— Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчала я въ испугѣ: я перестану обвинять васъ, клянусь вамъ, только не выгоняйте меня.... Пожалуйте отца моего; я кормлю жалованьемъ своимъ все мое семейство.... Оставьте меня въ вашемъ домѣ.... я никому ничего не скажу.... Я постараюсь, чтобъ никто ничего не могъ замѣтить, и когда невозможно будетъ скрывать моего печальнаго положенія.... тогда только прогоняйте меня!

Послѣ долгихъ, неотступныхъ моихъ просьбъ, Ферронъ согласился оставить меня въ домѣ. Я приняла это за величайшую милость, такъ участь моя была несчастна! Въ продолженіе пяти мѣсяцовъ послѣ этого происшествія, я вытерпѣла много бѣдствій, много гоненій! Иногда только г. Жерменъ, котораго я встрѣчала очень рѣдко, съ участіемъ спрашивалъ меня о причинѣ моей печали;—стыдъ мѣшалъ мнѣ рассказать ему о томъ, что мною случилось....

— Въдѣ въ это самое время онъ переѣхалъ сюда, въ сосѣдство къ вашему семейству? спросилъ Родольфъ.

— Точно такъ, отвѣчала Луиза: онъ искалъ квартиры въ улицѣ Тампль.... здѣсь въ домѣ была незаятая комната; я сказала объ этомъ Жермену. Онъ посмотрѣлъ ее и нанялъ.... ту самую, въ которой вы теперь живете.... Когда онъ выѣхалъ отсюда, назадъ тому два мѣсяца, онъ просилъ меня не сказывать здѣсь о повои его квартирѣ; адресъ его знали у Феррона.

Родольфъ понялъ предосторожности, принятія Жерменомъ: его преслѣдовали и ему надобно было скрываться.

— И вы никогда потомъ не вздумали рассказать о вашемъ несчастіи Жермену? спросилъ Родольфъ Луизу.

— Нѣтъ, отвѣчала Луиза: онъ тоже вѣрилъ въ честность г. Феррона. Онъ говорилъ, что нотаріусъ грубъ, взыскателенъ, жестокосердъ, но почиталъ его честнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ....

— Когда Жерменъ жилъ здѣсь, не слыхалъ-ли онъ жалобъ вашего отца на-счетъ безстыдныхъ покушеній нотаріуса на вашу честь?...

— Никогда отецъ мой не говорилъ объ этомъ при постороннихъ, и притомъ, въ это время, я успокоивала его опасенія... Я увѣряла отца моего, что г. Ферронъ пересталъ преслѣдовать меня... Бѣдный батюшка! Теперь вы простите мнѣ, что я обманывала васъ; я только хотѣла васъ успокоить, потому—что несчастія моего невозможно было поправить!

Морель не отвѣчалъ ни слова; облокотясь на столъ обѣими руками, онъ громко рыдалъ.

Родольфъ подалъ знакъ Луизѣ, чтобъ она болѣе ничего не говорила отцу. Она продолжала:

— Я провела пять мѣсяцовъ въ слезахъ, въ непрерывномъ страхѣ. Разными хитростями я достигла до того, что никто не замѣтилъ моего положенія, но я не надѣялась скрыть его въ послѣднія два мѣсяца, когда роковая минута приближалась.... Будущность готовилась мнѣ самая страшная: Ферронъ объявилъ, что никакъ не хочетъ держать меня въ домѣ... я должна лишиться послѣднихъ средствъ, которыми существовало наше семейство.... Отецъ проклянетъ, прогонитъ меня!... Послѣ всего, что я говорила ему, чтобъ успокоить его, повѣрить—ли онъ, что я не участвовала въ преступленіи вмѣстѣ съ Феррономъ?... Проклятой, прогнанной, что дѣлать? куда скрыться? гдѣ найти убѣжище? Тогда мнѣ пришла на умъ страшная мысль.... Я все говорю вамъ, все.... даже и то, въ чемъ я виновата, къ чему привелъ меня Ферронъ....

Съ минуту она помолчала, а потомъ продолжала разсказъ дрожащимъ голосомъ:

— Я слышала отъ г-жи Пипле, что здѣсь въ домѣ живетъ шарлатанъ, который....

Луиза не могла продолжать.

Родольфъ вспомнилъ, что при первомъ посѣщеніи этого дома, въ отсутствіи г-жи Пипле, онъ принялъ съ городской почты письмо на имя шарлатана, писанное на грубой бумагѣ, искаженнымъ почеркомъ;—онъ замѣтилъ на письмѣ многія мѣста, смоченныя слезами....

— И вы писали къ нему, несчастная!... Назадъ тому три дня!... Вы плакали надъ этимъ письмомъ?... Измѣнили нарочно почеркъ.

Луиза посмотрѣла на Родольфа со страхомъ.

— Какъ! вы знаете?

— Успокойтесь! Я былъ одинъ въ комнатѣ г-жи Пилле, когда принесли это несчастное письмо.... и, такъ, случайно замѣтилъ его....

— Да, я писала къ нему. Въ этомъ письмѣ, неподписанномъ, я говорила г-ну Брадаманти, что не смѣю придти къ нему и умоляю его явиться въ тотъ-же вечеръ къ Большому Резервуару.... Я совсѣмъ потеряла голову.... Я хотѣла просить у него страшныхъ его совѣтовъ!... Я вышла изъ дому, съ намѣреніемъ повидаться съ нимъ, но скоро разсудокъ остановилъ меня; я воротилась, осталась дома и не была на свиданіи, о которомъ сама просила.... Въ этотъ вечеръ случилось то, что было причиною послѣдняго моего несчастія!...

Ферронъ думалъ, что я вышла часа на два, а я была дома черезъ нѣсколько минутъ. Проходя мимо калитки сада, я съ удивленіемъ замѣтила, что она открыта до половины; я вошла черезъ калитку, заперла ее и принесла ключъ въ кабинетъ г-на Феррона, гдѣ онъ обыкновенно лежалъ.... Кабинетъ его возлѣ самой спальни, самой уединенной комнаты во всемъ домѣ.... Тутъ производятся всѣ тайныя совѣщанія; а прочія, обыкновенныя дѣла кончаются въ конторѣ. Вы сей-часъ узнаете, зачѣмъ я рассказываю вамъ всѣ эти подробности.... Зная очень хорошо всѣ переходы дома, я вошла въ залу, она была освѣщена; потомъ прошла въ гостинную, она была темна; потомъ вошла въ кабинетъ, который находился возлѣ спальни.... Дверь спальни открылась въ ту самую минуту, какъ я клала ключъ на столъ.... Едва хозяинъ мой, при свѣтѣ лампы, горѣвшей въ его спальнѣ, увидалъ меня, какъ тотчасъ-же захлопнулъ дверь и заперъ въ спальнѣ человека, съ которымъ онъ былъ и котораго я не успѣла даже разсмотрѣть.... потомъ, въ темнотѣ, бросился на меня, схватилъ меня за горло, какъ-

бы съ намѣреніемъ задушить меня, и сказалъ мнѣ въ погolosа.... съ выраженіемъ бѣшенства и испуга:

— Ты подслушивала!... Что ты слышала? Говори! Говори!... или я сей-часъ задушю тебя!

Но вдругъ, переѣбнивъ мысли, и прежде, чѣмъ я успѣла отвѣчать ему, онъ дотащилъ меня до столовой: буфетъ былъ отпертъ, онъ бросилъ меня туда и заперъ....

— И вы ничего не слышали изъ его разговора? спросилъ Родольфъ.

— Ничего; да еслибъ я знала, что онъ не одинъ въ спальнѣ, я никакъ не посмѣла-бы войти въ кабинетъ.... Это было запрещено даже г-жѣ Серафенъ.

— А когда вы вышли изъ буфета, что онъ сказалъ вамъ?

— Меня освободила г-жа Серафенъ, и въ этотъ вечеръ я ужъ не видала г. Феррона. Испугъ, страхъ, поселили во мнѣ болѣзнь.... На другой день, утромъ, когда я сходила внизъ, я встрѣтила Феррона.... Увидѣвъ его, я задрожала и вспомнила его вчерашнія угрозы; но какъ я изумилась, когда онъ сказалъ мнѣ спокойно:

— Вѣдь ты знаешь, что я запрещаю тебѣ входить въ кабинетъ, когда я говорю съ кѣмъ-нибудь о дѣлахъ, въ моей комнатѣ; впрочемъ, ты недолго останешься у меня, и потому нѣтъ пользы бранить тебя болѣе....

И онъ отправился въ контору.

Его хладнокровіе, послѣ вчерашнихъ угрозъ, удивило меня. Я принялась за работу, какъ и всегда; убрала его спальню.... Я страдала всю ночь, и потому была очень слаба.... Укладывая платье его въ темномъ чуланѣ, за спальней, я почувствовала круженіе головы; мало-по-малу силы оставляли меня.... Падая, я схватилась за плащъ, висѣвшій на стѣнѣ; я думала поддержать себя такимъ образомъ.... но все таки упала и плащъ совершенно прикрывъ меня.

Когда я пришла въ себя, дверь въ спальню была заперта.... я слышала голюсь г. Феррона.... онъ говорилъ очень громко.... Вспомнивъ вчерашнее приключеніе, я думала, что онъ убьетъ меня, если я пошевелюсь.... Я догадалась, что хозяйнш мой, запирая дверь чуланчика,

не замѣтилъ меня, потому-что я вся была прикрыта плащомъ.... Если онъ увидитъ меня, какъ увѣрить его, что я тутъ случайно? По этому, я удерживала дыханіе, и нехотя слышала конецъ этого разговора, который начался гораздо прежде, чѣмъ я пришла въ себя.

XX.

РАЗГОВОРЪ.

— А кто былъ въ кабинетѣ нотаріуса? спросилъ Родольфъ. Кто разговаривалъ съ нимъ?

— Не знаю.... я прежде не слыхивала этого голоса.

— Чтѣ-же они говорили?

— Разговоръ начался гораздо раньше; вотъ чтѣ я слышала:

— Все это очень просто, говорилъ незнакомый голосъ: одинъ отчаянный контрабандистъ, *Красная-Рука*, свелъ меня для этого дѣла съ *рѣчными разбойниками*, которые живутъ на островку близъ Аньера. Все это семейство состоитъ изъ самыхъ отчаянныхъ людей: отецъ и дѣдушка погибли на гильотинѣ; два сына сосланы на галеры, навѣчно, но остались еще мать, три сына и двѣ дочери, и всѣ безсовѣстнѣе одинъ другаго. По ночамъ, для кражи на обоихъ берегахъ Сены, они спускаются въ лодкахъ даже до Берси. Они берутся убить кого хотите, франковъ за пять; но они для этого намъ не нужны.... Пусть только они дадутъ у себя пристанище вашей провинціалкѣ. Мы скажемъ ей, что Марсіалы (такъ называются эти рѣчные разбойники) самое честное, достойное семейство.... Я, съ вашей стороны, сдѣлаю два или три визита провинціалкѣ, пропишу ей двѣ или три порціи моего лекарства.... и черезъ недѣлю, она познакомится съ кладбищемъ въ Аньерѣ.... Въ селахъ, мертвыхъ принимаютъ на кладбище, безъ затрудненій, какъ письма на почту, а въ Парижѣ крѣпко за ними смотрятъ. Но когда-же пришлете вы провинціалку въ Аньеръ? Мнѣ надобно еще предупредить Марсіаловъ, чтобъ они могли приготовиться къ своей роли....

— Она прїѣдетъ сюда завтра, а послѣ завтра будетъ у нихъ, отвѣчалъ Ферронъ: я скажу ей, что докторъ Винсенъ, мой знакомый, будетъ лечить ее....

— Пожалуй, согласенъ быть Винсеномъ; мнѣ совершенно все равно.

— Что это за новое преступленіе? спросилъ Родольфъ съ удивленіемъ.

— Новое? Нѣтъ, вы увидите, что оно было въ связи съ другимъ, которое уже вамъ извѣстно.... Скоро, я услышала стукъ стульевъ, разговоръ былъ конченъ.

— Я увѣренъ, что вы не измѣните мнѣ! сказалъ Ферронъ.

— Я въ вашихъ рукахъ, какъ вы въ моихъ, поэтому мы можемъ служить одинъ другому, но никакъ не можемъ вредить другъ-другу, отвѣчалъ незнакомый голосъ. Забудьте, какъ я служу вамъ усердно! Я получилъ письмо ваше вчера въ десять часовъ вечера, сего-дня утромъ ужъ я у васъ!... До свиданія! Не забывайте островъ *Аньеръ*, рыбака *Марсіала* и доктора *Винсена*; съ помощію этихъ трехъ магическихъ словъ, вы раздѣляетесь съ вашею провинціалкою черезъ недѣлю.

— Пойдите, сказалъ Ферронъ: я отпущу дверь въ кабинетъ, которую я заперъ изъ предосторожности, и посмотрю, нѣтъ-ли кого въ передней, и можно-ли вамъ выйти отсюда черезъ садъ, такъ, какъ вы вошли....

Ферронъ вышелъ, потомъ тотчасъ воротился и увелъ съ собою гостя, съ которымъ разговаривалъ.

Вы понимаете, какъ я дрожала во все продолженіе этого разговора; въ какомъ я была отчаяніи отъ того, что противъ воли узнала такую тайну.

Часа черезъ два послѣ этого разговора, г-жа Серафенъ пришла въ мою комнату, куда я скрылась со страху; мнѣ сдѣлалось еще хуже, чѣмъ было наканунѣ.

— Г-нъ Ферронъ спрашиваетъ васъ, сказала она мнѣ. Вамъ такое счастье, какого вы и не стоите; пойдемте скорѣе!... Вы очень блѣдны; но добрыя вѣсти дадутъ вамъ румянецъ!

Я пошла за г-жею Серафенъ. Г. Ферронъ сидѣлъ въ кабинетѣ. Увидавъ его, я невольно задрожала отъ испуга; однакожъ онъ показался не такъ золъ, какъ всегда. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, какъ-бы желая прочесть въ душѣ моей самыя скрытыя мои мысли. Я опустила глаза.

— Вы, кажется, очень страдаете? спросилъ онъ.

— Да, очень, отвѣчала я, удивясь, что онъ пересталъ говорить мнѣ ты.

— Это очень просто, продолжалъ онъ: это послѣдствіе вашего положенія и вашихъ усилій—скрыть его!... Несмотря на ваши клеветы, ваше дурное поведеніе и вчерашнее любовныство, я чувствую къ вамъ состраданіе.... Черезъ нѣсколько дней вамъ нельзя будетъ скрыть вашего положенія.... Хотя я васъ пристыдилъ при пасторѣ, какъ слѣдовало, однакожъ не хочу, чтобъ стыдъ вашъ надавъ на домъ мой публично.... притомъ-же, семейство ваше будетъ въ отчаяніи, если узнаетъ.... Поэтому, въ несчастныхъ этихъ обстоятельствахъ, я готовъ помочь вамъ....

— О! сказала я.... ваши ласковыя слова заставляютъ меня все забыть!

— Что такое? что забыть? спросилъ онъ грубымъ голосомъ.

— Ничего, ничего!... простите меня! отвѣчала я, боясь разсердить его: я думала, что онъ перемѣнился ко мнѣ, и сталъ лучше.

— Слушайте-же, продолжалъ онъ: сегодня вы пойдете къ отцу и скажете ему, что я посылаю васъ на два или три мѣсяца за городъ, стеречь дачу, которую я недавно купилъ; во время вашего отсутствія, я буду доставлять ему ваше жалованье. Завтра вы уѣдете изъ Парижа; я дамъ вамъ рекомендательное письмо къ госпожѣ *Марсіаль*, матери хорошаго семейства рыбаковъ, живущаго близъ Аньера. Вы скажете ей, что пріѣхали изъ провинціи, не входя ни въ какія другія подробности. Послѣ вы узнаете, зачѣмъ я рекомендую васъ этому семейству, все это дѣлается для вашей-же пользы.... Старуха *Марсіаль*

станетъ обходиться съ вами, какъ съ родною дочерью; одинъ изъ моихъ друзей, докторъ *Винсенъ*, будетъ лечить васъ, потому-что вы въ такомъ положеніи.... Вы видите, какъ я милостивъ къ вамъ!

— Какое гнусное дѣло! сказалъ Родольфъ. Теперь я все понимаю. Думая, что наканунѣ вы узнали тайну, вѣроятно, для него опасную, онъ хотѣлъ избавиться отъ васъ.... Ему нужно было обмануть и соучастника своего, когда онъ выдавалъ васъ за пріѣзжую провинціалку!... Какъ вы должны были испугаться, услышавъ его предложеніе?

— Этотъ ударъ такъ поразилъ меня, что я совершенно смѣшалась. Я не могла отвѣчать, смотрѣла на Феррона съ ужасомъ; голова моя кружилась. Я, можетъ-быть, рисковала жизнью, рѣшаясь сказать ему, что утромъ слышала тайный разговоръ; по-счастію я вспомнила о новыхъ опасностяхъ, въ которыя вовлечетъ меня признаніе....

— Чтѣ-жъ вы молчите? развѣ не понимаете, чтѣ я говорю? сказалъ онъ мнѣ съ петербургскимъ.

— Понимаю.... отвѣчала я со страхомъ, но мнѣ не хотѣлось-бы ѣхать изъ Парижа въ деревню....

— Отчего-же? Вамъ будетъ очень хорошо тамъ, куда я васъ отправлю.

— Нѣтъ! нѣтъ! Я ни за что не поѣду! Я лучше останусь въ Парижѣ, не хочу удалиться отъ семейства!... Лучше во всемъ признаюсь отцу, и умру отъ стыда, если нужно!

— Ты отказываешь мнѣ! прервалъ Ферронъ, удерживая еще гнѣвъ свой. Онъ смотрѣлъ на меня внимательно.... Отчего ты вдругъ перемѣнила намѣреніе? Сію секунду ты соглашалась....

Я поняла, что погибну, если онъ догадается, почему я не хочу ѣхать, и отвѣчала, что вовсе не знала, что онъ хочетъ выслать меня изъ Парижа, разлучить съ семействомъ.

— Да ты наносишь безчестіе своему семейству! закричалъ онъ въ бѣшенствѣ; схватилъ меня за руку и такъ сильно толкнулъ, что я упала на полъ.

— Я даю тебѣ срокъ до послѣ-завтра; завтра-же ты должна рѣшиться или идти къ Марсіаламъ, или идти къ отцу и объявить ему, что я тебя выгналъ и что онъ въ тотъ-же день пойдетъ въ тюрьму....

Я осталась одна, на полу; я не могла даже подняться. Г-жа Серафенъ прибѣжала, услышавъ, что хозяйнѣ кричитъ и сердится; съ ея помощью, слабѣя на каждомъ шагу, я кое-какъ добралась до своей комнаты.... Войдя въ нее, я бросилась на постель и пролежала до самой ночи; такія потрясенія совершенно убили меня! По тяжкимъ мукамъ, которыя начались со мною въ часъ ночи, я почувствовала, что скоро будетъ конецъ моимъ страданіямъ, но прежде времени....

— Отчего-же вы не позвали на помощь?

— Я не смѣла! Ферронъ хотѣлъ избавиться отъ меня; онъ, вѣрно, послалъ-бы за докторомъ Винсеномъ, который непременно тотчасъ-бы уморилъ меня, не дожидаясь отъѣзда моего къ Марсіаламъ.... или самъ Ферронъ удавилъ-бы меня и потомъ сказалъ, что я умерла отъ тогдашняго моего положенія.... Можетъ-быть, опасенія мои были напрасны, неосновательны, но они испугали меня въ ту минуту; вотъ причина всѣхъ моихъ несчастій! Я снесла-бы стыдъ и позоръ, и теперь не обвиняли-бы меня въ такомъ страшномъ дѣлѣ!.... Я не звала на помощь; напротивъ-того, я старалась удержаться отъ крика, и грызла свое одѣяло!... Одна, безъ огня, среди величайшихъ мученій, я наконецъ увидѣла трупъ моего сына.... Онъ не могъ жить, потому-что родился прежде времени.... Въ эту страшную ночь, у меня была одна сладостная и горькая минута: когда я взяла на руки моего сына....

Луиза зарыдала.

Морель слушалъ рассказъ дочери съ мрачнымъ спокойствіемъ, которое пугало Родольфа.

Однакожъ, увидѣвъ, что она плачетъ, онъ спросилъ, не отнимая отъ головы рукъ, на которыя опирался:

— Она плачетъ!... плачетъ!... отчего-же она плачетъ?

Потомъ черезъ минуту онъ сказалъ:

— Да, знаю, знаю!... Нотаріусъ!... Рассказывай, бѣдная Луиза!... Ты дочь моя!.. Я люблю тебя по-прежнему....

Сейчасъ я не узналъ тебя.... Слезы мои были темны!...
Боже мой!... Какъ болитъ у меня голова!

— Батюшка! вы видите, что я невиновата?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Это ужасное несчастіе... но я такъ боялась нотаріуса!

— Нотаріуса?... Да!... вѣрю тебѣ: онъ такой злодѣй!

— Теперь вы меня простите?

— Прощу.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Точно прощу!... О! я люблю тебя по-прежнему....
хоть не могу сказать.... потому-что.... голова! голова!

Луиза съ трепетомъ взглянула на Родольфа.

— Онъ страдаетъ, сказалъ Родольфъ въ полголоса:
но скоро успокоится;— продолжайте....

Взглянувъ нѣсколько разъ на Мореля, съ безпокой-
ствомъ, Луиза продолжала:

— Я прижала дитя мое къ груди и не слыхала его
дыханія; но утѣшала себя мыслию, что, можетъ-быть,
дыханіе новорожденнаго неслышно.... Потомъ я почув-
ствовала, что онъ совершенно холодень.... Я не могла до-
стать огня, мнѣ никогда не оставляли свѣчи.... Я ждала
разсвѣта, и старалась согрѣть моего ребенка, но мнѣ ка-
залось, что онъ болѣе и болѣе холодѣеть. Я думала, что
онъ забнетъ, потому-что въ моей комнатѣ было очень
холодно.

Когда разсвѣло, я поднесла его къ окошку.... смотре-
ла на него.... онъ былъ недвижимъ, холодень.... Я при-
ложила ротъ къ его губамъ: онъ не дышалъ.... поло-
жила руку на его сердце: оно не билось.... онъ родился
мертвымъ!

Луиза опять зарыдала.

— О! въ эту минуту произошло во мнѣ что-то такое, чего
я не могу пересказать вамъ.... Я не помню ничего осталь-
наго; все это кажется мнѣ неяснымъ сномъ. Я предалась

отчаянію, страху, бѣшенству; надъ всѣми этими мученіями преобладало предчувствіе, что Ферронъ станетъ обвинять меня въ убійствѣ, если найдетъ сына моего мертвымъ.... Тогда меня заняла одна мысль: скрыть трупъ моего ребенка, чтобъ его никто не видалъ.... Такимъ образомъ, позоръ мой останется въ тайнѣ, я избавлюсь отъ гнѣва отца моего, не подпаду подъ мщеніе Феррона.... мнѣ можно будетъ выйти изъ его дома, пойти другое мѣсто и тамъ получать жалованье, которымъ я буду содержать семейство....

Вотъ почему я рѣшилась, никому ничего не говорить, скрыть трупъ.... Я виновата, очень виновата; но въ то время, гонимая всѣми, измученная страданіями, почти въ безпамятствѣ, я не могла разсудить, чему подвергаю себя, если узнаютъ, что я сдѣлала....

— Какое несчастіе!... Какое несчастіе! сказалъ Родольфъ печально.

— Утро наставало, мнѣ оставалось нѣсколько минутъ до того времени, какъ всѣ поднимаются въ домъ.... Я рѣшилась: я взяла малютку въ объятія и осторожно спустилась по лѣстницѣ.... дошла до конца сада, гдѣ хотѣла вырыть яму и положить его въ землю.... Во всю ночь морозило: земля была крѣпка, какъ ледъ.... Я спрятала его въ погребъ, куда никто не ходилъ зимою, и прикрыла, чѣмъ могла.... потомъ вернулась въ свою комнату: никто не видалъ меня....

Обо всемъ, что я говорю вамъ теперь, осталось во мнѣ неясное воспоминаніе. Я сама не могу понять, какъ я могла, при тогдашней моей слабости, все это сдѣлать. Въ девять часовъ утромъ, г-жа Серафенъ пришла ко мнѣ, узнать, почему я еще не встала.... Я отвѣчала ей, что очень больна и прошу позволенія остаться на весь день въ постели; что завтра уйду изъ дому, если г. Феррону неужгодно держать меня долѣе. Черезъ часъ онъ самъ пришолъ.

— Вы страдаете еще болѣе, сказалъ онъ мнѣ: вотъ послѣдствія вашего упрямства; еслибъ вы воспользова-

лись моею милостию, такъ сего-дня были-бы уже въ добромъ семействѣ, которое ухаживало-бы за вами съ возможнымъ усердіемъ. Впрочемъ, и я не буду безчеловѣченъ, и я не оставлю васъ безъ помощи: сего-дня вечеромъ докторъ Винсентъ придетъ къ вамъ.

При этой угрозѣ, я едва не умерла со страху. Я отвѣчала Феррону, что напрасно отказалась вчера отъ его предложенія, и что теперь на все согласна, но теперь такъ больна, что не могу ѣхать, а отправлюсь къ Марсіаламъ на слѣдующее утро, и потому бесполезно посылать за докторомъ Винсентомъ. Я хотѣла только выиграть время; рѣшилась оставить домъ нотаріуса и бѣжать сюда, къ отцу.... я надѣялась, что такимъ образомъ онъ ничего не узнаетъ. Успокоившись моимъ обѣщаніемъ, г. Ферронъ сталъ со мною очень ласковъ, и въ первый разъ въ жизнь свою, приказалъ г-жѣ Серафенъ имѣть обо мнѣ попеченіе.

Я провела весь день въ величайшемъ волненіи; я каждую минуту боялась, что найдутъ трупъ моего сына.... У меня было одно желаніе, чтобы холодъ прошелъ и земля растаяла.... я могла-бы раскопать землю.... Пошелъ снѣгъ; это подало мнѣ надежду....

Цѣлый день я не сходила съ постели.... Когда наступила ночь и всѣ въ домѣ улеглись.... я съ трудомъ встала, вырыла въ саду яму и схоронила моего сына.... О! чего мнѣ это стоило! Я не могла отойти отъ этого мѣста.... Бѣдняжка!... онъ лежалъ въ холодной землѣ, прикрытый снѣгомъ!...

Едва могла я подняться въ мою комнату.... сильная лихорадка мучила меня. Утромъ Ферронъ прислалъ спросить, какъ я себя чувствую; я отвѣчала, что мнѣ гораздо лучше, и что завтра навѣрное поѣду къ Марсіаламъ.... И этотъ день я весь провела въ постели, мнѣ хотѣлось какъ-нибудь поправить истощенныя силы.... Вечеромъ я встала и сошла въ кухню, погрѣться у очага. Тамъ оставалась я одна, до поздней ночи.... и потомъ пошла поклониться драгоценной моею могилѣ....

Возвращаясь въ мою комнату, я встрѣтила г-на Жермена, на лѣстницѣ, у самаго кабинета, гдѣ онъ часто

работалъ по ночамъ.... Онъ былъ очень блѣденъ.... и послѣшно сказалъ мнѣ, сунувъ мнѣ въ руку свертокъ золота:

— Завтра, чѣмъ свѣтъ, явятся за отцомъ вашимъ.... поведутъ его въ тюрьму... по векселю въ тысячу триста франковъ.... У него нѣтъ денегъ, онъ не можетъ заплатить.... Вотъ вамъ вся эта сумма!... Чуть только разсвѣтетъ, бѣгите къ отцу и несите деньги.... О! только сегодня узналъ я г-на Феррона.... это настоящій злодѣй... я постараюсь обнаружить его преступленія.... Только смотрите, не говорите никому, что вы получили эти деньги отъ меня....

Онъ убѣжалъ такъ скоро, что я не успѣла даже поблагодарить его....

XXI.

СУМАСШЕСТВІЕ.

Сего-дня, утромъ, продолжала Луиза, всѣ еще спали въ домѣ Феррона, когда я пришла сюда съ деньгами, которыя далъ мнѣ г. Жерменъ для уплаты за батюшку; но ихъ не доставало, и безъ вашей милости я не могла бы избавить его отъ тюремнаго заключенія.... Послѣ моего ухода изъ дому, вѣрно, кто-нибудь вошелъ въ мою комнату.... нашли какіе-нибудь слѣды, которые дали поводъ догадаться о томъ, что со мною случилось.... Позвольте попросить васъ о послѣдней услугѣ, сказала Луиза, вынимая изъ кармана свертокъ съ золотомъ.... слѣайте одолженіе, прикажите передать эти деньги г-ну Жермену.... Я общала ему, не сказывать никому, что онъ служитъ въ конторѣ Феррона; но вы знали это прежде, и потому нельзя винить меня, я не измѣнила тайнъ!... Теперь повторяю вамъ, что я рассказала все, какъ было.... нимало не стараясь уменьшить своей вины.... все сущая правда!

Потомъ испуганная Луиза закричала:

— Посмотрите на батюшку, что съ нимъ?

Морель выслушалъ послѣднюю часть разсказа Луизы, съ мрачнымъ разсѣяніемъ, которое Родольфъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что силы несчастнаго отца истощались.... Послѣ такихъ ударовъ, сильныхъ и частыхъ, слезы гранильщика изсякли, чувствительность притупилась; у него не осталось даже силъ негодовать.... Такъ думалъ Родольфъ.

Родольфъ ошибался.

Гранильщикъ, безчувственный ко всему, что около него происходило, что около него говорили, сошелъ съ ума....

Рабочее колесо его стояло на другой сторонѣ стола; въ рукахъ у него не было ни инструментовъ, ни брильянтовъ, а онъ съ величайшимъ стараніемъ предавался всѣмъ движеніямъ, которыми обыкновенно сопровождалъ свою работу.

Движенія свои онъ приправлялъ свистомъ, который былъ довольно похожъ на шумъ вертящагося колеса.

— Посмотрите на батюшку! твердила Луиза съ возрастающимъ ужасомъ.... Боже мой! что такое?

Она подбѣжала къ гранильщику:

— Батюшка! что съ вами?... Батюшка!

Морель посмотрѣлъ на дочь пристальнымъ взглядомъ, неопредѣленнымъ, безъ выраженія и смысла.... какъ всегда смотрять безумные.

Не переставая работать, онъ отвѣчалъ тихо, ласковымъ и печальнымъ голосомъ:

— Я долженъ тысячу триста франковъ нотариусу.... цѣну крови моей Луизы.... Надобно работать, работать, работать!... О! я ему заплачу, заплачу, заплачу!...

— О! не можетъ-быть, чтобъ это продолжилось долго?... Онъ не совсѣмъ потерялъ рассудокъ?... спросила Луиза голосомъ, раздиравшимъ душу. Онъ, вѣрно, придетъ въ себя.... черезъ нѣсколько минутъ!

— Морель!... другъ мой!... сказали ему Родольфъ.... посмотри: вотъ твоя дочь.... она ни въ чемъ невиновата....

— Тысячу триста!... повторялъ гранильщикъ, не глядя на Родольфа: и продолжалъ трудиться надъ мечтательною работою.

— Батюшка!... сказала Луиза, бросаясь передъ нимъ на колѣна, и взявъ насильно его за руки.... Узнайте меня, Луизу!

— Тысячу триста франковъ! повторялъ онъ, съ трудомъ вырываясь изъ объятий дочери.

— Тысячу триста франковъ, сказалъ онъ въ полголоса: а если нѣтъ.... такъ Луиза понесетъ голову на плаху!...

И онъ началъ вертѣть колесо съ такою быстротою, что оно разлетѣлось-бы въ дребезги, еслибъ было у него подъ рукою.

Луиза страшно закричала....

— Онъ сошелъ съ ума!... И я... я всему причиною!... Боже мой!... Однакожъ не я виновата.... я не хотѣла, не соглашалась на дурное.... О Ферронъ! чудовище!

— Перестаньте, бѣдная Луиза, снесите терпѣливо, и надѣйтесь!... Сумасшествіе его не будетъ продолжительно.... Отецъ вашъ страдалъ слишкомъ много.... силы человѣческія не выносятъ такихъ неожиданныхъ бѣдствій!... Разсудокъ его помраченъ.... но это пройдетъ....

— Что будетъ съ моею матерью?... съ бабушкой?... съ сестрами и братьями?... Они лишаются вдругъ и батюшки и меня!... Они умрутъ съ голоду, отъ нищеты и отчаянія!

— А меня вы забыли?... Не безпокойтесь, они не будутъ знать недостатка. Надѣйтесь, говорю вамъ: ваше признаніе повлечетъ за собою казнь злаго преступника. Вы убѣдили меня, что вы невиноваты; ваша невинность будетъ признана и утверждена судомъ, я увѣренъ!

— Ахъ!... онъ производитъ позоръ, сумасшествіе, смерть!... Вотъ что дѣлаетъ Ферронъ!... а ему нельзя ничего сдѣлать.... ничего!... О! эта мысль удваиваетъ мои страданія!

— А противная мысль должна подкрѣплять васъ!

— Что хотите вы сказать?

— Носите въ душѣ мысль, что и вы и отецъ вашъ будете отмщены.

— О! еслибъ это было возможно!

— Будетъ!... Я клянусь вамъ, что когда его преступленія будутъ доказаны, онъ жестоко расплатится за позоръ, за сумасшествіе и за смерть, которыхъ былъ причиною.... Если законы не могутъ поймать его, если его ловкость и коварство равняются его преступленіямъ, такъ мы станемъ дѣйствовать противъ его ловкости—ловкостію, противъ коварства—коварствомъ, противъ преступленія—преступленіемъ; но наши дѣйствія будутъ выше его козней, какъ справедливая казнь выше подлаго, тайнаго убійства.

— О! еслибъ вы могли наказать его!... Не за себя хочу я мщенія, а за сумасшедшаго отца.... за сына моего, убитаго еще въ груди моей!...

Потомъ, пытаясь въ послѣдній разъ вывести Мореля изъ его печальнаго положенія, Луиза сказала ему:

— Батюшка, прощай!... Меня ведутъ въ тюрьму.... Я больше не увижу тебя!... Твоя Луиза прощается съ тобою!... Батюшка взгляни на меня....

Онъ ничего не отвѣчалъ, на ея просьбы, сопровождаемыя рыданіями.

Слова ея не раздавались въ его разрушенной душѣ....

Струны родительскаго чувства, которыя обыкновенно при сумасшествіи рвутся послѣднія,—не дрожали....

.....

Дверь чердака открылась.

Вошелъ комиссаръ.

— Минуты мои драгоценны, сказалъ онъ Родольфу. Съ сожалѣніемъ долженъ объявить вамъ, что не могу болѣе дозволить продолженіе этого длиннаго разговора.

— Нашъ разговоръ конченъ, сказалъ Родольфъ печально, указывая на Мореля. Луизѣ нечего рассказы-

вать отцу.... ему нечего слушать.... онъ сѣшелъ съ ума!

— Боже мой! Вотъ чего я боялся, прервалъ комиссаръ.

Быстро подошелъ онъ къ Морелю, и посмотрѣвъ на него, убѣдился въ истинѣ словъ Родольфа.

— О! я искренно желалъ, чтобы невинность этой дѣвушки была доказана, продолжалъ комиссаръ съ грустію: но теперь, послѣ такого несчастія, я не ограничусь одними желаніями.... Нѣтъ!... я расскажу, какъ это семейство—несчастно и честно, какъ поразилъ его послѣдній, страшный ударъ, и, не сомнѣвайтесь, это послужитъ для судей новымъ поводомъ для оправданія обвиненной!

— Хорошо, отвѣчалъ Родольфъ: такъ и слѣдуетъ исполнять долгъ свой....

— Повѣрьте, милостивый государь, наша должность часто такъ тягостна, что мы съ наслажденіемъ, съ благодарностію, принимаемъ участіе въ людяхъ честныхъ и добрыхъ....

— Еще одно слово сказалъ Родольфъ: признанія Луизы Морель ясно доказали мнѣ, что она невинна... Не можете-ли вы сказать, какъ это дѣло было открыто? кто о немъ объявилъ?

— Сего-дня утромъ, отвѣчалъ комиссаръ: управительница нотаріуса Феррона явилась ко мнѣ и объявила, что послѣ бѣгства Луизы Морель, которая была беременна уже нѣсколько мѣсяцовъ, она пошла въ ея комнату и увидала тамъ слѣды, которыя привели въ садъ, къ тому мѣсту, гдѣ нашли трупъ новорожденного младенца.

Принявъ ея объявленіе, я тотчасъ отправился въ домъ нотаріуса, въ улицу Сантъе.... Я нашелъ г. Жака Феррона въ сильномъ негодованіи на то, что у него въ домѣ случилось подобное происшествіе. Пасторъ, за которымъ тотчасъ послали, тоже объявилъ мнѣ, что Луиза Морель признавалась при немъ въ проступкѣ своемъ и просила пощады у хозяина. Къ этому пасторъ прибавилъ, что онъ часто слышалъ, какъ г. Ферронъ уговаривалъ

Луизу Морель вести себя лучше и предсказывалъ ей неминуемую гибель.... Негодованіе г. Феррона показалось мнѣ столь справедливымъ, что я вполне раздѣлялъ его. Онъ сказалъ мнѣ, что Луиза Морель, вѣроятно, бѣжала къ отцу. Я не медля отправился сюда; преступленіе такъ очевидно, что я не могу не взять ея подъ стражу....

Родольфъ удержалъ гнѣвъ свой, когда ему говорили о негодованіи Феррона, и сказалъ комиссару:

— Покорно васъ благодарю за эти свѣдѣнія, и особенно за покровительство, которое вы рѣшаетесь оказать Луизѣ.... Я прикажу отвезти несчастнаго и безумную старуху—въ сумасшедшій домъ.

Потомъ, обращаясь къ Луизѣ, которая все еще стояла на колѣнахъ передъ отцемъ и старалась привести его въ чувство, онъ прибавилъ:

— Рѣшитесь идти за комиссаромъ, не прощаясь съ матерью; избавьте ее отъ мучительнаго прощанія.... Будьте спокойны на ея счетъ.... Съ этой минуты ваше семейство не будетъ нуждаться; я прикажу нанять служанку, которая будетъ ходить за вашею матерью, и смотрѣть за вашими сестрами и братьями, подъ надзоромъ доброй вашей сосѣдки Риголетты. Отца вашего не забудутъ: ничего не пожалѣютъ, чтобы выздоровленіе его было скорое и полное.... Надѣйтесь! Вѣрьте мнѣ, честные люди часто испытываются жестокими страданіями, но они всегда выходятъ изъ борьбы, съ большею чистотою душевною, съ большею силою, съ всеобщимъ уваженіемъ.

Черезъ два часа послѣ ареста Луизы, докторъ Давидъ, по приказанію Родольфа, отвезъ гранильщика и безумную старуху въ Шарантонъ. Ихъ помѣстили тамъ въ особыя комнаты, и поручили особому попеченію докторовъ.

Морель оставилъ домъ въ улицѣ Тампль, безъ всякаго сопротивленія: совершенно равнодушный ко всему, онъ пошелъ, куда его повели; сумасшествіе его было тихое, печальное и спокойное.

Старуха была голодна: ей показали кусокъ говядины и хлѣба, и она пошла за говядиной и хлѣбомъ.

Брильянты, оставшіеся у гранильщика, были отданы его женѣ, а она передала ихъ г-жѣ Матѣе, которая вскоре пришла за ними.

По-несчастію, Хромой подсматривалъ за этою женщиною.... Онъ узналъ цѣну этихъ *фальшивыхъ* брильянтовъ изъ разговора, подслушаннаго имъ въ то время, когда явились пристава коммерческаго суда, братъ Мореля въ тюрьму.... Сынъ Красной-Руки послѣдовалъ за г-жею Матѣе и узналъ, что она живетъ на бульварѣ Сень-Дени, въ домѣ подлѣ № 11.

Риголетта, съ особенною осторожностію, извѣстила Магдалину Морель о сумасшествіи ея мужа и о несчастіяхъ Луизы.... Сначала Магдалина громко зарыдала, впадала въ отчаяніе; потомъ, когда первые порывы горести прошли, слабая и безхарактерная женщина утѣшилась мало-по-малу, видя, что дѣти ея и она сама пользуются благодѣяніями Родольфа и безбѣдною жизнію, плодомъ его милостей.

Родольфъ, выслушавъ признанія Луизы, погрузился въ самыя мрачныя мысли:

« Какъ часто богатый развращаетъ бѣднаго, а сильный слабого! Это развращеніе, предосудительное даже и тогда, когда производится добровольно, по обоюдному согласію, становится гнуснымъ, страшнымъ, когда принуждаютъ къ нему насильно....

« Въ этомъ отношеніи, французскіе законы очень странны!

« Соучастникъ въ преступленіи наказывается какъ зачинщикъ....

« Укрыватель вора наказывается какъ воръ....

« Все это совершенно справедливо.... Но если человекъ, отъ нечего дѣлать, соблазнить скромную и честную дѣвушку, подарить ее сыномъ или дочерью, бросить, оставить ей только стыдъ, нищету и отчаяніе, и доведетъ ее такимъ образомъ до самаго страшнаго преступ-

пленія, — кто сочтетъ его участникомъ въ ея преступленіи.

« Чтѣ онъ сдѣлалъ? Такъ, ничего, шалость, влеченіе къ хорошенькому личику.... Дѣло кончено, можно признаться за другую жертву!

« Въ силу какой статьи французскаго кодекса можно обвинить этого человѣка? Какое его участіе въ этомъ преступленіи, прямое или непрямое, нравственное или матеріальное?

« Счастливый шалунъ обманулъ хорошенькую дѣвушку и бросилъ ее, и самъ въ этомъ сознается; но чтѣ вы ему сдѣлаете, когда ни обычай, ни законъ не запрещаютъ ему такихъ шалостей....

« Принято за правило (и весьма справедливо), что участникъ несетъ равное наказаніе съ зачинщикомъ; а самый умный французскій судья сочтетъ васъ за сумасшедшаго, если вы скажете ему, что непостоянный обольститель, бросившій свою жертву, непременно участвуетъ матеріально во всѣхъ преступленіяхъ, на которые она можетъ рѣшиться со стыда или отъ нищеты!

— А если этотъ сумасшедшій станетъ еще утверждать, что безъ отца, навѣрное, не было-бы и сына, вся Франція противъ него возстанетъ!

« Это нѣжное покровительство, оказываемое мужескому полу за сердечныя шалости въ области бога любви, не показываетъ-ли, что Французы до-сихъ-поръ приносятъ жертвы Граціямъ и что они самый влюбчивый народъ изъ всѣхъ народовъ земнаго шара?

(Пятая часть — въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

50 ЛѢТЪ.

(Подражаніе Беранже.)

Друзья! зачѣмъ вы мнѣ дарите
Въ день именинъ моихъ букеты?
Вы мнѣ цвѣтами говорите,
Что ужъ увяль мой жизни цвѣтъ?
Какъ быстро время пролетаетъ!
Давно-ль я вышелъ изъ ребятъ?
А сѣдина напоминаетъ:
Тебѣ сего-дня пятьдесятъ!

Все какъ-то плохо ужъ клеится,
Совсѣмъ не тотъ я сталъ теперь,
И если кто ко мнѣ стучится—
Не вдругъ я отпираю дверь
Я отжилъ счастливые лѣта:
Что въ томъ, что въ дверь ко мнѣ стучать?
Вѣдь это докторъ, не Лизета....
Да! мнѣ сего-дня пятьдесятъ!

Эхъ! старость, грустная граница!
Подагра тутъ и слѣпота,
Души огромная темница,
И всѣмъ смѣшная глухота;
И самый умъ — ночникъ безъ масла:
Коптитъ и дѣлаетъ лишь чадъ....
Какъ скоро жизнь моя погасла!
Какой старикъ я въ пятьдесятъ!

Что слышу!... въ дверь стучатся кости!...
 Ахти! пришла моя бѣда:
 Курносая явилась въ гости...
 Друзья! прощайте навсегда!
 Не скажешь ей: «Постой, покуда!»
 Постой! такъ рано не косятъ:
 Зачѣмъ берешь меня отсюда?
 Вѣдь мнѣ всего лишь пятьдесятъ!

Съ покорностью и вѣрой въ Бога
 Пойду и дверь ей отпущу,
 И встрѣчу гостью у порога,
 Какъ добрую мою сестру...
 Она!... ужли?... опять я съ нею!
 Она!... и тотъ-же нѣжный взглядъ!...
 Я оживаю... молодью...
 Мнѣ двадцать пять, не пятьдесятъ!...

МЕНСКІЙ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Сизокрылый голубчикъ,
 Даръ сердечнаго дружка!
 Взвейся выше, поднимися
 Къ поднебеснымъ облакамъ:
 Съ вышины, голубчикъ сизый,
 Ты на землю посмотри —
 Не увидишь-ли, гдѣ милой
 Воздыхаетъ обо мнѣ?
 Если гдѣ его усмотришь,
 Какъ стрѣла къ нему пустишь, —
 Сядь въ саду его на вѣтку
 И уныло заворкуй...
 Онъ услышитъ, онъ увидитъ,
 Онъ узнаетъ голосъ твой,
 И пшеницей бѣлоюрой
 Приманитъ тебя къ себѣ:
 Ты слети къ нему, ко груди
 Друга милаго прижмись,
 И послушай, бьется-ль сердце

Для меня въ его груди...
 Для меня коль сердце бьется,
 Онъ прижметъ тебя къ нему —
 Взоръ наполнится слезами,
 Слезы брызнуть, онъ вздохнетъ,
 И тебя рукою нѣжно,
 Потихоньку оттолкнетъ....
 Носикомъ своимъ хотъ слезку
 Ахъ, хотъ слезку подхвати,
 И ко мнѣ съ слезой безцѣнной
 Быстрой молніей лети!
 Слезку друга дорогую
 Я своими оболюю,
 Расцѣлюю, размилюю
 И у сердца изсушу.
 Если-жъ онъ меня не любитъ,
 Если клятвѣ измѣнилъ —
 Не лети ко мнѣ, оставься
 Въ зеленомъ его саду,
 На любимый садъ кусточикъ
 Подъ окошечкомъ его,
 И уныло, и печально
 День и ночь воркуй, стони....
 Пусть онъ, совѣстью терзаясь,
 Будетъ плакать, тосковать;
 Пусть онъ жизнь возненавидитъ,
 Броситъ пищу, броситъ сонъ,
 И отъ горести истаеетъ,
 Какъ отъ пламени свѣча!
 Ахъ, тогда лишь онъ узнаетъ
 Муки сердца моего!...

Голубчикъ! повесися
 Къ поднебесной вышинѣ,
 И съ слезою возвратися
 Друга милаго ко мнѣ!

И. ЦЫГАНОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКІЕ АКТЕРЫ.

№ 1.

ПРОВЪ МИХАЙЛОВИЧЪ САДОВСКІЙ.

Начинаемъ нашу галерею современной русской сцены портретомъ одного изъ младшихъ ея представителей — не въ обиду почтеннымъ и заслуженнымъ артистамъ. Порядокъ въ нашей галерей есть чисто дѣло случая, и болѣе зависитъ отъ художника, принявшаго на себя трудъ изготовлять портреты для нашего изданія, нежели отъ насъ самихъ: чей портретъ прежде будетъ изготовленъ, тому и первое мѣсто. Итакъ, говоря стихами остроумнаго поэта,

Не по чину, не по лѣтамъ,
Здѣсь мѣста — по нумерамъ.

Въ 1839-мъ году, великимъ постомъ, въ московскомъ театральномъ училищѣ, назначенъ былъ спектакль, составленный изъ воспитанниковъ и воспитанницъ школы. Къ спектаклямъ этого рода, служащимъ для испытанія юныхъ дарованій, готовящихся для сцены, допускаются только близкіе къ театру люди, артисты и артистки, и немногіе записные любители театра и цѣнители дарованій. Въ спектакль, о которомъ я говорю, представлено было одно дѣйствіе (4-е) изъ комедіи «Горе отъ ума», и водевиль Ленскаго «Любовное зелье». Въ послѣдней пьесѣ особенное вниманіе зрителей обратилъ на себя юноша, выполнявшій роль *Жана Бижю*: въ немъ замѣтили

бездну натуры, простодушную, неподдѣльную веселость, развязность на сценѣ, для дебютанта необыкновенныя. Этотъ юноша былъ — *Садовскій*, актеръ изъ провинціи, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ прибывшій въ Москву, и дебютировавшій въ первый разъ, для испытанія, на домашней сценѣ театральнаго училища.

По открытіи театровъ, послѣ Святой Недѣли, Садовскій явился, какъ дебютантъ, въ той-же пьесѣ, и въ той-же роли, на сценѣ Большаго Театра, передъ многочисленной публикой. На первый разъ онъ былъ принятъ довольно холодно. Для втораго дебюта выбралъ онъ роль въ «*Дезертерѣ*», и послѣ этого дебюта равнодушіе и холодность зрителей превратились во вниманіе, въ участіе. Заслуженный любимецъ московской публики, вѣчно-веселый и забавный В. И. Живокини, уѣхалъ въ отпускъ; въ его отсутствіе нѣкоторыя изъ его ролей были переданы Садовскому, и съ той поры Садовскій, можно сказать, завоевалъ вниманіе московской публики и въ короткое время сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ артистовъ ея.

И вотъ новое доказательство того, какую важность имѣютъ провинціальныя театры для столицы: имъ, этимъ провинціальнымъ театрамъ, обязаны мы украшеніемъ русской сцены — М. С. Щепкинымъ; имъ обязаны мы отличнымъ петербургскимъ пѣвцомъ г-мъ Петровымъ, и др.; они-же подарили намъ Садовскаго, безспорно замѣчательнѣйшаго изъ молодыхъ русскихъ артистовъ, на котораго смѣло можемъ мы полагать самыя блестящія надежды.

Прозъ Михайловичъ Садовскій (по отцѣ *Михайловъ*) родился въ Рязани, въ 1817-мъ году. Отецъ его былъ управляющимъ питейными сборами и при жизни имѣлъ хорошее состояніе; но по смерти оставилъ въ наследство сыну своему, осьмилѣтнему мальчику, *синій фракъ, съ отворотами сапоги* и — *родительское благословеніе*. Съ такимъ богатствомъ далеко не уйдешь!...

Садовскій воспитывался въ Рязани. Страсть къ театру пробудилась въ немъ еще съ девяти лѣтъ, когда дядя его, Григорій Васильевичъ Садовскій (котораго онъ въ послѣдствіи принялъ фамилію) поступилъ на сцену: маль-

чикъ часто ходилъ закуписы, и это обстоятельство еще болѣе поддерживало и питало въ немъ любовь къ театру. 13-ти лѣтъ Михайловъ-Садовскій отправился въ Тулу, къ другому дядѣ своему Дм. Вас. Садовскому, который въ то время былъ на сценѣ, и теперь находится въ труппѣ Соколова, въ Казани. Спустя полгода Григорій Садовскаго къ одному архитектору учиться рисовать. Мальчикъ занимался ученіемъ съ успѣхомъ; но любимую его мечтою, предметомъ всѣхъ его желаній былъ театръ. Случилось, что нѣсколько мѣсяцовъ спустя, дядя его уѣхалъ въ Тамбовъ; мальчику пришла, что называется, *своя воля*. Въ это время содержатель тульской труппы Турчаниновъ сталъ вербовать для себя артистовъ; Садовскій очень обрадовался случаю, предоставлявшему ему возможность вступить на помостки театральные, и, какъ юноша, съ пылкой головой, съ заветными мечтами, но безъ опыта жизни, онъ, послушный одной лишь непреодолимой страсти къ театру, поступилъ въ труппу Турчанинова безъ всякихъ условій, не думая о нуждахъ и потребностяхъ житейскихъ....

Можете вообразить себѣ радость Садовскаго, когда онъ могъ сказать, подобно знаменитому живописцу: «*Ed io son pittore!*» — *Я — актеръ!* Восторгъ его еще удвоился, когда онъ, явившись въ роли *Сезаря*, въ водевилѣ П. Н. Арапова «*Ватель или потомокъ великаго человѣка*» былъ принятъ съ единодушнымъ одобреніемъ.... Съ той поры страсть къ театру овладѣла имъ еще сильнѣе; онъ не уклонялся ни отъ какого труда, не отказывался ни отъ какой новой обязанности, съ наслаженіемъ училъ новыя роли, и охотно расписывалъ, по приказанію содержателя труппы, роли изъ вновь-поставляемыхъ пьесъ. Да и какъ быть иначе? Онъ искалъ не выгоды, хлопоталъ не о деньгахъ:—ему нужно было удовлетворить свою страсть къ театру, и если-бъ только онъ могъ, если-бъ отъ него потребовали, въ то время, онъ готовъ былъ-бы платить свои деньги, чтобы быть и оставаться актеромъ. Что-жъ мудренаго, что Садовскій, сыгравшій въ теченіе зимы съ успѣхомъ ролей пятнадцать, переписав-

шій ихъ для цѣлой труппы безчисленное множество, и по окончаніи сезона получившій въ награду за всѣ труды свои — *одинъ рубль серебромъ*, что-жь мудренаго, что онъ и послѣ этого не охладѣлъ къ театру и не счелъ за обиду для себя такое *богатое вознагражденіе*?

Между-тѣмъ возвратился въ Тулу дядя его, и сдѣлался самъ содержателемъ театра. Разумѣется, Садовскій вступилъ въ его труппу, и, по родственнымъ отношеніямъ, кромѣ званія актера, занималъ многія другія должности — переписывалъ роли, продавалъ билеты, и пр. Подъ управленіемъ дяди, онъ, вмѣстѣ со всею труппою, переѣхалъ въ Калугу, гдѣ игралъ нѣсколько очень-значительныхъ ролей и съ большимъ успѣхомъ.

По возвращеніи въ Тулу, Садовскій имѣлъ у себя капиталу — *двадцать пять рублей ассигнаціями*. Первою мыслію его было — употребить этотъ капиталъ на свиданіе съ матерью, съ которой онъ уже нѣсколько лѣтъ не видался; и потому онъ отправился въ Рязань.

Въ Рязани два актера, Ш. и В., содержатели странствующей труппы, уговорили его ѣхать въ Елецъ, на Святую Недѣлю, предложивъ ему 500 рублей жалованья и полбенефиса. Въ Ельцѣ въ это время бываетъ ярмарка. На бѣду странствующей труппы къ той-же самой порѣ приѣхала въ Елецъ другая труппа — содержателя В. Между содержателями двухъ театровъ завязался страшный споръ о томъ, кому изъ нихъ *быть*, кому *не быть*: каждый добивался *исключительнаго* права — забавлять елецкую публику театральными представленіями. Споръ этотъ невозможно было рѣшить безъ участія городского начальства. Завязалось дѣло. Такъ-какъ права тяжущихся сторонъ были совершенно равны, то дѣло становилось отъ сего еще затруднительнѣе. Благоразумное начальство города Ельца нашло однакожь средство помирить обѣ спорящія стороны, согласивъ ихъ взаимныя выгоды: оно рѣшило, чтобы содержатели обѣихъ труппъ соединились вмѣстѣ, давали-бы представленія на одной сценѣ и выгоды дѣлили-бы по поламъ. Но вотъ бѣда: пока это рѣшеніе вышло, Святая Недѣля прошла, а съ нею кончилась и ярмарка; успѣли дать *одно* только представ-

леніе, въ послѣднее воскресенье, и, разумѣется, кромѣ убытковъ, ни та, ни другая сторона ничего не получили.

Но самую страдательную роль въ этой комедіи играли актеры обѣихъ труппъ. Кстати, вотъ предметъ, еще совершенно нетронутый ни нашими комическими или драматическими писателями, ни нашими романистами: я говорю о бытѣ и правахъ провинціальныхъ актеровъ въ Россіи—предметъ богатый, неисчерпаемый. Нашъ остроумный водевилистъ Д. Т. Ленскій въ своемъ «Свинчанинѣ» набросалъ, можно сказать, *на-обумъ* нѣсколько сценъ изъ этого быта, но онъ, какъ видно, совершенно незнакомъ съ нимъ, и списывалъ его съ *московскихъ* правовъ и съ *французскихъ* портретовъ. Изъ того, что мы видѣли на сценѣ изъ быта театральнаго, ничто не можетъ намъ дать понятія о бытѣ провинціальныхъ актеровъ русскихъ: страданія Кина, *идуцаго, подобно клячъ, на работу* (въ драмѣ А. Дюма) ничто въ сравненіи съ страданіями этихъ злосчастныхъ тружениковъ. Развѣ Уголно, въ *Башнѣ голода*, можетъ дать приблизительное о нихъ понятіе....

Провинціальный актеръ ничего не имѣетъ прочнаго, обезпеченнаго—ни славы, которая для него въ полномъ смыслѣ слова—дымъ, ни имущества (о богатствѣ онъ и мечтать не смѣетъ) ни даже—куска насущнаго хлѣба. Слава его не переходитъ за предѣлы того города, въ которомъ онъ играетъ, помрачаясь иногда передъ славой перваго заѣзжаго фигляра или фокусника. Все его имущество завсегда съ нимъ, по выраженію древняго мудреца—*«omnia mecum porto»*—потому—что, всю жизнь свою переѣзжая съ одного мѣста на другое, онъ не имѣетъ возможности пріютиться осѣдлымъ образомъ и, что называется, *обзавестись домикомъ*.—Насущный хлѣбъ его часто зависитъ отъ дневнаго сбора: хорошъ сборъ—онъ сытъ, нѣтъ сбора—просимъ не прогибаться! На провинціальныхъ театрахъ нѣтъ обыкновенія—а, можетъ—быть, и возможности—выдавать жалованье артистамъ въ определенное время, по окончаніи мѣсяца наприимѣръ, извѣстными кушамы; актеръ уговаривается съ содержателемъ театра, положимъ, за 600 р. въ годъ; но жалованье по-

лучаетъ отъ него не помѣсячно, а по мѣрѣ надобности съ одной стороны, по мѣрѣ возможности съ другой, когда рубль серебромъ, когда полтину, а когда и меньше, рѣдко впередъ, но всегда почти въ счетъ заслужоной имъ суммы за мѣсяцъ и за два....

Мудрено-ли послѣ этого, что актеры обѣихъ труппъ, находившихся въ Ельцѣ, отъ бездѣйствія театра, *голодали* всю Святую Недѣлю? Не примите этого слова за какую-нибудь риторическую фигуру; нѣтъ, мы употребляемъ его въ самомъ настоящемъ, въ самомъ точномъ значеніи, и подтверждаемъ истину сказаннаго замѣчательнымъ, ужасающимъ душу, но вполне достовернымъ фактомъ: находившійся въ одной изъ этихъ труппъ актеръ Лебедевъ, по несчастію, занемогшій тяжелою болѣзнію, *въ полномъ смыслѣ слова—умеръ съ голоду!!*

Что-же остается дѣлать актерамъ въ такомъ положеніи? Разумѣется, отыскивать себѣ, какимъ-бы то ни было способомъ, кусокъ хлѣба для дневнаго пропитанія и пріюта для ночлега. И вотъ они отправляются въ трактиръ, въ ресторацію, гдѣ навѣрное могутъ найти *любителей, театра*—изъ досужаго купечества. При словѣ *комедіантъ, актеръ*, въ головѣ провинціального купеческаго сына рождается мысль о смѣшномъ, веселомъ, забавномъ, или о трагическомъ, страшномъ, *раздирательномъ*; онъ радъ послушать шутокъ и куплетовъ у комика, монологовъ и трескучихъ фразъ у трагика; за все за это купеческій сыночекъ, приѣхавшій на ярмарку не только поторговать, но и погулять, готовъ щедро платить обѣдомъ, ужиномъ и виномъ. Актеръ удовлетворяетъ первой своей потребности, голоду, а потомъ, отъ нечего дѣлать, а еще болѣе съ горя, спѣшитъ развеселить себя дарами Бахуса, щедро разсыпая шутки и куплеты, съ одушевленіемъ читая трагическіе монологи. Къ ночи онъ, благодаря своимъ Амфитріонамъ, сытъ, веселъ—чего-жъ ему больше? А чтобъ не заботиться о ночлегѣ, онъ уснетъ на стулѣ, на скамьѣ, а можетъ-быть, подъ стуломъ, подъ скамьей въ этой-же самой рестораціи, если только купеческіе сыночки не повезутъ его съ собою въ какой-нибудь новый пріютъ веселія. На другой, и на третій день таже исто-

рія... И вотъ какъ гибнуть и гложуть въ провинціяхъ сценическія дарованія! *

Къ-счастію, судьба хранила молодого Садовскаго. Онъ, не-смотря на бездѣйствіе въ Ельцѣ театра, самъ не былъ безъ дѣла и написалъ для сцены занавѣсъ, съ изображеніемъ—*тюрмы*: не знаемъ была-ли это горькая шутка живописца, или фантазія содержателей труппы. Садовскій не терпѣлъ нужды, подобно своимъ товарищамъ, и слѣдовательно, не имѣлъ надобности прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ они прибѣгали. Вѣрный своему слову, онъ, не страшась елецкой неудачи, поѣхалъ съ тѣми-же содержателями труппы въ Лебедянь, хотя соперникъ ихъ предлагалъ ему впередъ жалованье.

Въ Лебедяни положеніе нашихъ странствующихъ артистовъ было еще труднѣе: въ театръ никто не шолъ, сборовъ не было никакихъ; голодъ стучался къ нимъ въ окно. Кусокъ чорнаго хлѣба да ковшъ воды (за которой актеры должны были ходить сами на рѣку)—вотъ въ чемъ состояла ихъ трапеза. Къ-счастію, отыскался здѣсь одинъ трактирщикъ, страстный любитель театра: онъ предложилъ имъ давать для него спектакли—за ужинъ. Предложеніе съ радостію было принято! И вотъ разсѣвшись съ важностію, одинъ во всей театральной залѣ, помѣщавшейся въ плохомъ балаганѣ, и освѣщенной двумя сальными огарками, лебедянской Меценатъ равнодушно смотрѣлъ и слушалъ разыгрываемые передъ нимъ комедіи и водевили, и нерѣдко, когда пѣса казалась ему скучною, онъ останавливалъ актеровъ въ самой серединѣ ея и деспотически приказывалъ запѣть всѣмъ хоромъ плясовую или ухорекую пѣсню! Разумѣется, его приказаніе тотчасъ исполнялось и трактирщикъ, довольный своими артистами, изъ Мецената превращался въ Амфитріона и надблялъ ихъ порціями щей и говядины.

Въ такомъ положеніи находились дѣла нашихъ странствующихъ артистовъ, когда на лебедянскую ярмарку

* Разумѣется, нѣтъ правила безъ исключенія, и нашъ легкій очеркъ быта провинціальныхъ актеровъ относится не ко всѣмъ актерамъ и не ко всѣмъ труппамъ.

приѣхала труппа цыганскихъ пѣвцовъ. Содержателямъ театра пришла въ голову счастливая мысль—соединиться съ цыганами и давать представленія вмѣстѣ. Эта мысль увѣичалась полнымъ успѣхомъ: лебедянская «публика» стала охотно посѣщать театръ, сборы пошли порядочные и дѣла нашихъ артистовъ поправились.

Въ ночь, на канунѣ отъѣзда изъ Лебеяни, Садовскій, не сказавшись своимъ товарищамъ, легъ спать въ особомъ сараѣ и заспался. Рано на разсвѣтѣ вся труппа двинулась въ походъ, кромѣ Садовскаго, котораго никакъ не могли отыскать. Представьте-же его положеніе, когда, пробудившись послѣ пріятнаго сна, онъ вдругъ видитъ себя оставленнымъ въ чужомъ городѣ и безъ гроша денегъ! Дѣлать нечего,—надобно какъ-нибудь догонять товарищей. Садовскій отправляется пѣшкомъ. На дорогѣ попался ему мужикъ съ возомъ, наполненнымъ телячьими и другими копытами, костями и подобными матеріалами, изъ которыхъ вывариваютъ клей. Садовскій упросилъ кое-какъ мужичка—посадить его съ собою на возъ и такимъ образомъ успѣлъ догнать своихъ товарищей, которые, благодаря кулисамъ и другимъ театральнымъ принадлежностямъ, не могли ѣхать скоро.

Но мы не станемъ слѣдить за всѣми странствованіями и переходами Садовскаго изъ одного города въ другой, изъ одной труппы въ другую. Воронежъ, Тамбовъ, Тула, Казань и многіе уѣздные города попеременно служили полемъ его сценической дѣятельности. Долѣе всего пробылъ онъ въ Казани (полтора года), въ труппѣ Соколова. Соколовъ сдѣлалъ его режиссеромъ и не давалъ играть ему почти никакихъ ролей. Въ 1838-мъ году въ Казань приѣхалъ нашъ геніальный артистъ М. С. Щепкинъ. Отъ зоркаго взора его не укрылся талантъ Садовскаго.... Въ свой бенефисъ далъ онъ ему нѣсколько ролей, въ которыхъ Садовскій увѣичался полнымъ успѣхомъ. Послѣ того Щепкинъ упросилъ содержателя театра, чтобы Садовскому дали другія роли, и самъ помогалъ молодому артисту совѣтами и наставленіями. Это вниманіе и участіе заслужоннаго артиста ободрило и оживило юношу, а кратковременные уроки его принесли много пользы.

Въ 1839-мъ году Садовскій изъ Рязани приѣхалъ въ Москву, съ полнымъ намѣреніемъ попробовать счастья на столичномъ театрѣ. Онъ обратился къ А. Н. Верстовскому съ просьбою принять его въ труппу Императорскихъ актеровъ. Надежнѣйшей рекомендаціей молодому актеру служилъ М. С. Щепкинъ. Для испытанія назначенъ былъ спектакль въ Школѣ, подъ руководствомъ Щепкина, и Садовскій, какъ мы уже сказали въ началѣ статьи, явился въ роли Жано Бижу, въ водевилѣ *Любовное зелье*.

Итакъ въ нынѣшнемъ 1843-мъ году минуло четыре года, какъ Садовскій находится на московской сценѣ. Въ эти четыре года, постоянными стараніями и любовію къ искусству, онъ успѣлъ снискать и удержать за собою любовь публики, наравнѣ съ лучшими артистами московскими. Внимательная Дирекція Театровъ неоднократно награждала труды и усердіе его прибавкою жалованья.

Амплуа Садовскаго слишкомъ обширно и разнообразно. Пока трудно сказать, какого рода роли наиболѣе приличны характеру его таланта. * Простота, натура, благородство и какой-то особенный, ему свойственный юморъ—вотъ отличительныя черты игры его. Садовскому двадцать пять лѣтъ отъ роду: слѣдовательно, дарованіе его находится еще на степени развитія. До-сихъ-поръ онъ игралъ легкія комическія роли, и, не-смотря на это, въ каждой изъ нихъ видно творчество, созданіе, что-то *свое*, хотя многія изъ этихъ ролей занималъ онъ послѣ Щепкина и Живокина: изучая игру своихъ предшественниковъ, онъ не увлекается однакожъ подражаніемъ, не копируетъ съ нихъ, а это—важное достоинство въ молодомъ, почти только-что начинающемъ свое поприще артистѣ.

Дай Богъ, чтобы въ душѣ нашего художника не угасала любовь къ своему искусству! Ученіе разовьетъ и усовершенствуетъ то, что дала ему натура, а учиться на московской сценѣ есть у кого... Таланту Садовскаго откры-

---

* На приложенномъ портретѣ Садовскій изображенъ въ роли Ламповщика, въ драмѣ П. П. Каменскаго: «Гаррикъ».

вается поприще обширное.... Будетъ надъ чѣмъ поработать, попробовать силы. Передъ его глазами—прекрасный примѣръ гениальнаго артиста; у него можетъ онъ научиться не только тому, какъ играть на сценѣ, но и тому, какъ должно любить свое искусство и воздѣлывать его. Счастливъ молодой художникъ, которому судьба даровала возможность пользоваться такимъ примѣромъ!...

В. МЕЖЕВИЧЪ.

Москва.
19-го июля.
1843.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

§ 15.

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ *

Степень художественности всякаго произведенія опредѣляется критикою. Критика есть слѣдствіе стремленія человѣческаго духа къ прекрасному и истинѣ, — двумъ условіямъ, которые въ нераздѣльномъ соединеніи составляютъ идеаль изыщнаго, въ чемъ-бы это изыщное ни проявилось: въ словахъ, краскахъ, мраморѣ. Но какъ-же дѣйствуетъ критика произнося свое сужденіе о какомъ-нибудь произведеніи? Она наблюдаетъ степень его приближенія къ идеалу и большее или меньшее разстояніе отъ идеала, рѣшаетъ большую или меньшую художественность произведенія. Сущность прекраснаго одна и неизмѣнима, какъ душа, въ какомъ-бы вѣкѣ, въ какихъ-бы формахъ оно ни проявилось, потому-что оно-то и есть душа, вливающая жизнь въ холодный мраморъ, въ

* Съ величайшимъ удовольствіемъ печатаемъ эту статью въ нашемъ изданіи хотя она писана противъ статьи, въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» помѣщенной. Редакція не можетъ принимать на свою отвѣтственность справедливости всѣхъ замѣчаній, какія присылаются ей о провинціальныхъ театрахъ, ибо не можетъ повѣрить этихъ замѣчаній собственными наблюденіями; но считая успѣхи провинціальныхъ театровъ въ Россіи вообще дѣломъ важнымъ для успѣховъ сценическаго искусства въ нашемъ отечествѣ, мы съ благодарностію принимаемъ и печатаемъ все, что доставляется намъ касательно этого предмета. *Ред.*

мертвое полотно, въ безсмысленный звукъ, изъ котораго оно производитъ видимое и слышимое слово, понятный мотивъ. Опредѣленіе критики—какъ стремленія къ истинѣ и прекрасному, и неизмѣнность прекраснаго, обуславливаютъ три необходимыя принадлежности критики, безъ которыхъ она всегда будетъ или безсмысленнымъ лепетомъ младенца, протягивающаго руки къ огню, или бредомъ сумасшедшаго, вообразившаго себѣ свою шляпу луною, или наконецъ (низшая ступень, на которую можетъ низойти критика) профанаціею чувства изящества, которое изъ лучшаго дара небесъ людямъ, становится тогда коммерческимъ расчетомъ, ведущимъ къ эгоистической цѣли, годной въ мелкихъ расчетахъ жизни, но недостойной и презрительной въ дѣлѣ прекраснаго. Эти принадлежности критики: чувство изящнаго, облагородствованіе и утонченіе этого чувства наукою, размышленіемъ и изученіемъ образцовъ, наиболѣе приближающихся къ своимъ идеаламъ, наконецъ—безпристрастіе. Безъ того критика будетъ не судіею, строгимъ, но умнымъ и добросовѣстнымъ, а негромъ, выдающимъ идеалъ красоты въ толстыхъ губахъ и сплюснутыхъ глазкахъ; крестьяниномъ, не издавшимъ ничего выше своей деревенской трехсаженной колокольни, или наконецъ—лавочникомъ, разхваливающимъ свой гнилой товаръ, съ цѣлю отъ него поживиться....

Драматическая критика труднѣе всякой другой. Книга, опера, статуя, картина остаются и говорятъ за себя сами. Но исполненіе роли актеромъ, минута вдохновенія, воссоздавшая и преобразившая художника на сценѣ, исчезаютъ неуловимо; только память и впечатлѣніе, произведенное игрою, остаются основою сужденія. Какъ легко воспользоваться этою мгновенностію проявленія художественности для того, чтобы передать публикѣ свой близорукой взглядъ, чтобы ввести ее въ заблужденіе своими односторонними сужденіями, не основанными на чувствѣ изящнаго и опытности, сужденіями, которыя точкою сравненія имѣли предметъ, не только неизмѣримо далеко отстоящій отъ идеала, но даже такой, который давно и повсемѣстно записанъ въ разрядъ посредственности. Такое

заблужденіе можетъ происходить или отъ нищеты чувства изящнаго, или отъ увѣренности, что не было, нѣтъ и не будетъ существа достойнѣе муравья нашего муравейника; это еще простительно. Невиновать слѣпой отъ рожденія, что всѣ цвѣта съ ихъ переливами и оттѣнками для него не существуютъ. Слепой только не долженъ былъ-бы говорить о цвѣтахъ. Но простительно-ли надѣяться на неумолимость и переходчивость вдохновенія артиста, на недостатокъ осязательныхъ уликъ, которыя могутъ обмануть довѣрчивость читателей, потому-что игра актера пролетѣла, исчезла какъ молнія, и имъ остается одна поѣрка истины: довѣренность къ вашимъ словамъ.

Да! преимущественно въ драматической критикѣ краеугольнымъ камнемъ должно быть безпристрастіе, или, если хотите, пристрастіе, къ изящному только, но не къ стройному росту, гибкости стана, не къ семнадцати-лѣтнему возрасту и глазамъ....

Какъ-же должна писаться драматическая критика? Въ ней не должно быть бездоказательныхъ словъ: «онъ былъ дурень въ этой драмѣ»; «въ этой комедіи она была превосходна». Скажите бездоказательно, что такая-то книга дурна, (что и дѣлаютъ иногда наши журналы, конечно не изъ стремленія къ истинѣ) всякій можетъ прочесть ее и улыбнуться на ваши сужденія. Но если вы говорите объ актерѣ, то говорите-же, что онъ дѣлалъ и почему игра его не соответствовала требованіямъ художественности, а не представляйте изъ себя ареопага, говорящаго: «она прекрасна!» «онъ уродъ»? Покажите намъ портреты вашихъ артистовъ, или, по-крайней-мѣрѣ, попытайтесь передать ихъ въ разсказѣ; иначе ваше сужденіе будетъ только—сводъ нелѣностей, неумѣстныхъ въ дѣлѣ искусства.

Взглянемъ, удовлетворяетъ-ли условіямъ критики статья г-на А. Д.? Артистовъ исчисляетъ онъ по номерамъ: № 1, 2, 3; но это прилично, кажется, не драматическому критику, а носильщику райка, который (также, правда, съ миною критика) провозглашаетъ своимъ зрителямъ: «№ 1, Взятіе Варны.... Турки валются какъ чурки».... «№ 2, Татарыцъ на боку просить табаку».... и т. д....

Эту нумерную систему разбора принялъ г. А. Д. потому, что не могъ раздѣлить ихъ на драматическіе и комическіе или водевильные таланты, ибо, говоритъ онъ про артистовъ: «здѣсь высокій (замѣтьте) драматизмъ одушевляетъ игру его, и что-же? вслѣдъ за тѣмъ этотъ самый трагикъ кривляется; площадной (пожалуста замѣтьте) комизмъ достается ему въ удѣлъ....» Далѣе говоритъ г. А. Д., что «каждый изъ нихъ за все берется» и потомъ, въ разборѣ, во многихъ изъ нихъ находитъ таланты.... По законамъ ума это называется противорѣчіемъ и несообразностію, потому-что талантъ сознаетъ свои силы и средства, и не возьмется не за свое дѣло. Если даже неимѣющей понятія объ искусствѣ режиссеръ и даетъ актеру роль, ему несвойственную, то, по-крайней-мѣрѣ, этотъ актеръ, если только въ немъ есть талантъ, не перейдетъ изъ высокаго въ площадное, а будетъ только посредственъ. Это мы подтвердимъ примѣромъ гг. Мочалова и Каратыгина: мы видѣли ихъ и въ комедіи и въ водевилѣ, въ которыхъ, конечно, они не увлекали и не восторгали насъ, какъ въ драмѣ, но въ которыхъ игра ихъ сохраняла всегда свое обычное благородство и достоинство.

Особенно распространяется г. А. Д. о двухъ артистахъ: дѣвицѣ Протасовой и г-нѣ Ленскомъ, которымъ удѣлилъ онъ не по нѣскольку строчекъ, какъ другимъ, но по двѣ страницы. Стало-быть г. Ленскій и дѣв. Протасова первые артисты харьковской труппы, потому-что успѣли привлечь на себя такое исключительное вниманіе со стороны г-на А. Д? Нѣтъ, г. Ленскій, по словамъ рецензента, «такъ себѣ, середка на половинѣ» т. е. посредственность; такъ стоить-ли и естественно-ли распространяться о посредственности, и говорить съ нею дольше и больше, чѣмъ съ истинными талантами? Это что-то непонятно; это похоже какъ будто-бы на отступленіе.... отъ третьяго условія критики.

Поговоримъ сначала о дѣвицѣ Протасовой, потому-что статья о ней харьковскаго критика написана съ увлеченіемъ, съ восторгомъ, съ четырьмя строчками точекъ, съ приведеніемъ перефразировки одного куплета изъ «Си-

ничкина» въ такіе стихи, въ конхъ истина выдается впередъ также рѣзко, какъ въ слѣдующихъ:

Въ свѣтлой мрачности блистающихъ огней
Явился темный свѣтъ отъ солнечныхъ лучей.

и потому, что вся эта статья гораздо больше сбивается на апофеозъ, нежели на критическую статью.

«Первое мѣсто между ними» (артистками) начинается г. А. Д. «безспорно принадлежитъ дѣв. Протасовой. Кто видѣлъ ее п-г-жу Млотковскую на сценѣ, рядомъ; въ одной пьесѣ, или лучше, въ одной и той-же роли, тотъ ни на минуту не замедлитъ отдать ей преимущество предъ знаменитой ветеранкой. Кто видѣлъ ее въ.... (исчисленіе ролей, занимаемыхъ дѣв. Протасовою) тотъ, вѣрно, согласится съ нами, что драматическій характеръ юной артистки выше всякаго сравненія и сравненія съ кѣмъ-бы то ни было....» Кромѣ лирическаго восторга, одушевляющаго эту тираду, мы видимъ еще въ ней, что г. А. Д. обращается только къ тѣмъ, которые видѣли дѣвицу Протасову. Но развѣ область критики ограничивается однимъ городомъ? Развѣ сужденіе г-на А. Д. писано только для посѣщающихъ харьковскій театръ? Въ такомъ случаѣ, къ чему печатать въ журналѣ, который издается въ Петербургѣ и оттуда расходится по множеству другихъ городовъ? Не лучше-ли было-бы переписать и разослать къ посѣтителемъ харьковскаго театра? А если печатать, то печатать въ харьковскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Стало-быть, не издавшіе дѣвицы Протасовой имѣютъ полное и неотъемлемое право не соглашаться съ авторитетомъ г-на А. Д., потому что г. А. Д. все-таки не Шлегель и не Менцель, не Плавшъ и не Низаръ. Еще хотѣлось-бы узнать, что такое называетъ г. А. Д. драматическимъ характеромъ юной артистки? Вѣрно ея игру, потому что критика должна судить о сценическихъ, а не о семейныхъ способностяхъ артистки; о ея дарованіяхъ на сценѣ, а не любезности въ домашнемъ быту. Но прочитайте, пожалуйста, еще разъ со вниманіемъ, прочитайте окончаніе этой тирады: «тотъ,

вѣрно, согласится съ нами, что драматическій характеръ юной артистки выше всякаго сравненія и сравненія съ кѣмъ-бы то ни было....» Написавши: «съ кѣмъ-бы то ни было», г. А. Д. какъ-будто хочетъ сказать, что видѣлъ всѣхъ нашихъ лучшихъ артистовъ и артистокъ; иначе—съ кѣмъ-бы онъ вздумалъ сравнить дѣвицу Протасову? Какую точку сравненія выбралъ-бы онъ? Не дѣвицъ-же Емельяновыхъ, Ивановыхъ и Фениксъ, которыя — какъ онъ говоритъ — прекрасно изображаютъ народъ. А если точно онъ изучилъ г-жъ Алланъ, Бауеръ, Шарлоту Гагнъ, Бурбье, Каратыгину, то какъ благодарны должны быть Алланъ, Бауеръ, Гагнъ, Бурбье и Каратыгина, что однимъ мощнымъ дуновеніемъ, г. А. Д. поставилъ ихъ далеко ниже сравненія съ дѣвицею Протасовою. Потомъ г. А. Д. говоритъ: «чтобъ только исчислить, когда и гдѣ чаруетъ насъ артистка, нужно удвоить, утроить, удесятерить объемъ статьи....» Сохрани Богъ! Еслибы вы г. А. Д. не только удесятерили, но въ десять разъ удесятерили объемъ вашей статьи, — и тогда изъ нея узнали-бы мы только одно, что у дѣв. Протасовой стройный ростъ, гибкій станъ, что ей семнадцать лѣтъ * (несчастная мамзель Марсъ! что еслибы увидѣлъ ее г. А. Д?) и что у нея глаза.... не знаемъ право какіе, потому-что въ этомъ мѣстѣ статьи г. А. Д. поставилъ четыре строчки точекъ. При удесятереніи ея объема, это составило-бы сорокъ строчекъ, что по нашему мнѣнію удесятерило-бы ея легкость и занимательность.

Выскажемъ теперь безпристрастно наше мнѣніе объ игрѣ дѣв. Протасовой. Что игра ея далеко отстаеетъ отъ игры г-жи Млотковской, въ чемъ наоборотъ хотѣлось увѣрить публику г-ну А. Д., то это уже явно изъ того, что гибкость и разнообразіе ** таланта г-жи Млотковской даютъ ей рѣшительный перевѣсъ надъ утомительнымъ однообразіемъ и сухостію дѣв. Протасовой. Если чувство

* Это напоминаетъ отзывъ Синичкина о своей дочери: «ей 16 лѣтъ и 3 мѣсяца».

** Что, какъ потомъ увидимъ, говоритъ самъ рецензентъ.

и одушевленіе признано однимъ изъ первыхъ достоинствъ артиста, то дѣв. Протасова не только не выше сравненія съ гѣмъ-бы то ни было, но далеко и очень далеко ниже г-жи Млотковской. Дѣвица Протасова вездѣ одна: въ *Маріи* «Елена Глинская» она похожа на герцогиню *Оливію*, «Смерть или Честь»—въ дочери Лира «Король Лиръ» на дочь отца, «Отецъ и Дочь» тогда, какъ г-жа Млотковская умѣетъ рѣзко отгѣнить характеръ каждой роли. Убийственное однообразіе игры дѣв. Протасовой, мимика, лишенная благородства и естественности, и безпрестанныя ненатуральныя и неумѣстныя всхлипыванія, которыя прекрасно охарактеризованы именемъ *драматической икоты*, и похвалы г-на А. Д. вотъ всѣ права ея на имя драматической талантливой артистки. Возьмите на выдержку одну изъ ея ролей, на-примѣръ: роль герцогини *Оливін*; возьмите ту сцену, въ которой болѣе страсти и драматическаго движенія, нежели въ другихъ сценахъ (т. е. въ IV актѣ, въ сценѣ съ Гюгомъ Бидерманомъ): кромѣ того, что она нисколько не походила на герцогиню, она вела эту сцену холоднымъ тономъ, пересыпая ее драматическою икотю, и тутъ даже ошибалась, потому-что что употребляла всхлипываніе и икоту не тамъ, гдѣ дѣйствуетъ увлеченіе страсти, * а тамъ, гдѣ душа, уже утомленная порывами страсти, не можетъ выразаться воплями и криками **. Что это показываетъ? Отсутствіе драматическаго такта, безъ котораго быть талантливымъ артистомъ невозможно. Въ лицѣ дѣв. Протасовой, хотя прекрасномъ, нѣтъ никакой игры; оно принимаетъ только два отгѣнка выраженія: или жалобную слезливость, или насильственную улыбку веселости,—что очень похоже на двѣ, всѣмъ извѣстныя французскія литографіи: *Jean qui pleure, et Jean qui rit*. Но въ нашемъ вѣкѣ и дѣти знаютъ, что для ар-

* Напримѣръ: въ X явленіи IV акта: «Зачѣмъ вы здѣсь, Графъ? бѣгите, бѣгите, ради Бога бѣгите!» произнесла она тономъ удивленія, какъ-будто ждала его.

** Напримѣръ: въ томъ-же явленіи: «Я ручаюсь тебѣ за него; клянусь тебѣ, умоляю тебя» она произнесла эти слова съ воплемъ и крикомъ, зная, что графъ идетъ къ ней, и, можетъ-быть, уже стоитъ у двери.

тиста нужна не красота, происходящая отъ правильности чертъ, но выразительная и подвижная фізіономія, способная отражать всѣ порывы страсти, всѣ мимолетныя движенія чувства, точно также, какъ зеркало водъ отражаетъ все, — берега и мѣсяцъ, темный лѣсъ и бѣлый парусъ, звѣзду, вспыхнувшую въ синевѣ неба, и грозную тучу, и облачко, быстро пролетѣвшее по небосклону; иначе отчего-же не плѣняются прекрасно-вылитую восковою статуею, а плѣнились Лекепомъ, который былъ дурень такъ, что женщины пугались, встрѣтившись съ нимъ? И тѣ-же самыя женщины находили его на сценѣ красавцемъ, когда сильное чувство овладѣвало имъ, придавало всѣмъ чертамъ его игру страсти, и преображало его въ окружное блескомъ таланта созданіе.

О, какъ жаль, что живописецъ не можетъ схватить въ одно мгновеніе и передать полотну всѣ выраженія лица артиста съ истиннымъ талантомъ! Сколько портретовъ Мочалова имѣли-бы мы изъ одного Гамлета, — портретовъ, изъ которыхъ въ каждомъ видѣли-бы мы Мочалова и изъ которыхъ ни одинъ не былъ-бы похожъ на другой выраженіемъ. Мы увидѣли-бы самаго Гамлета во всѣхъ періодахъ его жизни.... увидѣли-бы грустный, къ небу возведенный взоръ страдальца и раздумье сомнѣнія на челѣ челоуѣка, задающаго себѣ темный вопросъ о замогильныхъ тайнахъ, и горькую улыбку презрѣнія, и гнѣвъ грознаго мстителя, и нѣжный, молящій взоръ любовника.... Что, если бы живописецъ съ талантомъ вздумалъ изобразить такимъ образомъ хоть мечтательный портретъ Гамлета?

Винноваты въ увлеченіи, и чтобы хоть нѣсколько охладить его, перейдемъ къ тому, что заключительно хотѣли сказать о дѣвицѣ Протасовой.

При всей невыразительности лица дѣв. Протасовой, она могла-бы быть хорошей водевильной актрисой, потому-что водевиль, изображая повседнежныя, преимущественно комическія событія жизни, и актеру и зрителю доступнѣе драмы, (не по этому-ли на всѣхъ театрахъ болѣе поклонниковъ водевилей, нежели драмъ?) и не требуетъ отъ актера представленія того, что можетъ быть

угадано и передано только истиннымъ талантомъ. Повторяемъ, она могла-бы быть, еслибы въ позахъ, мимикѣ и вообще во всей игрѣ своей сохраняла болѣе благородства, и главное, не прибѣгала-бы часто къ насильственному смѣху, который въ лицѣ показываетъ не веселость, требуемую водевилемъ, а только судорожное сокращеніе мускуловъ, причѣмъ сильныя раскаты ея напряженнаго хохота производятъ очень непріятное впечатлѣніе на зрителя, очарованнаго ни стройнымъ ростомъ, ни гибкимъ станомъ, ни семнадцати-лѣтнимъ возрастомъ, ни четырьмя строчками точекъ.

Не знаемъ, почему вздумалось г. А. Д. вредить молодой артисткѣ, которая при болѣшемъ образованіи могла-бы улучшить свою игру, отвыкнуть отъ всѣхъ выходовъ, избочающихъ недостатокъ изученія должныхъ образовъ, могла-бы сдѣлаться со-временемъ довольно хорошею водевильной актрисой, потому-что апоэозъ, воспитаній г. А. Д. дѣвицы Протасовой никого не введетъ въ заблужденіе; онъ, явно, насмѣшка, потому-что писать объ артисткѣ, только-что начинающей свое поприще, что она выше сравненія съ кѣмъ-бы то ни было, — это... чѣмъ назовете вы, какъ не желаніемъ уронить ее? Хорошо, если дѣв. Протасова приметъ вашу статью объ ней за то, что она въ самомъ дѣлѣ есть, — за насмѣшку; но если, увлеченная неопытностію самолюбія, свойственнаго всѣмъ артистамъ, тѣмъ-болѣе посредственнымъ, она допуститъ убаюкать себя вашими похвалами, пренебрежетъ дальнѣйшимъ изученіемъ своего искусства—и, убѣжденная въ своей геніальности, не пойдетъ далѣе, и останется навсегда тѣмъ, что она теперь, т. е. актрисой, знающей твердо только свою роль?... Стыдно г. критикъ, стыдно; критика должна возбуждать дарованіе, а не убивать его при самомъ началѣ.

Перейдемъ теперь къ г-ну Ленскому, о которомъ г. А. Д. говоритъ, что «онъ молодой, ловкій, красивый собою мужчина; что онъ выше посредственности только въ роляхъ обманутыхъ любовниковъ, но душень въ изображеніи свѣтскихъ львовъ.» (Стало-быть въ Харьковѣ есть львы и не свѣтскіе?) Потомъ онъ говоритъ ему:

«Вы созданы разыгрывать людей съ страстишками обыкновенными, съ характеромъ посредственнымъ, съ душою меленькой, и все мной сказанное не трудно осуществить».... Это до того трудно понять, что врядъ-ли г. Ленскій возмется осуществить то, что ему совѣтуетъ г. рецензентъ, и что едва-ли самъ онъ понимаетъ. Далѣе: «Вы не можете изобразить сильныхъ, страстныхъ чувствъ, потому-что онѣ васъ задавили-бъ, уничтожили, потому-что еслибы вы сами въ натурѣ имѣли ихъ—онѣ вамъ были-бъ въ тягость». Какое удивительное докторское знаніе натуры г. Ленскаго! Странное дѣло, — удивительно!

Потомъ говоритъ г. А. Д. Ленскому: «Вамъ недоступно, что непонятно». Въ такомъ случаѣ какъ недоступна читателямъ вся статья г. А. Д.

Вѣрно г. А. Д. самъ чувствовалъ, что въ статьѣ своей далеко увлекся желаніемъ унижить г. Ленскаго, и рѣшился похвалить его, — но какъ? Изъ всѣхъ ролей, выполняемыхъ г. Ленскимъ, выбралъ онъ роль Филатки; объ ней распространился онъ соп амого. Мы не винимъ г. А. Д., потому-что онъ, какъ видно, очарованъ этой пьесой, и говоритъ, что, видѣвши г. Ленскаго разъ Филаткой, ни въ чемъ другомъ не захочетъ его видѣть; стало-быть, это чувство эгонстическое, и онъ, находя въ этой пьесѣ совершенство, желалъ-бы безпрестанно ея повторенія. Конечно, есть нѣсколько любителей Филатокъ и Мирошекъ (о вкусахъ не спорять!) но вѣдь эти люди — исключеніе. Филатка и Мирошка дается на всѣхъ театрахъ; въ каждомъ городѣ дирекція или антрепренеръ должны потѣшать низшій слой общества, и потому эта пьеса дается въ праздничные дни, когда свободны отъ занятій рабочій народъ и школьники, бѣгущіе въ театръ, пахъвая изъ Филатки:

Полно азбукъ учиться, —

Букваремъ башку ломать!

Одно изъ главныхъ обвиненій, взводимыхъ на г. Ленскаго г-мъ А. Д., состоитъ въ томъ, что будто-бы г. Ленскій оказываетъ неуваженіе публикѣ, не повторяя

нѣкоторыхъ куплетовъ при крикѣ *фора*. Намъ кажется, напротивъ, что г. Ленскій въ этомъ случаѣ правъ передъ лучшею частию публики. Онъ конечно знаетъ, что, исключая единодушнѣйшій вызовъ, произведенный обаятельнымъ вліяніемъ таланта на зрителей, — большая часть вызововъ и *фора* вылетаетъ изъ широкихъ гортаней хлопальщиковъ и крикуновъ, которымъ или нужно *такое-то* вызвать, или нравится пошлая двусмысленность, кажущаяся верхомъ остроумія. Передъ этою частию публики г. Ленскій конечно виноватъ; но онъ утѣшится одобреніемъ другой, лучшей ся части, которая благодарна ему за то, что онъ избавляетъ ее отъ повторенія куплетовъ, которые возбуждаютъ такой шумный восторгъ въ райкѣ.

На всѣ замѣчанія г-на А. Д., будто-бы г. Ленскій кривляется, почесываетъ затылокъ, трясетъ головой, хватается всѣхъ за руки, — мы отвѣтимъ, что, вѣроятно, г. А. Д. смотрѣлъ на г-на Ленскаго особеннымъ взглядомъ, только не безпристрастнымъ, потому-что всякій, прочитавшій статью г-на А. Д., не можетъ не увидать, что она писана подлѣ вліяніемъ «замысловъ высокихъ, желаній, которымъ нѣтъ предѣловъ, страстей все заглушающихъ».... все, даже добросовѣстность.

Г. Ленскій, актеръ съ дарованіемъ. Что г. А. Д. судилъ о немъ пристрастно, вы видите изъ того, что въ статьѣ своей, гдѣ всѣми силами старался унижить г. Ленскаго, онъ проговорился и невольно отдалъ ему нѣсколько справедливости, назвавши его необходимымъ лицомъ въ водевилѣ и артистомъ недюжиннымъ; и послѣ этого онъ совѣтуетъ ему играть преимущественно Филатку. Стало-быть, по понятіямъ г-на А. Д., необходимое лицо водевиля создано для ролей Филатокъ? Жалкія понятія!

Повторяемъ: г. Ленскій — актеръ съ дарованіемъ, хотя его единственное амплуа есть водевильное; его не-принужденность и развязность, умѣнье, хоть не со вкусомъ, но прилично одѣться, взойти и выйти, наконецъ пріемы и манеры, нисколько не отличаютъ его отъ тѣхъ

* Въ драмахъ г. Ленскій очень неудовлетворителенъ.

свѣтскихъ львовъ, съ которыхъ примѣръ совѣтуетъ ему брать г. А. Д. Чтобы показать различіе между г-мъ Ленскимъ, униженнымъ, и г-жею Ленскою, (т. е. дѣвицею Протасовою, которая вышла замужъ за г-на Ленскаго) превознесенной харьковскимъ рецензентомъ, скажемъ, что на столичномъ театрѣ г. Ленскій все-таки былъ-бы вовсе не лишнимъ актеромъ, а г-жа Ленская играла-бы только за *большію дружбу актрисы*.

Четвертымъ номеромъ по достоинству (т. е. по номерамъ) идетъ у г-на А. Д. г. Соколовъ, режиссеръ харьковской труппы. По словамъ г-на рецензента, г. Соколовъ «распредѣляя роли для другихъ, никогда себя не задѣлываетъ: берется лишь за тѣ, что можетъ выполнить и, должно сказать правду—выполняетъ превосходно». Взглянемъ-же теперь, какъ онъ никогда себя не задѣлываетъ, и берется лишь за тѣ, что можетъ выполнить. Онъ надѣлываетъ себя ролями: Мейнау, «Независть къ людямъ и раскаяніе» и Копѣйкина «Искусство не платитъ за квартиру»; Руджіеро, «Уголино» и Трактирщика «Десятижелезецъ»; Анжелю «Венеціанская актриса» и Маглуара «Вотъ такъ пилули»; Скупаго и Дѣдушку «Дѣдушка Назаръ Андреевичъ» т. е. онъ можетъ выиграть все эти роли, потому-что за нихъ берется. О! да это талантъ-Протей, талантъ всеобъемлющій, потому-что роли столь разнообразныя выполняетъ не только хорошо, но даже превосходно. Удивительно, что при такомъ разнообразіи таланта г. Соколовъ донинѣ не приобрѣлъ себѣ извѣстности въ Россіи; будь онъ въ-самомъ-дѣлѣ такъ всеобъемлющъ—онъ былъ-бы театральнымъ Гумбольдтомъ.

Это тоже что-то въ родѣ безотчетныхъ похвалъ. Напротивъ того амбуа г-на Соколова довольно легкое и однообразное; все-же исчисленные нами роли онъ играетъ единственно потому, что онъ режиссеръ, или иначе: себя не задѣлываетъ и берется лишь за тѣ, что можетъ выполнить, какъ говорятъ г. А. Д., превосходно.

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ пьесъ, хорошъ онъ только въ роли Назара Андреевича—старичка, выжившаго изъ ума отъ старости и потому позволяющаго себя дурачить. Вообще, ему удаются роли стариковъ, въ кото-

рыхъ онъ точно недуренъ, но въ роляхъ драматическихъ онъ ниже посредственности; напримѣръ: въ «Ненависти къ людямъ», изъ глубоко оскорбленнаго въ своихъ лучшихъ надеждахъ и вѣроваціяхъ человѣконенавистника Мейнау, человѣка съ характеромъ — онъ сдѣлалъ какого-то исключеннаго изъ службы чиновника, который груститъ о потерѣ не имени и чести, а трехъ-сотъ рублей жалованья. Видя его на сценѣ, вмѣстѣ съ своимъ слугою, мы невольно подумали, что Мейнау, скрываясь изъ ненависти къ людямъ, усвоилъ все приемы камердинера.

Мы говорили о г-нѣ Соколовѣ, какъ объ актерѣ; скажемъ теперь объ немъ, какъ о режиссерѣ: онъ не задѣляетъ никого, потому-что не забываетъ себя; только женскихъ ролей не беретъ онъ на себя; кажется, почему-бы не испробовать? Ростъ его не противорѣчитъ женскимъ ролямъ Хотите-ли видѣть еще образчикъ его понятій о театрѣ. Во время отсутствія изъ Харькова г-на Млотковскаго, который, по своимъ вѣрнымъ понятіямъ, не допустилъ-бы этой неаппетитности, онъ и своего шестилѣтняго сына не обдѣлилъ ролью, заставивъ его въ «Аскольдовой Могилѣ» пѣть малороссійскія пѣсни. Удивительное чадолюбіе! объ немъ говорятъ и харьковскія губернскія вѣдомости. Вотъ такъ ужъ ненависть къ людямъ, т. е. къ зрителямъ!

Девятымъ, т. е. предпоследнимъ номеромъ, идетъ у г-на А. Д. г. Бабанинъ, потому-что Гг. Корытный, Ивановъ, Жолкевскій, безъ номеровъ — такъ-себѣ — проигранные билеты въ доттереѣ. Г. А. Д. говоритъ, что не ошибается, предпочитая «новые фарсы и площадной» комизмъ Домбровскаго, хотя и не завидному, но все-таки таланту драматическому Бабанина». Въ такомъ случаѣ

* № 2-й 1843 года, января 9-го.

** Кстати — о словѣ площадной: можетъ-быть г. А. Д. производитъ это слово отъ площади древнихъ — forum — гдѣ происходили важнѣйшія совѣщанія, гдѣ гремѣли ораторы и рѣшалась судьба царствъ? Тогда мы виноваты предъ г-мъ А. Д... По-крайней-мѣрѣ, у насъ это слово происходитъ отъ слова *площадь*, означающаго толкучій рынокъ въ Москвѣ, Щукинъ дворъ въ Петербургѣ и *Marché aux roux* въ Парижѣ.

мы отказываемся отъ состязанія съ критикомъ, который предпочитаетъ пошлые фарсы и площадной комизмъ таланту, хотя и незавидному, и скажемъ только нѣскольکو словъ о г-нѣ Бабанинѣ. Г. Бабанинъ, хотя и не владѣетъ сильнымъ талантомъ, однако занимаетъ едва-ли не первое мѣсто между провинціальными актерами*. Кромѣ-того, что онъ понимаетъ и изучаетъ свои роли, — онъ не портитъ ихъ никакою несообразностію и нелѣпостію, какъ то дѣлаетъ г. Соколовъ; у него выдаются сцены, которыя онъ ведетъ съ одушевленіемъ, что доказываетъ, что при бѣльшихъ средствахъ и бѣльшей звучности голоса онъ былъ-бы хорошимъ актеромъ.

Г. Алексѣевъ, котораго г-нъ А. Д. разбиралъ какъ pendant къ Ленскому, давно удалился съ харьковской сцены. Мы его не видали; но если въ сужденіяхъ о игрѣ его столько-же правоты, сколько въ сужденіяхъ о г-нѣ Ленскомъ, то г. Алексѣевъ долженъ быть недурнымъ актеромъ.

Всего болѣе не понравилось г-ну А. Д. то, что Алексѣевъ принялъ на себя роль жениховъ. Ей Богу не понимаю, какое до этого дѣло г-ну А. Д., особенно если Алексѣевъ находилъ себя способнымъ!

На счетъ Домбровскаго согласны мы съ г-мъ А. Д., потому-что въ-самомъ-дѣлѣ г. Домбровскій прибѣгаетъ часто къ фарсамъ; въ этомъ случаѣ онъ идетъ въ сравненіе съ Живокини гораздо болѣе, нежели г. Бобровъ, котораго г. А. Д. называлъ харьковскимъ Живокини. Въ г-нѣ Бобровѣ кромѣ фарсерства замѣтны зачатки истиннаго комизма, которые не развились только за немѣніемъ передъ глазами достойныхъ образцовъ.

Г-жа Бордакова, про которую г. А. Д., желая что-то сказать — не сказалъ ничего, для харьковскаго театра актриса необходимая; если у нея нѣтъ ролей, въ которыхъ она была-бы положительно прекрасна, то нѣтъ и такихъ, въ которыхъ была-бы положительно дурна; у ней много отнимаетъ чрезмѣрно высокій ростъ и кака-то неуверенность въ самой себѣ на сценѣ; за то передъ другими актрисами (кромѣ г-жи Млотковской, о которой поговоримъ

* Расхваленнаго Рыбакова я не видалъ.

подробнѣе, какъ объ актрисѣ вполне заслуживающей вниманія) она имѣетъ то преимущество, что говоритъ чистымъ русскимъ языкомъ; она не скажетъ: *принцъ*, или *встрѣлся*, а говоритъ: *принцъ* или *встрѣтился*.

О дѣвицѣ Балабановой, г. А. Д., ожидая отъ нее въ будущемъ, говорить въ настоящемъ только то, что ей четырнадцать лѣтъ. Удивительное знаніе лѣтъ! Не спрашивается—ли г. А. Д. въ метрическихъ книгахъ?

На-счетъ Гг-жъ Бобровой и Протасовой (матери), мы вполне согласны съ г-мъ А. Д. Онѣ точно даровитыя и опытныя артистки, въ особенности г-жа Боброва; жаль, что преклонныя лѣта заставляютъ ее скоро оставить сцену. Удивительно только то, что г. А. Д. похвалилъ ихъ не смотря на ихъ вовсе не семнадцати-лѣтній возрастъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о г-нѣ Млотковскомъ, какъ о хозяинѣ театра, и какъ объ актерѣ. Какъ хозяина—взявши въ соображеніе его посильные труды и заботливость, нельзя не похвалить его и не отдать ему должной справедливости. Едва появится на петербургской или московской сценѣ новая пьеса,—г. Млотковскій ее выписываетъ, ставитъ на харьковскій театръ, не щадя издержекъ, иногда даже роскошнѣе, чѣмъ-бы слѣдовало расчетливому хозяину. * «Елена Глинская», «Розамунда», «Пилюли» служатъ доказательствомъ нашихъ словъ; «Пилюлямъ» еще посчастливилось: харьковская публика приняла пилюли, и онѣ—позолотившись порядочнымъ сборомъ, принесли ощутительную пользу хозяину; за то «Розамунда» едва выкупила освѣщеніе. Обстановка пьесъ, костюмы и самой оркестръ доказываютъ, что г. Млотковскій содержитъ театръ не изъ однихъ меркантильных видовъ, а также и изъ любви къ театру и драматическому искусству, что ему дѣлаетъ большую честь. Какъ объ

* Харьковская публика, какъ мнѣ кажется, болѣе всего взыскательна въ отношеніи къ новизнѣ. Антрепренеръ, ставя пьесу, напередъ долженъ быть увѣренъ, что ставить ее только на одинъ разъ; во второе представленіе театръ будетъ пустъ; но это не останавливаетъ г-на Млотковскаго, и дай Богъ, чтобы у насъ было побольше такихъ антрепренеровъ!

актеръ—объ немъ—вопреки похвалямъ г-на А. Д.—мало можно сказать хорошаго: нечистый выговоръ и однообразная жестикуляція мѣшаютъ ему быть хорошимъ актеромъ. Впрочемъ роли неистово-сумасшедшихъ отъ любви и ревности онъ выполняетъ очень удачно. Дикая неподвижность глазъ и рѣзкая неестественность мимики живо напоминаютъ несчастныхъ обитателей желтаго дома, и въ этихъ роляхъ служатъ ему большимъ пособіемъ. Онъ также очень недурень въ насильственно-патетическихъ и сильныхъ мѣстахъ, въ этихъ, такъ сказать—*coups de théâtre*, когда музыка заключаетъ актъ, актеръ заглушаетъ оркестръ голосомъ и довершаетъ общность картины, принявъ рѣзкую—ненатуральную позу, на-примѣръ, въ драмѣ: «Сумасшедшій отъ любви».

Но кто изумилъ насъ на харьковскомъ театрѣ, такъ это конечно г-жа Млотковская, которая могла-бы быть украшеніемъ любого столичнаго театра. Отличительный характеръ ея игры заключается въ простотѣ и естественности, первыхъ условіяхъ всякой красоты, всякаго изящества. Нигдѣ не прибѣгаетъ она къ жалкимъ пособіямъ, изобрѣтенымъ бездарною посредственностію; нигдѣ не старается привлечь вниманіе ненатуральною рѣзкостію мимики и напряженіемъ голоса. Вся игра ея, полная обдуманности и самосознанія, течетъ спокойно и ровно, оцутительно передавая зрителямъ то, что хотѣлъ передать писатель, изображая созданное имъ лицо. Это, кажется, лучшая похвала артисту, потому-что для того, чтобы вѣрно передать какое-нибудь прекрасное лицо, созданное писателемъ, чтобы угадать то, что угадало творчество поэта—и неясный призракъ, носящійся въ туманѣ фантазіи, живо и оцутительно свести въ міръ дѣйствительный—необходимъ талантъ... необходимо уловить тысячу оттѣнковъ, недосказанныхъ поэтомъ.... а чтобы это сдѣлать, необходимо быть также поэтомъ, потому-что только талантъ можетъ постигнуть талантъ. Игра г-жи Млотковской, повторяемъ, течетъ ровно и тихо, но это есть доказательство не недостатка чувства, а спокойствія таланта, сознающаго свои силы и умѣющаго оттѣнить всякій фазъ драматизма. Мгновенія, когда чувство увле-

каетъ изъ границъ и восторженность замѣняетъ обычное состояніе духа, рѣдки въ природѣ и жизни; онѣ должны быть рѣдки и на сценѣ. Г-жа Млотковская очень хорошо это постигла: игра ея, какъ мы уже сказали, ровна и спокойна; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувство вырывается наружу, гдѣ не разсудокъ, а увлеченіе страсти характеризуетъ роль, тамъ вы невольно отдадите справедливость ея таланту. Тамъ—вся одушевленная—она преобразуется: спокойствіе и ровность игры исчезаютъ, и передъ вами таже, но совершенно другая Млотковская... и вы, изумляясь, глядите на нее, какъ-бы глядѣли на рѣку, которая за минуточку текла спокойно и прозрачно—а теперь, подъ дыханіемъ бури, кипитъ, пѣнится и съ громомъ и шумомъ катитъ бунтующія волны.

Не станемъ приводить образцовъ ея игры въ драмахъ плохихъ, или посредственныхъ; въ нихъ роли безцвѣтны, въ нихъ является не человѣкъ, дѣйствующій произвольно, а маріонетка, двигающаяся на пружинѣ. Оселкомъ таланта должно выбрать роль полную и живую, чтобы видѣть, умѣлъ-ли артистъ постигнуть ее и осуществить передъ вами; вотъ почему выборъ нашъ палъ на Офелію.

Разсмотрите-же внимательно Офелію Шекспира, чтобы имѣть возможность сказать что-нибудь объ игрѣ г-жи Млотковской. Что такое Офелія? Дѣвушка любящая, но робкая, старающаяся удержать себя въ границахъ, и достигающая до того, потому-что ни одного нѣжнаго слова, ни одной ласки не даритъ тому, кого любитъ; стыдливость, робость, сознаніе въ безумствѣ любви къ принцу, потомъ вліяніе наставленій отца, и наконецъ несчастная увѣренность, что Гамлетъ точно сумасшедшій,— все это дѣлаетъ ее недовѣрчивой, грустной, скрывающей свои чувства, которыя позволяютъ себѣ выразить не словами, не лаской, а развѣ только полнымъ любви и печали взглядомъ, возведеннымъ на Гамлета. Вотъ какова Офелія до своего безумія. А потомъ, ея безуміе—этотъ глубоко-вѣрный и сокрушительный взглядъ, брошенный Шекспиромъ въ тайникъ человѣческой души.... И послѣ этого удивляются, что робкая, скромная Офелія поетъ въ

безумія пѣсно, вовсе несогласную съ робостію и скромностію дѣвушки! Тутъ-то и проявляется вся глубина созданія; иначе быть не можетъ. Когда всѣ чувства, которыя она такъ долго, такъ мучительно таила, чрезъ мѣру столпились въ ея сердцѣ; когда смерть отца переполнила ихъ новою горечью—не должны-ли онѣ были уничтожить всѣ преграды и хлынуть впередъ беспорядочно и разрушительно, не сохранивъ ни одного слѣда прежняго. Согласитесь,—чтобы передать такую роль, много нужно таланта; и мы сей-часъ увидимъ, что изъ нея слѣдала г-жа Млотковская.

Въ первыхъ трехъ актахъ она не позволяла себѣ ни одной выходки, которая могла-бы противорѣчить характеру роли. Въ ея исполненной благородства игрѣ, ясно выражались вся робость и скромность дѣвушки, сознавшей себѣ въ любви. Она не выступала съ гордымъ видомъ, не подавала руки съ величіемъ и видомъ покровительства, подобно классической королевѣ... нѣтъ; въ сценѣ съ Лаертомъ она была точно сестра съ любимымъ братомъ; видно было, что она не вѣритъ словамъ, разрушающимъ ея лучшія мечты, но что сомнѣніе уже закрадывается въ душу. Полонію она отвѣчала печально и какъ-бы нехотя (новое доказательство вѣрнаго взгляда на свою роль): она не жеманилась, какъ стала-бы жеманиться барышня XIX-го вѣка, но точно была любящею дѣвушкою, которая видитъ, какъ подъ холоднымъ дыханіемъ неумолимаго разсудка и эгоизма вьнуть и облетаютъ всѣ цвѣтки ея счастья. Это не внезапный ударъ, сперва оглушающій и потомъ производящій сильный взрывъ страсти,—это постепенность разочарованія. Присутствіе отца укрощаетъ порывы сердца, она его слушаетъ и отвѣчаетъ ему разсѣянно, потому-что въ эту минуту она занята своимъ горемъ, слушаетъ стоны своего сердца и видитъ свои радости, разлетающіяся дымомъ. А въ сценахъ съ Гамлетомъ? Какъ боязливо и принужденно отвѣчаетъ она принцу... свѣдѣ это любящее ея души, и онъ—сумасшедшій! Она хотѣла-бы высказать все, но грусть сжимаетъ сердце и останавливаетъ на устахъ рѣчи; а король и отецъ, подслушивающіе ка-

ждое ея слово.... Послѣ этого, если кто вздумаетъ обвинять г-жу Млотковскую въ принужденности, — что ему отвѣтить? одно только: м. г., вы не понимаете Офеліи.

Но вотъ—драма завязывается, какъ приближающаяся гроза, и страшно несется впередъ. Полоній убитъ, Гамлетъ отосланъ въ Англію. Наступаетъ четвертый актъ, и съ громкимъ крикомъ: «гдѣ она, гдѣ прекрасная датская владычица!» Офелія вбѣгаетъ на сцену. Какъ! это она? не можетъ быть! Гдѣ-же ея дѣвическая робость? Куда дѣвалась ея насильственная холодность и принужденность? Безуміе опустошающею грозою прошло по ея душѣ; прежняго нѣтъ и слѣда! Безуміе расторгло всѣ оковы, и Офелія при всѣхъ и во всемъ говоритъ про свою любовь, хватаетъ за руки короля и бросается на шею къ королевѣ. Слова ея дикі и несвязны; все перемѣшано, какъ развалины послѣ землетрясенія; но надъ этими развалинами возвышаются два уцѣлевшія зданія: любовь къ Гамлету и грусть по отцѣ. Передъ ея глазами два призрака: статный воинъ въ бѣлыхъ перьяхъ и старикъ съ бѣлою бородою. Теперь, въ каждомъ движеніи, въ въ каждомъ звукѣ голоса Офеліи дышитъ и говоритъ страсть, изливающаяся въ сокрушительныхъ вопляхъ и безумныхъ—за душу хватающихъ пѣсняхъ. Какъ хороша тутъ игра г-жи Млотковской! Ея голосъ, льющійся прямо изъ души, то жалобными, то пугливыми звуками; ея лицо—мгновенно отражающее, то дикую неподвижность безумія, то сокрушительную думу отчаянія—все это вѣрно понято и представлено. Конечно, найдутся люди, которые вздумаютъ обвинять г-жу Млотковскую въ томъ, что она слишкомъ рѣзко отгѣняетъ четвертый актъ; но въдъ это обвиненіе—похвала! Кромѣ-того, что оно прямо противорѣчитъ обвиненію въ холодности игры, оно еще доказываетъ вѣрность взгляда и драматическій тактъ артистки. Прочтите внимательно Гамлета; не правда-ли, вы изумлены, оглушены страстію и пламенными пѣснями этой безумной, которую до того времени видѣли робкою и тихою? Стало-быть, г-жа Млотковская глубоко поняла всѣ отгѣнки своей роли, и не ея вина, если кто Офелію Шекспира представляетъ себѣ только дѣвучкою съ глб-

кимъ станомъ, стройнымъ ростомъ, семнадцати-лѣтнимъ возрастомъ и глазами...

Да не падеть на насъ, въ-слѣдствіе объема этой статьи, обвиненіе въ пристрастіи. Говоря о роляхъ Офеліи, нельзя всего высказать въ короткихъ словахъ; слѣдственно, нельзя коротко сказать и о выполненіи этой роли артисткою, тѣмъ-болѣе такою талантливою, какъ г-жа Млотковская.

Взглянемъ теперь съ другой точки зрѣнія на талантъ г-жи Млотковской. Она играетъ и въ водевиляхъ, и играетъ такъ прекрасно, что трудно повѣрить такому разнообразію таланта. Какія условія должна выполнить хорошая водеvilная актриса? Она должна сохранять въ своей игрѣ благородство, естественность, веселость и непринужденность. водеvilъ легко повѣрить ежедневною жизнью, потому-что онъ есть изображеніе этой жизни: и въ жизни, точно также какъ на сценѣ, разыгрываются преимущественно водевилы. Итакъ, не-смотря на мнимую легкость исполненія водевиля, этотъ родъ игры также чрезвычайно труденъ, потому-что точка сравненія всеѣмъ доступна, и идеаль ея, т. е. ежедневная жизнь, у всеѣхъ передъ глазами. Но талантъ г-жи Млотковской торжествуетъ и надъ этою трудностію; смотря на ея игру, вы забываете, что смотрите на сцену; передъ вами не актриса, но живое лицо, какъ-будто-бы знакомое. Эта естественность, а главное—благородство игры г-жи Млотковской, живо напоминаютъ незабвенную Н. В. Рѣпину, эту жемчужину московской сцены, которую она, къ-несчастью, такъ рано покинула; пройдетъ много и много лѣтъ,—другой Рѣпиной не будетъ!... Г-жа Млотковская играетъ чаще въ водевилѣ, нежели въ драмахъ; этому причиною ея физическія силы, слабое и нѣжное тѣлосложеніе, съ происходящимъ оттого недостаткомъ сильныхъ нотъ въ голосѣ, что иногда лишаетъ ее возможности разыграть иную драматическую роль съ тою силою и энергіею, какъ она ее поняла и какъ-бы желала.

Г. А. Д. поставилъ г-жу Млотковскую ниже дѣвицы Протасовой, почему—мы не знаемъ. Если-бы онъ сообщилъ намъ, въ чемъ онъ поставялетъ совершенство дра-

матическаго искусства, мы, можетъ-быть, взялись-бы отыскать ключъ къ этой загадкѣ; но такъ-какъ онъ объ этомъ благоразумно умалчиваетъ, то мы имѣемъ полное право думать, что, по его понятіямъ, идеаль драматическаго искусства есть то, въ чемъ онъ находитъ безконечную, безмѣрную разницу между дѣвицею Протасовою и г-жею Млотковскою, т. е. «стройный ростъ, гибкій станъ, семнадцати-лѣтній возрастъ и глаза».... По этимъ понятіямъ, Нинона Ланкло, или мадамъ Дюбарри были-бы самыми гениальными артистками.

Теперь вы сами видите, какова статья г-на А. Д. Въ ней возвеличена посредственность, униженъ талантъ, и вся она ясно показывасть, что она написана подъ вліяніемъ—скажемъ словами самаго рецензента: «замысловъ высокихъ, желаній, которымъ нѣтъ предѣловъ, страстей все заглушающихъ....»

В. БЕКЛЕМИШЕВЪ.

Харьковъ.

май 1843.

§ 14.

Саратовскій театръ

Зимнія удовольствія наши начались, по-обыкновенію, съ театра и клубовъ. Но первыми изъ нихъ конечно должно назвать концерты, данные гг. Бахметевымъ, Сталке и Беромъ. Сколько по исполненію своему, столько-же и по высокой, благородной цѣлѣ своей, они остаются прекраснымъ памятникомъ любви къ человѣчеству и искусствамъ. Дѣтскіе приюты, открывающіеся повсемѣстно въ Россіи, внушили мысль нашимъ гг. артистамъ содѣйствовать зависящими отъ нихъ средствами къ осуществленію въ Саратовѣ благотѣльныхъ предположеній правительства. Участіе, принятое въ исполненіи такой мысли г. начальникомъ губерніи, много способствовало усиленію денежнаго сбора, довольно значительнаго.

Изъ лицъ, участвовавшихъ въ концертѣ, игра г. Бахметева на скрипкѣ, была особенно замѣчательна. Изъ піесъ, составлявшихъ концерты: *Прощаніе воина* и *Воспоминаніе Нормы*,—были произведеніе фантазіи г. Бахметева, въ полномъ смыслѣ слова, произведеніе блистательное. Въ игрѣ его замѣтенъ талантъ смѣлый, рѣшительный. Хоръ пѣвчихъ, принадлежащихъ г. Бахметеву, исполнилъ въ концертѣ также нѣсколько піесъ весьма удовлетворительно. Изъ нихъ хоръ изъ оперы *Карлъ Смѣлый* и финалъ *Ораторіи сотворенія міра* оставили пріятное впечатлѣніе въ памяти публики.

Между-тѣмъ, какъ гармонія музыкальная тѣшила слухъ нашъ, театръ саратовскій готовилъ намъ другія удовольствія. Содержатель театра *Залесскій* хлопоталъ усилить труппу актеровъ, раздробившуюся предъ симъ, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ. Отсутствіе нѣкоторыхъ лицъ онъ весьма выгодно замѣнилъ другими артистами, игра которыхъ, по строгой оцѣнкѣ любителей театра, заставила насъ забыть тѣхъ, кторые прежде интересовали саратовскую публику своимъ дарованіемъ. Г-жа *Вышеславцева*, гг. *Самойловъ*, *Карауловъ*, *Масленниковъ*, прибывшіе въ Саратовъ, были совершеннымъ подаркомъ и для театра, и для публики. Сценическіе опыты первой изъ нихъ были отраднымъ для насъ явленіемъ. Игра ея имѣетъ въ себѣ столько искусства и натуры, что иногда невольно дѣлаешь себѣ вопросъ, зачѣмъ она такъ далеко отъ столицы, гдѣ съ такими пособіями, она скорѣе могла-бы быть оцѣнена, нежели въ отдаленіи и глуши. Не станемъ повторять всѣхъ піесъ, гдѣ она была особенно замѣчательна: игра ея развивалась всегда съ силой ровной, постоянной и увлекательной. Въ одномъ мѣстѣ вы встрѣчаете ее, какъ жертву клеветы, гоненія и несчастія неопытныхъ лѣтъ, и вы сочувствуете ей горячею слезой; въ другомъ, она-же, въ огнѣ водевильныхъ остротъ и каламбуровъ, какъ умное, веселое дитя, возбуждаетъ въ васъ непритворный смѣхъ; дальше она является героиней, лицомъ, отъ котораго зависитъ судьба царствъ и народовъ, и вы раболопно изумляетесь ея величію. Такое соединеніе достоинствъ налагаетъ на насъ пріятную обя-

занность, оцѣнить ихъ отголоскомъ образованной публики, и сказать что г. *Вышеславцева* есть лучшее украшеніе здѣшняго театра.

Г. *Самойловъ*, молодой артистъ, съ прекраснымъ дарованіемъ. Не-смотря на то, что появленіе его на сценѣ было довольно рѣдко, мы тѣмъ охотнѣе спѣшили въ театръ, когда, афиша давала знать объ участіи его въ представленіи. Успѣхи игры его замѣтны были въ равной силѣ въ піесахъ драматическихъ и комическихъ, но настоящее призваніе его есть комизмъ, хотя и должно согласиться, что принятыя имъ роли въ *Разбойникахъ* Шиллера и *Парашъ Сибирячкы* были исполнены прекрасно. Игра его отчетлива, вѣрна и соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества методы нынѣшней школы. Не было піесы, даже незначительнаго водевиля, въ которомъ г. *Самойловъ* не заставилъ-бы зрителей смѣяться до слезъ и не собралъ-бы дани рукоплесканій. Желаемъ отъ души, чтобы этотъ артистъ усовершенствовалъ свое дарованіе еще болѣе серіознымъ изученіемъ искусства и оправдалъ то вниманіе публики, какое заслужилъ въ немногихъ дебютахъ.

Г. *Карауловъ*, посѣтившій сначала Саратовъ на короткое время, оставилъ здѣсь много пріятныхъ впечатлѣній. Владѣя замѣчательнымъ даромъ игры, съ звучнымъ голосомъ, онъ былъ особенно интересенъ въ *Эсмемальдъ*, гдѣ роль *Казимодо* исполнена имъ съ удивительнымъ успѣхомъ. Не видавъ его въ послѣднее время, когда онъ пріѣхалъ съ намѣреніемъ принадлежать здѣшней труппѣ, и сказать о немъ ничего не можемъ.

Г. *Масленниковъ* тоже хорошій актеръ. Въ роляхъ молодыхъ любовниковъ и офицеровъ-шалуновъ онъ исполняетъ свое дѣло съ успѣхомъ. Надобно только, чтобы онъ больше вникалъ въ условія сцены и не увлекался подражаніемъ тѣмъ скороспѣлкамъ-артистамъ, которые создаютъ себѣ славу на основаніи, несовсѣмъ прочномъ, и дорожатъ больше нескромнымъ смѣхомъ райка, нежели вниманіемъ публики образованной.

Изъ ветерановъ нашего театра, есть такіе, которые, по заслугамъ прежнимъ и настоящимъ, обращаютъ постоянное вниманіе публики.

Г. *Борисоальбскій* остается неизмѣняемымъ; онъ все также хорошъ, также отчетливъ въ игрѣ своей; съ тою же изумительной памятью. Изъ всѣхъ пьесъ, въ которыхъ онъ участвовалъ въ послѣднее время, роль *Велизарія* была самымъ превосходнѣйшимъ его исполненіемъ.

Гг. *Михайловъ* и *Залесскій 2-й*. Два комика, на игру которыхъ можно смотрѣть съ удовольствіемъ и которые заставляютъ васъ волей или неволей посмѣяться отъ души. Но между ними, въ продолженіе прошлаго зимняго репертуара, произошла значительная разница. *Михайловъ* изучалъ условія сцены во всей строгой вѣрности ихъ, какъ-будто слѣдилъ лучшіе примѣры артистовъ, и обладая въ высшей степени даромъ воспримчивости, усовершенствовалъ себя;—между-тѣмъ, какъ *Залесскій*, избалованный прежними успѣхами игры своей, пренебрегалъ, какъ замѣтно, изученіемъ методы лучшей, и потому не подался впередъ ни на шагъ. Онъ удержалъ за собою однакожъ прежнее значеніе буфа, восторги райки и—увы! равнодушіе зрителей образованныхъ. По всему видно, что онъ не хотѣлъ воспользоваться замѣчаніями на игру саратовскихъ комиковъ, такъ справедливо помѣщенными въ 7-й книжкѣ «Репертуара» 1842 года, а они, кажется, были направлены всего скорѣе къ тѣмъ, которые на здѣшнемъ театрѣ приобрѣли уже нѣкоторую извѣстность, и, какъ *Стрекоза Крылова*, мало думали о своей будущности.

Г. *Залесскій 1-й* остается вѣренъ своему комическому призванію, и съ довольнымъ успѣхомъ исполняетъ принимаемыя имъ роли.

Г. *Бажановъ*, по прежнему, владѣетъ прекраснымъ голосомъ, но къ-сожалѣнію, имъ мало занимается дирекція театра, чтобы сообщить ему методу пѣнія, болѣе новую и употребительную, и которая-бы усовершенствовала его дарованіе.

Дѣвица *Николаева* все еще остается нашей прамадонной. Въ игрѣ ея не произошло никакихъ переменъ, она также мила въ пьесахъ, таже умная кокетка на сценѣ, и водеви, говоря по совѣсти, только ею и сохраняютъ свое существованіе. Однимъ словомъ, мы очень довольны ею, то есть, ея игрою, за исключеніемъ только не мно-

гихъ взыскательныхъ судей нашего степнаго городка, требующихъ отъ нея игры болѣе серіозной, и досадующихъ, что она не приметъ труда сойти съ точки прежняго значенія своего. Мы не раздѣляемъ вполне такого мнѣнія критиковъ, часто требующихъ невозможнаго. Можетъ-быть, д. Николаева точно владѣтъ способностями игры въ высшей, степени и можетъ быть замѣтною даже въ пѣсахъ драматическихъ;—но если это такъ, то пусть сама-же она, безъ постороннихъ внушеній, по одному только сознанію достоинства артистки, побѣдитъ чувство робости и рѣшится испытать силы въ пѣсахъ классическихъ, а насъ порадуетъ явленіемъ въ какой-нибудь *Дездемона*, *Эсмеральда*, гдѣ, одушевленная силою страстей, она разовѣтъ во всемъ блескъ подозрѣваемый въ ней талантъ и соберетъ новые восторги публики.

Дѣвица *Завидова* поддерживаетъ постоянно прежде заслуженное о себѣ мнѣніе. Нѣтъ драмы, въ которой-бы она не участвовала, и исполняетъ роли сколько доставятъ ей силъ способностей.

Г-жа *Залеская* довольно хороша въ принимаемыхъ ею роляхъ, особенно въ *Кетли*, но тоже съ небольшою рѣшимостью на новые сценическіе опыты, какъ и д. Николаева. И та и другая имѣютъ довольно сильныя и пріятныя голоса и могутъ безъ труда исполнять оперы. Г-жа *Гусева*, непоколебимо преданная сценѣ и ея выгодамъ, образецъ закулиснаго постоянства, съ сильнымъ голосомъ, удачно исполняетъ всякую роль, за какую только возмется, и это потому, что она не беретъ на себя того, что выше силъ ея; ея дикція, манеры въ роляхъ какой-нибудь степной барыни-хлопотуньи, наивной крестьянки, или разумыянной купчихи, такъ рѣзко обрисовываютъ смѣшную спѣсъ одной, простоту другой и *залаптерейное* обращеніе послѣдней, такъ близки къ натурѣ, что невольно удивляешься ихъ совершенству. Въ хорахъ она составляетъ почти необходимое лицо.

Наконецъ г. *Портыкій*, комикъ съ порядочнымъ дарованіемъ, исполняющій очень отчетливо роли *Ситкиши* и *Стрѣлаго подѣ столомъ*.

Вотъ всѣ наши артисты. Остается сказать нѣсколько словъ вообще о театрѣ. Въ продолженіе прошлой зимы репертуаръ его состоялъ болѣею частію изъ пьесъ драматическихкихъ и водевилей, и, сказать правду, первыя, господствуя постоянно на сценѣ, набили всѣмъ оскомину, такъ-что чувствительность многихъ была подъ сильнымъ искушеніемъ. Велкой спектакль тѣмъ ощущеній, рыцарскихъ подвиговъ, ужасныхъ тайнъ и кровавыхъ исторій, или-же тѣхъ тѣхъ мелкихъ сюжетовъ, въ которыхъ ни душа, ни сердце не найдутъ пищи, но въ которыхъ такъ много блескокъ ложнаго остроумія. Публика посѣщала и то и другое, хотя не всегда съ охотой и желаніемъ, именно потому, что утомительное однообразіе пьесъ наводило на всѣхъ какую-то летаргію; многіе желали, чтобы репертуаръ разнообразилъ плаксивыя драмы другими пьесами, требовали оперъ, указывали даже прямо на пьесы, достоинство которыхъ признано лучшими цѣнителями искусствъ; но наша дирекція, какъ говорится, и въ усь себѣ не дула; въ репертуарномъ листкѣ своемъ она распорядилась назначеніемъ спектаклей, сообразно съ доступностію способовъ ея, собирала дюжинами драмы и начинала морить всѣхъ привидѣніями, кровавыми эшафотами, гибелью красоты, торжествомъ злодѣйства и подобными прелестями. Въ антрактахъ ставила креслы для какого-нибудь доморощенного маэстро, и вотъ новое испытаніе для бѣдныхъ слушателей. Композиторъ потѣлъ надъ инструментомъ, но вдохновеніе не слетало къ нему, оно было всегда далеко, далеко,—фальшивые звуки не увлекали гармонія, и всѣ были рады, когда ускоренное движеніе смычка приближало мотивы финала, и всѣ отдыхали, какъ послѣ дурной рѣчи школьнаго учителя. Въ заключеніе дарили насъ казацкой пляской, жидовскимъ танцемъ и проч. въ сальныхъ костюмахъ.

Такія замѣчанія, можетъ-быть, будутъ несогласны съ видами дирекціи, но тѣмъ не менѣе они справедливы. Равнодушіе ея къ удовольствіямъ публики весьма было замѣтно, чтобы молчать о немъ, и тѣмъ-больше, что та же дирекція, сначала такъ много заботилась о средствахъ театра. Что-же заставило ее поставить себя добровольно

за предѣлы той признательности, на которую она, при другихъ противоположныхъ намѣреніяхъ, имѣла-бы такъ много правъ? Боимся вѣрить, чтобы въ расчеты ея входила одна спекуляція. Мы живемъ въ томъ вѣкѣ когда просвѣщеніе открываетъ путь всѣмъ благороднымъ побужденіямъ, когда оно доступно всякому состоянію; слѣдовательно, дирекціи театра должно-бы также покороче ознакомиться съ условіями театра, съ этой школой народной образованности, и съ отношеніями къ публикѣ, которая является не какъ нѣмой свидѣтель сценическихъ успѣховъ или упадка, но какъ судья ихъ, судья безпристрастный, приговоры котораго опредѣляются его-же собственными пользами. Этого мало, чтобы присвоить себѣ право управленія театромъ, — надобно быть осмотрительнымъ въ выборѣ піесъ, сообщаемыхъ такъ кстаті листками издаваемаго нынѣ «Репертуара Русскаго Театра», надобно слѣдить за ходомъ ихъ во всей подробности, замѣчать наиболѣе высокую мысль ихъ, ловить и заинтересовывать вниманіе зрителей, и приравниваться къ общему вкусу, — вотъ обязанность дирекціи. Нельзя не сознаться, что въ этомъ отношеніи, бывшій содержатель театра, Стрѣлковъ, удивительно какъ былъ предупредителенъ: онъ, кажется, былъ неистощимъ въ средствахъ возможнаго улучшенія театра. Въ его время поставлено на сцену много піесъ, довольно значительныхъ, и въ томъ числѣ оперы: *Водовозъ*, *Цампа*, *Аскольдова мошала* и *Робертъ*. Конечно всякій согласится, что постановка подобныхъ піесъ на провинціальной сценѣ, довольно трудна, однакоже дѣятельность г. Стрѣлкова побѣждала всякое препятствіе, и мы съ удовольствіемъ слышали музыку знаменитыхъ композиторовъ. Прошлое зимою и здѣсь давались изъ упомянутыхъ оперъ *Цампа* и *Аскольдова мошала*, но въ какомъ жалкомъ, смѣшномъ видѣ! О *Водовозѣ* и *Робертѣ* нѣтъ и помину. Отчего-же это? Всякой изъ насъ знаетъ, что средства г. Стрѣлкова были не сильнѣе средствъ настоящаго содержателя. Ужь не оттого-ли, что въ распоряженіяхъ перваго было больше опыта, смѣлвости и вкуса? Если такъ, то совѣтуемъ дирекціи театра, отсутствіе всѣхъ этихъ пре-

имущество замѣнить, по-крайней-мѣрѣ, рѣшимостью выписать нѣсколько партитуръ, а для исполненія оперъ, мы увѣрены, труппы ея достанетъ.

Мимоходомъ нельзя не упомянуть о труппѣ цыганъ, посѣтившихъ Саратовъ прошлую зимою. Это не тѣ дикія, нестройныя толпы уродливыхъ сыновъ Азіи, которыхъ мы встрѣчаемъ иногда у большихъ дорогъ, въ дымныхъ бивуакахъ; — напротивъ гости наши, какъ артисты, привезли съ собою невѣдомое намъ, степнымъ жителямъ, доселѣ наслажденіе. Ихъ пѣніе и пляски носятъ на себѣ какой-то особенный, рѣзкой отпечатокъ дикаго, но облагороженнаго искусства. Ихъ пѣсни, то какъ отдаленныя раскаты грома, то какъ замирающія трели соловья, потрясаютъ сердце, но главный характеръ этихъ пѣсенъ,—это свобода, которой предана жизнь цыганъ и дикое, безотчетное веселье. Достоинство пляски ихъ составляетъ ловкость и быстрота движеній; мимика, сопровождающая ее, жива и благородна; самый наблюдательный глазъ не можетъ слѣдить за этими разнообразными, неувимыми переменами позъ, исполненныхъ энергія и одушевленія. Всякое представленіе, въ которомъ труппа цыганъ принимала участіе, театръ былъ полонъ, и всякій изъ зрителей уносилъ съ собою пріятное впечатлѣніе.

Но мы забыли сказать, что въ продолженіе великаго поста дирекція театральная поставила нѣсколько *живыхъ картинъ*: выборъ ихъ и исполненіе были очень хороши и удовлетворяли всѣмъ требованіямъ просвѣщеннаго вкуса.

22-го іюля 1843.

Саратовъ.

С М Ъ С Ъ .

РОССИНИ ВЪ ПАРИЖЪ.

Россини!

Предъ этимъ могущественнымъ именемъ, предъ этими тремя гласными буквами, звучащими итальянской мелодіей, исчезаютъ всѣ знаменитости, всѣ современныя славы! Забыта Лукреція Понсара, забыта страшная борьба трагедіи классической съ новѣйшей драмой, забыта палата депутатовъ! Все сосредоточилось на имени Россини! Свѣтлѣйшая литературная звѣзда нашего вѣка, Шатобрианъ, удалялся изъ Парижа, прощаясь съ нимъ погребальными элегіями, которыя, по видимому, можно принять за предисловіе къ знаменитымъ замогильнымъ запискамъ его—онъ удалялся и что-же? Никто этого и не замѣтилъ, между тѣмъ какъ въ другое время это могло-бъ быть великимъ событіемъ!... Но что-же случилось? Чѣмъ-же занять этотъ Парижъ, которому непременно нуженъ кумиръ?

Россини пріѣхалъ!... и со всѣхъ сторонъ слышатся восклицанія:

- Россини пріѣхалъ!
- Видѣли-ли вы его?
- Говорятъ, онъ потолстѣлъ.
- Постарѣлъ....
- Подарить-ли намъ наконецъ что-нибудь новое этотъ генилѣнтый, столько расточительный на обѣщанія?

Вотъ чѣмъ занять теперь Парижъ, вотъ что случилось, вотъ какому кумиру онъ поклоняется!...

Куда Россини не пойдетъ, вездѣ окружаетъ его толпа страстиѣйшихъ обожателей его—говорятъ, что онъ износитъ уже около дюжины шляпъ, безпрестанно отвѣчая на поклоны людей, даже вовсе ему незнакомыхъ. Впрочемъ, эти по-

чести, по-видимому, нисколько не утомляютъ великаго маэстро; онъ со всѣми любезенъ, ко всѣмъ благосклоненъ.

Отправляясь въ столицу Франціи, Россини надѣялся при-
быть туда инкогнито; укачиваемый легкимъ движеніемъ спо-
койной дорожной коляски своей, онъ мечталъ о томъ, какъ
пріятно будетъ ему, утомленному славою и извѣстностью,
избѣгнуть тягостныхъ почестей. Какое удовольствіе, думалъ
онъ, погулять инкогнито по Парижу, по этому театру высочай-
шаго торжества его! Какое наслажденіе пробраться подобно
простому смертному, подобно мирному жителю отдаленной
части города, въ партеръ опернаго театра и посмотрѣть, по
прежнему-ли остались посѣтители его *Россинистами*?

Исполненный этихъ сладкихъ надеждъ, Россини вѣхалъ
въ Парижъ безъ всякаго препятствія, безъ малѣйшихъ при-
ключеній.

Погода была прелестная; на одной изъ башенъ пробило
пять часовъ.... часъ обѣда, часъ тѣхъ наслажденій, которыя
Россини, какъ настоящій гастрономъ, ставитъ едва-ли не на-
ряду съ наслажденіями, доставляемыми ему его *музыкаль-
ными часами*.

Злая судьба или злой геній завелъ Россини прямо въ ули-
цу Ришье, къ итальянской рестораціи, основанной покой-
нымъ, макаронной памяти, Биффи, который первый еще
имѣлъ честь напомнить своими макаронами заальпійскимъ со-
отечественникамъ своимъ, о ихъ далекой родинѣ. Подъ-
ѣзжая къ этой рестораціи, знаменитой маэстро вспомнилъ о
дружескихъ и веселыхъ ужинахъ съ Бордоньи, съ Галли,
Пелегрини и многими другими истолкователями его музы-
кальныхъ произведеній. Какъ устоять противу подобныхъ
воспоминаній? Къ тому-же какой-то родной, знакомый вкусу
запахъ носился около рестораціи и было пять часовъ, а Рос-
сини еще не обѣдалъ!...

Забывъ всѣ намѣренія свои, онъ скоро входитъ въ ресто-
рацію, садится въ уголокъ маленькой залы, подзываетъ маль-
чика и велитъ подать себѣ обѣдать. Всякій пойметъ, что
макароны входили въ составъ обѣда; но занятый размышле-
ніями о своемъ инкогнито, Россини забылъ сказать, какимъ
образомъ слѣдовало приготовить это любимое блюдо Италъ-
янцевъ.

Обѣдъ былъ хорошъ и Россини сдѣлалъ ему честь, какъ
проголодавшійся путешественникъ. Дошло дѣло до макаронъ.
Маэстро бросаетъ на нихъ взглядъ знатока и невольно лицо

его хмурится.... онъ подноситъ ихъ ко рту и въ тоже мгновеніе съ негодованіемъ бросаетъ назадъ на тарелку.

— Чтò это значить? восклицаетъ онъ съ негодованіемъ: прочь! ей мальчикъ, убери сей-часъ это произведеніе французской музыки.... то есть, французской кухни! Я этого вѣтъ не могу!

Трантирный прислужникъ остолбенѣлъ; выпуча глаза глядѣлъ онъ на маэстро, не понимая причины негодованія его; но когда Россини повторилъ приказаніе свое, то онъ схватилъ блюдо и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Прибѣжавъ въ кухню, онъ передалъ хозяину слово въ слово грозную, страшную анафему, произнесенную посѣтителемъ на его поваренное искусство.

Хозяинъ, человекъ вѣсельчивый и понимавшій достоинство свое, поправилъ колпакъ на головѣ, и грозно вошелъ въ залу, остановился предъ знаменитымъ композиторомъ, скрестилъ руки на груди и, нахмуривъ брови, спросилъ протяжно:

— Кажется, вы, сударь, недовольны макаронами моими?

— Я недоволенъ тѣмъ блюдомъ, которое вы называете макаронами! О Би-фи, безцѣнный Би-фи, гдѣ ты?

— Зовите его сколько хотите, онъ васъ не услышитъ, потому-что онъ умеръ....

— Я это знаю, да если-бы и не зналъ, такъ ваши.... макароны, какъ вы ихъ называете, убѣдили-бы меня въ томъ.

— Это прекрасно! Я самъ отдаю полную справедливость искусству моего предшественника, тѣмъ-богѣ, что я ученикъ его и льщу себя надеждою, что провикъ въ сокровѣннѣйшія таинства итальянской кухни....

— Милый мой, прервалъ его Россини: вы напрасно льстите себя надеждою, потому-что вы не знаете толку въ макаронахъ! Это я вамъ говорю!

— Вы! воскликнулъ какъ громомъ пораженный ученикъ Би-фи, не сводя глазъ съ маэстро; вы! повторилъ онъ такъ неуютно-ли вамъ поучить меня? И онъ гордо, насмѣшливо взглянулъ на другихъ посѣтителей, которые съ любопытствомъ слѣдовали за этой забавной сценой.

— Извольте, отвѣчалъ Россини весьма хладнокровно:

— Извольте! повторилъ хозяинъ съ величайшимъ удивленіемъ. Вы хотите меня учить? Меня, у котораго обѣдаетъ вся Итальянская Опера, меня, помощника главнаго повара неаполитанскаго посланника! Меня, работавшаго во Флоренціи, Венеціи, Миланѣ, Римѣ... *меня* хотите *вы* учить! Нѣтъ, это

уже слишкомъ!... и бѣдный обиженный кухмистеръ закрылъ лицо руками; потомъ, спросилъ рѣшительно:

— Позвольте-жъ узнать, какой недостатокъ нашли вы въ макаронахъ моихъ?

— Какой недостатокъ? Послушайте, мой милый!... и маэстро принялся объяснять ему со всевозможною подробностію способъ приготовленія макаронъ!... Хозяинъ рестораторъ слушалъ посѣтителя-гастронома и не приходилъ въ себя отъ изумленія!...

Едва кончилъ великій маэстро, какъ питомецъ Комуса всплеснулъ руками съ крикомъ удивленія и почтенія:

— Вы Россини!...

— Что это значить? спросилъ композиторъ, опомнившійся и оглядывавшійся съ безпокойствомъ, видя, что инкогнито его ни къ чему не послужило.

— Да, вы Россини! продолжалъ рестораторъ: я узналъ васъ! Одинъ только Россини въ цѣломъ свѣтѣ знаетъ такъ превосходно способъ приготовленія макаронъ!... О, еслибы я зналъ, что эти несчастные макароны были для васъ... но я исправлю ошибку свою!... и онъ побѣжалъ на кухню.

Всѣ посѣтители окружили композитора, который, послѣ долгихъ увѣреній, что онъ не Россини, долженъ былъ наконецъ нарушить инкогнито свое.

Въ тотъ-же вечеръ весь Парижъ узналъ, что приѣхалъ Россини, и на другой-же день, желѣзная дорога, эта *стоустая* молва нашихъ временъ, развозила по всей Франціи эту радостную вѣсть!

На слѣдующее утро, письма, поздравленія, комплименты, приглашенія нахлынули на маэстро, который чуть не потонулъ въ кипахъ бумажекъ бѣленькихъ, розовыхъ, голубенькихъ, надушоныхъ, которыя летѣли къ нему со всѣхъ сторонъ, на крыльяхъ городской почты, почталыоны которой при этомъ случаѣ подали высокую идею о своей провинцальности и о своихъ біографическихъ, географическихъ и музыкальныхъ свѣдѣніяхъ.

Между письмами, доставленными въ квартиру знаменитаго маэстро, были такія, на которыхъ весь адресъ состоялъ изъ слѣдующихъ словъ:

Пезарскому лебедю,

изъ Парижя.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочли-бы это мистификаціей, но въ наше время одна изъ замѣчательнѣйшихъ добродѣтелей городской почты та, что она ни отъ чего не приходитъ

въ замѣшательство; затрудненія для нея не существуютъ, а потому ни одинъ почтальонъ не задумался надъ этимъ довольно страннымъ адресомъ и всѣ доставляли эти письма прямо къ привратнику того дома, въ которомъ остановился маэстро.

При этомъ необходимо замѣтить, что привратники далеко отстали въ просвѣщеніи отъ почтальоновъ.

— У насъ въ домѣ не птичникъ, говорилъ, сердито захлопывая калитку, привратникъ, когда ему подавали письма съ загадочнымъ для него адресомъ: ступайте въ ботаническій садъ, тамъ много всякихъ заморскихъ звѣрей, можетъ и вашъ лебедь тамъ!..

— Да вѣдь сюда приѣхалъ вчера вечеромъ Россини? спрашивалъ неотвязчивый почтальонъ, просовывая голову въ форточку.

— Ну, приѣхалъ—такъ чтожъ? Г-нъ Россини великій музыкантъ, а не показываетъ звѣринца! Убирайтесь-же къ чорту!

— Да вѣдь г. Россини и пезарскій лебедь одно и то-же лицо.

Привратникъ еще болѣе нахмурился, сказалъ весьма презрительно:

— Какъ глупо!... и пошолъ прочь.

— Послушайте, продолжалъ почтальонъ скороговоркой: великій, знаменитый композиторъ родился въ Пезарро, въ Италиі, слѣдовательно онъ и есть *лебедь Пезарскій*....

Долго еще спорилъ привратникъ съ почтальономъ, но наконецъ кто-то изъ жильцовъ, проходя случайно мимо, рѣшилъ все дѣло....

Въ то самое время, какъ мы писали предшествовавшія строки, и Петербургъ былъ изумленъ приѣздомъ гостя знаменитаго.

Пестрыя толпы оживляли англійскую набережную; всѣ взоры были устремлены вдаль, туда, гдѣ должна была показаться на небесной лазури темная полоса дыма.

— Ыдетъ, Ыдетъ! вскричало вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Какъ скоро!

— Наконецъ-то вы дождались вашего сына!

— Ah, quel bonheur! мы сей-часъ поцѣлуемъ Вольдемара!

— Такъ онъ совершенно кончилъ дѣла?

— Et mußte schon mit dem letzten Dampfboot ankommen.....

— The travellers have had a beautiful weather... .

— On la dit aussi bien que M-me Albert....

— Pas possible!

— Всѣ заговорили, зашумѣли, столпились.... а между-тѣмъ пароходъ приближался. Замахали платками, раздаѣся громкій свистъ, сопровождаемый глухимъ стономъ, какъ-бы вырвавшимся изъ груди побѣжденнаго чудовища....

Между-тѣмъ, какъ родные обнимались, цѣловались, пробираясь въ толпѣ мужчины невысокаго роста, широкоплечій, съ лицомъ здоровымъ, длинными волосами, доходившими до плечъ и глазами... глазами, которыми намъ не встрѣчалось видѣть подобныхъ. Вообще вся фizioномія незнакомаца дышала какимъ-то добродушнымъ величіемъ: высокій лобъ придавалъ лицу его что-то гениальное....

Этотъ незнакомецъ — Бальзакъ!

Привѣтствуемъ тебя на берегахъ Невы, великій, единственный писатель! Несмотря на всѣ чернильныя пятна завистниковъ и клеветниковъ, ты величайшій писатель нашего времени!...

НЕВИННЫЕ ЗЛОДѢИ. Актриса Рашель по дорогѣ въ Марсель встрѣтила одного изъ тѣхъ кочующихъ актеровъ, беззаботныхъ какъ люди гениальные, остроумныхъ какъ всѣ бѣдняки, настоящихъ театральныхъ цыганъ, готовыхъ принять какую угодно роль, хотя невыполняющихъ ни одной какъ должно, но за то никогда не унывающихъ и всегда надѣющихся на лучшее завтра. Его звали Леліо.

Узнавъ, что главный трагическій актеръ въ Марсели болень, Рашель предложила Леліо ѣхать съ нею, и онъ съ радостію согласился. И вотъ въ узенькомъ пространствѣ дорожной коляски сошлись двѣ крайности: Леліо, лѣность и воображеніе, и Рашель, трудъ и искусство; Леліо, который, выходя на сцену, почти никогда не зналъ, что онъ будетъ говорить, и Рашель, рассчитывавшая сначала, какъ надобно сказать каждый стихъ; Леліо, неимѣющій ни одной копѣйки, и Рашель, получающая около 100,000 франковъ ежегодно!...

Подѣзжая къ маленькому провансальному мѣстечку Л... у коляски путешественниковъ переломилась ось. Отославъ починить экипажъ, Рашель, вмѣстѣ съ Леліо, отправилась къ единственной въ томъ мѣстечкѣ гостинницѣ. Хозяинъ, почтенный Лазарь Креписсаръ, съ доброй и простодушной фizioноміей и съ бѣлымъ колпакомъ въ рукѣ, встрѣтилъ ихъ. Креписсаръ былъ вмѣстѣ хозяинъ гостинницы и меръ того мѣстечка.

Какъ хозяинъ гостинницы, съ улыбающимся лицомъ пошелъ онъ къ путешественникамъ, чтобы предложить имъ

услуги свои. Но видъ ихъ поразилъ его: Лелію носилъ предлинную черную бороду, на головѣ его была красная греческая шапочка, и объятый одною мыслію, онъ не переставалъ думать о томъ, какъ-бы отличиться играя съ знаменитою актрисою, а потому страшно поводилъ глазами, и повторяя роль свою про себя, иногда совсѣмъ неожиданно махалъ руками. Рашель, испуганная паденіемъ экипажа, не пришла еще въ себя, а потому и выраженіе ея лица казалось подзрительнымъ.

Хозяинъ отступилъ на два шага и вспомнилъ, что онъ прежде всего блюститель порядка, а потому, не говоря ни слова, опрометью бросился домой и, не переменяя костюма, опоясался только шарфомъ, знакомъ званія своего.

— Позвольте узнать имя и званіе? спросилъ онъ, возвратившись къ нашимъ путешественникамъ, и обращаясь къ Лелію.

— Имя и званіе? сказалъ Лелію театральнымъ голосомъ. Кто-бы я не былъ и какъ-бы меня не звали до этого тебѣ, добродѣтельный блюститель порядка, дѣла нѣтъ, потому-что я твой гость; дай намъ на нѣсколько часовъ убѣжище, утоли нашъ голодъ и нашу жажду и прикажи, чтобы скорѣе починили коляску!...

— Какъ же-съ, какъ-же-съ, говорилъ сконфуженный меръ, не понявъ ни слова изъ того, что ему говорилъ Лелію; — у васъ паспорта, вѣрно, съ собою?

— Паспорты? Это зачѣмъ? Паспорты у Ореста и Эрміоны, какъ у какихъ-нибудь купчишекъ или депутатовъ! Да гдѣ вы это видѣли? Гдѣ вы это слышали? Развѣ Оресту нуженъ паспортъ, чтобы зарѣзать Пирра, а Роксанѣ, чтобы приказать задавить Бажазета? Слышали-ли вы когда-нибудь, почтеннѣйшій блюститель общественнаго порядка, что у Эдипа былъ паспортъ, когда, по непростительной разсѣянности, онъ убилъ отца? Развѣ примѣты Эгиста были извѣстны мерамъ его времени, когда онъ закололъ Агамемнона? А! вы хотите знать кто мы? Хотите?... Во-первыхъ, я все и ничего, вчера Аріель, завтра Калибанъ, добрый и злой духъ; милліонеръ безъ копѣйки, владыка безъ престола, невинный убійца и злодѣй, которому не бывать на газерахъ, словомъ — я Лелію!

— А, вотъ что, сказалъ съ самой смѣшной физиономіей трактирщикъ, почесывая затылокъ: вы Лелію.... ну, а эта дама кто такая?

— Кланяйся, начальство сихъ мѣстъ! Ты видишь передъ собою Мельпомену, музу, королеву, законную королеву!

— Все это становится болѣе и болѣе подозрительнымъ, проворчалъ хозяинъ.

— Ахъ ты острякъ! вскричалъ Леліо, ударивъ его по животу: давай-же намъ скорѣе завтракать, а разговаривать мы можемъ и послѣ. Живѣе, все, что у васъ есть лучшаго!..

При этихъ словахъ меръ опять превратился въ трактирщика; онъ подумалъ, что задержавъ этихъ путешественниковъ завтракомъ, онъ успѣетъ распорядиться по службѣ и приказать захватить ихъ, потому-что хотя онъ ничего не понималъ изъ всей рѣчи Леліо, однакожъ слова зарѣзалъ, закололъ, задушилъ и убилъ слѣзали на него сильное впечатлѣніе. Онъ отвелъ путешественникамъ лучшую комнату, велѣлъ подать имъ завтракъ, а самъ сталъ подслушивать у дверей.

— Экая досада! говорилъ Леліо: я увѣренъ, что насъ тамъ ждутъ и что я никакъ не успѣю къ пятницѣ вечеру, чтобы убить сестру свою!

— Убить сестру! Несчастный! подумалъ Креписсаръ, у котораго отъ страха стали подгибаться ноги. О! да я просто выпустилъ къ себѣ въ домъ и подчую котлетами своими настоящее чудовище!..

— Леліо, говорила таинственная незнакомка: воспользуйтесь, по-крайней-мѣрѣ, этимъ временемъ, чтобы выучить то, что вамъ слѣдуетъ слѣзать. Вы кончите тѣмъ, что убьете сестру вашу—все это очень хорошо, но подумали-ли вы о томъ, сколько силы душевной и энергій вамъ слѣдуетъ показать? Потомъ на слѣдующій вечеръ вамъ предстоитъ еще болѣе трудъ: тутъ дѣло идетъ уже не объ обыкновенномъ убійствѣ; вы въ разговорѣ противъ короля вашего; вы желаете смерти его, потому-что я ее желаю и вы меня любите; чувствуете-ли вы въ себѣ довольно силы, чтобы выполнить это?...

— Еще-бы, отвѣчалъ рѣшительно Леліо, улетаая цыпленка: я готовъ на все! Ёдемъ!

— Нѣтъ, возразила Рашель, и превратившись въ Эрміону: стала декламировать:

Je ne veux pas si loin porter de tels affronts....
Je veux qu'à mon départ toute l'Epire pleure;
Mais si vous me vengez, vengez moi dans une heure.
Tous vos retardements sont pour moi des refus.
Courez au temple: il faut immoler....

— Qui?

— Pyrrhus?

Pyrrhus! Madame...

Она подвѣлась и, казалось, выросла; глаза ея горѣли; ножикомъ, который она держала въ рукахъ, она какъ-бы вызывала на страшное побоище...

Не было болѣе сомнѣнія! Несчастнѣйшій Лазарь Креписсаръ принялъ у себя въ домѣ убійцу, заговорщика, котораго все болѣе и болѣе поджигала какая-то кровожадная женщина!

— За чтѣ это они такъ злы на господина Пирра (Pyrhus)? Видно онъ имъ въ чемъ-нибудь мѣшаетъ? думалъ Креписсаръ.... а можетъ-быть этотъ господинъ Пирръ и предобрый, и пречестный человѣкъ?... они, кажется, говорили еще, что надобно убить короля.... ужъ не нашего-ли короля? Вѣдь очень можетъ быть!... О, кровопійцы, заговорщики, братоубійцы!... И бѣднаго господина Пирра туда-же!... Нѣтъ, Креписсаръ, тутъ мѣшивать нѣчего.... пусть пропадетъ даромъ чудесный завтракъ мой, но за то спасу Францію, прелестную отчизну свою!... И не медля меръ послалъ въ городъ нарочнаго за жандармами, а самъ между-тѣмъ побѣжалъ къ сельскому пастору, чтобы посоветоваться съ нимъ, какъ поступить.

Сельскій пасторъ мѣстечка J.... одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ можно встрѣтить только между сельскими пасторами; одаренный умомъ тонкимъ, онъ посвящалъ размышленію и чтенію часы, свободные отъ занятій званія своего. Успокоивъ больныхъ, утѣшивъ страждущихъ и подавъ помощь бѣднымъ, возвращался онъ домой, клалъ молитвенникъ на старѣйшій некрашеннѣйшій столъ свой и прислушивался къ послѣднимъ звукамъ вечерняго звона, распространявшагося въ воздухѣ вмѣстѣ съ вечернею, домашнею молитвою простыхъ прихожанъ своихъ; потомъ бралъ онъ изъ небольшой бібліотеки книгу и въ тишинѣ бесѣдовалъ съ любимыми писателями своими Боссюэтомъ, Фенелономъ и Корнелемъ.

Таковъ былъ пасторъ, къ которому вѣбжалъ нашъ меръ, блѣдный, запыхавшійся и перепуганный.

— Чтѣ съ вами, мой добрый Креписсаръ? Чтѣ случилось?

— Случилось.... нѣтъ еще, не случилось, слава Богу! А можетъ случиться то, что кого-то зарѣжутъ!... Да, они тамъ, оба! Убійцы.... страшные злодѣи! Они по почтѣ стремятся, чтобы совершить поскорѣе ужасное злодѣяніе; просто ужасъ!... Они только и говорятъ о томъ, какъ-бы составить заговоръ и убить короля своего!... Есть особенно какой-то господинъ Пирръ, на котораго они ужасно злы!... Но я знаю долгъ свой и пусть пропадаетъ завтракъ, или лучше сказать, обѣдъ мой! Этого мало! Я еще ужиномъ, даже голо-

вой своей пожертвую благу отчизны!... Умру для нея и буду кричать: да здравствует король!... Вотъ что!...

Изъ всего этого пасторъ уже понялъ, что тутъ было какое-нибудь недоразумѣнiе: онъ успокоилъ Креписсара и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ гостиницѣ. Мнимые изверги стояли у дверей и съ наслажденiемъ вдыхали въ себя благоуханiя, наносимыя къ нимъ свѣжимъ вѣтеркомъ; имъ набрали корзину земляники, которая служила имъ вкуснымъ десертомъ послѣ сытнаго и довольно хорошаго завтрака. Увидѣвъ пастора, они почтительно поклонились ему.

— Ну что, дѣти мои, сказалъ улыбаясь почтенный старикъ: вы, по-видимому, не можете поладить съ здѣшнимъ гражданскимъ начальствомъ?

— За неимѣнiемъ паспортовъ, отвѣчалъ весело Лелю. У насъ ихъ нѣтъ съ собой, это правда — но мы можемъ представить за себя двухъ вѣрныхъ поручителей.

— Кто-же эти поручители?

— Корнель и Расинъ.

— Это прекрасно, продолжалъ улыбаясь пасторъ: но у васъ, вѣроятно, нѣтъ отъ нихъ свидѣтельствъ, а я увѣренъ, что нынѣшнiе писатели слишкомъ скромны и потому не рѣшатся подписать эти два знаменитые имени, за свои?

— Я вижу, сказала наконецъ Рашель, что мы очень безпокоимъ господина мера, и потому безъ дальнихъ околичностей я объявлю вамъ имя свое; я—Рашель!

Пасторъ посмотрѣлъ на нее съ улыбкой и сказалъ:

— Г-мъ! Мы теперь знаемъ объ васъ столько-же, какъ и прежде....

— О суета суетъ! подумала Рашель: такъ вотъ что значить слава, извѣстность! Здѣсь, во Францiи, не владеютъ отъ Марсея, на большой дорогѣ, не знаютъ имени моего! О суета!... Однако, понявъ, что она имѣетъ дѣло съ человекомъ умнымъ и начитаннымъ, она подала знакъ Лелю и тотъ, перекинувъ салфетку черезъ плечо и драпируясь въ полы пальто своего, вскричалъ гордо:

Aime, aime cette mort, qui fait notre bonheur,

Et préfère du moins au souvenir d'un homme

Ce que doit ta naissance aux intérêts de Rome!

И Рашель отвѣчала:

Rome, l'unique objet de mon ressentiment! и пр.

По окончанiи этихъ прекрасныхъ и извѣстныхъ стиховъ, пасторъ все понялъ, а меръ, прислушиваясь и ничего не понимая, не зналъ, что дѣлать.

А Рашель изъ пламенной и мстительной Камиллы превратилась въ республиканку Эмилию и продекларировала превосходный монологъ:

Impatients désirs d'une juste vengeance, и проч.

Мало-по-малу трагическое вдохновеніе овладѣвало ею; на этой простой террасѣ, предъ двумя слушателями, образовывавшими такой странный контрастъ, голосъ ея получилъ какую-то металлическую звучность.

— Какъ это хорошо! сказалъ съ простодушіемъ пасторъ.

Тогда быстрымъ переходомъ, гордая Эмилія уступила мѣсто преступной супругѣ Тезея; раздалися краснорѣчивыя и поэтическія угрызенія совѣсти Федры:

Misérable! et je vis! et je soutiens la vue, и проч.

Пасторъ не старался скрывать ощущеній своихъ.

— Но кто вы? спрашивалъ онъ съ наивнымъ изумленіемъ.

Не отвѣчая ни слова на этотъ вопросъ, съ смѣтливостью, свойственною всеѣмъ избраннымъ умамъ, Рашель стала припоминать, что-бы могло болѣе понравиться тому, кто слушалъ ее, и поднимая къ небу глаза, освѣтившіеся внезапнымъ и чуднымъ восторгомъ, она продекларировала съ глубокимъ чувствомъ, дивную тираду изъ *Поліэвкта*:

Je vois, je sais, je crois, je suis désabusée;

De ce bien heureux sang tu me vois baptisée, и проч.

Она кончила... пасторъ, сложивъ руки, былъ въ нѣмомъ восторгѣ; благочестивая слезинка катилась по преждевременной морщинистой щекѣ его....

— Ни одинъ успѣхъ, не одно торжество не производило на меня подобнаго впечатлѣнія! сказала съ восторгомъ Рашель....

Между-тѣмъ Лазарь Креписсаръ замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ большую глупость.

— Ну что, господинъ меръ, сказалъ ему Лелію, насмѣшливо улыбаясь: хороши-ли паспорта наши?

Въ тоже мгновеніе отворилась дверь и на порогѣ явилась смиренная и добрая фигура жандарма. Выраженіе лица его было такое доброе, голубой мундиръ его былъ такъ хорошо вычищенъ, что онъ не только не повредилъ мирной развязкѣ, но даже какъ-бы послужилъ ей дополненіемъ. Лелію подошелъ къ нему и невольно пожалъ руку его.

Меръ извинялся и раскланивался на все стороны, хотя все такъ еще ничего не понималъ.

Знаменитая актриса какъ-бы опять вступила на тронъ свой и казалось, простила кающимся подданнымъ своимъ.

Пасторъ смотрѣлъ на эту странную сцену съ свойственною ему умною и доброжелательною улыбкой.

Экипажъ былъ исправленъ. Настала минута разлуки.

— Господинъ пасторъ, сказала Рашель: вы сегодня сдѣлали истинно-христіанское дѣло; вы защитили—комедіантку и жидовку!...

— Комедіантку! Жидовку! повторилъ съ грустнымъ выраженіемъ пасторъ: какая мнѣ въ томъ нужда? Я знаю только одно: вѣроятно, никто и никогда еще не говорилъ такъ прекрасно такихъ чудесныхъ стиховъ, какихъ никто и никогда уже не напишетъ!

Рашель съ невыразимымъ чувствомъ удовольствія преклонила голову предъ достойнымъ старикомъ....

Изъ Марселя прислала она 375 франковъ пастору, для раздачи бѣднымъ, а Меру два театральные билета.

ЗЕМЛЯКЪ ГАРРИКА. Гаррикъ, знаменитый англійскій трагикъ, любилъ играть иногда и въ комедіяхъ: въ началѣ драматической карьеры своей онъ составилъ себѣ уже извѣстность ролью *Эбеля Друджера, въ Алхимикъ*, комедіи Бена Джонсона. Видя его въ этой пьесѣ, никто не могъ повѣрить, что это тотъ самый человекъ, который игралъ Ричарда III, Гамлета и Макбета. Мы расскажем анекдотъ, который покажетъ, съ какимъ совершенствомъ онъ игралъ роль Друджера.

Петръ Гаррикъ, старшій братъ актера, жилъ доходами своими въ маленькомъ, красивомъ городкѣ Личфильдѣ. Одинъ изъ сосѣдей его ѣхалъ по дѣламъ въ Лондонъ и Петръ попросилъ его отдать письмо брату его Давиду Гаррику, актеру, жившему въ то время въ Суземптонской улицѣ. Въ этомъ письмѣ онъ просилъ брата получше принять сосѣда и земляка ихъ и показать ему всѣ достопримѣчательности столицы.

Приѣхавъ въ Лондонъ, землякъ Гаррика немедленно отправился къ нему.

Знаменитаго актера не было дома; онъ уже съ утра пошелъ въ Дриори-Ленскій театръ, репетировать роль Эбеля Друджера, котораго онъ долженъ былъ играть въ тотъ вечеръ.

Добрый провинціалъ въ тотъ-же вечеръ пошелъ въ театръ; но на другой день уже не приходилъ на квартиру Гаррика,

и окончивъ дѣла, воротился въ Личфильдъ, не говоря ни слова Петру Гаррику о братѣ его.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ его наконецъ Петръ: неужели братъ не далъ вамъ никакого отвѣта?

— Никакого! отвѣчалъ сосѣдъ.

— Странно, сказалъ Петръ: это меня чрезвычайно удивляетъ, потому-что Давидъ добрый братъ, и мы ведемъ съ нимъ частую переписку.

— Сказать вамъ правду? спросилъ рѣшительно сосѣдъ.

— Говорите, ради Бога! Чтò случилось?

— А вотъ чтò случилось. Я по вашему адресу отправился, немедленно по приѣздѣ, къ брату вашему, въ Суземптонскую уллицу. Тамъ мнѣ сказали, что его нѣтъ дома и что я могу его видѣть только въ театрѣ. Такъ и быть, подумалъ я, пойду въ театрѣ. Прихожу—меня не выпускаютъ; давай, говорятъ, три шеллинга; ладно, подумалъ я опять, дамъ три шеллинга, это меня не разорить!... Вхожу и вижу брата вашего—вы не разсердитесь, если я вамъ скажу правду? Братъ вашъ былъ такъ скверно одѣтъ, онъ—былъ такъ запачканъ, что мнѣ совѣстно стало признать его при всемъ народѣ и, не смотря на то, что онъ братъ вашъ, я отрекся отъ него; къ тому-же онъ тамъ о такихъ шутняхъ говорилъ и безъ всякаго стыда, что я поскорѣе убрался вонъ изъ театра, чтобы онъ самъ какъ-нибудь не узналъ меня.... Жаль, право жаль брата вашего, онъ прежде былъ хороший человекъ!...

МАССИВНЫЙ БУКЕТЪ. Дѣвица Рашель, желая познакомить всю Францію съ высокимъ сценическимъ дарованіемъ своимъ, оставила Парижъ на все лѣто. Ее вездѣ принимали прекрасно, но нигдѣ не возбудила она такого восторга, какъ въ Марсели. Для дебюта своего, она играла *Федру*. По окончаніи пьесы букеты цвѣтовъ полетѣли на сцену, когда молодая актриса выразила страданія умирающей Федры. Блѣдная, неподвижная, съ выраженіемъ предсмертныхъ мукъ, сидѣла она въ креслахъ, голова ея откинута была назадъ, какъ вдругъ одинъ букетъ, самый огромный и самый тяжелый, брошенный изъ одной изъ ближайшихъ ложъ, полетѣлъ прямо въ лицо прелестной актрисы, оставивъ на немъ слѣды. Занавѣсъ немедленно былъ опущенъ, но публика, чрезвычайно обезпокоенная этимъ обстоятельствомъ, не прежде успокоилась, пока сама дѣвица Рашель, блѣдная, растроенная, едва держась на ногахъ, вышла на сцену поблагодарить публику за участіе, которое она въ ней принимала.

ТОРЖЕСТВО ФАННИ ЭЛЬСЛЕРЪ. Изъ Брюсселя пишутъ, что въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца, Фанни Эльслеръ давала тамъ представленіе въ пользу дома слѣпыхъ и неизлечимыхъ. По окончаніи спектакля, знаменитая актриса была введена въ фойе, гдѣ ожидали ее старики и старухи изъ богадѣльни, съ тѣмъ, чтобы предложить прелестной благодѣтельницѣ своей вѣнокъ въ знакъ благодарности ихъ. Тамъ же находилось все Королевское Человѣколюбивое Общество, президентъ котораго произнесъ краткую, но выразительную рѣчь, въ которой, отъ всѣхъ старцевъ, благодарилъ Фанни Эльслеръ за прекрасный поступокъ, вручилъ ей дипломъ почетнаго члена общества, подписанный всѣми членами комиссіи, и богатую серебряную позолоченную медаль, въ воспоминаніе великодушнаго поступка артистки.

Фанни Эльслеръ, тронутая до слезъ, едва находила слова, чтобы выразить чувства свои. Она поцѣловала президента и всѣхъ пансіонеровъ богадѣльни. Многочисленная толпа молодыхъ людей ожидала у выхода, желая еще разъ выразить свой восторгъ. Вдругъ въ одномъ изъ нихъ блеснула новая идея и всѣ единодушно одобрили ее...

Въ то время, какъ скромная коляска актрисы подъѣхала къ крыльцу, нѣсколько человѣкъ подбѣжали къ ней и отпрягли лошадей. Явилась Фанни Эльслеръ, со знаками торжества своего, и ее почти внесли въ карету, которую повезли молодые люди, до самыхъ дверей *Hôtel de Suede*, гдѣ жила актриса, наполняя воздухъ восклицаніями:

— Bravo Эльслеръ! Виватъ Эльслеръ!

Толпа безпрестанно увеличивалась, давка была страшная; каждому хотѣлось поближе разсмотрѣть черты знаменитой танцовщицы—нѣкоторые даже цѣловали ей руки!

Возвратившись домой, Фанни Эльслеръ подошла къ открытому окну, знаками благодаря публику, не отходившую отъ отеля.

Нѣсколько минутъ спустя, члены *Лирическаго Общества*, подъ предводительствомъ г. Линтерманна, вошли на дворъ, куда были обращены окна квартиры Эльслеръ. За ними слѣдовала толпа любителей. Г. Линтерманнъ съ товарищами пришелъ дать серенаду граціозной и великодушной артисткѣ, и они спѣли слѣдующія три арии: *Surcouf*, или *les corsaires*, соч. Жеральди; *Hymne à l'amitié*, Лимнадера и *les Regrets*, новые вальсы соч. Линтерманна. Последняя піеса была повторена по желанію Фанни Эльслеръ, которая была такъ тро-

нута и обворожена почестями, которыхъ удостоивала ее брюссельская публика, что со слезами на глазахъ благодарила всѣхъ, и въ особенности цѣвцовъ.

Это торжество продолжалось полтора часа, отъ половины одиннадцатаго до полуночи; потомъ толпа мало-по-малу стала расходиться.... все утихло.

Какъ легко было на душѣ прелестной танцовщицы, и какіе сладкіе сны летали около изголовья ея!...

Фанни Эльслеръ, желая вознаграждать второстепенныхъ танцовщицъ и танцоровъ за всѣ трудности, перенесенныя ими въ бытность ея въ Брюсселѣ, дала вслѣдъ за этимъ, представленіе въ ихъ пользу.

Вообще всѣ брюссельцы въ восторгѣ отъ молодой и прелестной Фанни!

САККИНИ И ЕГО МАСТЕРСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ. По недостатку-ли въ замѣчательныхъ новостяхъ или потому, что публикѣ надобно эти новости, директоры парижскихъ театровъ берутся за старое. Между-прочимъ на сценѣ Королевской Академіи музыки, въ теченіе прошлаго мѣсяца, возобновлена старинная опера Саккини: *Эдипъ въ Колоннѣ*, и имѣла удивительный успѣхъ.

Опера эта и композиторъ ея замѣчательны во многихъ отношеніяхъ, а потому мы и рѣшились сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Саккини родился въ Неаполѣ, 13-го мая 1735 года. Природа одарила его однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ характеровъ, которые умѣютъ всегда сообразоваться съ обстоятельствами, не теряя однакожъ отъ того оригинальности своей. Онъ воспитывался въ Консерваторіи Сантъ-Онофрію, гдѣ и достигъ удивительнаго искусства въ игрѣ на скрипкѣ. По выходѣ изъ Консерваторіи, онъ написалъ нѣсколько оперъ, доставившихъ ему извѣстность. Будучи приглашенъ въ 1762 въ Римъ, онъ восемь лѣтъ трудился для тамошняго театра, что однако-же не мѣшало ему посылать сочиненія свои въ Миланъ, Туринъ, Павію и Неаполь.

Въ 1769 году, Саккини получилъ званіе директора Консерваторіи де Л'Оспедалетто, въ Венеціи, и тутъ сдѣлалъ нѣсколько удачныхъ опытовъ въ духовной музыкѣ. Въ 1770 году, директоры итальянскаго театра въ Лондонѣ сдѣлали ему чрезвычайно выгодныя предложенія, которыя онъ принялъ; посѣтивъ сперва Германію и Голландію, онъ отпра-

вился въ Англію. Тамъ онъ жилъ великолѣпно, получая не менѣе 1,800 фунт. стерл. въ годъ; но онъ страстно любилъ удовольствія, а потому издержки превосходили доходы его. Подагрическіе припадки, которымъ онъ былъ подверженъ, заставили его удалиться изъ Англіи, климатъ которой онъ считалъ для себя смертельнымъ.

Въ 1782 пріѣхалъ онъ въ Парижъ, гдѣ былъ принятъ по достоинству. Марія-Антоанетта сдѣлала его своимъ учителемъ, съ ежегоднымъ окладомъ въ 6,000 ливровъ. Дирекція Оперы назначила ему 10,000 ливровъ за каждое новое сочиненіе его; въ 1783-мъ-же году онъ написалъ *Repaud et Armide* и въ послѣдствіи сочинилъ музыку къ двумъ поэмамъ Гильяра: *Chimène* и *Dardanus*.

Наступило время, въ которое онъ написалъ мастерское произведеніе свое: *Эдипъ въ Колоннѣ*, исторія котораго имѣетъ нѣчто весьма трогательное, нѣчто сходное съ *Requiem* Моцарта!

Саккини не удалось видѣть на сценѣ своего *Эдипа!*

Преждевременная смерть не позволила ему присутствовать при величайшемъ торжествѣ своемъ, и причиною этой смерти были препятствія, возникшія къ представленію лучшаго произведенія его!

Королева Марія-Антоанетта, любившая искусства, обѣщала Саккини, что его *Эдипъ* будетъ первая пьеса, которую сыграютъ на придворномъ театрѣ въ Фонтенбло. Саккини, по обыкновенію своему, являлся каждое воскресенье къ королевѣ, послѣ обѣдни, и игралъ ей лучшія и новѣйшія мѣста изъ оперъ, которыя онъ сочинялъ. Но вдругъ нѣсколько разъ сряду королева избѣгала встрѣчи съ нимъ; тревожимый этимъ обстоятельствомъ, Саккини въ одно воскресенье смѣло подошелъ къ королевѣ, такъ-что она непременно должна уже была заговорить съ нимъ. Королева отозвала его въ свою музыкальную залу и тамъ сказала ему голосомъ не твердымъ отъ внутренняго волненія:

— Послушайте, Саккини, здѣсь всѣ говорятъ, что я слишкомъ покровительствую иностранцамъ. Меня такъ настоятельно просили, что-бы вмѣсто вашего *Эдипа* я велѣла представить въ первый разъ *Федру* г. Лемоана; что я не могла отказать. Вы поймете положеніе мое и простите меня.

Саккини, стараясь скрыть горестъ свою, почтительно поклонился и возвратился въ Парижъ. Воротившись домой, онъ упалъ въ кресла и восклицалъ безпрестанно:

— Я пропала! Королева меня больше не любит! Королева меня больше не любит!

Ничто не могло утѣшить его; онъ слегъ въ постель и три дня спустя... не было Саккини!

Онъ умеръ 7-го октября 1786 года, 51-го года отъ роду.

Эдитъ же былъ представленъ въ первый разъ въ Парижѣ, 1-го февраля 1787 года.

Замѣчательна еще постепенность въ успѣхѣ этой оперы. Въ первое представленіе театръ былъ пустъ и всѣ отзывались весьма презрительно о послѣднемъ произведеніи Саккини. Во второе представленіе королева была въ театрѣ, который уже по этому былъ полонъ, и мнѣніе публики было то, что опера не совсѣмъ дурна, особенно третье дѣйствіе. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ повтореній, всѣ стали восхищаться красотами *Эдиты*, которая даже выкупаютъ многа скучныя длинноты. Спустя полтора мѣсяца, а именно 25-го марта 1787 года опять давали *Эдиту*, и вотъ что пишутъ современники про это представленіе:

«Никогда не было столько народу въ театрѣ. Для поддержанія порядка, часовые должны были надѣть штыки на ружья и ими держать народъ въ тишинѣ, но и это не помогло. Нашлись отчаянные меломаны, которые тростями ударили по пальцамъ часовыхъ и, обезоруживъ ихъ такимъ образомъ, врывались въ театръ.

«Даже во время представленія возникали безпорядки. Нѣсколько молодыхъ дворянъ, пользуясь правомъ стоять за кулисами за одинъ луй, увлеченные очаровательной музыкой, до того забылись, что появились на сценѣ. Публика зашумѣла, требуя, что-бы они спрятались опять за кулисы — словомъ, безпорядокъ былъ-бы страшный, если-бы дивная опера Саккини не заставляла умолкать самыхъ страшныхъ буяновъ.

«Это представленіе, принесло театру 15,500 ливровъ. Этому не было еще примѣра».

Съ 1830 года *Эдитъ* не былъ ни разу представленъ.

Достоинство послѣдней оперы Саккини еще болѣе доказывается большимъ успѣхомъ, который она теперь имѣетъ въ Парижѣ.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Слово Тартюфъ сдѣлалось теперь не только у Французовъ, но почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ синонимомъ лицемеря и ханжи; но, вѣроятно, не всякому извѣстно, почему Мольеру вздумалось назвать этимъ именемъ главное дѣйствующее лицо своей безсмертной комедіи? Вотъ его происхождение: Мольеру случилось разъ встрѣтиться у папскаго нунція съ двумя аббатами, изнуренная и лицемерная наружность которыхъ чрезвычайно соотвѣтствовала бывшей тогда въ головѣ Мольера идеѣ — комедіи *Клеветникъ*. Вдругъ нунцію приносятъ на продажу трюфли; и вотъ одинъ изъ этихъ ханжей, понимавшій немного по италіански, услыхавъ слово трюфли, позабылъ свою лицемерную скромность и набожность, бросился къ корзинѣ съ трюфлями, и отбирая самыя лучшія, съ восхищеніемъ повторялъ: Tartufo! Signor Nuntio, Tartufo!... Мольеру, внимательно слѣдившему за этою сценою, тотчасъ-же пришла въ голову мысль назвать своего клеветника Тартюфомъ.

— Въ Италіи едва только появится въ какой-нибудь консерваторіи или музыкальной школѣ, талантливый и съ хорошенькимъ голоскомъ ученичокъ или ученица, какъ господа импрессаріи налетятъ подобно воронамъ, начнутъ ухаживать за юнымъ, неопытнымъ талантомъ, и наконецъ кто-нибудь изъ нихъ уговоритъ его заключить контрактъ на пять, на десять лѣтъ, въ силу котораго онъ будетъ получать отъ г. импрессаріо отъ двухъ до трехъ сотъ талеровъ въ мѣсяць, но только уже съ условіемъ быть во все это время полною собственностію своего хозяина, который имѣетъ право распоряжаться имъ вполне по своему произволу. Многіе знаменитые современные пѣвцы и пѣвицы были также въ числѣ этого товара новаго рода. Такъ на примѣръ Барбая перепродалъ въ 1825 году Роберту пѣвца Донцели, а въ 1832 году Тамбурины. За выкупъ свой Донцели, заплатилъ въ четыре года 52,000 фран., Тамбурины 27,000 фран. Джюлія Гризи заключила контрактъ съ Морелли. Доведенная до крайности господиномъ Марліани, она бѣжала въ Корсику, и потомъ, когда въ 1832-мъ году она появилась опять, будучи уже собственностію импрессаріо Юдифа, она получала только 6,000 франковъ въ годъ, а г-ну Юдифу оставалось 24,000. Теперь говорятъ подобныя сдѣлки будутъ воспрещены и, безъ сомнѣнія, для артистовъ это будетъ въ тысячу разъ лучше и выгоднѣе.

— Въ первое представленіе Прадоновой комедіи «*Статура*,» самъ Прадонъ съ однимъ изъ пріятелей забрался въ уголокъ партера будто-бы для избѣжанія дружескихъ комплиментовъ и для того, чтобы самому лично судить о вліяніи піесы на публику. Піеса была съ самаго перваго акта освистана. Прадонъ, увѣренный въ похвалахъ и въ аплодисментахъ, сначала было вышелъ изъ себя и принялся стучать ногами. Пріятель его, замѣтя это, шепнулъ ему: «Полно, братецъ, не будь такъ малодушенъ; примись-ка лучше и самъ свистать вмѣстѣ съ другими». Совѣтъ понравился Прадону, и онъ, вынувъ изъ кармана свистокъ, началъ свистать изо всей мочи. Вдругъ какой-то сидѣвшій подлѣ него военный, толкнувъ его довольно грубо, сказалъ: Перестаньте свистать! піеса прекрасна, авторъ ея не дуракъ и очень хорошо принять при дворѣ. Прадонъ былъ человѣкъ горячій; это его взбѣсило; онъ толкнулъ въ свою очередь офицера и поклялся, что не перестанетъ свистать до конца піесы. Офицеръ схватилъ съ него шляпу и парикъ и бросилъ ихъ на сцену. Прадонъ отвѣтилъ на это пощочиною; завязалась драка, и наконецъ нашъ авторъ, освистанный и прибитый за самаго-же себя принужденъ былъ убраться изъ театра.

— Буало говаривалъ, что обыкновенно есть два рода галиматъи: галиматъи простая и галиматъи сложная (двойная, double.) *Простою* галиматъею онъ называлъ тѣ, гдѣ авторъ понимаетъ, что онъ хочетъ сказать, но гдѣ читатели ничего не понимаютъ; а *сложною* галиматъею тѣ, когда не только читатели, но и самъ авторъ не понимаетъ того, что онъ написалъ. Въ примѣръ этой послѣдней галиматъи онъ приводилъ слѣдующіе четыре стиха изъ трагедіи Корнеля «Титъ и Береника»:

Faut-il mourir, Madame? et si proche du terme
 Votre illustre inconstance est-elle encor si ferme
 Que les restes d'un feu, que j'avais cru si fort,
 Pussent dans quatre jours se promettre ma mort?

Баронъ долженъ былъ играть въ этой трагедіи роль Доминана. Изучая свою роль, онъ затруднился безсмыслицею этихъ четырехъ стиховъ и отправился просить объясненія у Мольера, у котораго онъ тогда жилъ. Мольеръ, прочитавъ ихъ, отвѣчалъ, что и онъ самъ ничего не понимаетъ.

— Но постойте, сказалъ онъ Барону: Корнель придетъ сегодня къ намъ ужинать, и мы попросимъ у него объясненія.

Пришелъ Корнель и молодой Баронъ, чрезвычайно любившій его, по обыкновенію, бросился ему на шею и потомъ сталъ просить его объяснить ему эти четыре стиха. Корнель, прочитавъ ихъ нѣсколько разъ, отвѣчалъ: Да я и самъ ничего не понимаю, но все-таки не выкидывайте ихъ изъ вашей роли: чѣмъ меньше будутъ понимать ихъ, тѣмъ-больше будутъ восхищаться.

— Великій Корнель, два года не ходивши въ театръ Французской Комедіи, вдругъ вздумалъ посѣтить его. Когда онъ пришелъ спектакль уже начался, но увидя его, актеры тотчасъ-же перестали играть; великій Конде, Принцъ Конти и всѣ особы, сидѣвшія на сценѣ, встали, примѣру ихъ послѣдовали ложи, а потомъ и партеръ, и все это привѣтствовало знаменитаго поэта громкими рукоплесканіями, повторявшимися потомъ въ каждомъ антрактѣ.

— «Ифигенія» Глюка и «Роландъ» Пиччини, при появленіи своемъ долго служили предметомъ къ безчисленнымъ спорамъ и сравненіямъ. Чтобы рѣшить чѣмъ-нибудь свои споры, обѣ противныя партіи рѣшились основаться на томъ, которая изъ этихъ оперъ дастъ больше сбору въ теченіе двѣнадцати представленій. Оказалось, что «Ифигенія» принесла 70,818 ливровъ 3 су, а «Роландъ» 69,405, слѣдовательно разность въ пользу Глюка 1,413 ливровъ. Эти 1413 ливровъ повергли Пиччинистовъ въ отчаяніе — Подумаешь, что-то бы сказали они, узнавши напримѣръ, что въ наше время Мейерберъ получилъ за своего «Роберта» 200,000 франковъ.

— Кребиллонъ чрезвычайно любилъ Королевскій садъ (Jardin du roi) и выпросилъ себѣ у знаменитаго анатома Дюверне, завѣдывавшаго въ то время этимъ садомъ, ключи отъ всѣхъ удивенныхъ гротовъ и бесѣдокъ. Однажды въ жаркій день онъ забрался въ одно изъ такихъ удивеній и трудился тамъ надъ своимъ «Радамистомъ.» Полагая, что никто не увидитъ его, онъ раздѣлся, и въ поэтическомъ изступленіи бѣгалъ по бесѣдкѣ, испуская, по-временамъ, ужасные крики. Одинъ изъ садовниковъ, незнавшій его, подсмотрѣлъ эту проделку, и сочтя его за сумасшедшаго или за злодѣя, совершившаго какое-нибудь ужасное преступленіе, бросился донести объ этомъ Дюверне. Дюверне прибѣгаетъ въ бесѣдку и не можетъ удержаться отъ смѣху, узнавъ въ мнимомъ сумасшедшемъ автора «Атрея» и «Электры».

ХРОНИКА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

(1 Ю Л Е .)

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

THÉÂTRE DE L'OPÉRA.

Oedipe à Colonne (Эдипъ въ Колоннѣ,) опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова Гильера, музыка Саккини.

Возобновленіе этой старинной оперы (о композиторѣ которой мы сказали нѣсколько словъ въ отдѣленіи смѣси нынѣшней книжки) имѣетъ двойную выгоду: во-первыхъ то, что всѣ любители музыки могли услышать одно изъ лучшихъ, хотя и забытыхъ, произведеній музыки прошедшаго столѣтія, а во вторыхъ оно представило случай сдѣлать весьма замѣчательное наблюденіе о могуществѣ воспоминаній и о сопротивленіи новѣйшаго поколѣнія въ признаніи достоинствъ созданія время давно минувшихъ. Въ слѣдствіе этого, слушатели раздѣлились на двѣ партіи: одни восхищались всѣмъ, безъ всякаго разбору, проливали слезы въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ—они знали почти всю партитуру наизусть; они сами и отцы ихъ долго восхищались ею, а потому не разсуждали, не сравнивали, а только—вспоминали. Другіе-же, довольно снисходительно улыбаясь высокими порывамъ и глубокому знанію музыки *добрака Саккини*, не переставали однако громко смѣяться надъ методой его, которую они называли устарѣвшею,—они никогда не слышали *Эдипа*, не имѣли объ немъ никакого понятія, а приняли въ театръ съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что въ этомъ *старь* не можетъ быть ничего порядочнаго.

Не раздѣляя слѣпаго восторга первыхъ и не соглашаясь съ насмѣшливымъ равнодушіемъ вторыхъ, мы постараемся занять между ними среднее мѣсто и рассмотрим Эдипа съ той точки, съ которой онъ долженъ явиться всякому безпристрастному судѣ.

По трогательной простотѣ мелодій своихъ, по истинѣ и часто величію выраженія ихъ, а также и по классицизму своему, если позволять намъ такъ выразиться, произведение Саккини производитъ глубокое впечатлѣніе на душу.

Нельзя обвинить Саккини въ томъ, что увертюра Эдипа слаба; до Россини; написавшаго такія блистательныя увертюры къ операмъ своимъ, едва-ли кто написалъ въ этомъ родѣ что-нибудь порядочное.

Въ речитативѣ, которымъ начинается драма, много правды и силы, особенно въ первыхъ четырехъ стихахъ:

En vain un frère ingrat vous ravit la couronne,
Prince; mon peuple et moi
Reconnaissons vos droits; la nature et la loi
Vous appellent au trône.

Небольшая арія Тезея:

Ma fille est le précieux gage;

весьма незначительна; за то арія Полиника особенно замѣчательна; гнѣвъ, негодованіе, радость торжества прекрасно выражены, — такъ и не иначе долженъ выражаться пылкій соперникъ Этеокла.

Вотъ еще превосходное мѣсто: готовятъ жертву Эменидамъ, богинямъ—покровительницамъ Аѳинъ, предъ начатіемъ войны противъ царя Фивскаго. Жрецы, несущіе огонь и виміамъ выходятъ на сцену и поютъ воззваніе религиозное и вмѣстѣ мрачное, производящее таинственностью своею какое-то тягостное впечатлѣніе. Тема: O vous, que l'innocence même, solo великаго жреца: Vous percez dans la nuit obscure, и инструментовка этого воззванія исполнены такъ превосходно, что смѣло могутъ стать на ряду съ самыми величественными и поэтическими произведеніями Глюка.

Окончательное *аллегро*, послѣ низверженія жертвенника, весьма кратко; но всѣ ноты на своемъ мѣстѣ, каждая изъ нихъ выражаетъ то, что должна выражать, и самый лаконизмъ этихъ внезапныхъ восклицаній такъ поразителенъ, что большее развитіе могло-бы только повредить вырази-

тельности этого аллеgro. Не распространяясь на-счетъ второго дѣйствія, которое гораздо слабѣе двухъ другихъ, мы перейдемъ къ третьему, которое всякій слушатель, въ комъ есть хотя малѣйшее человѣческое чувство, найдетъ превосходнымъ.

Большая окончательная сцена между Эдипомъ и дѣтьми его такъ хороша, что мы невольно должны поговорить о ней подробнѣе. Поликникъ, мучимый раскаяніемъ, хочетъ испросить прощенье у отца своего, котораго онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, свергнулъ съ Фивскаго престола; Антигона, не называя еще виновнаго, осмѣливается просить за него.

OEdipe.

Quel est cet étranger?

Antigone.

Il ne l'est pas pour nous!

OEdipe.

Ah! je le reconnais, à mon juste courroux,

Tu n'en as que trop dit, ce perfide est ton frère!

Antigone.

Eh bien! s'il était vrai!

Тогда гнѣвъ Эдипа разражается, но достигаетъ пароксизма своего только въ ту минуту, когда Поликникъ, не будучи болѣе въ состояніи скриваться, бросается къ ногамъ отца. Этотъ речитативъ превосходенъ и ничего не можетъ быть увлекательнѣе скорого разсказа Поликника, исчисляющаго выгоды союза его съ Тезеемъ, выгоды, доставляющія возможность вновь возложить царскій вѣнецъ на голову отца.

OEdipe.

Qu'il moi! que j'applaudisse à ton zèle inhumain!

Qu'il moi! que je reçoive un sceptre de ta main!

Qu'espères-tu de moi? D'où te vient tant d'audace?

Va, tu n'en obtiendras qu'horreur et que mépris!

Polynice.

Il n'est point de forfaits qu'un vrai remords n'efface;

Vous êtes père, enfin, et je suis votre fils!

OEdipe.

Mon fils! tu ne l'es plus!

Va! ma haine est trop forte!

D'Étéocle et de toi tous les droits sont perdus!

Dans mon âme ulcérée, oui, la nature est morte,

Et ton frère, ni toi, je ne vous connais plus!
 Antigone me reste, Antigone est ma famille,
 Elle est tout pour mon cœur, seule elle est ma famille.

Внезапный переходъ отъ предшествовавшихъ стиховъ къ двумъ послѣднимъ, переходъ отъ гнѣва къ вѣжности, проклятія на сыновей и благословенія на дочь, не могли быть лучше выражены. Наконецъ Саккини вполне утвердилъ высокое достоинство оперы своей финаломъ.

Полинникъ, мучимый раскаяніемъ, въ послѣдній разъ падаетъ къ ногамъ отца. *Aria agitato*

Délivrez-vous d'un monstre furieux,

замѣчательна глубокимъ выраженіемъ отчаянія; — кажется, лучше и быть не можетъ... Но наконецъ Эдипъ смягчается... какіе-то протяжные, тихіе звуки поднимаются изъ оркестра, какъ послѣдній тяжкій вздохъ облегченнаго сердца и Эдипъ обращается къ богамъ, которые одни знаютъ, искренно-ли раскаяніе сына его. За тѣмъ начинается тріо, которому врядъ-ли найдется что-нибудь подобное въ новѣйшей музыкѣ!..., Мелодія, гармонія, инструментовка даже, все прекрасно, все вѣрно выражаетъ спокойствіе, возвратившееся въ страдавшія сердца! Это легкій вѣтерокъ, освѣжающій глаза омоченные горькими слезами — это миръ! Это счастье!...

Занавѣсъ опускается и въ душѣ вашей осталось какое-то неизъяснимое чувство удовольствія, спокойствія, радости — вы счастливы!

Неужели-жъ мы должны согласиться послѣ этого, что все, дѣйствующее на душу нашу благотѣльно, вызывая только одни добрыя, благородныя ощущенія, скучно и устарѣло?

La Péri, (Пери) новый балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ гг. Теофила Готье и Корали.

Обстановка и вымыселъ новаго балета прекрасны. Карлота Гризи, какъ новая Сильфида, новая Тальони, очаровываетъ зрителей своей граціозностью.

Говорятъ, что Александръ Дюма, проснувшись въ одинъ прекрасный день замѣтилъ, что легкое и остроумное перо его истощило всѣ сюжеты. Однако онъ не долго былъ въ затрудненіи — ему принесли афишу и онъ прочиталъ на ней: *Новый балетъ Теофила Готье*. И Александръ Дюма написалъ также *новый балетъ*, который вскорѣ появится на сценѣ театра de l'Opéra.

THÉÂTRE DU VAUDEVILLE.

Les petites Misères de la vie humaine, (Мелочныя бѣдствія чело-вѣческой жизни) водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г. Клервилля.

Жюль Жаненъ, подъ псевдонимомъ Ольдъ-Ника написалъ книгу: *Les petites misères de la vie humaine*, которую остроумный и неистощимый Гранвилль оживилъ, одушевилъ, такъ сказать, чудными рисунками своими. Главная цѣль этой книги выставить на показъ всѣ тѣ мелочныя бѣдствія жизни нашей, которыя на каждомъ шагу преслѣдуютъ насъ. Всѣ люди принимаютъ участіе и сожалеютъ о человѣкѣ, котораго постигнетъ какое-нибудь большое несчастье, слѣдовательно это участіе можетъ уже нѣкоторымъ образомъ служить утѣшеніемъ несчастному: между-тѣмъ, какъ мелочныя бѣдствія дѣлаютъ насъ смѣшными и тѣмъ-болѣе раздражаютъ досаду нашу. Пусть кровельщикъ упадетъ съ крыши такъ счастливо, что не повредитъ себѣ ни одного члена, всѣ однакожъ окружаютъ его, будутъ сожалѣть о немъ, но пусть этотъ-же человѣкъ спотыкнется на улицѣ, упадетъ въ грязь и разо-бьетъ себѣ носъ—всѣ будутъ смѣяться!...

Книга Ольдъ-Ника имѣла большой успѣхъ, а извѣстно, что во Франціи за каждымъ успѣхомъ слѣдуетъ—водевилъ; такъ и г. Клервилль вывелъ на сцену какого-то Гренулье, безпощадно преслѣдуемаго мелочными бѣдствіями. Онъ хочетъ спать, сосѣдъ его фальшивитъ на рожкѣ; нечего дѣлать! Дома нельзя оставаться, лучше идти куда-нибудь въ гости. Гренулье одѣвается, выходитъ на улицу—проливной дождь и ни одного извощика! Онъ рѣшается идти пѣшкомъ, его забрызгиваютъ грязью. Наконецъ мокрый, грязный приходитъ онъ къ своей невѣстѣ; тамъ его принимаютъ какъ пуделя, только-что вышедшаго изъ воды; сконфуженный, онъ не знаетъ что дѣлать, наступаетъ на кошку невѣсты своей, садится на новую шляпку ея и пр. и пр. и пр.

Мы лучше всего посоветуемъ читателямъ нашимъ купить книгу Ольдъ-Ника и Гранвилля, она гораздо интереснѣе. Для этого стоитъ только записаться зонтикомъ, какая-бы ни была погода, не забыть дома кошелекъ и отправиться въ гостинный дворъ. Запомнить погуще, или даже записать фамилію *Исакова*, чтобы какъ-нибудь нечаянно не попасть въ какую-нибудь русскую книжную торговлю. Если послѣ всѣхъ этихъ предосторожностей, случится съ вами какое-нибудь мелочное бѣдствіе, то пеняйте сами на себя.

THÉÂTRE DES VARIÉTÉS.

Les Contrebandiers de la Sierra-Nevada. (?) (Контрбандисты Сиеры-Невады).

Это не водевиль, не драма, не новая трагедія, не новый балетъ, не опера, а все вмѣстѣ! Словомъ—это Испанцы, производящіе въ Парижѣ такой-же эффектъ, какой производили у насъ цыгане.

Это Испанцы, покинувшіе родину, возмущаемую внутренними распрями, взявшіе съ собою только гитару и кастаньетки. Танцевъ ихъ ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Топанье, прыганье, разгулъ души, тѣла, глазъ! Они танцуютъ не для зрителей, а для себя; танцуютъ потому, что они иначе-бъ и жить не могли!

Театръ des Variétés оставилъ всѣ водевили свои, публика ихъ и не требуетъ; ей нужны только Додоресъ, Мануэла Гарчіа, Марино, Кампруби и Жуанъ....

La chasse aux belles filles, (Охота за красавицами,) водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ, гг. Лоренсена и Бернара Лопеза.

Г-жа Бомбарда, брильянтица, старается отыскать сыну своему Онезиму невѣсту, между-тѣмъ, какъ онъ самъ давно уженашоль себѣ тотъ идеалъ, который долженъ осуществиться, сдѣлавшись супругой его. Но мать не соглашается на этотъ бракъ, потому-что идеалъ Онезима слишкомъ бѣденъ, и сама пускается на охоту за хорошенькими и богатенькими невѣстами. Три раза приступаетъ г-жа Бомбарда и три раза отступаетъ съ урономъ, на четвертый уже съ отчаянія приступаетъ она къ идеалу Онезима и, разумѣется, одерживаетъ побѣду.

Піеса скучная, растянутая и весьма неблагопристойная.

THÉÂTRE DU PALAIS-ROYAL.

Jocrisse en famille, (Жокрисъ въ своей семьѣ) водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Дювера и Лозанна.

Возобновленный сюжетъ и разогрѣтое кушанье никуда не годятся. Это истина старая, но не разогрѣтая, вотъ почему мы осмѣливаемся повторить ее господамъ поставщикамъ водевилей.

Піеса гг. Дювера и Лозанна есть ничто-иное, какъ продолженіе тѣхъ похожденій Жокрисса, которымъ публика

такъ часто смѣялась, но не-смотря на то, что въ новомъ водевилѣ весьма забавно положеніе Жокрисса, сестры его и мужа ея, которые всѣ трое думаютъ видѣть плодъ проступка юности въ молодомъ жокеѣ и стараются хранить это въ-тайнѣ другъ отъ друга, не-смотря на это пьеса не имѣла успѣха.

L'autre part du Diable, (Другая доля дьявола) водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г. Вернера.

Обрію, обойщикъ герцога Бургонскаго, соединился съ алхимикомъ Жеромомъ Фоссе для отысканія философскаго камня. Алхимикъ, пользуясь легковѣріемъ обойщика, обманываетъ его, живетъ на его счетъ и хочетъ жениться на племянницѣ его Женевьевѣ. Бѣдный Обрію почти совершенно разоряется, дѣла его идутъ плохо, въ домѣ страшный беспорядокъ, герцогъ волочится за женой его, молодой писарь Оливье за племянницей. Однако, не-смотря на простоту свою, Обрію выходитъ наконецъ изъ терпѣнія и настоятельно требуетъ, чтобы алхимикъ посвятилъ его наконецъ въ таинства науки своей. Хитрый Жеромъ, желая еще болѣе запутать бѣднаго обойщика, приноситъ какую-то книгу и говоритъ, что онъ долженъ выучить наизусть кабалистическіе знаки, въ ней начертанные и только тогда можетъ имѣть силу надъ духами. Оставшись одинъ, Обрію съ жаромъ новичка принимается складывать звуки, которыми испещрена книга, которая, мимоходомъ сказать, ни что-иное, какъ сочиненія Виргилія. Прочитавъ строку, обойщикъ на пробу старается вызвать асмодея.... вдругъ чей-то голосъ отвѣтствуетъ ему, что будетъ повиноваться только женщинѣ. Въ испугѣ, смѣшанномъ съ тайною радостію, Обрію призываетъ жену и племянницу и тутъ уже вмѣсто одного голоса, — отвѣчаютъ два. Одинъ приказываетъ обойщику отдать племянницу свою за писаря Оливье, а другой не слѣдитъ за женой и дать ей полную свободу. Оба велютъ выгнать алхимика.

Эти два голоса принадлежать — одинъ писарю, спрятавшемуся въ часовой ящикъ, а другой герцогу, скрывшемуся въ лабораторіи алхимика.

Эта прелестная шутка, служащая какъ-бы комическимъ повтореніемъ оперы Обера и Скриба *La part du Diable*, имѣла совершенно заслуженный успѣхъ.

THÉÂTRE DU GYMNASÉ DRAMATIQUE.

Les deux sœurs, ou le Mentor, (Двѣ сестры или Менторъ) водевилъ въ одномъ дѣйствіи, г. Фурнье.

На чердакъ дома, принадлежащаго г. Гарнере, въ маленькой мансардѣ, живутъ двѣ сестры сиротки, Клара и Юлія. Эти двѣ дѣвушки, лишившись родителей, рѣшились служить другъ-другу матерью, менторомъ. И вотъ онѣ живутъ счастливо и мирно; всѣ ихъ любятъ, всѣ стараются угождать имъ. Привратница взяла ихъ подъ свое покровительство, хозяйнѣ дома удивляется имъ, молодыя сосѣдки кланяются имъ почтительно и на перерывъ одна предъ другою стараются услужить имъ. Все идетъ прекрасно, какъ вдругъ старшая сестра, Юлія, встрѣчается съ какимъ-то аферистомъ, бульварнымъ львомъ, г. Таксидомъ, которому такъ нравится хорошенькая, молодая дѣвушка, что онъ рѣшается внести ее въ число жертвъ своихъ. Но Клара не забыла, что, не смотря на то, что она моложе, въ случаѣ опасности должна служить защитой сестрѣ, и дѣйствуетъ такъ хитро и выѣстъ съ тѣмъ такъ осторожно, что скоро выпроваживаетъ г. Таксида и находитъ сестрѣ другаго жениха, молодаго живописца, только-что воротившагося изъ Рима.

Вотъ весь сюжетъ этого маленькаго, *спокойнаго* водевиля, которымъ г. Фурнье доказалъ, что не одни драматическіе ужасы или площадные фарсы могутъ нравиться въ нашъ вѣкъ.

THÉÂTRE DE LA GAITÉ.

Adrienne, водевиль въ одномъ дѣйствіи, г. Ожье.

Обыкновенно, когда авторъ какого-нибудь романа, драмы или водевиля, находится въ затрудненіи, какъ назвать свое произведеніе, то онъ прибѣгаетъ къ календарю и называетъ дѣтище ума своего просто какимъ-нибудь мужскимъ или женскимъ именемъ.

Г. Жоанни Ожье, авторъ новаго водевиля, не былъ вынужденъ необходимою избрать это хорошенькое имя, для названія пьесы своей. Адриенна его существовала и была очень извѣстна въ свое время.

Дѣло идетъ объ Адриеннѣ Лекувреръ, которой имя занимаетъ весьма почетное мѣсто между царицами театральнаго династіи, начиная отъ *знаменитой* Шампмеле и до *славной* Рапели.

Дѣвица Лекувреръ была воспитана старымъ прокуроромъ, Дюрандаемъ, который хотѣлъ на ней жениться, не по красотѣ ея, а изъ денежнаго интереса. Къ счастью врожденная

любовь къ театру, развитая совѣтами великаго Вольтера, спасаетъ ту, которой предназначено быть украшеніемъ французской сцены, отъ независтнаго союза и оставляетъ въ сердцѣ Адриенны незанятымъ то мѣсто, которымъ овладѣлъ въ послѣдствіи молодой и блестящій маршалъ де Саксъ.

Милый водевилъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ.

THÉÂTRE DE L'AMBIGU-COMIQUE.

6,000 francs de récompense, (6,000 франковъ награжденія) мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, безъ пролога (!), г. Деноайе.

Г. д'Арси, прогуливаясь однажды вечеромъ, находитъ бумажникъ съ банковыми билетами въ 400,000 франковъ. Д'Арси, какъ честный человѣкъ, пускается отыскивать хозяина этого бумажника и на другой-же день видитъ билеты, прибитые ко всѣмъ угламъ, въ которыхъ объявляется, что Деваренъ обѣщаетъ 6000 франковъ награжденія тому, кто доставитъ ему бумажникъ съ 400,000 франковъ, который онъ потерялъ.

— Какъ! восклицаетъ д'Арси: деньги эти потерялъ Деваренъ, старый скряга, ростовщикъ! По дѣломъ ему!.. Неужели этотъ старый дуракъ, пустившій уже по міру столько семействъ, надѣется, что ему возвратятъ деньги его? Какъ-бы не такъ! Я буду жить весело, не забывая ближнихъ, помогая бѣднымъ и начну съ того, что сей-часъ-же выкуплю нѣсколько должниковъ изъ тюрьмы!...

Такъ разсуждаетъ д'Арси и идетъ въ тюрьму, гдѣ освобождаетъ большаго плута и вора, Россиньоля, котораго и беретъ къ себѣ въ слуги. Но между-тѣмъ, въ другомъ отдѣленіи тюрьмы происходитъ трогательная сцена: старый Морисъ, казначей Девареня, потерялъ эти деньги и, будучи посаженъ въ тюрьму, съ горя умираетъ на рукахъ опечаленныхъ дѣтей своихъ!...

Г. д'Арси возвращается домой. На душѣ его такъ легко, совѣсть его такъ чиста, что онъ не успѣваетъ почти сѣсть на диванъ, какъ уже засыпаетъ. Ему снится, что онъ неизмѣрно счастливъ, щедрою рукою сыплетъ милостыню и всѣ благословляютъ его! Но вдругъ дѣло начинаетъ портиться — сонъ его становится безпокойнѣе... Грозная тѣнь стараго Мориса предстаетъ предъ нимъ и говоритъ мрачнымъ, грознымъ голосомъ:

— Отдай деньги, отдай!

Д'Арси трепещетъ, старается прогнать грозную тѣнь и поетъ сломя голову:

Злато мечтанье пустое!

Потомъ для препровожденія времени начинаетъ рассказывать себѣ, какъ онъ нашелъ бумажникъ, сколько въ немъ было денегъ и проч. и проч.

— Бумажникъ! 400,000 франковъ! говорить вдругъ подслушивавшій Россиньоля: вотъ что! Новый господинъ мой, какъ видно, просто воръ, а вора не грѣхъ обокрасть!... И привычная рука Россиньоля начинаетъ вездѣ шарить, какъ вдругъ что-то падаетъ... Д'Арси просыпается.

— Негодяй! восклицаетъ онъ, схвативъ слугу за воротникъ.

— Полно горячиться, отвѣчалъ Россиньоля: мы, по видимому, занимаемся однимъ ремесломъ. По рукамъ-же и подѣлимся!...

Тутъ только д'Арси замѣчаетъ, что онъ сдѣлалъ большую глупость, но ее можно исправить—еще не поздно. Онъ возвращаетъ деньги, даетъ еще прекрасную мануфактуру на придачу и отдаетъ за мужъ дочь Мориса за того, кого она любитъ.

Всѣ довольны, исключая Россиньоля, который не перестаетъ твердить, что баринъ его сдѣлалъ глупость.

THÉÂTRE DES FOLIES-DRAMATIQUES.

Le saut périlleux, (Опасный скачокъ,) водевилъ въ одномъ дѣйствіи, гг. Сентъ-Ива и Монжоа.

Несторъ де-Перпиньянъ страстно влюбленъ въ Мариетту, дочь стараго барона; но онъ чрезвычайно робокъ и стыдливъ. У него есть соперникъ, отчаянный мускетеръ, веселый и смѣлый до безразсудства. Между-тѣмъ, какъ Несторъ вздыхаетъ подъ окнами возлюбленной своей, соперникъ его, Гастонъ, пробирается къ ней въ комнату. Но кто-то идетъ... Мариетта въ отчаяніи.

— Успокойтесь, говоритъ Гастонъ: меня здѣсь никто не долженъ застать — я уйду!

— Но куда?

— Въ окно!

— Помилуйте! у меня голова кружится, как только посмотрю вниз ... Но шаги приближаются.... Боже мой, идут! Я погибла!

— Вы спасены! восклицает Гастонъ и высккиваетъ въ окно, прямо на плеча бѣдному Нестору, который тамъ вздыхалъ и сквозь зубы напѣвалъ самые страстные романсы.

— Стой! восклицаетъ Гастонъ, схвативъ Нестора: кто ты?

— Какая дерзость! отвѣчаетъ Несторъ, не приходя въ себя отъ удивленія и испуга.

Гастонъ пользуется удобнымъ случаемъ и объявляетъ всѣмъ въ тайнѣ, что Несторъ сообщникъ знаменитаго разбойника Картуша, чуть-ли не самъ Картушъ, и между-тѣмъ, какъ это извѣстіе наводитъ на барона паническій страхъ, онъ испрашиваетъ у него руку дочери, обѣщаясь освободить его отъ страшнаго разбойника. Баронъ съ радостію соглашается.

Хитрость его вскорѣ открывается, но уже поздно—Гастонъ объявленъ женихомъ Маріетты. Эта пѣса очень мила и забавна.

На театрѣ de la Porte-Saint-Martin сыграна была съ великолѣпными декорациями и со всею сценическою роскошью новая драма, братьевъ Кошьяръ, передѣланная изъ фантастической баллады Бюргера «*Элеонора*».

=

ВѢНСКІЕ ТЕАТРЫ.

Theater an der Wien.

Die Belagerung von Oran, (Осада Орана). Большое драматическое зрѣлище (!) въ трехъ дѣйствіяхъ, *аранжированное* г. Карломъ.

Какъ и всѣ пѣсы, которыя суть ничто-иное, какъ зрѣлища, эта пѣса *аранжирована* только для эффекта и основана на эффектахъ.

Рецептъ для составленія подобныхъ драматическихкихъ представлений всѣмъ извѣстенъ:

Возьмите пару злодѣевъ, надѣньте на нихъ живописно-безпорядочный костюмъ; молодую хорошенькую дѣвушку, которую хорошенькій молодой человекъ любитъ и спасаетъ отъ

злѣбъ; для разнообразія примѣшайте къ нимъ какого-нибудь дурачка, двуногихъ и даже четвероногихъ статистовъ, пороховъ, сраженіе, военныя эволюціи, танцы, живыя картины, богатые костюмы и великолѣпныя декорации; перемѣшайте и перепутайте все это хорошенько, такъ-чтобы трудно было доискаться смысла и подавайте публикѣ до-тѣхъ-поръ, пока она не выздоровѣетъ отъ болѣзни, называемой страстью къ подобнымъ зрѣлищамъ.

Хотя *Осада Орана* и составлена по этому рецепту, однакожь осада на театральную кассу была большая.

Въ Вѣнѣ сестры *Милацелло*, двѣ молодыя дѣвушки, играющія на скрипкахъ, пѣвнютъ публику. Другихъ новостей нѣтъ; все живетъ за городомъ, все стремится наслаждаться свѣжестью и благоуханіями разцвѣтшей природы. Затихъ въ городѣ стукъ колесъ великолѣпныхъ, экипажей и только стукъ молотка ремесленника раздается по улицамъ, наполненнымъ пылью, которую изрѣдка поднимаетъ легкій вѣтерокъ или телѣжка поселянина....

Исключая еще нѣкоторыхъ пустыхъ и глухихъ водевилей о которыхъ не стоить и упоминать, вотъ все, что представляютъ новаго французскіе и нѣмецкіе театры.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Парижскія театральныя новости: Извѣстная пѣвица г-жа Штольдъ разучиваетъ роль въ новой оперѣ Скриба и Донизетти: «*Донъ Себастьянъ Португальскій*». Въ скоромъ времени ожидаютъ также новой оперы Адама: «*Ричардъ въ Палестинѣ*». Съ 1-го іюля должны были начаться репетиціи новой оперы Мейербера: «*Пророкъ*» но онъ до-сихъ-поръ не прислалъ еще партитуры. Касательно этихъ репетицій Мейерберъ заключилъ съ дирекціею слѣдующія условія: репетиціи начнутся съ 1 іюля и продолжатся пять мѣсяцовъ, и въ теченіе всего этого времени уже не должна быть репетирована никакая другая новая пѣса, будь это хотя даже и не опера, а балетъ. За неустойку положено 60,000 фр. штрафа.

— Въ *Opéra-comique* готовятъ къ постановкѣ ни болѣе ни менѣ, какъ восемь новыхъ трехъ-актныхъ оперъ, а именно: во первыхъ недоконченную оперу *Монпу*, которую

взялся оковчить Адамъ; потомъ новую оперу фирмы г-дъ Скриба и Обера, и наконецъ по оперѣ г-дъ: Томаса, Адама, Клапписсона, Монфорта, Лабарре и Буассело. Кромѣ-того, поговариваютъ, что будто-бы Донизетти обѣщаль написать еще другую оперу для этого театра.

— На дняхъ происходило годичное засѣданіе парижскаго Общества драматическихъ писателей и композиторовъ, подѣ председательствомъ г. Вьенне, члена Французской Академіи. Отчетъ о годичныхъ трудахъ Общества читанъ былъ г-мъ Локруа, секретаремъ, а отчетъ о денежныхъ суммахъ г. Ферд. Лангле, казначеемъ Общества. Число авторовъ и композиторовъ, составляющихъ Общество, простирается до 400 человекъ, половина изъ нихъ теперь уже почти ничего не пишетъ. Сумма авторскихъ процентовъ съ театральныхъ сборовъ, простиравшаяся въ прошедшемъ году до 842,394 фр. въ нынѣшнемъ году составила только 772,230 фр.

— Извѣстный нѣмецкій поэтъ Фридрихъ Киндъ, авторъ либретто «Волшебнаго Стрѣлка» скончался въ Дрезденѣ 25 іюня н. с., въ ту самую минуту, когда на Королевскомъ театрѣ оканчивали 112 е представленіе этой знаменитой оперы.

— Д-ше Клару Новелло обвиняютъ въ нестерпимомъ скряжничествѣ. Она, говорятъ, не хотѣла иначе пѣть въ бенефисѣ одного изъ сотоварищей своихъ, какъ за 25-ть гиней. Анекдотъ этотъ ходитъ по всему Лондону и много вредитъ Д-ше Новелло.

— Въ Римѣ дана была съ большимъ успѣхомъ новая опера: *Il Foletto*, слова Феретти, музыка Кополлы. Не менѣе успѣха имѣла также, данная на Туринскомъ театрѣ, новая комическая опера любимаго композитора Бауера: «*Chi più guarda meno vede*».

— Общество миланскихъ дамъ выбило въ честь знаменитой Сильфиды, Маріи Тальйони медаль. На одной сторонѣ этой медали находится очень похожій портретъ знаменитой танцовщицы, а на другой простыя слова: *a Maria Taglioni. Milano MDCCCXLIII.*

— Р. Бенедиксъ, авторъ комедій: «Докторъ Веспе» написалъ новую комедію, подѣ названіемъ: *Ненавистникъ женщинъ* (*der Weiberfeind*), которая дана была на дняхъ въ Кельнѣ и, какъ говорятъ, имѣла большой успѣхъ.

— 9-го іюня н. с. скончалась въ Вѣнѣ, на 73-мъ году отъ роду, замѣчательная нѣмецкая писательница Каролина Пихлеръ.

— Въ началѣ нынѣшняго мѣсяца на Queens-Théater въ Лондонѣ поставленъ былъ новый балетъ Перрота: «Ундина» музыка Пуни. Великолѣпныя декораций и костюмовъ превосходятъ, какъ пишутъ въ журналахъ, всякое воображеніе. «Don Pasquale» Доницетти, въ которомъ главныя роли занимаютъ Гризи, Лаблашъ, Маріо и Форназари, также имѣлъ на этомъ театрѣ большой успѣхъ.

— Знаменитый ученикъ Паганини, Сивори, производитъ теперь въ полномъ смыслѣ слова *fugate* въ Лондонѣ. На другой день послѣ даннаго имъ концерта въ Букингамскомъ Дворцѣ, онъ получилъ отъ королевы Викторіи драгоцѣнное брилліантовое кольцо.

— Изъ Лондона пишутъ: замѣчательный піанистъ Халле давалъ здѣсь 30-го іюня свой послѣдній концертъ. Исполненная имъ въ этомъ концертѣ большая соната Бетховена, посвященная Крейцеру, была принята съ величайшимъ энтузіазмомъ, и артистъ этотъ вполнѣ можетъ гордиться своимъ успѣхомъ.

— Народность Беранже, кажется, увеличивается съ каждымъ новымъ изданіемъ его пѣсень. *Trois cent mille* разпроданныхъ экземпляровъ этихъ пѣсень все еще оказывается недостаточно и требованія на нихъ непрерывно увеличиваются. Подобнаго примѣра еще не было ни въ какой литературѣ. Новое изданіе, предпринятое г-мъ Перротеномъ, будетъ отличаться всею типографическою роскошью, превосходными гравюрами и чрезвычайною дешевизною.

— Въ Пергола имѣла блистательный успѣхъ новая опера: *Il conte di Savigna*, музыка Мабеллини, а въ Римѣ тоже новая опера-буффа: «*Osti non osti*» молодого девятнадцати-лѣтняго композитора Энрико Ролланда.

— Четвертое большое музыкальное торжество сѣверной Германіи происходило въ нынѣшнемъ году въ Ростокѣ, подъ управленіемъ Маршнера и Потта, съ 12-го по 18-е іюля н. с. Дано было четыре концерта, изъ коихъ въ двухъ первыхъ исполнены были духовныя піесы: «*Иуда Маккавейскій*» — Генделя; симфоническая кантата и 42-й псаломъ — Мендельсона и соло изъ *Мессіи* и *Сотворенія міра*; а въ двухъ послѣднихъ Симфонія въ *re* Бетховена, симфонія въ *ut* Шуберта, увертюры *Ифигенія въ Авлидѣ*, *Фрейшица* и *Вампира*, и наконецъ увертюра, написанная нарочито для этого торжества Маршнеромъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

31-го Юля.

Предпочитая природу и уединеніе всевозможнымъ праздникамъ и гуляньямъ, удалился я въ тихій скромный уголокъ въ окрестностяхъ столицы, откуда только куполы Исакія и Смольнаго монастыря, отдѣлявшіеся отъ сѣрыхъ испареній, носящихся надъ городомъ, напоминали мнѣ о немъ, и куда новости доходили до меня только въ видѣ журналовъ и газетъ.

Представьте-же себѣ затрудненіе мое, когда слѣдующія слова: «на московскихъ театрахъ ничего не даютъ достойнаго вниманія», поставили меня въ необходимость разсказать вамъ петербургскія новости?

Но гдѣ ихъ взять? Неужели, въ подражаніе Александру Дюма, приняться описывать вещи, которыхъ никогда не видалъ? Или ограничиться одною только театальною новостію, а именно бенефисомъ г-на Третьякова? Впрочемъ эта новость очень старая, посудите сами.

Спектакль начался старой піесой Скриба «*Toujours!*» переименованной у насъ въ *Вѣчную любовь*. Не говоря уже о томъ, что этотъ водевиль сошелъ уже со сцены Михайловскаго театра, кажется, что онъ является не въ первый разъ и на сценѣ Александринскаго. Начало этого водевиля я не видалъ, потому-что вошелъ въ театръ только тогда, когда *вѣчная любовь* приходила къ счастливому концу. Г. Максимовъ былъ очень хорошъ.

Теперь обратимтесь къ *pièce de résistance* всего бенефиса, а именно къ драмѣ *Смерть Каласа*, отзывающейся долготѣнейшею пылью, которая успѣла покрыть ее съ-тѣхъ-поръ, когда она въ послѣдній разъ была на сценѣ. Еслибъ кто-нибудь изъ молодыхъ артистовъ выбралъ подобную пиесу для бенефиса своего, то это было-бы смѣшно, но зачѣмъ обвинять г-на Третьякова въ выборѣ пиесы обвѣтшалою? Это несправедливо: бенефициантъ находится уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда люди живутъ больше воспоминаніями о томъ времени, когда души и сердца ихъ были еще свѣжи и когда все, сильно дѣйствовавшее на нихъ, глубоко впечатлѣвалось. Было время, когда *смерть Каласа* производила у насъ фуроре, прошло то время и забыли объ этомъ *старь*.

Г. Третьяковъ, сжалившись надъ бѣднымъ новымъ поколѣніемъ, зѣвающимъ надъ произведеніями новаго-же поколѣнія, вспомнилъ то время, когда онъ самъ восхищался и восхищаль, и вздохнувъ сказалъ:

— То-то было время золотое!

И въ слѣдствіе *сею*, рѣшился возобновить *оно*.

Расчетъ бенефицианта былъ вѣрный, потому-что публика плакала, аплодировала и вызывала.

Жаль только, что равнодушіе публики къ бенефицианту было несправедливо и даже жестоко: неусыпный трудъ и долготѣнная служба заслуживаютъ лучшей награды.

Въ заключеніе спектакля данъ былъ водевиль: *Бѣда отъ буквы ъ*.

Бѣда!...

Только что успѣлъ я написать послѣднее слово, какъ въ комнату влетѣлъ одинъ изъ добрыхъ знакомыхъ моихъ; неизбежное лицо на всѣхъ гуляньяхъ, празднествахъ, бенефисахъ, дебютахъ и пр., словомъ, живой фельетонъ.

— Видѣлъ, вскричалъ онъ запыхавшись, и опустившись на диванъ, отиралъ платкомъ потъ, выступившій по всему лицу его.

— Чтò? Кого?

— Уфъ! усталъ!... Экая жара! Велите мнѣ подать стаканъ воды....

— Да чтò или кого вы видѣли? спросилъ я нетерпѣливо.

— Такъ только мелькомъ.... Онъ проѣхалъ въ коляскѣ.... славное лицо!

— Да кто *онъ*?

У пріятеля моего страсть заставлятъ догадываться, ожидать и потомъ, разрѣшивъ однимъ словомъ всѣ загадки, произвести эффектъ на слушателя или слушателей.

— Кто? Знаете-ли?

— Не хотите-ли сигары? спросилъ я, выведенный изъ терпѣнія и желая переменить разговоръ.

— Не хочу. Знаете-ли кто? продолжалъ жестокій пріятель, вставъ съ дивана и смотря мнѣ прямо въ лицо: — знаете-ли кто?—Бальзакъ!... Я съ самаго утра прохаживался около дома * * *, у котораго остановился Бальзакъ и наконецъ дождался таки его!... Онъ вышелъ, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ.... славное у него лицо.... но я заговорился съ вами.... продолжалъ онъ, посмотрѣвъ на часы, а мнѣ надобно еще кой-гдѣ побывать.... Прощайте! Постарайтесь увидать его, право стдить!

И пріятель ушелъ рассказывать встрѣчному и поперечному, что онъ видѣлъ, какъ Бальзакъ садился въ карету и поѣхалъ....

Однако имя знаменитаго писателя заставило меня невольно задуматься....

Въ 1829 году жилъ въ Парижѣ бѣдный молодой человѣкъ, который, списывая средства къ пропитанію, писалъ подъ псевдонимомъ Сентъ-Обена весьма плохіе романы, которыхъ никто не покупалъ. Небольшое наслѣдство, доставшееся этому молодому человѣку, приходило къ концу, и онъ рѣшился лучше отказаться отъ литературы, неприносившей ему никакой пользы, и вступилъ въ товарищество съ однимъ содержателемъ типографіи; но и тутъ нѣсколько неудачныхъ предпріятій совершенно разстроили его, такъ - что бѣдный молодой человѣкъ изъ товарища содержателя типографіи долженъ былъ сдѣлаться наборщикомъ!... Удаляясь въ бѣдную мансарду свою, послѣ дневныхъ трудовъ, онъ вспоминалъ съ горестію о тѣхъ обманчивыхъ мечтахъ, рисовавшихся воображенію его, когда онъ впервые вступалъ на поприще литературы, и не желая вовсе отказаться отъ надежды, онъ опять прибѣгнулъ къ литературѣ, и въ свободные часы написалъ книгу, странную по содержанію и изложенію: «Физиологію брака» (*La Physiologie du mariage*) и рѣшился выставить на ней настоящее имя свое:

Оноре Бальзакъ!

Книгу эту купилъ какой-то книгопродавецъ и ни одинъ экземпляръ не сошелъ съ полокъ лавки его.... Однажды,

какой-то журналистъ, вѣроятно отъ нечего дѣлать, рѣшился пробѣжать эту книгу, и чрезвычайно удивился необыкновенному уму, развитому въ этомъ парадоксѣ, съ удивительнымъ искусствомъ, и написанному слогомъ блестящимъ и чистымъ, и, радуясь случаю пополнить столбцы своего журнала, написалъ разборъ этой книги.

Надежда вновь возвратилась въ сердце бѣднаго молодого человѣка, тѣмъ-болѣе, что вскорѣ онъ былъ приглашенъ въ сотрудники газетъ *la Mode*, *le Voleur* и журнала *La Revue de Paris*.

Вскорѣ имя молодого писателя сдѣлалось извѣстнымъ; все съ жадностію читали «Физиологію брака» и «Сцены изъ частной жизни» (*Scènes de la vie privée*) и когда узнали, что онъ писалъ уже нѣкогда подъ псевдонимомъ Сентъ-Обена, то менѣе, чѣмъ въ полгода, разошлись все экземпляры, болѣе двухъ лѣтъ валявшіеся въ кладовыхъ издателя.

Наконецъ явился романъ *La peau de chagrin*, и съ тѣхъ поръ утвердилась слава его и благосклонность публики ко всемъ произведеніямъ его; благосклонность, до того твердая и постоянная, что даже нѣкоторыя злоупотребленія, которыя позволилъ себѣ Бальзакъ, не могли поколебать ея. Однако и Бальзакъ всячески старался упрочить славу свою и сдѣлаться достойнымъ ея, написавъ *Eugenie Grandet*, *Le médecin de campagne*, *la Recherche de l'Absolu*, *le Lys dans la vallée* и много другихъ книгъ, служащихъ неоспоримымъ доказательствомъ высокаго ума и глубокаго, внимательнаго изученія человѣка.

Надобно замѣтить, что на послѣднихъ сочиненіяхъ было уже выставлено: Онопоре *de* Бальзакъ. Отбросивъ эту частицу, при первыхъ попыткахъ своихъ, Бальзаку наконецъ показалось, что онъ вправѣ показать публикѣ прямое происхожденіе свое отъ древней и извѣстной фамиліи.

Замѣчательна связь, существующая между всеми романами Бальзака, и образующая изъ нихъ какое-то великое общее, въ которомъ каждое дѣйствующее лицо, поочередно, то является героемъ, то лицомъ второстепеннымъ, то отдѣляется отъ прочихъ лицъ на первомъ планѣ, то сливается съ неясными, неопредѣленными характерами, рисующимися въ глубинѣ чудныхъ картинъ его.

Невозможно изчислить всехъ характеровъ, очерченныхъ Бальзакомъ, всехъ типовъ, которыми онъ овладѣлъ, и ни одно лицо не похоже на другое. Страстно любя входить во все мелочныя подробности, Бальзакъ нерѣдко слишкомъ

углубляется въ самый грязный слой общества и выставляет лица, отъ которыхъ невольно отворачиваешься съ отвращеніемъ. Такъ *Вотрент*, не смотря на сатанинскую энергію свою, есть пятно въ одномъ изъ превосходнѣйшихъ созданій новѣйшей литературы «*Le père Goriot*».

Бальзакъ принадлежитъ, если намъ позволять такъ выразиться, къ *фламандской школѣ* въ литературѣ. Вы встрѣтите у него фантастическую и таинственную поэзію Рембрандта, блестящій, яркій и живой колоритъ Рубенса и наконецъ мелкую, тщательно и весьма близко къ натурѣ подходящую отдѣлку Міариса и Тербурга. Сходство его съ двумя послѣдними особенно замѣчательно: Бальзакъ выдѣлываетъ созданія свои чрезвычайно тщательно, онъ входитъ во всѣ мельчайшія подробности, преслѣдуетъ и разлагаетъ каждую морщинку, каждую складку, каждый взглядъ, каждое движеніе; онъ умѣетъ дать цѣнность малѣйшему аксессуару. Дайте ему какой угодно сюжетъ, онъ смѣло возьмется за него, потому что онъ до того будетъ изучать и разбирать его, что найдетъ наконецъ настоящее назначеніе, настоящую жизнь его.

Смѣшно и жалко видѣть, какъ наши юные писатели, принимая за авторитетъ слова писателей извѣстныхъ, восклицаютъ: *Бальзакъ и Компания, тридцатилѣтняя женщина* и пр. Скажите, господа, читали-ли вы Бальзака? А если и читали, то умѣли-ли вы понять его? *Поучительно* видѣть, когда человѣкъ съ высокимъ умомъ, заслужившій право *имѣть свое мнѣніе*, станетъ на ряду съ колоссомъ и захочетъ *состязаться* съ нимъ, но право моська ты смѣшна, что лаешь на слона!

Пристрастіе Бальзака къ тридцатилѣтнимъ женщинамъ; опять можетъ послужить нѣкоторымъ образомъ доказательствомъ могущества ума его. Онъ доказалъ, что умѣетъ мастерски очертить и молодую дѣвушку, но онъ нашелъ въ этихъ характерахъ что-то слишкомъ юное, недозрѣвшее, и со смѣлостію, свойственною однимъ геніямъ, обратился къ предмету болѣе достойному глубокой наблюдательности его. И точно, описать неясное чувство женщины, знающей, что вскорѣ настанетъ время, когда исчезнутъ всѣ мечты, всѣ надежды, когда надобно будетъ отказаться отъ любви, есть дѣло великое, и Бальзакъ выполнилъ его мастерски!...

Вліяніе Бальзака на нашу раждающуюся литературу, чуть-ли не равно вліянію Вальтеръ-Скотта. И тотъ и другой нашли себѣ у насъ болѣе или менѣе неудачныхъ подражате-

лей. Это очень понятно, потому что созданія французскаго писателя стали въ наше время на ряду съ созданіями великаго Шотландца, хотя первый, безспорно, стоитъ ниже втораго, тѣмъ-болѣе, что Вальтеръ-Скоттъ писалъ *съ-разу*; такъ сказать, по воодушевленію, между-тѣмъ-какъ Бальзакъ чрезвычайно обрабатываетъ, выдѣлываетъ, сочиненія свои; но и у того и у другаго вы встрѣтите тоже искусство въ развитіи интриги; оба тысячами маленькими, весьма извилистыми тропинками ведутъ васъ къ прекрасной развязкѣ.

Бальзакъ сдѣлалъ двѣ или три неудачныя попытки на драматическомъ поприщѣ. Еще прошлаго года, дана была въ Парижѣ комедія его «Les Ressources de Quinola», которая хотя на сценѣ и не имѣла успѣха, но, не-смотря на то, есть и остается весьма остроумною и замѣчательною книгою.

Вотъ краткая біографія знаменитаго писателя пріѣхавшаго, какъ онъ всегдѣ говоритъ, не изучать Россію и русскихъ, но отдохнуть отъ трудовъ и поправить разстроенное здоровье свое.

=

Не желая производить на читателей непріятнаго впечатлѣнія разговорами объ осени и зимѣ, скажемъ только въ утѣшеніе, что театры готовятъ намъ много новаго и *хорошаго*, а что и когда, о томъ въ слѣдующей книжкѣ.

—НЪ.